

THE HORUS HERESY

THE PRIMARCHS

Edited by Christian Dunn

THE MILLION-SELLING NOVEL SERIES

Созданные по образу и подобию Императора, примархи привыкли считать себя принцами Вселенной и хозяевами своей судьбы — они вели легионы костических десантников в славном завоевании Галактики, и никакой враг Империи не мог противостоять им. Тем не менее, даже среди этого легендарного братства были посеяны семена инакомыслия, причем задолго до того, как свершилось величайшее предательство и Воитель Хорус разжег пламя Ереси.

В этой антологии собраны четыре новеллы, посвященные могущественным примархам: Фүлгриму, Льву Эль-Джонсону, Феррүсу Манүсу и близнецам Альфарию и Омегаону. И хотя роли давно розданы, и еще только предстоит развязать войну, которая навсегда изменит лицо Империи.

- примарху

- THE HORUS HERESY®

- Грэм Макнилл

- Действующие лица

- 1

- 2

- 3

- 4

- 5

- 6

- 7

- 8

- 9

- 10

- 11

- 12

- 13

- 14

- Ник Кайт

- Действующие лица

- Выкованный из железа

- Воля железа

- Ярость железа

- Гэв Торн

- Действующие лица

- 1

- JJ
 - JJJ
 - JV
 - V
 - VJ
 - VJJ
 - VJJJ
 - JX
 - Роб Сандерс
 - Действующие лица
 - Альфа
 - Бета
 - Гамма
 - Дельта
 - Эпсилон
 - Омега
 - ОБ АВТОРАХ
 - ОТРЫВОК ИЗ АНТОЛОГИИ
-
-

ПРИТВАРХИ

Антология

(Под редакцией

Кристиана Данна)

THE HORUS HERESY®

Это легендарное время.

Галактика в огне. Грандиозные замыслы Императора о будущем человечества рухнули. Его возлюбленный сын Хорус отвернулся от отцовского света и обратился к Хаосу. Армии могучих и грозных костических десантников Императора схлестнулись в безжалостной братоубийственной войне. Некогда эти непобедимые воины как братья сражались плечом к плечу во имя покорения Галактики и приведения человечества к свету Императора. Ныне их раздирает вражда. Одни остались верны Императору, другие же присоединились к Боителю. Величайшие из костических десантников, командиры многотысячных легионов --- примархи.

Величественные сверхчеловеческие существа, они --- венцы гениальной инженерии Императора. И теперь, когда они сошлись в бою, никому неизвестно, кто станет победителем. Миры полыхают. На Усстваане V предательски

ударом Хорус практически уничтожил
три верных Императору легиона. Так
начался конфликт, ввергнувший
человечество в пламя гражданской войны.
На стену чести и благородству пришли
измена и коварство. В тених поджигают
убийцы. Собираются армии. Каждому
предстоит принять чью-либо сторону или
же сгинуть навек.

Хорус создает армаду, и цель его —
сама Терра. Император ожидает
возвращения блудного сына. Но его
настоящий враг — Хаос, изначальная сила,
которая жаждет подчинить человечество
своим изменчивым прихотям. Крикам
невинных и мольбам праведных вторит
жестокий стех Темных Богов. Если
Император проиграет войну, человечеству
уготованы страдания и вечное проклятие.

Эпоха разума и прогресса миновала.

Наступила Эпоха Тьмы.

Грэм Макнилл
РАСКОЛОТОЕ
ОТРАЖЕНИЕ

Действующие лица

ТРЕТИЙ ЛЕГИОН, ДЕТИ
ИМПЕРАТОРА

Фулгрит, притарх

Люций, капитан

Эйдолон, лорд-командор

Юлий Кэсoron --- первый капитан

Марий Вайросеан --- капитан
накофонистов

Крисандр --- капитан Девятой роты

Калим --- капитан Семнадцатой
роты

Рүэн --- капитан Двадцать первой
роты

Даймон --- капитан

Абранкс --- капитан

Гелитон --- капитан

Фабий --- главный аптекарь

Он не спал — он никогда не спал — но тем не менее видел сон. Это не могло быть ничем иным. Доступ в «Ла Фениче» был запрещен, а у Люция хватало благоразумия не нарушать распоряжений своего примарха. Даже до их прозрения подобная вольность граничила с безрассудным риском. Сейчас любое неповиновение повлекло бы за собой смертный приговор.

Да, это почти наверняка сон.

Но крайней мере, он на это надеялся.

Люций был один, а одиночества он не любил. Этот воин жаждал восхищения окружающих, но в этом месте не было никаких поклонников, кроме мертвецов. Тысячи трупов лежали вокруг, словно выпотрошенные рыбы, исковерканные смертью, и на каждом лице застыло выражение жестокой боли, вызванной ранами и осквернением.

Они погибли в тучениях, но с восторгом принимали каждое

прикосновение клинка или когтистой лапы, вырывавшей глаза и языки. Это был театр мертвых, но место, где он оказался, не вызвало у Люция неприятного чувства. «Ла Фениче» казался покинутым. Театр был тише и пуст, словно мавзолеем в самую глухую ночную пору. Когда-то на сцене под высокими сводами перед зрителями дефилировала жизнь, прославляющая восхитительное разнообразие, восхваляющая своих героев и настигающая над нелепостями, теперь театр являл собой окровавленное отражение давно прошедших времен.

Знаменитая фреска Серены д'Анжелос на потолке едва просматривалась, ее экстравагантные картины древних пиров скрылись под слоем копоти и сажи. Здесь бушевало пламя, и запах сгоревшего жира и волос еще висел в воздухе, но Люций был настолько рассеян, что едва обратил на него внимание.

А вот отсутствие оружия он ощущал очень остро. Фехтовальщику, лишенному меча, казалось, будто у него неполноценные конечности. Не было на нем и доспехов.

хотя его пышно расписанная боевая броня
уже была перекрашена в более приятные
глазу цвета — неброские оттенки и
сдержанный орнамент должны были
подчеркивать мастерство обладателя и
его высокое положение.

Он чувствовал себя почти нагим,
насколько может быть нагим воин.

Он не должен был здесь находиться и
поэтому искал выход.

Двери заперли и опечатали снаружи.
Это произошло после того, как примарх в
последний раз посетил «Ла Фениче», когда
закончилась битва против Ферруса
Мануса и его союзников. Фүлгрим
приказал навеки опечатать двери театра,
и никто из Детей Императора не
остелился ему перечить. Так почему же
мастер меча рискнул сюда заглянуть,
хотя бы даже во сне?

Люций не понимал этого, но ему
казалось, что его направили в это место,
как будто чей-то неслышимый, но
настойчивый голос привел его сюда. Этот
голос призывал его уже несколько недель, и
лишь сейчас окреп настолько, что обратил

на себя внимание.

Но, если он был призван, где же тот, кто его звал?

Люций двинулся вглубь помещения. Он не переставал искать выход, но в то же время не без интереса смотрел, во что превратилась остальная часть «Лафениче». В рампе, на краю оркестровой ямы, затерцали два огонька, их слабое сияние отразило стоящее в центре сцены зеркало в золоченой рамке. До этого момента Люций не замечал зеркала, и теперь позволил сновидению подвести себя ближе. Он обогнул оркестровую яму, где сотканные из обрывков плоти и темного света существа развлекались с внутренностями музыкантов. Лоскуты кожи, оторванные головы и руки до сих пор цеплялись за немногие уцелевшие инструменты, словно в яме собрался жуткий ансамбль проклятых исполнителей. Люций ловким прыжком взобрался на сцену. Он был фехтовальщиком, а не мясником, и это подтверждалось его телосложением — широкими плечами, узкими бедрами и

длинными руками. Зеркало манило его к себе, словно из серебристой глубины к его груди протянулся крепкий невидимый шнур.

«Я люблю зеркала, — услышал он когда-то давно от Фүлгрита. — Они позволяют постичь внутреннюю сущность вещей».

Но Люций не желал ничего постигать. Его совершенство было нарушено предательским ударом кулака Локена, а Люций продолжил начатое собственным лезвием. Тот вопль до сих пор звучал в его голове, стоило только хорошенько прислушаться.

А может, это кричал кто-то другой? Теперь уже трудно было это понять.

Люций не собирался смотреться в зеркало, тем не менее с каждой секундой он подходил к нему все ближе и ближе.

Что может он увидеть в стекле в своем сне?

Самого себя или, что гораздо хуже, истину...

Оно отражало пятно света, источник которого Люций увидеть не мог. Это

казалось ему странным, пока он не вспомнил, что видит сон, где нельзя полагаться на логику и невозможно верить всему увиденному.

Люций встал перед зеркалом, но вместо лица, которое он всеми силами старался забыть, перед ним предстало отражение привлекательного воина с орлиными чертами лица, крупным тонким носом и высокими скулами, на которых сверкали его собственные золотисто-зеленые глаза. Черные волосы были зачесаны назад, а на полных губах играла улыбка, которая, если не знать о его боевом мастерстве, могла бы показаться хвастливой.

Люций поднял руку и ощутил гладкость кожи, ее ничем не запятнанное совершенство, напоминающее совершенство отполированного клинка.

— Когда-то я был очень красив, — произнес он, и отражение на его тщеславное замечание ответило стехом.

Люций сжал кулак, готовый вдребезги разбить свое настехающееся отражение, но его двойник не повторил этого

движения, уставившись куда-то поверх его
правого плеча. В глубине зеркала Люций
заметил отражение удивительного
портрета Фүлзрима, висевшего над
руинами разгромленного просцениума.

Как и его собственное лицо, портрет
не соответствовал воспоминаниям. Если
раньше он был ярчайшим воплощением
невероятного могущества и силы, и его
дикинные цвета и вибрирующая
текстура своей стелостью
стимулировали сильнейшие эмоции, то
теперь это было обычное полотно. Краски
утратили живость, линии лишились своей
резкости, а черты лица стали мелкими и
невыразительными, как будто оно было
создано небрежными мазками обычного
стертного странствующего художника.

Но, несмотря на явную прозаичность
произведения, Люций заметил, что глаза
на портрете выполнены с потрясающим
мастерством и в их глубине плещутся
почти непереносимые боль и страдание.
После телных преобразований,
произведенных над его плотью
апотекарием Фабием, редкий предмет

привлекал внимание Люция больше, чем на одно мгновение. А сейчас он не мог отвести взгляда от глаз на портрете и слышал отчаянный вопль, доносящийся из невероятных мест и времен. Этот бессловесный крик граничил с безумием, порожденным вечностью заключения, а взгляд выражал немую мольбу об избавлении и забвении. Люций чувствовал, как глаза притягивают его к себе, и вдруг в нем что-то шевельнулось — какое-то первобытное существо, только что пробудившееся и в чем-то родственное отраженному образу.

Гладкая поверхность зеркала, словно поверхность пруда, подернулась рябью, как будто стекло тоже ощутило это родство. Дрожь поднималась к поверхности из непостижимых глубин. Люций, не желая сталкиваться с тем, что могло появиться в зеркале, потянулся к мечам и ничуть не удивился, осознав, что оружие пристегнуто к поясу, а сам он полностью облачен в боевые доспехи.

Клинки мгновенно взметнулись в его руках, и он крест-накрест ударил по

зеркалу. Тысячи острых осколков полетели
прямо в него, уродуя близкое к
совершенству лицо, рассекая плоть и
кости, и Люций закричал.

Но его крик был заглушён чьим-то
полным разочарования воплем.

Так кричал тот, кто понимал, что
их мучениям не будет конца.

Люций проснулся мгновенно, его
усовершенствованное тело сразу же
перешло от сна к бодрствованию. В
следующую секунду он схватил мечи,
лежащие рядом с койкой, и вскочил на
ноги. В его комнате уже давно постоянно
горел яркий свет, и Люций крутанул мечи,
стараясь отыскать любые изменения,
которые могли бы предвещать опасность.

Помещение заполняли яркие картины,
нестройные звуки и трачные трофеи из
черных песков Усстваана V. По соседству с
большезоловой статуей, взятой из Галереи
Мечей, стояла безречная кость чужака,
убитого им на Двадцать Восемь-Два.
Длинное, невероятно острое лезвие
эльдарского кричащего меча висело на
стене рядом с лапой-кинком, отсеченной

от тела противника на Убийце.

Да, все осталось на своих местах, и Люций немного расслабился.

Не заметив ничего необычного, он еще раз крутанул мечи, бессознательно демонстрируя свое искусство, а затем убрал их в золоченые ножны, украшенные ониксом, которые висели у изголовья кровати. Его дыхание участилось, мышцы горели, а сердце выбивало такую дробь с грудную клетку, как будто Люций изнемогал от усталости после тренировочного поединка с самит притархом.

Ощущение доставило ему удивительное наслаждение, но рассеялось так же быстро, как и возникло.

Как и всегда бывало в подобных случаях, радость сменялась горьким разочарованием. Он поднял руку, прикоснулся к своему лицу. Твердые шрамы, крест-накрест пересекавшие некогда безупречные черты, вызвали у него одновременно облегчение и отвращение. Он сам изуродовал свою внешность кинжалом и стеклом, но первым удар нанес Локен.

Люций на серебристом лезвии меча своего притарха дал страшную клятву так же обезобразить лицо Лунного Волка, но Локен погиб, обратившись в пенел на руинах мертвого мира.

Меч с серебристым лезвием подарил ему притарх Фүлгрит, когда звезда Люция взошла и засияла, не уступая блеску Юлия Каэсорона и Мария Вайросеана. Тогда же первый капитан предложил ему другое помещение, расположенное ближе к бьющемуся сердцу легиона, но Люций предпочел остаться в давным-давно отведенной ему комнате.

Но правде говоря, он с презрением относился к Каэсорону, и отказ, вызвавший в глазах капитана огонь негодования, доставил ему мгновенное наслаждение. Даже теперь он с удовольствием вспоминал тот момент и гнев Каэсорона.

Он не желал становиться частью командной структуры; он и сейчас хотел только одного: оттачивать свое и без того непревзойденное искусство владения мечом и достигать новых вершин совершенства. Кое-кто из воинов легиона

отказался от этого стремления, как от
напоминания о временах, когда их можно
было считать имперскими
декоративными собачками. К чему теперь
доказывать Императору свое
совершенство?

Но Люций думал иначе.

Хотя лишь немногие понимали
сущность отталкивающие
соблазнительных созданий, пировавших в
ужасном шуме «Маравильи», Люций
подозревал, что они являются
проявлениями стихийных сил, более
древних и великодушных в своих
благословлениях, чем все, что мог
предложить Империя.

Его совершенство должно было стать
служением этим силам.

Люций присел на край кровати и
постарался воскресить суть своего
видения. Он прекрасно помнил развалины
внутреннего убранства «Ла Фениче» и
ужасное состояние полотна над
окровавленной сценой. Но что касается
глаз, это были глаза Фүлгрита, каким
притарх был до того момента, когда

легион вступил на новый путь. Несмотря на отразившуюся в них боль, они казались более знакомыми, чем то, что Люций наблюдал после Исстваана V.

Сражение изменило Фүлгрита, но кроме Люция, казалось, никто этого не заметил. Он видел почти неуволитые метаморфозы в своем возлюбленном примархе, нечто невыразимое, но, несомненно, существующее. Люций ощущал эти перемены, как звучание ненастроенной струны в арфе, как на волос сбившийся фокус в изображении.

Если кто-то и разделял его мнение, этот вопрос не обсуждался, поскольку примарх не только не терпел сомнений, но и не проявлял милосердия, выражая свое недовольство. Тот Фүлгрит, что вернулся из окровавленной пустыни мертвого мира, не обладал ни остроумием, ни проницательностью фениксийца, и его рассказы о прошлых битвах звучали неискренне, как у человека, который слышал о яростных сражениях, но не принимал участия в достижении побед.

Ощущение того, что в «Ла фениче»

он был призван не без причины, не проходило, и Люций обратил взор на портрету, висевшему прямо напротив его кровати. Это произведение было последним, что он видел перед несчастными периодами отдыха, и первым, на чем останавливался его взгляд сразу после пробуждения. Это лицо в одинаковой мере раздражало его и вдохновляло.

Его собственное лицо.

Серена д'Анжело создала это шедевр специально по его заказу и, в стремлении к совершенству, на какое только способна смертная, вложила в него свою душу. Каждый сантиметр высотам остеливались подниматься только Дети Императора, и если легион сумел преодолеть грань, то художница погибла.

Его изуродованное лицо смотрело из золоченой рамы, вызывая одну и ту же мысль, преследующую его в видениях наяву, словно неотвязная чесотка.

Несмотря на свою невероятность, эта мысль никак не исчезала.

Под обликом и плотью притархаскрывалось неизвестное существо, но не

Фүлгрим.

После событий на Усттваане путь к Гелиополю тоже изменился. Прежде этот широкий проспект, обрамленный колоннами из оникса и проходящий вдоль главной оси корабля, отличался сдержанной торжественностью, а теперь превратился в шумный беглот. Под сенью колонн, где когда-то стояли золотые воины с глиняными копьями, обосновались толпы просителей, искавших возможности хотя бы мельком лицезреть величие примарха.

В прежние времена весь этот сброд был бы немедленно удален, но теперь их никто не трогал, и целый океан ноющих людошек, чьи мольбы мешали тщеславию Фүлгрима, затопил все переходы. Люций презирал их, но в моменты откровения в душе признавал, что причиной его презрения было то, что они с восторженным благоговением славили имя Фүлгрима, а не его собственное.

Врата Феникса были сорваны с петель во время безумия, последовавшего за представлением «Маравильи», а потом

окончательно разрушены в ходе
исстваанского сражения. Орел, венчавший
резную статую Императора, частично
оплавился и раскололся при попадании
телта-снаряда. Буйство порчи едва не
уничтожило «Гордость Императора», но, в
конце концов, Фүлгрим положил конец
безумию и восстановил некое подобие
порядка. Название флагманского корабля
вызвало у Люция громкий стех,
прозвучавший криком баниши, и этот звук
исторг восторженные вопли у нагих и
лишенных кожи фанатиков. Многие воины
легиона, и громче всего Юлий Каэсорон,
вдохновленный примером Сынов Хоруса,
призывали стенить и название корабля, и
название легиона, но примарх отверг все
их требования. Все символы их прежней
лояльности должны были остаться
злорадным напотинанием врагам о том,
что они сражаются против своих братьев.
После гибели Ферруса Мануса Хорус
Лүперкаль благосклонно относился к их
легиону, и воинов подхватила волна
эйфории и восторженного возбуждения.

Но, как и всякая волна, изменчивая

эйфория отхлынула, оставив Демей
Императора перед зияющей пустотой
этой новой жизни. Кое-кто, подобно
Люцию, использовал эту пустоту для
повышения воинского мастерства, тогда
как другие предались удовлетворению
запретных и скрываемых до сей поры
желаний и наклонностей. Ослабление
контроля привело к тому, что целые
отсеки корабля захлестнула разнузданная
анархия, однако вскоре последовал приказ,
восстановивший относительную
дисциплину.

Странная это была дисциплина:
эксцентричное поведение поощрялось в той
же мере, в какой и наказывалось, награда и
наказание тоже частенько выражались
совершенно одинаково. Вследствие этого
легионеры стремились отыскать в своей
только что обретенной вере новый смысл,
поскольку воинам требовалась
действующая система управления.

Они по-прежнему оставались воинами,
хоть и не на войне.

Согласно полученным приказам,
легион покинул Усстваан, но дальнейшими

планати магистра войны примарх с легионом не делился. Никто не знал, в какую зону боевых действий они направляются, и какому противнику предстоит ощутить удары их клинков, и эта неопределенность всех раздражала. Даже старшие офицеры легиона не могли похвастаться хоть какой-то осведомленностью, и все были уверены, что объявленный примархом сбор в Гелиополисе положит конец неведению.

При виде Эйдолона, выходящего из бокового коридора, Люций крепче сжал рукоять лаэрского меча. Лорд-командор ненавидел его и никогда не упускал случая напомнить Люцию, что на самом деле он здесь чужой. Бледная восковая кожа на лице Эйдолона туго натянулась вокруг раздвинувшихся глазниц, выступающие сухожилия подрагивали на шее, а его нижняя челюсть двигалась плавно и обособленно, словно у змеи.

Его доспехи украшали полосы яркого пурпурного и насыщенного голубого цветов, образующие непостижимый рисунок, не имеющий ничего общего с камуфляжем.

так что Люцию потребовалось некоторое время, чтобы зрение привыкло к такой расцветке. Подобная яркость в последнее время стала нормой для легиона, и воины соревновались друг с другом в экстравагантности.

Люций лишь недавно начал изменять свою броню, украшая доспехи перекошенными вопящими лицами. Его наплечники с внутренней стороны были утыканы зазубренными металлическими шипами, раздиравшими кожу при любом движении рук. Длина и угол наклона шипов были тщательно рассчитаны таким образом, чтобы причинять сильнейшую боль, стоило только ему взмахнуть мечом.

Эйголон со всхлипом втянул в себя воздух, и челюсти под кожей, казалось, разошлись, а затем снова соединились.

--- Люций, --- произнес он, выплевывая слово таким тоном, что оно отозвалось в мозгу мечника диссонирующим аккордом, доставившим немалое удовольствие. --- Твое присутствие здесь нежелательно, предатель.

— У, тем не менее, я здесь, — ответил Люций, игнорируя Эйдолона и продолжая шагать вперед.

Лорд-командор догнал его и попытался схватить за руку. Люций мгновенно отпрянул в сторону, его мечи сверкнули серебром и неуловимым движением метнулись к шее Эйдолона. Чтобы обезглавить его, хватило бы одного легкого поворота запястья. Люций заметил радость на лице Эйдолона, его напрягшиеся связки на шее и расширенные черные дыры зрачков.

— Я снес бы тебе голову, как Чартосиану, — заявил Люций, — если бы не знал, что это доставит тебе удовольствие.

— Я помню тот день. Я поклялся, что убью тебя за это. И все еще намерен это сделать.

— Не думаю, что у тебя получится. Ты недостаточно искусен. Никому и никогда не сравниться со мной.

Эйдолон расхохотался, отчего его лицо будто пересекла разверстая рана.

— Ты высокомерный ублюдок, и когда-

нибудь нагоешь примарху. Вот тогда ты
покажешься в моих руках.

--- Может, нагоем, а может, и нет, но
это случится не сегодня, --- парировал
Люций, ловко обходя Эйдолона.

Приятно было в гневе обнажить мечи
и ощутить под их лезвиями мягкую
упругость плоти. Он хотел бы убить
Эйдолона, поскольку тот с самого первого
момента их знакомства был для него
занозой в боку, но не годится лишать
примарха одного из самых ревностных его
приверженцев.

--- Почему не сегодня? --- потребовал
объяснений Эйдолон.

--- Мы накануне битвы, --- пояснил
Люций. --- А в такой день я никого не
убиваю.

Массивные стены из белого камня обезобразили пятна крови и краски, и огромные империаторские статуи, поддерживающие кессонный купол потолка, изображали уже не героев Единства и легиона. Теперь зал кишел большеголовыми фигурами древних лаэрских богов — скрытными существами с опущенными или смотрящими в сторону лицами, словно хранящими мрачные тайны.

Между рифлеными пилястрами из зеленоватого императора свисали изогнутые знамена. Их ткань потемнела и обветшала в пламени перерождения легиона. Пол Гелиополиса, выложенный черной мозаикой, содержащей кусочки императора и кварца, был задуман в виде небесного диска, отражающего столб звездного сияния, проходящего сквозь центральный купол. Этот свет сиял и сейчас, только ярче и пронзительнее, чем прежде, и полированный пол отражал его с

ошеломляющей интенсивностью. Прежде
вокруг всего зала Совета, от центра вверх
вдоль стен поднимались ряды резных
скамей, напотивавших ярус
гладиаторской арены.

Теперь же все скамьи были
разрушены, поскольку никто не должен
сидеть выше, чем примарх Детей
Императора, и груды обломков образовали
в центре зала постамент, неровный и
поблескивающий, словно курган
первобытного угола. На вершине
получившейся платформы стоял
великолепный черный трон,
отполированный до зеркального блеска. Его
царственное величие сочли достойным
примарха Детей Императора, и трон
остался единственным свидетельством
предыдущей жизни Телиополиса. Из
железных рупоров вокс-динамиков гремела
оглушительная какофония; вопли
шумящих в черных песках лоялистов и
грохот сотен тысяч выстрелов
стескивались с музыкой боли и
наслаждения. Эти звуки означали гибель
Империи, поворотный момент в

истории, они будут повторяться снова и снова, и воины, участвующие в этих событиях, никогда не устанут их слушать.

В зале собралось около трех сотен легионеров, и многие из них были знакомы Люцию по сражению на Устваане. Первый капитан Каэсорон, Марий Вайросеан, суровый Калим из Семнадцатой роты, апотекарий Фабий, опытный Крисангр из Девятой, и десятки других, которых он успел дать пренебрежительные прозвища. Многие из них уже давно состояли в легионе, другие недавно привлекли изменчивое внимание притарха, но большинство присутствующих были членами Братства Феникса, последовавшими за своим лидером.

Название их тайного ордена, как и название корабля, осталось неизменным.

Люций протолкался сквозь толпу и подошел к Юлию Каэсорону, любясь прекрасно изуродованными чертами лица первого капитана. Воин Железных Рукав так изранил голову Каэсорона, как не сумел бы сделать и сам Люций, и, хотя

Фабий реконструировал большую часть
его безволосого черепа, лицо так и
осталось ужасной маской из искусственно
созданной плоти, пришитой к сплавленным
костям, с мутными слезящимися
глазницами и обугленным шрамом цвета
закаленной стали.

Но, какими бы удивительными ни
были благословенные изменения в лице
Юлия Кассорона, они все же уступали
повреждениям, полученным Мариел
Вайросеаном. Если облик первого
капитана пострадал от рук противника,
то Марий Вайросеан был огажен во время
выброса энергии, вызванного «Маравильей».
Колючая проволока удерживала челюсти
капитана в открытом состоянии, как
будто он все время кричал. Его глаза
воспалились и покраснели от жестоких
уколов проволоки, не позволяющей им
закраться. По бокам его удлиненного
черепа, на тех местах, где прежде были
ушные раковины, зияли две открытые V-
образные раны.

Доспехи обоих капитанов причудливо
украшали острые шипы и лоскуты кожи.

содранной с тел, усыпавших паркет «Лафениче». Тем не менее, несмотря на яркое убранство и бросающиеся в глаза увечья, Люций видел в Каэсороне и Вайросеане осколки прошлого. Оба офицера хранили собачью преданность примарху, но для истинного блеска им не доставало ни амбиций, ни выдающихся талантов.

--- Капитаны, --- произнес он, вкладывая в это приветствие соответствующую их рангу долю уважения и презрения. --- Похоже, что война, наконец, снова призывает нас.

--- Люций, --- отозвался Вайросеан, слегка склонив голову.

При этом его челюсть щелкнула, и из невероятно расширенного отверстия вылетели слова, разобрать которые не представлялось возможным. Подобное косвенное оскорбление со стороны Люция наверняка повлекло бы за собой кровавую расправу, но его звезда все еще была на подъеме. Эйдолон --- с его способностью всегда чутко, откуда дует ветер --- это прекрасно знал, и Вайросеан тоже понимал это.

Каэсорон, которого трудно было чем-то испугать, повернул в сторону Люция свой затуманенный взгляд. Выражение его лица невозможно было определить из-за поврежденных титических мышц и связок.

--- Мечник, --- прошипел Каэсорон, приоткрыв рот, напоминаящий кровавую рану. --- Ты червь, и, хуже того, червь тщеславный.

--- Ты мне льстишь, первый капитан. --- Люций с полным равнодушием встретил его враждебный взгляд. --- Я просто в меру своих сил служу притарху.

--- Ты служишь только себе, и никому больше, --- бросил Каэсорон. --- Я жалею, что не оставил тебя на Усстваане вместе с другими, не достигшими совершенства. Думаю, следовало убить тебя, положить конец твоей ущербной жизни.

Люций взялся за рукоять лазерного меча и склонил голову набок.

--- Я с удовольствием предоставляю тебе возможность попытаться, первый капитан, --- сказал он.

Каэсорон отвернулся, и Люций настижливо фыркнул. Он знал, что

Каэсорон никогда не пойдет дальше открытых угроз. Люций вынотрошил бы его в первые же мгновения поединка, и сама мысль об убийстве первого капитана вызвала в его теле трепет наслаждения.

— Есть какие-то новости о том, куда мы направляемся? — спросил Люций, зная, что ни Каэсорону, ни Вайросеану это неизвестно, а показать окружающим свою неосведомленность будет крайне неприятно.

Вайросеан покачал головой.

— Это знает один только Фениксиец, — сказал он своим гулким голосом, прозвучавшим словно раскат акустической пушки.

— Разве вас не оповестили? — устехнулся Люций, наблюдая, как в проходе исчезнувших Врат Феникса появилась шеренга носильщиков в нагвинутых капюшонах и с тяжелыми железными бочонками на спинах. Они казались ему тупавьями, доставляющими пищу. — Я думал, воины вашего ранга должны быть в числе первых, кто узнает о цели легиона. Или вы впали в нетилость у примарха?

Вайросеан, проигнорировав очевидную колкость, просто кивнул, а Эйдолон, будучи любителем погреться в лучах славы, придвинулся к Каэсорону. В прежние времена первый капитан считался одним из ближайших сподвижников Фүлгрита, и, хотя Фениксиец не поддерживал былые связи, большинство воинов легиона продолжали с уважением относиться к первому капитану.

«Большинство, но только не я», — подумал Люций и довольно устехнулся, заметив честолобивый блеск в глазах Эйдолона. Его забавляло стремление полорда-командора держаться вблизи тех, кому благоволил примарх, и презрение к этому субъекту вспыхнуло в его груди с новой силой.

— Похоже, что Фүлгрит выставляет остатки победного вина, — с притворным добродушием заметил он. — У нас это принято только накануне битвы.

— Обычай старого легиона, — резко отозвался Вайросеан своим хриплым булькающим голосом.

— Мы все-таки выпьем за грядущую

победу, — заявил Люций и размахистым жестом обнажил мечи, стараясь, чтобы все заметили серебристый блеск клинка, подаренного ему Фүлгритом. — Выьем по воле Хорүса, или Фениксийца, для повелителей расточительности это не имеет значения.

— Нам не пристало почитать тех, кем мы были до своего преобразования, — произнес Эйголон.

— На Усстваане умерло не все наше прошлое, — возразил Люций, довольный очевидным заискиванием, прозвучавшим в словах лорда-командора.

Флаги с победным вином поставили вокруг черного трона в столбе ослепительного света. По залу распространился сильный и резкий, словно уксусная кислота, запах. Собравшиеся воины, превосходно сознавая символизм напитка, наклонились вперед, чтобы в полной мере вдохнуть едкий аромат.

В предвкушении новых сражений в венах Люция быстрее побежала кровь. Вынужденное бездействие во время перелета с Усстваана почти истощило

его терпение. Ему просто необходимо было почувствовать горячую кровь, брызжущую из рассеченной артерии, и внутренний трепет при встрече с фехтовальщиком, равным ему по мастерству.

Он попытался вспомнить имена достойных фехтовальщиков в верных Императору легионах, но так и не смог выбрать таких, кто мог бы с ним соперничать. Сигизмунд из Железных Кулаков был опытным мастером, но действовал слишком однообразно. Неро из Тринадцатого легиона обладал незаурядным талантом, но размахивал мечом будто по учебнику. В памяти Люция всплыли и другие имена, но, какими бы искусными ни были эти фехтовальщики, ни один из них не достиг тех высот мастерства, на которые поднялся он сам.

--- Возможно, мы наконец направляемся на Марс, --- предположил он. --- Перелет был достаточно долгим. Наверное, мы готовимся объединиться с другими флотилиями для наступления на Красную Планету, как приказал Хорус.

— Магистр войны, — подхватил
Эйдогон, сгорбив лицо в ребяческом
восторге. — Ему известно мое имя, и я
несколько раз удостоился его похвалы.

У Люция на этот счет имелось
собственное мнение, но не успел он
развеять фантазии Эйдогона, как из вокс-
трансляторов, висевших между
пилястрати, снова раздался шум. Вопли
рождения и смерти сталкивались в
чарующем диссонансе, как будто заиграли
миллионы оркестров, в которых не было ни
одного настроенного инструмента. Эта
стесь нестройных звуков вызвала такой
восторг воинов, что они отозвались в
ответ громогласным ревом.

Из-под купола в зал пролился каскад
ослепительного света, сравнимого по
яркости со вспышкой, сопровождающей
ядерный взрыв. Сенсорный аппарат,
деформированный апотекарием Фабием,
наводнил нервную систему Демей
Императора мощными волнами
биоэлектрических выбросов, и воины
завопили, реагируя на сигналы
удовольствия и боли. Какофония звуков и

света заставляла их биться в сугорогах и
сдержаться, словно в эпилептическом
припадке. Кто-то раздирал себе кожу,
другие бросались на соседей или разбивали
в кровь кулаки, стуча ими об пол и
выкрикивая нечленораздельные проклятия.

Люций сдерживал свое тело,
преодолевая эмоции, и от этого получал
еще большее наслаждение. С его губ
срывались капли смешанной с кровью
слюны, а кости и плоть вибрировали в
такт совершенной симфонии безудержного
безумия.

Весь легион кричал, охваченный
лихорадочным восторгом, но это была
лишь прелюдия.

В потоке света шевельнулся силуэт —
карающий ангел, бог, обретший плоть и
облик в совершенном олицетворении
невоздержанности.

Фүлгрим, закованный в боевые
доспехи цвета кровавого заката, словно
ярчайшая из комет, пролетел сквозь свет
и со стуком опустился на мозаичный пол.
Развевающаяся мантия золотого
кольчужного плетения взметнулась за его

спиной парой ангельских крыльев. Длинные волосы снежной лавиной спадали на плечи, а тонкое, почти эльфийское лицо горело неугримой силой.

Фүлгрим отказался от яркого грима и ароматических масел, и теперь его лицо, мертвенно-бледное и почти бесплотное, походило на лицо призрака, облаченного в сверкающие зеркальным блеском доспехи. В его глазах, словно в двух черных омутках, не было ни искорки света, а губы изогнулись в улыбке, свидетельствующей о знании, мельчайшая частица которого испепелила бы любой разум, кроме разума притарха.

Люций присоединил свой голос к хоругу соратников в приветственных воплях, в гимне бесчинства и стяжения, прославляющем верховного повелителя. От одной только близости фениксийца кровь загоралась огнем. Фүлгрим остановился, поднял руки и запрокинул голову, с восторгом принимая свидетельства их преданности.

Какофония в вокс-трансляторах немого утихла, и тогда Фүлгрим,

наконец, соизволил окинуть взглядом своих воинов. С его плеч ниспадала золотая мантия, а блеск серебряной кольчуги из-под искусно выкованного нагрудника напоминал звездный свет. На поясе из мягкой черной кожи с янтарной пряжкой висели эбеновые ножны, украшенные жемчугом и потемневшей слоновой костью.

Анафем.

Этот меч был хорошо знаком Люцию, и, хотя оружие принадлежало величайшему из всех воинов, он не мог не представить себе, как было бы прекрасно держать клинок в собственных руках. Фүлгрим, ощутив его пристальное внимание, обратил взгляд обсидианово-черных глаз в сторону Люция и улыбнулся, словно подтверждая существование между ними связи, о которой знали лишь они двое.

Люций почувствовал мощь его взгляда и постарался глубже спрятать свои подозрения. Он улыбнулся в ответ и полоснул себя мечами по лбу. Кровь брызнула из ран на глаза, потекла по лицу и попала на высунутый язык, доставляя ему наслаждение своим едким прогорклым

вкусом.

--- Дети мои, --- заговорил Фүлgrim, как только безумие слегка улеглось. --- Я принес вам блаженство.

Еще мгновение Фүлгрим наслаждался ликованием своих воинов, а затем поднял руки, призывая к тишине. Его взгляд в одно и то же время казался божественным, стиренным, опьяняющим и жестоким. Жуткие черные глаза примарха вселяли ужас в сердца всех его воинов без исключения. Фүлгрим обошел вокруг возвышения, на котором стоял его трон, и взглянул на это величественное сооружение с некоторым сомнением, как будто не был уверен, что трон предназначен именно для него.

— Вы проявили незаурядное терпение, сыны мои, — сказал Фүлгрим, остановившись у подножия кургана. — А я был к вам несколько невнимателен.

Раздался громкий хор со стен протестующих голосов, но Фүлгрим остановил возражения поднятой ладонью и слегка осуждающей улыбкой.

— Нет, это правда, я ни словом не обмолвился о нашей цели, оставив своих

детей во тьме неведения. Можете ли вы простить меня?

И снова Гелиополис огласился бурей невообразимых криков, недоступных для слуха простых смертных. Воины падали на колени, били себя в грудь, но большинство просто вопило без слов.

Фүлгрим принял их хвалу.

— Вы оказываете мне огромную честь, — сказал он.

Люций внимательно наблюдал, как Фүлгрим обходит стоявший на возвышении трон, изучал каждое его движение и жест, отыскивая какой-нибудь признак того, что эта удивительная личность на самом деле является кем-то или чем-то другим.

Облик примарха, облаченного в боевые доспехи, действовал возбуждающе. Он не был ни кричащим, ни вульгарным, а просто совершенным. Казалось, что в своем восхождении к вершинам совершенства он не мог отказаться от всех внешних проявлений связи с Князем Тьмы. Стоило только заглянуть в его черные глаза, чтобы осознать способность примарха к

чрезмерности в любой ее форме. Фүлгрим
в полной мере испытал из колодца ощущений,
и без его неиссякаемой щедрости жизнь
была бы пустой и бесцветной, лишенной
всех радостей и смысла.

--- Я принес победное вино и сладость
войны, чтобы вы могли насытиться ими, ---
сказал Фүлгрим. --- Я принес вам
симфонию сражений, блаженство экстаза
и восторг тучительной гибели наших
врагов. Мы проделали немалый путь после
пиршества огня на Усстваане, и я решил,
что настал час опробовать наше оружие
кровью противников.

Слова примарха вызвали очередную
бурю восторженных воплей, и он принимал
поклонение как неожиданный подарок, а не
как запланированную реакцию. Фүлгрим
взмахнул своими тонкими, почти
нежными пальцами, и в центре зала
вспыхнул мерцающий ореол, в котором
вокруг ярко горящей звезды разворачивался
гравитационный танец планет.

--- Перед вами система, которую я
назвал скопление Призматика, --- объявил
Фүлгрим, пока фокус голографического

изображения приближался к пятому из
тиров названной системы.

Вся планета, словно полярным
сиянием, была окутана разноцветным
ореолот, и по мере увеличения
изображения Люций сумел рассмотреть
мир, в котором чередовались
пересекающиеся черные и блестящие
полосы.

Вдоль оси вращения двигались
огромные орбитальные станции,
оборудованные грузовыми
манипуляторами, технологическими
установками и доками для сухогрузов.
Блеск стали и железа указывал на
присутствие нескольких таких судов, а
мигающие огоньки, рассыпанные между
ними, явно были платформами
планетарной обороны.

— Вот здесь я решил предоставить
вам возможность доказать свою любовь к
примарху Демей Императора, —
продолжал Фүлгрим, проходя сквозь
изображение и позволяя голографическому
миру омыть его безукоризненные черты
отраженным сиянием звезд. — Прихвостни

марсианских жрецов заплонили этот мир
своими строительными агрегатами и,
словно варвары, роются в почве, а потом
отправляют кристаллы на Марс.

Рядом с изображением появились
ноосферические столбцы бегущих цифр,
отображающих тоннаж кораблей, объем
добычи и отчислений десятины, и Люций
несколько мгновений изучал сведения, но
затем ему это наскучило, и он
сосредоточился на блестящей зеркальной
поверхности самой планеты. Казалось, она
не представляет ни материального, ни
стратегического интереса, кроме быстрого
проходящего эстетического удовольствия.
Он не увидел в этом мире ничего, что
могло бы привлечь внимание примарха.

Неужели он что-то упустил? Что
мог увидеть здесь Фүлгрим?

Может, это очень редкие кристаллы,
необходимые для жизненно важных
технологических процессов? Люций сразу
же отбросил эту мысль, как
незначительную. Если добычей
занимаются марсианские жрецы, значит,
кристаллы важны для деятельности

Ципериума, но слишком уж это глухое
захолустье, чтобы пускать в ход силы
легиона.

Фүлгрим продолжал наблюдать за
поспешным вращением Призматика V
словно замороженный сверкающей красотой
тира. Его губы беззвучно шевелились, и на
лице играла улыбка как после удачной
шутки или остроумного замечания,
высказанного невидимому собеседнику.

В голове Люция возникла неприятная
мысль, но он сдержался, понимая, что
высказывать ее вслух было бы
неблагодарно. Очевидно, та же мысль
посетила и Эйдолона, но у лорда-командора
не хватило здравого смысла держать рот
на замке.

— Мой лорд, я не понимаю, — начал
Эйдолон. — Какую цель мы здесь
преследуем?

Фүлгрим повернулся на голос, и его
лицо мгновенно исказила злобная гримаса.
Он с нескрываемым раздражением
устрепился к Эйдолону, а Люций, чтобы не
попасть под горячую руку, поспешно
отошел в сторону. Фүлгрим одним ударом

отбросил лорда-командора назад, словно докучливое насекомое. Эйдолон с расколотой броней и разбитым в кровь лицом рухнул на груды тусора, оставшегося после уничтожения ярусов.

--- Ты смеешь сомневаться в моих приказах?! --- взревел Фүлгрим, возвышаясь над распростертым воином.

--- Нет, мой лорд, я просто...

--- Червь! --- закричал Фүлгрим. --- Я выразил свое желание, а ты ставишь его под вопрос?

--- Я...

--- Молчать! --- приказал Фүлгрим и, схватив перепуганного Эйдолона за горло, поднял его вверх.

При виде болтающегося в воздухе Эйдолона Люций ощутил волнующее предвкушение. Он видел, как Фүлгрим в приступе ярости сломал литую шею божества чужаков, и знал, что Эйдолону не устоять перед мощью примарха.

На лице лорда-командора отчетливо проступило выражение страха --- чувство настолько необычное для Астартес, что Люций даже облизнулся.

--- Я твой царь и бог, а ты
остеливаешься меня оскорблять? --- сказал
Фүлгрим, чей гнев трансформировался в
уничижительное презрение. --- Я предлагаю
вам войну, а ты платишь вопросами и
сомнениями? Или подобная кампания тебя
недостойна? Или ты слишком хорош,
чтобы воевать под моим началом? Ты
так считаешь?

--- Нет! --- крикнул Эйдолон. --- Я... я
только хотел узнать...

--- Узнать что? --- злобно бросил
Фүлгрим, забыв о презрении и снова впадая
в ярость. --- Говори, тварь! Выкладывай
начистоту!

Эйдолон беспомощно извивался в руке
Фүлгрима и постепенно багровел, не в
силах противостоять его хватке.

--- Разве нам не было приказано
отправляться к Марсу? --- вытолвил он,
чередую слова с отчаянными вздохами. --- Не
задержит ли нас это на пути к флотилии
Воителя?

--- Хорус мне брат, а не господин, и я
не обязан подчиняться его командам, ---
огрызнулся Фүлгрим с таким видом,

бүгтө үнотинание Эйдолом имени
Хоруса Лүперкала нанесло ему чүдовищное
оскорбление. -- Кто он такой, чтобы
отдавать мне указы? Я -- Фүлгрим! Я --
Фениксиец, а не мальчик на побегушках.
Если Хорус считает, что может
атаковать Терру, как помешавшийся от
запаха крови берсеркер, он глупец. Нельзя
просто взять и напасть на один из самых
охраняемых миров Галактики; такую цель
можно поразить только хитростью. Ты
понял?

-- Да, мой лорд, -- прохрипел Эйдолон.
Однако гнев Фүлгрима еще не улегся.

-- Я тебя знаю, Эйдолон, не думай,
что это не так, -- предупредил примарх,
бросил задыхающегося Эйдолона и
отвернулся к мерцающему изображению
планеты. -- Ты вечно сүешься со своими
язвительными замечаниями и испогтишка
подрываешь мой авторитет. Ты червяк в
сердцевине яблока, а я не потерплю никого,
кто своими сомнениями готов вонзить
нож в спину.

Эйдолон, распознав в словах
Фүлгрима чүдовищную угрозу, упал на

колени.

--- Мой лорд, прошу вас! --- молил он. ---

Я верен вам! Я бы никогда вас не предал!

--- Предал?! --- воскликнул Фүлгрим.

Он резко развернулся и обнажил серое блестящее лезвие анафета. --- Ты постыливаешься говорить о предательстве? Здесь, перед собранием моих вернейших подданных? Да ты еще больший глупец, чем я думал.

--- Нет! --- закричал Эйдолон.

Но Люций уже понял, что он напрасно тратит дыхание.

К чести Эйдолона, он тоже это понял и потянулся к мечу в тот момент, когда Фүлгрим шагнул вперед, намереваясь нанести смертельный удар. Эфес меча Эйдолона едва успел расстаться с ножнами, как анафет рассек его шею, и голова взлетела в воздух. Со звонким шлепком она ударилась о мозаичный пол и покатилась, остановившись лишь у одной из флаж с победным вином.

Глаза лорда-командора моргнули, а губы растянулись, обнажив разбитые зубы. В таком выражении ужаса, что Люций

сдвга сдержал стех. Фүлгрим,
отвернувшись от упавшего тела Эйдолона,
поднял отрубленную голову. Из рассеченных
сосудов обильно текла кровь, и Фүлгрим
обошел зал, направляя застывающие капли
в открытые флаги с вином.

— Нейте, дети мои, — произнес он,
словно ничего особенного не произошло. —
Наполняйте свои чаши и пейте за победу, к
которой я вас приведу. Мы выиграем войну
на Призматике и покажем Боителю, как
надо вести эту кампанию!

Дети Императора ринулись вперед,
и не терпелось воспользоваться даром
своего притарха. Фүлгрим, не выпуская из
рук голову Эйдолона, поднялся к трону и,
прежде чем сесть, расправил свою золотую
мантию. Затем он принялся наблюдать за
своими воинами, и его взгляд снова
приобрел покровительственное и слегка
снисходительное выражение.

Люций стал вспоминать все
движения Фүлгрима с того момента,
когда он обнажил меч, чтобы обезглавить
лорд-командора. Опытный глаз
фехтовальщика проанализировал каждый

шаг примарха, каждый поворот его плеч и движение бедер перед смертельным ударом.

Одно движение плавно перетекало в другое, словно иного варианта просто не существовало. Безупречное тело примарха все время сохраняло непоколебимое равновесие, и, тем не менее, Люций обнаружил то, чего не смог бы заметить никто, кроме величайшего мастера мечей. И это наблюдение вызвало в нем трепет волнения и разочарования.

Мысль казалась невероятной, даже изменнической, но Люций не смог удержаться от логического заключения.

«Я мог бы победить тебя, — думал Люций. — Если бы мы прямо сейчас сошлись в поединке, я убил бы тебя».

Воины Механикум были сильными противниками, их аугментация и оснащение намного превосходили уровень обычных смертных, но Люций сомневался, чтобы они получили хоть какие-то зачатки знаний для ведения ближнего боя. Танцующей походкой он двигался сквозь бурлящую толпу, и его мечи, описывая толпиеносные дуги, рассекали жизненно важные сосуды, отрубали конечности и сносили черепа.

Воины подверглись улучшению, чтобы стать массивнее и сильнее большинства людей, но их мощи не доставало умения. Любого человека можно накачать средствами для увеличения роста и внедрить в его тело массу боевой аугментации, но что толку, если он не умеет всем этим пользоваться?

Против Люция вышел вооруженный сервитор, закованный в лазурную боевую броню и лишившийся почти всего, что можно было отнести к органической

природе. Установленная на плече пушка
выплюнула очередь снарядов, вырвавших
осколки из блестящей вулканической
скалы, но Люций уже начал движение. Он
перекатился под струей огня, отсека
яростно вращающиеся стволы пушки и
воткнул терранский клинок в узкую щель
между брюшными пластинами брони
сервитора.

Из раны, словно из гидравлического
пресса, вырвалась струя темной
маслянистой крови, а Люций успел
вернуться от протянутой к нему руки.
Щелкающий, окутанный сиянием энергии
коготь опустился вниз, так что Люций
не смог использовать его в качестве
трамплина. Запрыгнув на выступ
защитающей бедра пластины, он сделал
сальто и встал на широкие плечи
сервитора. Серебристое лезвие лазерного
клинка вонзилось в бронированный череп,
под крышкой которого взорвалось что-то
мягкое и живое. В следующее мгновение
Люций, довольный видом красной влаги на
лече, проворно прыгнул с корпуса
утирающего сервитора.

Биомашина покачнулась, но не упала, хотя жизнь уже покинула ее.

Люций прервал череду убийств, чтобы стряхнуть кровь с меча, и вдруг оглушительный взрыв поднял в небо тучи дыма и пыли. Воспламенившийся неочищенный протетий в сочетании с насыщенным углеводородами воздухом образовал такую мощную стесь, что у Люция приятно закружилась голова.

Вокруг него Дети Императора самозабвенно палили в гущу сражающихся воинов. То, что начиналось как тщательно подготовленное массовое истребление, превратилось в настоящую свалку. Основные очистительные и перерабатывающие комплексы охранялись сотнями augmented воинов, но у них не было ни единого шанса на успех. На защитников Призматика были брошены три роты Детей Императора, так что вскоре здесь не останется ни одного выжившего.

Люций, хотя и тщательно скрывал свои чувства, не мог не признать правоты суждения лорд-командора Эйдолона.

высказанного им перед гибелью. Флотилии
во главе с «Андронием» и «Гордостью
Императора» потребовалось всего десять
часов, чтобы пробить наружный
охранительный рубеж и сокрушить
орбитальную оборону. Были захвачены три
грузовых транспорта
многокилометровые громадины,
загруженные миллиардами тонн
терцающих зеркальных кристаллов.

После того, как было покончено с
орбитальными силами, в район основного
производства, расположенный у южной
оконечности огромного леса кристалльных
шпилей, спустились эскадрильи «Грозовых
птиц», и началась резня. Дети
Императора почти беспрепятственно
продвигались по объятых пламенем
обширным цехам и складам
производственного комплекса Механикум.
Затершие буровые установки,
напугавшие гигантских богомолов,
высились над сражавшимися воинами,
воздев к небу глиняные сверла и фрезы.

Марий Вайросеан со своей ротой
какофонистов атаковал западный сектор

комплекса и с трагичной методичностью
уничтожал его защитников.
Пронзительные пульсации диссонансных
звуков рождали между металлическими
стенами зданий чудовищное эхо.
Акустические залпы резонирующими
частотами разрывали плоть на атомы.

Звуковые волны стали причиной
глубоких трещин в базальтовом основании
планеты, вследствие чего строения
начали падать, словно карточные домики.
К ударному музыкальному крещендо
присоединились вопли и стоны
умирающих, и эта колоссальная симфония
разрушения напояла яростное безумие
«Маравильи».

Люций старался держаться подальше
от Мария Вайросеана, поскольку
акофонисты во время сражения
оставались фактически глухими и
нечувствительными к любым звукам,
кроме самых громких, а темнику, чтобы не
допустить ни единой оплошности,
требовался отличный слух. На время
сражения ему пришлось отказаться от
удовольствия, вызываемого вихрями

разрывающих нервы звуковых волн.

Атаку на центр производства возглавил сам Фүлгрим, окруженный громоздкими терминаторами Гвардии Феникса. Юлий Кэсoron сражался рядом с примархом, пробивая путь сквозь когорты боевых сервиторов и фаланги скитариев, обслуживающих автоматизированные огневые точки на ключевых пунктах.

Но против колоссальной мощи фениксийца и воинов Кэсорона они устоять не могли. Примарх олицетворял собой неуправляемую разрушительную силу, а успехи терминаторов делали воинов почти неуязвимыми. Даже небольшие полученные раны только усиливали боевой экстаз.

Фүлгрим казался настоящим воплощением смерти и красоты. Его золотой плащ развевался за спиной, и отраженный солнечный свет рождал ослепительно яркие радужные дуги. Его броня сверкала неугасающим маяком, а серый меч безостановочно рубил соединенные в одно целое плоть и железо. В бою он пел, выводя горестные стенания

об утраченном Келосе, о закате красоты и
потерянной любви, которая никогда не
вернется.

Эта песнь была прекраснее всего, что
спела когда-либо Коралин Асенса, и то,
что утирающие вокруг люди-машины были
не в состоянии оценить величие
обрывающего их жизнь оружия, казалось
ужасающей несправедливостью. Они гибли,
не зная о выпавшей на их долю великой
чести, и за это Люций ненавидел их.

Из горящего здания вырвались
фиолетово-черные тучи дыма, закрывшие
от него примарха, и Люций разочарованно
застонал. Ему пришлось оторваться от
созерцания многочисленных схваток и
вернуться к собственной боевой арене.

Фүлгрим доверил ему восточное
крыло комплекса, и Люций со своими
воинами осуществил несколько ложных
маневров, которые с прозаичной
эффективностью помогли ему выманить
защитников из их укреплений. Вражеские
контратаки были обескровлены одна за
другой, пока линия защитников не
истощилась, так что воины Люция

звизгались вперед, уже почти не встречая
никакого серьезного противодействия. Сам
Люций красно-серебристыми зигзагами
проходил вдоль линии фронта, оценивая
каждый очаг сопротивления и уничтожая
любых достойных его внимания
противников с непревзойденным
мастерством и легкостью.

Он запрыгнул на останки рухнувшей
боевой машины. Отсек принцессы этого
десятиметрового гиганта был расколот
снарядом и истекал розовой
атомической жидкостью. Люций видел,
как машина вышла из бронированного
ангара на краю линии обороны, и у него
мелькнула мысль вступить с ней в бой, но,
несмотря на тщеславие, он со стехом
прогнал эту идею. Только глупец
остелился бы в одиночку противостоять
такому гиганту, так что машина, не
пройдя и десятка шагов, была разбита
перекрестными залпами акустических
пушек.

Он поднял меч к мерцающему небу и,
красуясь перед своими воинами, принял
героическую позу.

--- Вперед! Мы пройдем сквозь огонь и покажем этим механическим существам, что такое боль!

Едва он успел выкрикнуть последнее слово, как пелена дыма разорвалась и земля вздрогнула от тяжелых шагов. Высоко над Люцием, в клочьях дыма возникла зверская ухмыляющаяся голова. Бронзовая маска, напоминающая морду мастиффа, возвышалась над бронированной рубкой, увешанной потемневшими от жары знаменами, и серо-коричневым корпусом с эмблемой золотого орла и скрещенных мечей.

При появлении из развалин завода громадной боевой машины Люций ощутил восхитительно неожиданный удар ужаса.

--- Ах, да! --- воскликнул он. --- Они же всегда охотятся парами.

Конечности боевой машины поднялись для стрельбы, и раздался стук тяжелых снарядов, поступающих в патронники колоссальных орудий. Люций, с вызывающим видом стоявший на останках собрата боевой машины, спрыгнул в тот самый момент, когда титан выстрелил.

сгва не оглушив его грохотом тысяч толотов, ударивших по наковальне бога войны. Приземляясь, он перевернулся и на мгновение ослеп от вихря каменных осколков, пыли и выхлопных газов.

За его спиной взметнулось яркое пламя, в котором виднелся почерневший силэт титана. Теперь он пригнул голову, как будто вынюхивая след стельчака. Люций крепче сжал рукоятки мечей.

Орудия снова взревели, и Демей Императора накрыл шквал снарядов, поднимающих пласты земли до самого скального основания. От их взрывов раскальвалась броня и испарялась плоть, и вопли умирающих прозвучали коротким, исполненным муки хором.

В титана ударил ответный залп, вызвавший яркие искры разрядов на его щитах. Крупнокалиберные снаряды выбивали брызги его невидимой энергетической защиты, словно камни, брошенные во флуоресцирующую жидкость. Боеголовка ракеты взорвалась перед титаном красным цветком перегретой плазмы. Затем воздух разорвали

пронзительные акустические залпы, но
щит выдержал, хотя Люций видел, что до
его распада осталось совсем немного.

--- Я здесь, ублюдок! --- закричал он,
радуясь яркой радуге острых ощущений в
своем теле.

После манипуляций, проведенных
апотекарием Фабием, его нервная
система реагировала на мощные стимулы,
посылая в мозг опьяняющие импульсы
удовольствия и гормональные
стимуляторы. В одно мгновение Люций
стал еще более сильным, быстрым и
чувствительным к окружающей
обстановке.

Собачья голова повернулась в его
сторону, из боевого горна раздался вой,
полный мрачной ярости. Люций ответил
не менее пронзительным воплем, вызывая
противника на бой. Его усиленные чувства
в одно мгновение регистрировали тысячи
мельчайших деталей: гладкую текстуру
металлической кожи, округлые облачка
дыма из орудий, блеск разноцветных лучей
на красной панели рубки, капли
охлаждающей жидкости из двигателя.

скрытого под кору́сом, и горьковатый
металлический привкус сознания в его
сердце.

Все это, и еще тысячи других
ощущений промелькнули в голове Люция за
долю секунды. Пораженный необычайной
интенсивностью ощущений, он заморгал,
стараясь избавиться от ярких пятен на
сетчатке. Но вот снова взревел боевой
горт, и титан направил на Люция свои
орудия. Боевая машина растрачивала силы
ради поражения единственного воина, но
она видела его на останках своего павшего
собрата, и потому приговорила к смерти.

Люций понимал, что не в его силах
сразиться с титаном в одиночку, и
развернулся, чтобы бежать, но, не успев он
сделать и шагу, как в клубах дыма
мелькнул силуэт златокрылого ангела. В
одной руке у него был меч с кремневым
блеском, а в другой — глиноствольный
пистолет, отделанный ониксом и
серебром. Вокруг благородного лица,
поднятые жарким дыханием титана,
развевались ничем не сдерживаемые белые
волосы.

— Я думаю, эта тишина для меня, Люций, — сказал Фүлгрим, целясь из пистолета в боевую машину.

Фүлгрим со спокойствием дуэлянта выстрелил в жаркий туман. Ослепительный луч раскаленного света, напитанный жаром новой звезды, вырвался из дула и ударил точно в центр щита титана. Пронзительный звон разбившихся зеркал возвестил о перегрузке, и мощный энергетический барьер вспыхнул ярче солнца.

Люция сбило с ног и бросило в сторону, так что он сильно ударился о подножие кристального стержня у заводской стены. Боль прокатилась по позвоночнику обжигающей волной, во рту появился привкус крови, вызвавший у него ушешку. Но даже сквозь пелену дыма и боли он отчетливо увидел, что произошло потом.

Фүлгрим в одиночестве стоял перед боевой машиной, отбросив пистолет и свободно опустив меч. Автоматические загрузчики титана подняли из-за его спины новые кассеты снарядов, и опять

раздался треск заряжаемых орудий. Рука Фүлгрита поднялась вверх, словно припарх, приказывал титану остановиться.

Абсурдность этого жеста вызвала у Люция смех.

Но Фүлгрим не просто продемонстрировал свое пренебрежение.

Вокруг Фениксийца сгустился светящийся туман, пронизанный нитями едва заметных молний. Затем Фүлгрим сооткнул пальцы в кулак и повернул кисть, как будто обрывая невидимые веревки.

Боевая машина прервала атаку, рубка повернулась вверх, а стволы яростно задержались, словно в судорожном припадке. Фүлгрим, не опуская руку, продолжал тянуть и поворачивать запястье, и вдруг горн титана издал жалобный вопль. Шлютизаторы рубки лопнули, просыпав на землю стеклянные слезы, а затем машина тяжело осела на шипящих амортизаторах.

Люций с опасливым восхищением увидел, как из рубки стали высываться бесформенные сгустки истекающей жидкостью плоти. Они раздувались и

пульсировали фантастическим светом, потом желатиновая масса потекла по корпусу машины ярко-розовыми щупальцами чужеродной плоти.

Поднявшись на ноги, Люций с благоговением и ужасом наблюдал за смертью боевой машины. Из треснувшего корпуса потекла атниотическая жидкость, из каждого отверстия, из каждого клапана продолжали вываливаться куски плоти, сорванные с тел мертвого экипажа. Стояла потрясающая вонь, и Люций с удовольствием смаковал запах горелого мяса, уже тронутого разложением. Он подошел к притарху, поднявшему брошенный пистолет.

--- Что это было? --- спросил Люций.

Фүлгрим обратил на него взгляд черных мертвых глаз.

--- Небольшой трюк, которому я научился у вдохновляющих меня сил, только и всего.

Люций подставил ладонь под падающий сгусток плоти. Влажный комок теснаты уже почернел и разлагался

буквально на глазах.

--- А могу я научиться чему-то подобному?

Фүлгрим со стехом наклонился и положил свою изящную руку ему на плечо. Насыщенное сладостью дыхание притарха напотинало аромат лагана, а тепло его кожи --- об опасности перегрева плазменных контуров. Фүлгрим заглянул в глаза Люция, словно отыскивая нечто, о чем давно догадывался. Люций ощутил силу взгляда своего повелителя и понял, что стоящее за этим взглядом существо более древнее и злобное, чем он мог бы себе представить.

--- Возможно, ты сумеешь, мечник, --- с довольным кивком ответил Фүлгрим. --- Мне кажется, в тебе есть потенциал стать таким же, как я.

Фүлгрим поднял голову, наконец-то прервав зрительный контакт, и прислушался к затихающим звукам сражения.

--- Ага, бой закончен, --- сказал притарх. --- Хорошо. Мне это уже наскучило.

Он не протолвил больше ни слова и
зашагал к лесу зеркальных шпилей,
оставив Люция наедине с мертвой боевой
машиной.

Его окружала красота, истинная красота, и при виде такого великоления он заплакал.

Его воины видели лишь физические свойства кристального леса, но Фүлгрим в этом месте видел истину, недоступную никому, кроме него.

Шпили сверкающих алмазными гранями кристаллов поднимались из черной земли величественными монументами бесконечным чудесам Галактики. Все они были выше ста метров, и даже самый тонкий имел в поперечнике не меньше десяти метров. Заросли сотен тысяч этих спилей тянулись вдаль, занимая сверкающим великолением огромный участок земли.

Кристаллы прорастали плотными группами, как органический кустарник, а между ними тянулись извилистые тропинки. Фүлгрим шел наугад, часто меняя направление и все глубже и глубже погружаясь в мерцающий лес. В этих

зарослях зеркал нетрудно было заблудиться, и в его памяти всплыла сомнительная легенда о воине, потерявшемся в невидимом лабиринте на венецианском плато Эрицины.

Тот глупец умер у самого выхода, но Фүлгриму подобная судьба не грозила. Он и с закрытыми глазами смог бы выбраться из зеркальной чащи тем же путем, которым пришел.

Примарх поднял руку и провел пальцами по гладкой поверхности шпиля, с удовольствием задерживаясь на крошечных изъянах крестнистых образований. Некоторые шпили были молочно-белыми, полупрозрачными, другие совершенно не просвечивали, но подавляющее большинство сверкало безупречным блеском, словно миллионы зеркальных копий погруженной в черный песок гигантской армии.

Фүлгриму было известно об армии, захороненной на Древней Терре, армии, предназначенной для защиты мертвого императора от душ, отправленных им в загробную жизнь за время бесконечных

завоевательных походов. Здесь ничего подобного не было, но сама мысль о прогулке по могиле колоссальной армии доставила ему удовольствие, и он даже изобразил небрежный салют, словно приветствуя павших воинов.

Сражение по захвату производственного комплекса Механикум не столько развлекло его, но совсем ненадолго. Скучно сражаться против врага, который не страдает от перспективы быть уничтоженным и не просит пощады. Неспособность Механикум чувствовать восторг, которым был благословлен он сам и его воины, разочаровала Фүлгрита. Конечно, он знал, чего следовало ожидать, но его раздражало, что противник жестоко лишил их удовольствия услышать экстатические предсмертные крики.

Столь грубое поведение врага испортило настроение Фүлгрита, и он инстинктивно потянулся к лазерному клинку, но вспомнил, что подарил его мечнику Люцию. Стремление Люция сравняться с притархом рассмешило его. Да, Люций был отмечен силой, но ни

одному смертному никогда не удастся достигнуть того, чего достиг он.

Фүлзрим заметил шаги и, описывая неторопливый круг, продолжал наслаждаться окружающей его красотой. Это не результат преобразования планеты, здесь налицо стихийное проявление геологических сил. Не воля терцающих небес, не каприз атмосферных химических связей и выбросов. Впрочем, нет, красота этого места возникла не в результате случайного совпадения, это исключительное чудо разума, воли и совершенства.

Со всех сторон его окружали собственные отражения, безупречное совершенство, воплощенное в живом существе.

Фүлзрим поворачивался из стороны в сторону, смотрел, как уменьшаются и увеличиваются его отражения, и восхищался своими изысканными чертами лица, благородным видом и царственной осанкой. Кто еще может сравниться с ним в совершенстве? Хорүс? Егва ли. Жиллиман? Ничего подобного.

Один только Сангвиний мог сравниться с ним своей наружностью, но и тот был не лишен изъяна. Разве может совершенное существо носить на себе проклятие мутярующей плоти, напоминающее о древнем тифе?

А Феррус Манус... Что можно сказать о нем?

— Он мертв! — взревел Фүлгрит, и его крик отозвался в плотном лесу кристаллов странным эхом.

МЕРТВ, МЕРТВ, МЕРТВ, МЕРТВ, мертв...

Искаженный крик вернулся к нему, словно обвинение, и Фүлгрит резко обернулся. Поддавшись внезапно вспыхнувшей гнев, он обнажил меч и начал рубить ближайший шпиль, высекая острые осколки кристаллического стекла. Он рубил собственное отражение, которое остелилось ему ответить, с невероятной силой нанося кристаллу все новые и новые удары.

Кремнисто-серый клинок работал как топор лесоруба, но даже при таком безрассудном отношении не потерял своей

остроты. Его создал недоступный
человеческому пониманию разум, и за
грубым внешним видом таилась сила,
способная поражать богов.

--- Любой из моих братьев грозен и
великолен на свой лад! --- кричал
Фүлгрим, сопровождая каждое слово
очередным ударом. --- Но все они навеки
отмечены проклятием, которое рано или
поздно поразит их. Только я безупречен!
Только я закален утратой и
предательством!

Наконец его необъяснимый гнев иссяк,
и Фүлгрим попытался от разрушенного
кристалла. В своей ярости он разрубил
шпиль больше, чем наполовину,
целостность структуры нарушилась, и
кристалл покачнулся. Раздался громкий
треск лопавшегося стекла, а затем
кристалл рухнул на своих соседей, увлекая
их за собой. После оглушительного звона и
грохота вокруг этого места опустел
значительный участок земли.

Звонкий гром падающих шпилей
звучал для Фүлгрима непрекращающимся
крещендо музыки разрушения, составляя

невероятное блаженство. Его воины тоже должны услышать шум, но, если они и придут, то не из страха за жизнь своего притарха, а ради того, чтобы насладиться величественной музыкой бессмысленного опустошения. Интересно, сколько времени требуется кристаллам, чтобы достичь таких размеров? Тысячу лет, возможно, еще больше.

--- Тысячелетия расти, чтобы быть уничтоженным в одно мгновение, --- произнес он с беспричинной злобой. --- Этот урок необходимо усвоить.

Эхо, рожденное грохотом падающих шишек, утихло, и Фүлгрим прислушался, нет ли в этом лесу других звуков. Услышал он, как кто-то назвал имя убитого брата, или это ему почудилось? Он держал меч перед собой и взглядывался в блестящую поверхность, и в его голове всплыло мучительное воспоминание.

Он ведь и прежде слышал бестелесные голоса, разве не так?

Они рассказывали ему об ужасных тайнах. О невыносимых вещах.

Фүлгрим закрыл глаза, прижал руки

но лбу и попытался вспомнить.

Я здесь, братец, я всегда буду здесь.

Фүлгрим в изумлении вскинул голову, и его сердце пронзило воспоминание, словно брошенное сатим Ханом копье, воспоминание, которое он в своем стремлении к совершенству давным-давно старался забыть. В глубине леса зеркальных шпилей он увидел могучую фигуру воина в потянутых боевых доспехах цвета полированного оникса. На Фүлгрима глядело лицо, словно высеченное из гранита, и бескрайняя печаль в серебряных самородках глаз исторгла из его груди крик.

— Нет! — прошептал Фүлгрим. — Этого не может быть...

Он побрел по острым осколкам кристаллов, усыпавшим землю, резавшим его незащищенные ладони, оставлявшим царапины на безукоризненно отполированной броне. Он пошатывался, словно пьяный, и разбрасывал ногами груды кристаллов, когда-то устремленных к небу.

— Кто ты?! — вскричал он, и

многократное эхо хором злых голосов потребовало ответа вместе с ним.

Воин в темных доспехах уже скрылся из виду, но Фүлгрим все дальше углублялся в зеркальный лес с одной только мыслью сорвать маску с того, кто нарушил его единение.

Стоило ему поднять голову, как перед глазами возникало собственное искаженное отражение, его орлиный профиль, безобразно изломанный гранями кристаллов. При виде своего прекрасного лица, деформированного капризами геометрии, Фүлгрим пришел в ярость и остановился на неровной прогалине среди леса.

Он развернулся, рассчитывая, что увидит в отражениях свою настоящую красоту.

Около сотни Фүлгримов смотрели на него с одинаковым выражением гнева, но только остановившись, он заметил боль и ужас в этих слишком уж черных глазах.

--- Где ты?! --- воскликнул Фүлгрим.

Я здесь, --- ответило ему одно из отражений.

Я там, где ты бросил меня и оставил
знитъ, -- сказало другое.

Ярость Фүлгрима испарилась, словно
капля воды, упавшая на горячий капот
машины. Это что-то новое, что-то
неожиданное, и его надо как следует
распробовать. Он медленно обошел полянку,
глядя в глаза каждому отражению, но в то
же время стараясь не выпускать из виду
остальные. Его это отражения, или лики,
ожившие по собственной воле и лишь
копирующие его движения? Он не знал, как
это могло получиться, но мысль
показалась ему интересной.

-- Кто ты? -- снова спросил он.

Ты сам это знаешь. Ты похитил то,
что принадлежало мне по праву.

-- Нет, -- возразил Фүлгрим. -- Оно
всегда принадлежало мне.

Нет, ты только позаимствовал
плоть, в которой ходишь. Тело всегда было
моим, и моим останется.

Фүлгрим устехнулся, узнав сознание в
миллионах голосов и искаженных
отражений. Он ожидал этого, и узнав
собеседника, испытал приятное ощущение

братства. Уверенный, что источником
голосов был не меч, Фүлгрим вернул
анафел в ножны.

— Я ждал, когда же ты сумеешь
выбраться из позолоченных рамок своей
тюрьмы, — сказал он. — Это заняло у тебя
больше времени, чем я думал.

Отражение вернуло ему улыбку.

Заключение стало для меня
совершенно новым впечатлением. Трудно
забыть свободу, которой я обладал.

Обида в голосе отражения вызвала у
Фүлгрима смех.

— Зачем же надо было показывать
мне Ферруса Мануса? — спросил он у
отражений.

Разве лицо старого друга не лучше
из зеркал? Нашу истинную сущность
могут показать нам лишь те, кого мы
любим.

— Хотел вызвать чувство вины? —
поинтересовался Фүлгрим. — Хотел,
чтобы я испытывал стыд, уступив тебе
это тело?

Стыд? Нет, ты и я, мы оба давно
переросли стыдливость.

--- Тогда причем тут Горгон? --- не
сдавался Фүлгрим. --- Это мое тело, и
никакие силы Вселенной не заставят меня
от него отказаться.

Но мы могли бы достичь большего,
если бы им управлял я.

--- Я сам всего достигну, --- заявил
Фүлгрим.

--- Перестань убеждать себя в этом. ---
Отражение растеялось. --- Ты не можешь
знать то, что известно мне.

--- Я знаю все, что знаешь ты. ---
Фүлгрим поднял руки и пошевелил
пальцами, как готовящийся к
выступлению пианист-виртуоз. --- Ты
должен был видеть, что я умею.

Пустые трюки.

Его отражение презрительно
фыркнуло и перевело взгляд на образ в
другом зеркале.

--- Ты известный обманщик, ---
растеялся Фүлгрим. --- Но я и не ждал от
тебя ничего другого. Когда-то ты
соблазнил слабых духом, обещая им
могущество, но на самом деле все
обернулось рабством.

Все живые существа являются чьими-то рабами; это может быть жажда богатства и власти, или стремление к новым ощущениям, или желание стать частью чего-то большего...

— Никто не может назвать меня своим рабом, — возразил Фүлгрим.

В ответ раздался хохот отражений, ранивший его сильнее, чем любой клинок.

Теперь ты еще сильнее поработен, чем когда-либо, — прошипело отражение. — Ты существуешь в теле из плоти и костей, заперт в нагломленном механизме, который сожрет тебя в порошок. Ты не познаешь истинной свободы, пока не познаешь силу, которой пока даже не можешь себе представить. Это сила богов. Освободи меня, и я покажу, каких высот мы сможем достичь вместе.

Фүлгрим покачал головой:

— Лучше подчинить эту силу своей воле.

Ты и я, мы вместе изведем удивительные чудеса, — посулило ему отражение слева.

Целую вселенную новых ощущений, —

пообещало грубое.

Они ждут нас, -- добавило третье.

-- Можешь говорить все, что угодно, --
-- ответил Фүлгрим. -- Тебе нечего мне
предложить.

Ты так думаешь? Значит, ты ничего
не знаешь о теле, которое считаешь
своим.

-- Я устал от твоих игр. -- Фүлгрим
отвернулся, но обнаружил перед собой
новые отражения. -- Ты останешься там,
где я тебя оставил, и больше никаких
разговоров.

Прошу тебя, -- отражение неожиданно
изменило тон. -- Я не могу так больше
существовать. Здесь темно и холодно.
Темнота давит на меня, и я боюсь, что
скоро совсем пропаду.

Фүлгрим наклонился к зеркальной
поверхности кристалла и устехнулся.

-- Можешь этого не бояться, братец, --
-- сказал он. -- Я намерен продержатъ тебя
там долго, очень долго.

Шесть дней флот оставался на Призматике, собирая кристаллы в хранилищах Механикум и заполняя сверкающим грузом трюмы пяти захваченных сухогрузов. Фүлгрим потребовал собрать все кристаллы, все осколки вплоть до мельчайших пылинок, но ни словом не обмолвился о том, как намерен использовать минералы.

В эти шесть дней Дети Императора забавлялись с немногими пленными, подвергая их неописуемо жестоким пыткам. Люций увлекся одиночными поединками в остатках зеркального леса, и отражение с головокружительной быстротой повторяло каждый его шаг, каждый выпад и обманный финт. Он был настолько близок к достижению совершенства, насколько это возможно, идеально сочетая баланс между нападением и защитой, безупречно работая ногами и испытывая патологическую жажду боли.

Именно в этом заключалась слабость большинства его противников. Они боялись почувствовать боль.

Люций такого страха не испытывал, и противостоять ему мог только воин, обезумевший от ярости. Такой противник не дорожит своей жизнью и прекращает борьбу только мертвым. Люций помнил, как на Усстваане III боевой капитан Пожирателей Миров прорывался сквозь строй собственных воинов, словно одержимый.

Поединок с таким воином был бы настоящим испытанием для мастерства Люция. Хотя ему и нравилось считать себя непобедимым, в душе он сознавал, что это не так. Непобедимых воинов не существует, всегда найдется кто-то быстрее, сильнее или удачливее, но вместо того чтобы бояться встречи с таким противником, Люций страстно стремился к ней.

Его отражение атаковало и отступало вместе с ним, повторяя одно движение за другим, и какими бы быстрыми ни были его выпады и обманные

движения, Люцию не удавалось пробить оборону зеркального противника. Его мечи двигались все быстрее и быстрее, каждая атака была стремительнее предыдущей. Люций продолжал наращивать скорость, пока мечи не образовали вокруг него мерцающий серебристый ореол замысловатого и опасного танца, прервать который решился бы только безумец.

--- Ты так увлекся, мечник, --- произнес Юлий Каэсорон, выходя из-за плотной группы кристаллов. --- Хочешь здесь остаться?

Люций сбился с ног, его мечи звучно стукнули друг о друга. Терранский клинок протестующе взвизгнул, а лазерное лезвие с ликующим звоном металла о металл оставило на нем зарубку. Люций превратил свою оплошность в разворот, и оба меча, просвистев в воздухе, остановились у самой шеи первого капитана.

--- Неразумно с твоей стороны, --- заметил Люций.

Каэсорон отвел мечи в стороны и расстелился, так что в горле заклокотали

сгустки скопившейся жидкости. Повернувшись спиной к Люцию, он показал на разрушенный завод Механикум, где последний грузовой шаттл готовился забрать с поверхности планеты свою тяжелую добычу.

От зеркальных лесов почти ничего не осталось, горизонт обнажился, а опустошенные склады уже лежали в развалинах. Кричащие отряды Мария Вайросеана залпами акустических пушек разбивали на атомы немногие еще оставшиеся сооружения. Скоро весь комплекс исчезнет с лица земли, словно его и не было.

Люций подскочил ближе и встал рядом с первым капитаном.

--- Каэсорон, ты считаешь, что я тебя не убью? --- спросил он, разозлившись на безразличное отношение к своей угрозе.

--- Люций, ты вероломная змея, но даже ты не настолько глуп.

Люций едва не бросился на Каэсорона, но понял, что гразнить этого человека не имеет смысла. Первый капитан просто уйдет, не выказав и тени эмоций.

--- Примарх закончил свои дела, ---
сказал Люций, убрал мечи в ножны и
устрелил взгляд на последний грузовой
шаттл, поднимавшийся в ореоле
раскаленных газов. --- Для чего они ему так
нужны?

--- Кристаллы?

--- Конечно, кристаллы.

Каэсорон пожал плечами. Этот
вопрос его нисколько не интересовал.

--- Примарх захотел ими владеть, и
ты их забрали. Что он будет с ними
делать, меня не волнует.

--- В самом деле? А ты еще говорил,
что это я увлекся собой.

--- А разве тебе это интересно? ---
возразил Каэсорон. --- Думаю, что нет.
Твой мир начинается и заканчивается
тобой самим, Люций. Так же, как мой мир
ограничивается тем, что позволяет
испытать наибольшее наслаждение и
порочный экстаз. Мы живем ради
удовлетворения своих страстей и самых
острых ощущений, но делаем это на
службе силам, намного превосходящим всех
нас, включая и любого примарха.

--- Даже Фениксийца и Воителя?

--- Это яркие личности, но и они всего лишь сосуды для сил более древних, чем ты или я можем себе представить.

--- Откуда ты знаешь? --- спросил Люций.

--- В страдании заключена мудрость, мечник, --- ответил Каэсорон. --- В этом меня убедил Усстваан-пять. Восторг боли и экстаз страдания и есть наши молитвы. Ты слишком слаб, и потому не знаешь настоящих мук. Ты все еще придерживаешься принципов тех, кем мы были, а не тех, кем мы стали.

Равнодушные слова Каэсорона о его собственной боли и талантах вызвали гнев у Люция, но, желая узнать от первого капитана что-то новое, он сдержался и протолчал.

--- Лорд Фүлгрим познал сильнейшую боль, какую только может породить Галактика, и в своем сердце он познал истину, --- продолжал Каэсорон, и в его хрипящем голосе Люций уловил трепет сомнения. --- После... Усстваана он продемонстрировал мне такие видения,

каких я и представить себе не мог, полные боли и чуждес, восторга и отчаяния.

— Неужели?

Неужели у Каэсорона возникли те же самые подозрения?

Люций рискнул искоса бросить взгляд на Каэсорона, но голова воина была настолько изуродована и реконструирована, что выражение лица невозможно было определить. В этот момент их накрыла волна оглушительного грохота последнего разрушающегося склада, а за ней последовали восторженные крики воинов.

Марий Вайросеан направился к ним, а из-под радужного свода небес вынырнула последняя «Грозовая птица». Люцию хотелось восторгаться красотой неба, в котором стешались яркие невиданные краски и оттенки.

Но он чувствовал себя опустошенным и не желал ничего другого, как поскорее покинуть этот мир. Здесь не было ничего интересного, и отсутствие хоть каких-нибудь стимулов снова вызвало у него приступ гнева.

--- Грандиозный финал, --- произнес
Марий, коверкая слова широко
разведенными челюстями.

Люцию, чтобы хоть что-нибудь
почувствовать, отчаянно хотелось
вонзить мечи в грудь Вайросеана, и
сдержаться стоило большого труда.

--- Я презираю это место, --- сказал
Люций, мечтая убраться с этой
рукотворной скалы.

--- А я уже забыл о нем, --- отозвался
Каэсорон.

Сновидение упорно цеплялось за неровные края его сознания, его нескончаемый ужас и тяжкие сомнения повисли на шее тяжелым ярмом. В коридорах «Гордости Императора» никогда не утихало эхо криков, разносящихся из одного конца корабля в другой, их неумолчный хор свидетельствовал о самых разнузданных оргиях. Но большей части это были крики боли, но зачастую в них звучало неподдельное наслаждение.

В этой серой череде дней стало трудно отделить одно от другого.

Тем не менее, этот участок корабля казался покинутым и забытым, словно постыдный секрет, который надеешься забыть, если долго не обращать на него внимания. В просторном холле не было ни света, ни музыки, ни криков, никаких извращенных воспеваний страдания, никаких приспособлений для утонченных истязаний плоти. Казалось, это место

выпало из времени, как будто оно существовало отдельно от остального корабля.

Люций повернул за угол и оказался перед высокими арочными дверями «Лавфениче». Впечатление заброшенности тутчас рассеялось, поскольку перед входом стояли шесть воинов в поцарапанных доспехах, окрашенных в голубой, розовый и пурпурный цвета. Обветшавшие плащи, вытканые золотом, несимметричными складками свисали с шипов на их наплечниках, а на груди рубиновым огнем горели глаза хищных птиц.

Все шестеро держали в руках алебарды с золотыми лезвиями, на краях которых потрескивали искры убийственного света. Один из воинов, чье лицо закрывала маска из плоти, повернул оружие в сторону Люция, шагнул ему навстречу. Его неторопливые движения отличались уверенностью и плавностью. Воин не боялся Люция, а это свидетельствовало о чрезвычайнойглупости.

— Гвардия Феникса, — не скрывая

удовольной устешки, произнес Люций.

— Посещение «Ла Фениче» карается смертью, — донесся из-под маски сдавленный голос воина.

— Да, я слышал, — гружеским тоном сообщил Люций. — А с чего бы это, а? Как ты думаешь?

Воин Гвардии Феникса
проигнорировал его вопрос.

— Разворачивайся, мечник. Уходи отсюда, и останешься в живых.

Люций растеялся, приятно
удивленный если не серьезностью, то искренностью его угрозы.

— Вот как?! — воскликнул он, опустив ладони на рукояти своих мечей. — Неужели ты считаешь, что ты и твои грузья помешают мне войти внутрь?

Гвардейцы Феникса обступили его полукругом смертоносной стали.

— Уходи, если хочешь жить, — снова предупредил стоящий напротив воин.

— Ты уже это говорил, но дело в том, что я хочу войти, и не стоит мне препятствовать. Можешь поверить, я с большим удовольствием буду драться со

всему вам, но уверен, что исход боя
может быть только один.

Во взгляде гвардейца Люций прочел,
что сейчас его атакуют.

Энергетически усиленная сталь
рассекла воздух, но Люций уже начал
движение.

Люций пригнулся, избегая удара
алебарды, и в его руке сверкнул терранский
меч. Его кончик погрузился в пах воина.
Последовал резкий поворот кисти, и лезвие
прошло сквозь бедренную кость и мышцы,
отделив ногу от тела. Из раны хлынула
кровь, а воин, вскрикнув от боли и
удивления, рухнул на пол. Люций метнулся
в сторону, и его лазерный клинок рассек бок
противника справа. Под ударом
чужеземного металла броня разошлась, и
внутренности воина вывалились наружу,
словно торопясь покинуть его плоть.

Видоизмененные органы
стимулировали его ощущения, и Люций
расстелся яркости окружающего мира.
Темнота стала многогранной, в запахе
крови чувствовалась смесь искусственных
химикатов и биологических возбудителей.

а в блеске тусклого света на лезвиях мечей он видел пышный фейерверк, знаменующий конец Великого Триумфа. Его дыхание стало невероятно громким, кровь билась бурным потоком, а противники приближались с кажущейся неторопливостью.

Его плеча коснулась алебарга, и Люций, следуя направлению удара, перекатился по полу. Вскочив на ноги, он заблокировал возвратный удар, поворотом запястья обогнул клинок и нанес удар в шлем гвардейца. Воин беззвучно упал, а Люций отскочил в сторону, уклоняясь от клинка, грозившего разрубить его от головы до паха.

Люций с молниеносной быстротой бросился в контратаку. Первый его удар отбросил клинок противника, а второй рассек ему горло. Третьим ударом он почти обезглавил воина, а затем пригнулся к полу от другой алебарды, нацеленной острым кончиком между лопатками. Он упал на колени, скрестив перед собой мечи, чтобы поймать летящий в него клинок. Сила

атаки на много превосходила его собственную, но Люций повернул клинки, и алебарда вонзилась в пол. Лезвие громко лязгнуло, вырвав часть покрытия. Кулак Люция угодил в шлем нагнувшегося воина, разбил визор и вызвал болезненный стон. Гвардеец выронил алебарду, и блокировать стремительный удар в шею ему пришлось локтем.

Люций отсек ему руку, а затем, не поднимаясь, пронзил грудь противника лаэрским мечом. Очередная жертва, захлебываясь кровью, упала на палубу, но падая, гвардеец схватил Люция за руку и увлек за собой. Люций коснулся пола, но сумел уклониться от летящей на него алебарды последнего из гвардейцев. Он изогнулся в воздухе и легко приземлился на носки, однако меч застрял в груди убитого противника.

Оставшись только с терранским мечом, Люций театральным жестом поднял его, словно занимая позицию на тренировке, и стал описывать кончиком небольшие круги. Это был старый трюк, но воин Гвардии Феникса оказался не

слишком проницательным, и Люций
увидел, что его взгляд следует за мечом.
Люций рванулся вперед и, когда гвардеец
обнаружил свою ошибку, подался вправо.
Последовала поспешная блокировка, но
Люций уже изменил направление
движения. Кузнецы уральского клана
Террават выковали этот меч задолго до
Единения, и его лезвие никогда не
погводило Люция.

До этого момента.

Кончик меча зацепился за утолщение
на сломанном крыле орла, вызвав
колоссальное напряжение. Меч сломался, и
обломок, вращаясь в полете, вернулся к
Люцию. Ему не помогла даже
сверхъестественная реакция: острый
осколок стали прочертил от виска до
подбородка глубокую царапину.

Вспыхнула боль, такая внезапная,
такая желанная и абсолютно не
ожидаемая, что он на мгновение затер,
чтобы насладиться ее ощущением, и это
едва не погубило его.

Воин Гвардии Феникса, избежав
смерти, сделал очередной выпад. Кончик

алебарды коснулся брони Люция, но для него это было почти равносильно повреждению кожи. Обломком меча Люций разрубил древко алебарды пополам и погрозил противнику пальцем.

— Я допустил оплошность, — сказал он, не скрывая легкого разочарования. — Подумать только, позволить убить себя такому растяпе, как ты. Я бы этого не пережил.

Прежде чем воин успел ответить, или хотя бы огорчиться потере оружия, Люций поднырнул под его руку и провел безупречно выверенный удар, после которого голова гвардейца пролетела через весь зал.

Люций нагнулся за лаэрским клинком, и ему пришлось раскачивать меч из стороны в сторону, настолько прочно лезвие застряло в груди убитого. Вернувшись к себе оружие, он сорвал с трупа маску из высушенной кожи, желая посмотреть, как выглядит тот, кто надеялся превзойти его в этом бою.

Лицо оказалось ничем не примечательным, но в его обыкновенных

чертах Люций увидел издевательскую
улыбку Локена. Хорошее настроение
мгновенно испарилось. Он ударил ногой по
мертвому лицу. После первого пинка
треснула кость, после второго —
раскололся череп. Третий удар превратил
голову в кровавое месиво раздавленного
мозга и осколков костей.

Разозленный Люций вытер меч
оторванным лоскутом ткани, но его
настроение менялось, словно ветер, и он
поднял перед собой скальп, как это делает
актер на сцене.

— Поверь, так лучше. — Он указал
рукой на исковерканный череп воина, с
которого была сорвана маска. — Тот
ублюдок был намного хуже.

Затем он бросил маску и подошел к
арочному проему «Ла Фениче».

Двери, некогда украшенные золотыми
и серебряными листьями, теперь стояли
нагие. Разъяренные безумцы в своем
стремлении вернуться к прекрасным
ужасам «Маравильи» до костей ободрали
пальцы в попытке ворваться в зал. На
поверхности дверей Люций заметил

застрававшие в дереве сорванные ногти и
вытащил несколько обломков, загадая, что
ощущали люди, когда их теряли.

--- Что ты надеешься найти? ---
спросил он самого себя.

Ответа он не знал, но после отправки
легиона с Призматикки его желание,
необходимость увидеть, что творится за
опечатанными дверями заброшенного
театра, стали еще сильнее. Этот
поступок был серьезным проявлением
непослушания, и уже только поэтому
Люций жаждал продолжить исследование.

Да и убийство воинов Гвардии
Феникса лишало возможности отступить.

Люций распахнул двери и вошел в
покинутый театр.

Темнота окутала его объятиями полночной любовницы, а в ноздри ударил застоявшийся воздух. Здесь пахло металлом, плотью, пылью и вечностью. Прежде «Ла Фениче» был пристанищем волшебства, но без поддерживающей его жизни театр превратился в пустую оболочку, лишенную каких бы то ни было признаков веселья. Люций попытался вызвать в памяти великолепную анархию, царившую в зале, жестокие схватки и безумные совокupления, происходившие в партере и ложах во время торжества самых грубых инстинктов.

Вместо восхитительных моментов пробуждения, которые он хотел вспомнить, перед мысленным взором, словно слабое эхо, пронеслась вереница серых монотонных эпизодов. Сцена была разгромлена и залепана кровью, на стенах остались зловонные пятна и ошметки гниющих внутренностей, вырванных из человеческих тел. Птицы, сидевшие в

позолоченных клетках и утешдавшие слух
пением, исчезли, золотые огни рампы
погасли, а тел, которые он ожидал найти,
нигде не было видно.

Кто их забрал, и с какой целью?

Наиболее вероятные ответы — для
развлечения, для рассечения, в качестве
трофеев — его не утешдали. Люций не
обнаружил следов волочения, только
кровавые отпечатки на тех местах, где
падали мертвые, как будто их сущность
кем-то была высосана прямо здесь, кем-то,
кто черпал силы в смерти.

Люций двинулся дальше по галлерее
залу опустевшего театра, и ноги сами
собой вывели его в центр партера. Над ним
нависло Гнездо Феникса. Он непроизвольно
поднял голову в предчувствии опасности,
от которого напряглась кожа на затылке.
Казалось, будто за ним следует чей-то
злобный взгляд, хотя все органы чувств
подтверждали его одиночество.

Его взгляд привлекло единственное
пятно света во всем театре, и Люций
ничуть не удивился, обнаружив, что
портрет лорда Флэггита уже не был тем

гениальным произведением искусства, каким он полнил его до перерождения легиона. Точно так же, как и в его сновидении, картина поражала своей безжизненностью. Неискушенному взгляду мертвых портрет мог бы показаться отличным, но воин Демей Императора увидел в нем лишь жалкую поделку.

Но крайней мере, Люций так считал, пока не встретился взглядом с изображением Фүлгрита.

Он словно заглянул в бездну. Люций увидел в этом взгляде такую тучительную тоску, такой бездонный колодец боли, что у него перехватило дыхание. В немом восхищении перед столь исключительным страданием он даже приоткрыл рот. Какое же существо способно погрузиться на подобную глубину отчаяния? Это не по силу ни мертвым, ни Астармес.

Такой ужас может испытывать только одна личность.

Глаза на портрете в одно мгновение подсказали ему, кто заключен в тюрьме золоченой рамы.

— Фүлзрим! — выдохнул он. — Мой
лорд...

Глаза молили его, и от сознания тайны, теперь принадлежащей ему, тело Люция согрознулось в экстазе. Пытаясь постичь глубину падения Демей Императора, он испытал приступ головокружения, а сердце в груди яростно забилося.

Волнение настолько охватило Люция, что он бессознательно побрел к выходу из театра. Грандиозность открытия наполняла его мозг вспышкой сверхновой звезды, а руки дрожали, словно вены пронзил мощный электрический разряд.

Он шатался словно пьяный, выходя из дверей театра, а затем, окончательно утратив контроль над своим телом, рухнул на колени. Люций долго моргал, стараясь избавиться от избыточного света и красок, и тогда мир вокруг стал более реальным, более прочным и вибрирующим новыми перспективами.

Он единственный во всей Галактике знал то, что не было известно больше ни

одному существу.

Но даже Люций понимал, что в одиночку ему не справиться.

Как ни горько было это признавать, ему требовалась помощь.

--- Тайный союз, --- прошептал он. --- Я созову Братство Феникса.

Они собрались в верхней части «Гордости Императора», на обзорной палубе, откуда перед остеливавшимися странствовать в этих невообразимых галлях смертными открывался грандиозный звездный пейзаж. После Исстваана Братство Феникса еще не собиралось, поскольку его члены были больше заняты удовлетворением личных желаний, чем делами остальных.

Но это не означало, что обзорная палуба все это время пустовала. Те воины, что поглощали галлюциногенные коктейли аптекаря Фабия, искали озарения в бесконечных просторах, а многие удовлетворяли здесь свои недавно пробудившиеся жестокие инстинкты в забавах с плотью и оружием. Повсюду виднелись растерзанные тела и груды битого стекла, а из-под беспорядочно сваленных в кучу одежды и кожаных ремней порой доносились стоны.

Прежде это было место спокойного

единения, где воины в своем стремлении к совершенству могли медитировать без помех, теперь же помещение превратилось в арену разврата, беспредельных ужасов и потворства любым страстям, не сдерживаемым никакими нормами морали. Никто больше не приходил сюда с желанием стать лучше, и от дискуссий о грандиозных идеях осталось только слабое эхо. Мало кто вспоминал о былых спорах, а большинство относилось к ним с пренебрежением. Если и было на борту «Гордости Императора» место, наиболее ярко воплощавшее полное перерождение Детей Императора, так это обзорная палуба.

Приглашение Люция заинтриговало многих, и они приходили по двое и по трое, надеясь на новое развлечение, способное пробудить их интерес хоть на некоторое время. То, что приглашение поступило от Люция, никогда не проявлявшего внимания к делам Братства, было уже достаточным поводом на него откликнуться. К тому времени, когда Люций решил, что пора действовать,

перед ним стояло двадцать воинов.

Больше, чем он ожидал.

Пришел первый капитан Каэсорон и Марий Вайросеан, и, что более важно, если подозрения Люция верны, пришел аптекарь Фабий. Вслед за ними явились Калим, Даймон и Крисандр, а также Рүэн из Двадцать первой роты. Затем пришли Телитон и Абранкс, и еще кто-то, чьих имен Люций не потрудился запомнить. Собравшиеся смотрели на него с легким изумлением, поскольку в ордене обычно относились к нему с изрядной долей презрения. Люций старался сдерживать свой нрав.

— Зачем ты нас позвал? — спросил Калим. На его унылом лице поблескивали многочисленные кольца и зазубренные крючки. — Это братство для нас теперь ничего не значит.

— Я хочу вам кое-что рассказать, — сказал Люций, глядя на первого капитана Каэсорона.

— Рассказать о чем?! — взревел Вайросеан, не сознавая, насколько громко звучит его голос.

--- Фүлзрим не тот, за кого себя выдает, --- объявил Люций, стараясь сразу же пробудить в них интерес. --- Это самозванец.

Крисандр расхохотался, так что кожа на его лице потрескалась. Остальные присоединились к его смеху, но ярость Люция сдерживал тот факт, что Каэсорон и Фабий заинтересованно прищурились.

--- Я должен бы убить тебя за такие слова, --- заявил Даймон и выхватил из наспинного крепления тяжелый, усыпанный шипами молот.

Одного удара этого чудовищного оружия было достаточно, чтобы сокрушить любого, кому не повезло оказаться в пределах его досягаемости.

Рүэн обошел Люция сзади, и из-за спины послышался шорох обнажаемого кинжала убийцы. Он даже облизнул губы, ощутив привкус яда на его лезвии.

--- Я знаю, что это звучит невероятно, --- произнес Люций.

Теперь его жизнь висела на волоске. Одно дело --- справиться с горсткой солдат

Гвардии Феникса, но сразиться с двутя десятками капитанов легиона — это совсем другое. При мысли о таком сражении он устехнулся, хотя и понимал, что шансов остаться в живых у него нет.

— Пусть он говорит, — шипящим шепотом проговорил Фабий. — Я хочу послушать мечника. Интересно, что навело его на подобные мысли.

— Ага, пусть щенок выскажется, — поддержал Каэсорон и занял позицию рядом с Даймоном.

Марий Байросеан снял с плеча акустическую пушку, провел покрытыми рубцами пальцами по контурам гармоник, и оружие отозвалось низким зубодробительным гулом, на несколько мгновений заполнившим обзорную палубу.

Остальные члены Братства образовали круг, и Люций, как бы он ни наслаждался смертельной опасностью, ощутил себя удивительно живым. Крисандр, глядя на него черными, как у притарха глазами, провел украшенным крючками языком по губам и вытащил из живой плоти обнаженного бедра кинжал с

алым лезвием.

--- Я сдеру с тебя кожу, Люций, ---
пообещал он и слизнул с клинка капли
застывшей крови.

Калим отстегнул с кольчатого пояса
свернутый кнут, по всей длине которого
блестели острые клыки карнодона, а на
конце имелся встроенный усилитель боли.
Кнут, пульсируя, словно тело змеи, обвился
вокруг ноги своего хозяина. Абранкс
освободил от ножен пару мечей, а его
побратим Телитон надел усиленные
загнутыми шипами рукавицы.

Они подошли ближе, сжмая круг, и
стали описывать ужасные тучения,
которым подвергнут наглеца, постевшего
отнять у них время. Каждый из капитанов
старался превзойти своих собратьев, но
Люций заставил себя проигнорировать все
угрозы.

--- Говори, Люций, --- велел Каэсорон. ---
Убеди нас в том, что мы обмануты.

Люций смотрел в безжизненные глаза
Каэсорона и надеялся, что первый капитан
станет его союзником.

--- Я мог бы и не делать этого, не так

ли? -- спросил Люций.

-- Ты глупец, если думаешь, что я тебя не убью, -- ответил Каэсорон.

-- Я знаю, что ты можешь убить меня, первый капитан. Но я не это имел в виду.

-- А что же ты имел в виду? -- проворчал Калим, щелкнув кнутом, оставившим на покрытии палубы кровавый след.

Люций обвел взглядом лица собравшихся. Кто-то сохранил свой патрицианский облик, присущий всемогущим воинам до Усстваана, лица других скрывали причудливые маски из кожи или бесполые фарфоровые лики клоунов. Но большую часть лиц обезобразили глубокие раны, неоднократные ожоги, химические рубцы и многочисленный пирсинг.

-- Потому что ты и сам об этом знаешь, первый капитан, не так ли? -- сказал Люций.

Каэсорон устехнулся, что было не слишком легко, учитывая как мало осталось от его лица. А блеск ликующего безрассудства в его взгляде подтвердил

подозрения, которые зародились еще на Призматике.

Каэсорон знал, что Фүлзрим не тот, за кого себя выдает, но для того, чтобы убедить всех остальных, одного союзника Люцию было недостаточно.

--- Вы и сами это заметили, братья, --- сказал Люций, глядя, как Калим обвиняет свое тело тугими кольцами бича. --- Фениксиец разговаривает, но это не его голос. Он говорит о славных битвах так, словно сам не принимал в них участия. Он едва помнит войну против лаэр, а об остальных победах повествует так, будто прочел о них в учебнике истории.

--- Прошлые войны, --- фыркнул Рүэн, пробуя на вкус яд со своего кинжала. --- Они велись во имя другого. Какое мне дело до воспоминаний о них?

--- Я забыл, кем был в прошлом, --- сказал Гелитон. --- Важно то, кем я стал сейчас.

--- Дурной сон, от которого мы проснулись, --- добавил Абранкс. --- Если притарх забывает о нем, это хорошо.

Кольцо воинов настолько сужилось,

что Люций обнажил свои мечи. Гелитон хлопнул его по наплечнику шипованным кулаком. Довольно сильно, чтобы причинить боль, но недостаточно, чтобы спровоцировать ответную реакцию. Люций подавил инстинктивное желание снести голову ублюдку. Затем щелкнул кнутом Калима, и Люций поморщился, когда на его плече остались кровавый след и белый клык, застрявший в броне.

Кинжал Рүэна ударил в рану, нанесенную кнутом Калима, и мгновенно зажег платя в нервных окончаниях плеча и вызвал сильные судороги. Люций покачнулся, перед его глазами заплесали яркие разноцветные огни.

— Я видел его портрет в «Лавфениче», — сквозь стиснутые зубы произнес он. — Это он. Он, каким был до побоища.

Люций ощутил, как жажда убийства окружающих его воинов немного утихла, и тогда слова полились неудержимым потоком.

— Вы все видели его, все видели сияние его жизни. Это был настоящий

Фүлзрим, каким он должен был
оставаться вечно. Ослепительное
воплощение совершенства. Торжество
непреходящей красоты. В нем мы видели
все, к чему стремились, видели образ,
достойный нашего поклонения. Я видел его,
сияющий облик исчез. Такое впечатление,
будто они поменялись местами, словно
двуши близнецов, перемещенные каким-то
сверхъестественным способом.

— Если это не фениксиец, кто же
командует нами после битвы в черных
песках? — спросил Калим.

— Я не знаю, точно еще не знаю, —
признался Люций. — Я не понимаю до
конца, но сила, проявившаяся на премьере
«Паравильи»... Я видел, как она овладела
телом той смертной невицы и переделала
его, будто нагретую восковую фигуру. Вы
все это видели. Фүлзрим
продемонстрировал нам силу, которая
делает плоть мягкой, словно глина, и кто
может сказать, где предел его
возможностей? На Усстваане в него
проникло нечто достаточно сильное,
чтобы овладеть разумом примарха.

--- Лорд Фүлгрим называл этих существ демонами, --- заговорил Марий Вайросеан. --- Это древнее слово, но оно прекрасно подходит. Демоны кричат в ночи, когда мы странствуем между звездами, они царапают броню кораблей ужасными кошмарами и трагичными предзнаменованиями. Они создают в моей голове великолепную музыку.

Люций кивнул:

--- Да. Это демон. В «Ла Фениче» вы все видели, на что они способны. Они обладают могуществом. И теперь лорд Фүлгрим тоже наделен им. На Призматике я видел, как он обрушил заклинание на боевую машину Механикум. Энергетический барьер к тому моменту уже рухнул, и он, даже не прикасаясь к капитану, вызвал мутацию и стремительный рост всей плоти, что находилась внутри, после чего машину разорвало. Лорд Фүлгрим --- могущественный воин, но даже у него не было таких способностей. Подобные вещи под силу только Алоту Королю.

--- Лорд Фүлгрим не колдун! ---

воскликнул Абранкс, бросаясь на Люция с поднятым мечом.

Люций без труда отбил его вынаг, а в результате ответного удара на щеке Абранкса появился новый шрам.

--- Я этого и не говорил, --- продолжал Люций, оставаясь в оборонительной позиции. --- Послушайте, мы знали, что подобными вещами занимается магистр войны, но дело зашло слишком далеко.

Каэсорон оттолкнул капитанов и схватил Люция за края нагрудной брони.

--- Ты думаешь, что за этим стоит Хорус Лүперкаль?! --- рявкнул он.

--- Не знаю. Может быть. Или Фүлгрим, возможно, зашел дальше, чем мы могли предположить.

Каэсорон оглянулся на Фабия, остававшегося невозмутимым на протяжении всей встречи. Затем первый капитан выхватил изогнутый кинжал и прижал его кончик к пульсирующей артерии на шее Люция. Даймон, почувствовав кровопролитие, провел руками по древку боевого молота, готовясь нанести сокрушительный удар.

--- Фабий, что скажешь? --- спросил
Каэсорон. --- Есть в словах мечника какой-
то стыл, или можно убить его прямо
сейчас?

Апотекарий провел рукой по редким
белым волосам. Заострившиеся черты
продолговатого лица опровергали любые
подозрения о наличии силы в его
конечностях. Зато из-за плеча с шипением
и треском поднялся манипулятор
автоматического хирурга, приросшего
к спине апотекария, словно паразит, и
прикоснулся к щеке Люция тонким
лезвием. Инструмент был настолько
острым, что мечник ощутил только
легкое как перышко касание, а о порезе
догадался лишь после того, как на губы
капнула кровь.

Темные глаза апотекария
удовлетворенно сверкнули, и он задумчиво
кивнул, как будто пытался предугадать
исход поединка между равными по силе
противниками.

--- У я заметил кое-какие вещи,
заставившие гадать, что происходит с
нашим возлюбленным примархом, ---

признался Фабий.

Из-за обожженной в пустыне гортани его голос напоминал шорох скользящей по песку змеи.

--- Что это за вещи? --- спросил Казэсорон.

--- Изменения в составе его крови и плоти, --- ответил Фабий. --- Похоже, что молекулярные связи, благодаря которым организм является единым целым, начинают распадаться.

--- Что могло привести к этому?

Фабий пожал плечами.

--- В этом мире --- ничего, --- плотоядно устехнулся он. --- Как вы понимаете, процесс этот представляет колоссальный интерес. Его тело как будто подготавливается к величайшему вознесению, к чудесному растворению плоти, переходящей в иное, необычное качество.

--- И ты даже не подумал сказать нам об этом?! --- воскликнул Люций, не забывая о приставленном к горлу кинжале.

Даже при самом осторожном движении мономолекулярное лезвие уже

прокололо бы его кожу.

--- Говорить о чем-либо было еще рано, --- отрезал Фабий. --- Я не делаю пауз в своих исследованиях, как и вы не останавливаетесь в разгар дуэли.

--- Хочешь сказать, что веришь ему? --- спросил Марий Вайросеан, не в силах скрыть отвращение при мысли, что тело их повелителя узурпировано каким-то другим существом.

Марий всегда отличался собачьей преданностью притарху и следовал его приказам беспрекословно, не задавая вопросов и не испытывая сомнений.

--- Да, Вайросеан, --- ответил Фабий. --- Мои исследования еще не закончены, но я уверен, что внутри фениксийца поселилось другое существо, и оно готовится трансформировать его.

Люций с трачным удовлетворением отметил, что именно верность Фүлгриту толкает их, словно настоящих заговорщиков, на татеж. В глазах Императора причиной их проклятия стало слепое, беспрекословное поклонение выдающейся личности. Урония этого

обстоятельства не ускользнула ни от одного из участников встречи.

--- Сколько времени должно пройти до полной трансформации? --- спросил Каэсорон.

Фабий покачал головой.

--- Это невозможно определить точно, но я подозреваю, что стадия окукливания будет короткой. По правде говоря, изменения на физическом уровне уже начались. И останавливать их скорее всего поздно.

--- Но, возможно, все-таки не поздно? --- спросил Люций.

--- Ничего не могу сказать с уверенностью.

--- В таком случае, нам следует попытаться, --- заявил первый капитан. --- Если Фүлгрим уже не повелевает своим телом, мы должны исправить положение. Мы его сыны, и то существо, что завладело его плотью, необходимо схватить и удалить. Наш генетический отец --- лорд Фүлгрим, и я не желаю подчиняться ничьим приказам, кроме его.

Собравшихся капитанов охватило

лихорадочное волнение, а Люций судорожно
выдохнул. Он сумел убедить собратьев и
сохранил кровь в своих венах, а голову -- на
плечах.

-- Итак, сразу возникает вопрос, --
сказал он. -- Как мы собираемся слагить с
примархом?

Галерея Мечей была тем местом, где эксгибиционисты из числа Демей Императора предпочитали демонстрировать свои последние достижения в преобразовании плоти. Приверженцы апотекария Фабия, надеясь привлечь его внимание, устраивали показы в окружении быкоголовых статуй, обрамлявших главный проход.

Величественные, вырубленные из гранита герои легиона, запечатлевшие начальные шаги истории Демей Императора по дорогам Галактики, больше ничем не напугивали людей. Их любовно высеченные лица исчезли и были переделаны в формы, удовлетворяющие новоту, трачному вкусу легиона. Ухмыляющиеся фантастические лики наблюдали за каждым, кто проходил под ними, и все, кто поднимал взгляд, ужасались их искаженному виду.

Обиталище апотекария Фабия располагалось под Галереей Мечей.

Обширный медицинский комплекс из
места излечения, исследований и
стремления к совершенству давно
превратился в сумрачный лабиринт
пытток, стенаний и кошмарных,
нечеловеческих экспериментов.

Фүлгрим, величественный в глинном
одеянии кремового цвета с серебряной
отделкой по вороту и поголу, вошел в
Галерею Мечей в сопровождении Юлия
Каэсорона. Его талию обвивал пояс из
зеркальных дисков, и рука не покидала
золотой рукоятки анафема.

Белоснежные волосы притарха,
стянутые в хвост и перевитые жемчугом,
удерживал золотой венец в виде лаврового
венка. Бледную кожу обнаженной груди
испещряли многочисленные шрамы,
оставшиеся после недавнего лечения и
усовершенствования, проведенного Фабием.

Своим ростом Фүлгрим превосходил
облаченного в доспехи терминатора
Каэсорона. Этот воин внушал страх даже
без боевых доспехов.

Притарх остановился у статуи,
особенно сильно пострадавшей от рук

утельцев легиона. Глядя на рептилию с
головой быка, он не удержался от улыбки.
Броню воина теперь украшали священные
символы, а петли из колючей проволоки,
закрепленные на его вытянутых руках и на
шее, удерживали три выпотрошенных
трупа.

— Ах, Улий, ты бы теперь сам себя
не узнал, — произнес Фүлгрим, и в его
голосе прозвучали ностальгические
нотки. — Я помню тот день, когда ты
впервые обнажил меч, сражаясь рядом со
мною против союза восемнадцати племен.
Мы тогда были молоды и ничего не знали
о внешнем мире.

— Вы хотели бы, чтобы сейчас он был
с нами? — спросил Казсорон.

Фүлгрим со стехом покачал головой:

— Нет, потому что, боюсь, мне
пришлось бы его убить. Он всегда был
таким непреклонным, Юлий. Этот воин
неизменно придерживался древнего кодекса
чести. Не гдую, чтобы он одобрил
снизошедшее на нас озарение.

Примарх с тоской посмотрел на
своего бывшего товарища по оружию, и его

лицо цвета алебастра грознуло от странного выражения. Глаза Каэсорона уже не могли воспринимать мир с той же отчетливостью, что и прежде, но даже он заметил во взгляде примарха тени трагических воспоминаний.

--- Какими наивными мы были, дружище, --- пробормотал Фүлгрим. --- Какими слепыми...

--- Мой лорд?

--- Ничего, Юлий, --- ответил Фүлгрим, направляясь к концу галереи.

--- Как погиб лорд-командор Уллий? --- спросил Каэсорон.

--- Тебе это известно, Юлий. В своем стремлении к совершенству ты не мог не запомнить историю наших прошлых побед.

--- Да, я знаю, но услышать рассказ из ваших уст всегда намного приятнее.

--- Ладно, --- улыбнулся Фүлгрим. --- Апотекарий Фабий не будет возражать, если ты немного опоздает.

Каэсорон тряхнул головой.

--- Уверен, что не будет.

--- Хорошо. Ах, Уллий, тебя привел к гибели твой характер, --- заговорил

Фүлгрим стягченными воспоминаниями
голосом. -- Ты легко впадал в ярость и
потом горько сожалел об этом. Не лучшие
качества для воина, но ты был настолько
силен, что оставался в живых, несмотря
на этот недостаток. Он был могучим
воином, Юлий, высоким и гордым, с
трехсторонним «Палачом Фальчионом», в
бронне с Кемоса. Он не знал презраг. Только
один воин мог оспорить его превосходство,
но Уллий не питал ко мне зависти.

-- Он ведь погиб в городе-левиафане
диктатора Барчеттана, не так ли?

-- Если ты так хорошо знаешь эту
историю, зачем просишь меня ее
рассказывать? -- сердито сверкнул
глазами Фүлгрим.

-- Простите, мой лорд, -- извинился
Каэсорон, склонив голову. -- Это
захватывающая повесть, и ваши слова
увлекли меня.

-- Тогда придержи язык за зубами,
Юлий, -- велел Фүлгрим. -- Ты не должен
перебивать, когда я говорю. Неужели
смерть Эйдолона не послужила тебе
уроком?

— Это было поучительно, — сказал
Каэсорон.

— Когда я говорю, я уподобляюсь
звезде, вокруг которой вы вращаетесь, —
заявил Фүлгрим, слегка наклонясь и
установившись на Каэсорона пылающим
взором.

Черные глаза примарха превратились
в озера цвета нефти, готовой вспыхнуть
пламенем неописуемой ярости. Каэсорон
знал, что совершил ошибку, и его жизнь
теперь висит на волоске.

— Мой лорд, кто, кроме вас, может
говорить с такой страстью, что я
забываю обо всем?

— Никто, — согласился Фүлгрим. — И
это вполне естественно, что мои слова
тебя завораживают.

Гнев Фүлгрима испарился, и он
хлопнул ладонью по наплечнику
Каэсорона, отчего первый капитан слегка
покачнулся.

— Да, ты с тобой стоил друг друга,
верно, Юлий? — заметил примарх. —
Предается воспоминаниям о прошлых
славных победах, когда перед нами

выстроились новые враги, и нас ждут новые ощущения.

--- В таком случае, надо поспешить к аптекарию Фабью, --- предложил Каэсорон, указав рукой на окутанную сумраком арку в конце галереи.

--- Да, поторопимся, --- звенящим от предвкушения голосом согласился примарх. --- Интересно, что он предложит на этот раз.

--- Он обещает удивительные вещи, --- заверил его Юлий Каэсорон.

Люций наблюдал, как Фүлгрим и Каэсорон приближаются к концу галереи. Дыхание вырывалось из груди короткими толчками, и он старался сдерживать волнение, чтобы сосредоточиться. Как ни будоражил его кровь предстоящий бунт, он все-таки хотел пережить этот день. Нападение на примарха, вероятно, граничило с убийственной глупостью, но вихрь новых ощущений уже обострил интенсивность восприятия.

Его обнаженная ладонь ощущала все разнообразие поверхности камня — гладкого и грубого, шероховатого и неровного после резца. Отполированный до лунного блеска гранит прежде был безукоризненно гладким, но затем его поверхность под ликующие вопли была иссечена и переделана заново. Люций уже не мог определить, в тени какого из героев скрывался, и этот пробел тревожил его, словно отсутствующий зуб.

Люций отогнал только что

возникшую навязчивую мысль, сугорожно
вдохнул и все свое внимание сосредоточил
на предстоящей задаче. Стремление
довести до совершенства каждое
испытываемое ощущение весьма
благородно, но оно обладает скверным
свойством отвлекать воина от
намеченной цели. Достаточно плохо, если
хотя бы один воин так увлечен этим
желанием, но любой мир, ставший целью
сдержанности целого легиона, достоин
самого горького сожаления.

Люций снова окинул взглядом
галерею, наблюдая, как Каэсорон все
далее и далее увлекает Фүлгрима в
ловушку. В тени огромных статуй
спрятались воины Вайросеана, и каждого
окучивала пелена молчания, создаваемая
имплантированными нейронными
крикунатами, которые бомбардировали их
тозг пронзительными дисгармониями.
После соответствующей команды эти
крикунаты утихнут, лишив воинов
благословенных звуков, что спровоцирует
стремление к новым стимулам. Это
устройство Вайросеан придумал по пути с

Призматик и утверждал, что на поле боя оно превращает какофонистов в одержимых убийц.

Подобное свойство не может быть лишним при нападении на примарха.

С трудом верилось, что примарх не обнаружит их присутствие, но Фүлгрим был настолько же увлечен своими страстями, насколько и сам Люций, и весь легион. И если Люций сознавал, как тяжелы и непроницаемы тучи его собственной одержимости, он мог только гадать, каких высот самолюбования достиг такой блистательный воин, как Фүлгрим. Справа от себя он видел скрытый в тени вход в заброшенное логово апотекария Фабия. Он помнил, как спускался в слабо освещенный лабиринт после того, как покинул глупцов на Устваане V, и тогда каждый его нерв был напряжен в ожидании талейшей угрозы. С тех пор он посещал апотекарион всего несколько раз, поскольку его мастерство техника исключало необходимость в медицинской помощи. В тот раз здесь царил стерильный клинический холод,

пропахший антисептиками, но теперь тут развернулась галерея ужасов: на стенах темнели пятна цвета ржавчины и висели биологические трофеи, а в резервуарах булькали токсичные растворы и плавали любопытные образцы мутантов. В апотекарионе стояла страшная вонь.

В тот раз, когда Фабий вскрыл его тело и переделал по образцу и подобию примарха, помещение показалось ему кладезем диковин. Но как бы Люций ни восторгался новым миром, открытым для него Фабием, он не мог преодолеть отвращение к этому месту. Хотя теперь он считал подобные телочи несущественными.

Он услышал, как Фүлгрим задал вопрос, хотя и не разобрал слов, и мысленно выругался, сознавая, что снова отвлекся. Взяв себя в руки, Люций сконцентрировал все внимание на стоявшей перед ним задаче. Фүлгрим был уже совсем близко, а Люцию, как архитектору замысла, предстояло сделать первый шаг.

Он вышел из тени, и незначительная преграда, отделяющая жизнь от смерти,

стала еще тоньше.

Его чувства переполнила яркость этого момента, волнующее предвкушение предстоящей операции, явное безумие замысла и необратимость последнего шага.

— Люций? — окликнул его Фүлгрим, удивленно улыбнувшись. — Что ты здесь делаешь?

— Я пришел поговорить с вами.

— А где же «мой лорд», Люций? Ты забыл, с кем говоришь?

— Я не знаю, с кем сейчас говорю, — сказал Люций, взглядываясь в непроницаемые глаза Фүлгрима.

Он не нашел там ни сострадания, ни гуманности, ничего, что указывало бы на его повелителя и господина, которому он был предан всем сердцем. Он даже сомневался, было ли все это, или он вспоминал несуществующее прошлое, выдуманные черты, чтобы оправдать свой поступок.

— Я — Фүлгрим, повелитель Детей Императора, — произнес Фүлгрим, взглядываясь по сторонам, словно

настораживаясь и догадываясь о петле, в которую сунул свою шею. -- И ты должен мне повиноваться.

Люций покачал головой и положил ладонь на рукоять меча. Он даже не удивился, обнаружив, что кожа на руке вспотела и стала скользкой.

-- Я не знаю, кто ты, но ты не Фүлгрим, -- сказал Люций, вызвав смех примарха.

Это был настоящий смех, заразительный и веселый. Смех человека, который знает, что услышанная шутка должна быть оценена по достоинству, даже если никто вокруг ее не понимает.

-- Ты считаешь, что сможешь победить меня, мечник? Я прав? -- спросил Фүлгрим. -- Я вижу, как ты поглядываешь на меня, вижу, как стремишься доказать, что ты лучший из всех. Думаешь, я не знаю, как тебе хочется скрестить со мной мечи?

Люций скрыл свое изумление. Он считал, что Фүлгрим слишком поглощен собственной особой, чтобы заметить его испытующие взгляды, но следовало

полнить, что истинное самолечение
питается вниманием окружающих.
Фүлгрим, вероятно, наслаждался его
увлеченностью, и кто знает, что еще он
сделал? Неужели все его движения были
пантомимой, чтобы подхлестнуть
самолюбие Люция, или он просто
блефовал?

— Я начал наблюдать за тобой еще
на Усттваане-пять, и ты не тот воин, за
которым я шел в бой на Лаэране. Это не
тот Фүлгрим, с которым я спускался на
поверхность мира эльдар, смотрит на
меня сейчас и подстрекает к поединку. Ты
захватчик, присвоивший лицо моего
господина, а я не подчиняюсь приказам
үзүрпатора.

Фүлгрим снова расхохотался, и даже
согнулся, словно предаваясь бурному
веселью, вызванному словами Люция. А
Люций раздраженно нахмурился. Что же
такого смешного он сказал? Он бросил
взгляд на Каэсорона, но выражение лица
первого капитана не поддавалось
определению.

— Ах, Люций, ты редкое и неоцененное

сокровище! — воскликнул Фүлгрим. — Не понимаешь? Ведь ты все получаешь приказы от үзүрнатора. Хорүс Лүперкаль еще не заслүжил титул Императора. А до тех пор, разве он не үзүрнатор?

— Это не одно и то же, — возразил Люций, чувствуя, что в этом споре земля уходит у него из-под ног. — Хорүс Лүперкаль — уже магистр войны, а ты — уже не Фүлгрим. Я вижу лицо моего примарха, но за ним скрывается что-то еще, и это существо рождено теми же силами, которые дали нам возможность в полной мере вкушать чүдеса Галактики.

Фүлгрим выпрямился.

— Если дело только в этом, мечник, почему же ты не падаешь передо мной ниц и не умоляешь открыть тебе глаза на новые чүдеса? Если уж я воплощение Князя Тьмы из Варна, облаченное в плоть твоего возлюбленного примарха, неужели я не смогу лучше него удовлетворить твои стремления и желания?

В сумрачном алькове между статуями шевельнулись тени, и Люций увидел, что из-за императорской фигуры

порда-командора Неллеона вышли Гелитон и Абранкс. По главному проходу к ним направился Марий Вайросеан, и силовые контуры его длинноствольной пушки уже гудели, готовые к разряду. Затем из укрытий вышли его какофонисты с горящими от жажды нового акустического экстаза глазами.

Из-под арки, ведущей в его секретное царство, поднялся апотекарий Фабий, сопровождаемый Калимом, Даймоном, Рүэном и Крисангром.

Фүлгрим медленно развернулся, оглядывая собравшихся вокруг него воинов. Люций насчитал их пятьдесят и пожалел, что не позвал еще пятьдесят. Или, еще лучше, сотню.

Капитаны легиона, с оружием в руках и жаждой смерти в сердце, окружили Фүлгрима. Люций обнажил мечи и шевельнул плечами, расслабляя мышцы. Они не собирались убивать Фүлгрима --- если подобное вообще под силу смертным --- но эта быстро разворачивающаяся драка, похоже, грозила выйти из-под контроля.

--- Увы, я предан тебе, кого считал

своими самыми близкими друзьями! ---
воскликнул Фүлгрим, прижав руки к груди,
словно сдерживая разбитое сердце. --- Вы
все согласны с этой ложью? Неужели вы
действительно верите, что перед вами не
ваш генетический отец, который отвел
вас от пропасти вымирания, который
привел к истинам, отрицаемым нашим
бывшим отцом?

Лицо Фүлгрима сгорело, и
Люций с горечью увидел, как по мраморной
безупречности его кожи скатилась
одинокая слеза.

Удрученный взгляд притарха
остановился на Юлии Каэсороне.

--- И ты, Юлий? --- спросил
Фениксиец. --- Значит, конец Фүлгриму!

--- Взять его! --- крикнул Юлий
Каэсорон.

Залл пронзительных раскатов из
туннели Вайросеана заставил капитанов
расступиться. От акустической атаки по
каменным фигурам протянулись трещины,
а Люций, отброшенный звуковой волной на
плиты галереи, ощутил восхитительную
угрозу во всем теле.

Фүлгрим покачнулся и упал на одно колено, его одеяние было сорвано ударной волной, а золотой лавровый венок рассыпался по полу мельчайшими осколками. Тело примарха осталось обнаженным, если не считать багряной набедренной повязки, и его почти змеиная гибкость вызвала у Люция невольное восхищение. Даймон, подскочив к поверженному примарху, сверху вниз, словно топором палача, нанес удар своим огромным молотом.

Фүлгрим уклонился от удара, так что усеянный шипами молот врезался в каменный пол. Осколки фонтаном взлетели из-под шипов, и прежде чем Даймон сумел поднять оружие, Фүлгрим встал и нанес ему по лицу удар открытой ладонью. Воин не успел даже вскрикнуть, как на его голове вместо лица образовалась кровавая вмятина. Пока Даймон падал, Фүлгрим успел правой рукой перехватить рукоять молота, а Рүэн, ринувшись вперед, всадил в бок примарха отравленное лезвие своего кинжала.

Рүкоять молота врезалась в руку Рүэна, переломав кости от плеча до самой кисти. Воль капитана прозвучал в ушах Люция настоящей музыкой, а Фүлгрим тем временем успел выдернуть из своего тела стихотворно миниатюрный кинжал. Ударом ноги он отбросил Рүэна, и тот, пролетев через всю галерею, с треском ломающейся брони и костей ударился в стену.

Люций кружил возле примарха, еще не решаясь вступить в бой. Рүкоять меча вибрировала в руке — клинок жаждал отведать изысканной крови и заплясать в танце мечей.

— Еще рано, мой милый, — шептал Люций. — Пусть сначала другие отведают ярости и силы примарха.

Если яд Рүэна и оказывал какое-то действие на примарха, Люций этого не заметил. Похоже, что капитан Двадцать первой роты напрасно похвалялся, будто перед его отравой не устоит ни одно живое существо.

Какофонисты пустили в ход акустические орудия, наполнив Галерею

Мечей оглушительным эхом
дисгармоничных звуков, от которых у
каждого, кто их слышал, из ушей начинала
течь кровь. Фүлгрим, плоть и кости
которого так яростно сотрясались от
звуковых волн, что этого хватило бы на
тройное убийство, закричал от
удовольствия.

В бой вступил Гелитон. Его
шипованный кулак врезался в спину
Фүлгрима с такой силой, что мог бы
слопать позвоночник даже закованному в
броню Астартес. Примах выдержал удар и
мгновенно развернулся. Ткнув поднятым
локтем, он опрокинул Гелитона, оставив
его челюсть висеть на одних сухожилиях.
Абранкс, видя поражение побратима, с
криком направил оба своих меча в шею
Фүлгрима. Один клинок отразил молот
Даймона, но Абранкс увернулся от
страшного оружия и вторым мечом рассек
горло Фүлгрима.

Из раны хлынула кровь, а глаза
притарха широко раскрылись от
искреннего удивления. При виде
великолепного удара, нанесенного таким

заурадным фехтовальщиком, как Абранкс, Люций на мгновение ощутил горькое разочарование и острую зависть. Но кровь, едва показавшись из раны, тотчас остановилась, а Фүлгрим, схватив Абранкса за шею, отшвырнул его в сторону.

— Хороший удар, Абранкс, — почти с удовлетворением произнес примарх. — Я это запомню.

В этот момент бич Калима с громким щелчком обвился вокруг левой руки Фүлгрима. Клыки карнодона впились в плоть, из ран мгновенно показались капли крови. Пока Калим подтягивал кнут, Каэсорон, шагнув вперед, пустил в ход потрескивающий энергетическим зарядом кулак. Аугментированное оружие обладало мощностью, достаточной для поражения брони среднего танка, и удар Каэсорона швырнул Фүлгрима на колени. Каэсорон еще не успел ударить во второй раз, а Калим уже резко дернул кнут, и Крисандр сумел вонзить свой кинжал примарху между лопаток.

Фүлгрим сожмул пальцы на усеянном клыками кнуте и как будто слегка

потянул, но этого оказалось достаточно, чтобы сдернуть Калима с места и бросить его на Крисангра, после чего оба воина отлетели в другой конец галереи. Каэсорон размахнулся, но Фүлгрим уже был готов к его атаке. Он блокировал удар кулака молотом Даймона, а свободной рукой ударил Каэсорона в лицо. Капитан со стоном упал, но Фүлгрим даже не попытался его прикончить.

--- Люций, скорее, бей! --- закричал Фабий.

Не успел Люций мысленно выругать аптекаря, как Фүлгрим уже повернулся в его сторону. Примарх бросил молот и поднял мерцающий клинок, подаренный ему Хорусом Лүперкалем на борту «Духа мщения».

--- Ну, вот ты и добрался до поединка, мечник, --- устехнулся Фүлгрим, слегка покачиваясь.

Люций посмотрел на непельнобледное тело примарха и сплюнул на палубу.

--- Этот поединок ничего не стоит, --- сказал он. --- Яд Рүэна и твои раны делают

его бессмысленным.

Фүлгрим широко развел руки и посмотрел на капли крови, вытекающей из его тела.

--- Это?! --- воскликнул он. --- Это пустяки. Подходи ближе с мечом, который я дал тебе, и мы решим этот спор раз и навсегда. Угем?

Люций склонил голову набок, взглянул в пылающие бешенством глаза примарха и осознал истину --- незыблемую и неизбежную.

Фүлгрим, несмотря на свои раны, убьет его.

А Люций еще не был готов умирать.

Он еще обдумывал свои шансы, когда за спиной Фүлгрима поднялся Казсорон, и силовой кулак обрушился на череп примарха. Мощный удар, способный раздробить в кровавую кашу череп любого другого противника, бросил Фүлгрима на пол. Фениксиец тряхнул головой, и его окровавленный оскал напугал Люцию изображением смерти, увиденное им в развалинах Устваана V.

Фүлгрим еще пытался встать на

ноги, когда Марий Вайросеан, приставив дуло акустической пұшки к его шее, выпустил залп пронзительных звуков, наполнивший галерею шумом и вызвавший новое кровотоечение из ушей воинов. Люций вскрикнул он боли, а Фұлгрим, закатив глаза, издал стон, в котором явно звучало иступленное наслаждение.

Меч вынул из рұки примарха и с глухим стуком опустился на треснувшие плиты. Люций, подняв голову, старался прогнать ослепительные разноцветные пятна, плясавшие перед глазами, и избавиться от звона тысяч колоколов в ушах. Он стоял в нескольких метрах от Вайросеана и даже представить себе не мог, какой эффект выстрел акустической пұшки произвел на примарха.

Оставшиеся в живых капитаны поднялись и образовали кольцо оглушенных воинов вокруг поверженного божества. В этой беспримерной схватке воины легиона выступили против своего примарха, и теперь сознавали чудовищность совершенного.

Люций не мог разобратъся в

собственных чувствах. Он избегал гүэли с
Фүлгримом, гүэли, которую, как он
ощущал всем существом, должен был
проиграть. Но какое-то смутное чувство
подсказывало ему, что еще представится
шанс скрестить клинок с чужеродным
оружием примарха и при этом остаться в
живых, чтобы рассказывать о поединке.

Люций обвел взглядом товарищей. Но
никто не ответил ему тем же, не в силах
отвести глаз от упавшего Фүлгрима.
Калим истекал кровью, сочившейся из
многочисленных трещин в броне, а
нагрудник Калима был так сильно вдавлен
ударом, что его костяной щит наверняка
раскололся вдребезги. Абранкс,
опустившись на колени рядом с
Гелитонот, держал в руках обломки его
челюсти. Разверстый рот Вайросеана в
торжествующей гримасе раскрылся еще
шире, а Юлий Каэсорон поспатривал на
свой кулак, словно не в силах поверить,
что в гневе поднял руку на Фүлгрима.

Никто не произнес ни слова. Никто не
знал, что сказать.

Они с оружием в руках выступили

против своего примарха и наслаждались
этим.

Молчание нарушил аптекарий
фабий.

--- Глупцы! --- слышался
безжизненный шипящий голос аптекаря.
--- Вы будете стоять тут, словно
вытащенные из воды рыбы, и смотреть,
пока он не очнется!

фабий развернулся и направился к
арочному входу в свой некрополь,
посвященный тайнам хирургии. Шагнув в
сумрак перед сатыл спуском, он снова
обернулся к капитанам легиона.

--- Несите его вниз, --- скотандовал
фабий. --- Нам еще многое предстоит
сделать.

--- Что именно ты собираешься
сделать, аптекарий? --- спросил Каэсорон.

--- Я намерен изгнать существо,
укрававшее тело примарха.

--- Как? --- полюбопытствовал Люций.

--- Любыми доступными методами, ---
с отвратительной ухмылкой ответил
фабий.

Это было самое ужасное зрелище, какое он когда-либо видел.

Это было самое грандиозное зрелище, какое он когда-либо видел.

Фүлгрим, Фениксиец, повелитель Детей Императора, командир Третьего легиона, связанный, обездвиженный химическими препаратами, обнаженный, лежал на холодной стальной раме хирургического стола, словно подготовленный для анатомирования труп. Его руки и ноги были разведены в стороны, будто у витрувианского человека с рисунка древнего мастера.

Взгляд Люция скользил по бледному телу Фүлгрима, по крепкой алебастровой плоти, испещренной паутиной хирургических шрамов и швов; по затвердевшим рубцам, свидетельствующим о непостижимых процедурах и неописуемых экспериментах.

Восхитительное ощущение этой измены, удивительное впечатление

ужаснейшего из всех предательств, следовало сохранить, словно бесценное сокровище. Но, несмотря на то, что в душе он считал их поступок предательством, разве изгнание существа, завладевшего личностью их повелителя, не было ярчайшим проявлением их преданности?

Фабий сновал вокруг лежащего примарха и втыкал в его руки и груды иглы толщиной с тизинец Люция. Гудящие аппараты подавали сильнейшее снотворное и релаксанты, способные обездвигнуть самого крупного из орков. Блестящие серебристые провода от работающего генератора тянулись к вискам и паху, ко всем точкам, где боль ощущается сильнее всего.

Как и подобало при подобном акте насилия, свет был приглушен, и единственными звуками в зале были бормотанье, доносившееся из подкапюшонов нүль-тварей, жавшихся в сутрачных углах, и свистящее дыхание приборов, установленных Фабием над его...

Люций хотел бы сказать пациентом, но в голове вспыхнуло грубое слово:

жертвой.

У ног Фүлгрита неподвижно замер Юлий Каэсорон, а Марий Вайросеан безостановочно ходил по залу, словно загнанный в клетку хищник. Вайросеан всегда был лакеем и безропотно послушным работ примарха. Его разум, разрывающийся между вероятностью подчинения какому-то иному существу и возможным предательством, вероятно, изнемогал под тяжестью противоречий и сомнений.

Люций почти завидовал ему.

Стонущих Гелитона и Рүэна трэллы Фабия отнесли глубже в лабиринт, где для их излечения были подготовлены резервуары с ксеногенным раствором. Дайтону помочь было уже нельзя, его череп был разбит кулаком примарха, но остальные участники заговора остались в живых. Мозг Люция прошел неожиданная мысль, и он повернулся к Каэсорону.

— Ты был уверен, что мы это сделаем? — спросил он.

— Что сделаем?

— Вот это, — указал Люций на

распростертого примарха. -- Что мы схватим Фүлгрита. Я не надеялся на это.

-- Ты ничего и не сделал, -- заметил Каэсорон.

-- Что ты хочешь этим сказать?

-- Взгляни на себя! -- прошипел

Каэсорон. -- На тебе нет ни царапины, мечник. Ты втравил Братство в это дело, а затем отошел в сторону, предоставив нам драться.

Гнев Каэсорона вызвал у Люция довольную утешку.

-- То, что произошло наверху, было настоящей свалкой. Я проявляю в сражении безукоризненную ловкость, полную сосредоточенность и превосходное мастерство. Ни одно из этих качеств наверху не потребовалось.

-- Нет, скорее, ты понял, что не в силах его одолеть.

-- И это тоже, -- согласился Люций. -- Но я не стыжусь в этом признаться.

-- Правильно.

Внезапный гнев Каэсорона рассеялся так же быстро, как и вспыхнул.

Марий Вайросеан обошел стол.

направляясь к ним, но выражение его
исковерканного лица по-прежнему
оставалось тайной.

--- Даймон мертв, --- сказал
Вайросеан. --- И Гелитон умер по пути
вниз.

--- Могу предположить, что легион не
слишком пострадает от этой утраты, ---
заметил Люций.

--- Рүка Рүэна не подлежит
восстановлению, --- продолжал Вайросеан,
словно не слыша его слов. --- Крисандр и
Калит выживут, но не смогут принять
участия... в этом.

--- Это небольшая цена за пленение
примарха, --- заявил Каэсорон, глядя на
погошедшего Фабия.

Волосы Фабия были зачесаны назад и
стянуты в пучок, что только
подчеркивало изможденность его
костлявого лица. Глядя в его черные глаза,
Люций не мог вспомнить, всегда ли они
были такими, или изменили цвет в
подражание примарху. Длинный, до самого
пола, халат апотекария был сшит из
высушенной человеческой кожи, снятой с

убитых на Усстваане V. Местами на нем
можно было рассмотреть лица с широко
раскрытыми в бесконечной агонии ртами,
и глаза, в ужасе распахнутые при виде
скорняцкого ножа. Некоторые лица
казались Люцию знакомыми, но он
понимал, что без костной структуры они
все кажутся почти одинаковыми.

Фабий решил не прибегать к
автоматическому хирургу, а вместо
этого выбрал пояс из жил с
металлическими кольцами, на которых
висели пыточные инструменты.
Различные крючья, лезвия, шипы и щипцы
заблестели в сумрачном свете, однако
Люций сомневался, что столь банальные
приспособления смогут вызвать у
могущественного притарха хотя бы
стоны.

--- Мы готовы начать, --- объявил
Фабий, натягивая потрескивающие
серебристые перчатки.

--- Тогда давайте поскорее покончим с
этим, --- предложил Каэсорон. --- Если
Люций прав, и под личиной лорда
Фүлгрита скрывается какое-то другое

существо, то чем быстрее мы от него
избавимся, тем лучше.

Они рассредоточились вокруг
Фулгрита, и каждый сравнивал
колоссальное значение их поступка с
потенциалом новых чудес и свежих
ощущений. То, что они смогли укротить
примарха, уже само по себе можно
считать чудом, но изгнать порожденное
варном существо...

Возможно ли это?

Люций переводил взгляд с одного лица
на другое и понимал, что ни у кого из
собравшихся вокруг тела Фулгрита нет
ответа на этот вопрос. Легион Демей
Императора воздержался от присутствия
в своих рядах библиариев. Генетическая
особенность, позволявшая псайкерам
использовать силу варна, появлялась
вследствие мутации и считалась изъяном,
а в легионе Фулгрита не терпели ничего,
что можно было бы назвать изъяном.

--- Итак, что мы будем делать? ---
спросил Каэсорон.

--- Для начала, разбудим его, --- сказал
Фабий, проводя по груди Фулгрита

пальцами в перчатках, которые заканчивались иглами.

--- Полагаешь, что он не вырвется из нут и не перебьет нас всех? --- спросил Люций.

--- Мы будем изгонять это существо, --- объяснил Фабий, --- при помощи логики, угроз и боли.

--- Боли? --- фыркнул Вайросеан. --- Какую боль ты можешь причинить, чтобы примарх ее хотя бы заметил?

По губам Фабия скользнула змеиная улыбка, говорящая о том, что ему известно множество видов боли, и анотекарий с удовольствием продемонстрирует свои методы.

--- Я знаю это тело, как никто другой, --- заявил Фабий и с фатильярностью любовника провел затянутыми в хирургические перчатки руками по коже Фүлгрима. --- Я знаю, как оно было создано, какие тайные силы внедрены в его плоть и кости, какие уникальные органы применены для сотворения столь уникального существа. Но я разобрал создание Императора на

составные части и сотворил из них еще более совершенный организм.

В словах Фабия сквозило беспредельное высокомерие, но Люций его понимал. Возможность вскрыть тело примарха и обнаружить таящиеся в нем чудеса представлялась немногим, возможно, никому, кроме этого аптекаря, и его высокомерие было, вероятно, обусловлено его знанием.

— Так сделай это, — потребовал Каэсорон.

Фабий кивнул, хотя в этом знаке было больше личного удовлетворения, чем обычного согласия. Сколько же времени должно было пройти, чтобы высокомерие Фабия настолько возвысило его над требованиями субординации? Дети Императора, всегда суровые и непреклонные, за неимением ничего другого придерживались прежнего порядка, но личные прихоти и желания воинов, поставленные выше интересов легиона, уже было положили начало разложению.

Сколько потребуется времени, чтобы ты перестали быть разрозненными

бандами, воюющими ради собственного удовлетворения?

Фабий открыл зажим на трубке, введенной в руку Фүлгрима, и по всей ее длине побежала багровая жидкость. Едва она достигла тела примарха, как черные глаза Фүлгрима открылись, и он часто заморгал, словно внезапно пробудившись от яркого сна.

--- А, сыны мои... --- произнес Фүлgrim. --- Что за развлечение вы приготовили для меня на этот раз?

Фабий наклонился к уху примарха:

--- Ты ведь не Фүлgrim, верно?

Взгляд Фүлгрима метнулся к канотекарию, и Люцию почудился в нем отблеск соучастия. Наклонившись вперед, он убрал руку Фабия с груди примарха.

--- Люций! --- воскликнул Фүлgrim, обдав его благоуханным дыханием. --- Как жаль, что нам не дали скрестить мечи, верно?

--- Я думаю, ты уже давно соблазнял меня этим поединком, --- ответил Люций.

Фүлgrim растеялся.

--- Неужели это было так очевидно?

Люций, это был бы незабываемый опыт. Как можно считать себя живым, не отведав вкуса смерти? Восстать из неплотной жизни и возродиться к жизни иной. Вкусить забвение, а потом вернуться. Ах, такие впечатления нелегко забыть.

--- Я считаю, смерть быстро испортила бы мой вкус, --- сказал Люций. --- А пока предпочитаю наслаждаться тем, что предлагает нам жизнь.

Лицо Фүлгрима исказила гримаса разочарования.

--- Какой же ты недальновидный, сын мой. Но это неважно, со временем ты справишься. Ну, а что скажут остальные? Вы все серьезно верите, что я, называя себя вашим повелителем, являюсь не тем, за кого себя выдаю?

--- Мы знаем, что ты не Фүлгрим, --- сказал Каэсорон.

--- А кем же вы меня в таком случае считаете?

--- Существом из илматериума, --- ответил Байросеан. --- Воплощением демона.

--- Демона? --- Фүлгрим снова

застеялся. — А как еще можно описать примарха? Неужели вы настолько наивны, считая, что все, называемое демонами, есть зло? Демон или примарх, оба эти существа созданы из нематериальной энергии, оба они являются гибридами плоти и духа и посланы в этот мир неестественным способом. Если бы вы хоть что-то знали о моем создании, вы бы так легко не бросались словами.

— Утак, ты признаешь, что ты демон? — прошипел Каэсорон.

— Юлий, возлюбленный сын мой. Неужели ты так сильно стремишься к конфликту, что сознательно закрываешь глаза на реальность? Я ведь уже сказал, что, по определению Мария, я демон! Демон, вызванный волей того, кто хочет завоевать бессмертие в будущем царстве богов и готов подниматься по нашим трупам.

— Он лжет, маскируя обман истиной, — предупредил Фабий. — Он облекает лживые слова в приятную для вашего слуха оболочку.

— Тогда надо отрезать ему язык, —

предложил Люций, за что был вознагражден отблеском замешательства в глазах Фүлгрита.

В его глазах он одновременно заметил гнев, веселье и разочарование, но какое из чувств было истинным, он определить не мог.

--- Марий, --- снова заговорил Фүлгрим. --- Из всех своих сыновей тебя я меньше всего ожидал здесь увидеть.

Эти слова сочли невыносимой тоской, но Марий Вайросеан не дрогнул. С тех пор, как Марий повел Фүлгрита на Лаэране, он стал самым преданным слугой примарха, всегда готовым угодить и беспрекословно выполнить любой приказ. Если Фүлгрим и надеялся воззвать к этой его черте, его постигло горькое разочарование.

--- Моя любовь к примарху не знает границ, --- сказал Марий, наклонившись вперед, словно намереваясь плюнуть в лицо связанного Фүлгрита. --- Но ты не он, и я сделаю все, что потребуется, чтобы вытащить тебя из его тела. Ради этого я перенесу любую боль, любые мучения.

Понятно тебе, дьявольское отродье?

Лицо Фүлзрита расколось в
широкой устешке.

--- В таком случае, хватит болтать,
щенки! --- бросил он. --- Давайте начнем
наше восхождение к безумию!

Фабий начал с самой древней техники пыток, открыв свою коллекцию и объяснив, для какой цели служит тот или иной инструмент. Набор состоял из самых примитивных приспособлений, изготовить которые мог любой, кто занимался работой по дереву или металлу — топорками, щипцами с острыми кончиками, когтями, факелами для прижиганий, шилами, терками и дрелями — и более изощренных орудий. Среди них были зажимы для нервов, прижигатели чакр, бұры для костного мозга и стимуляторы стволовой части головного мозга.

— Применение последнего устройства доставляет мне наибольшее удовольствие, — сообщил Фабий, размещая на спине Фүлгрита несколько металлических шипов.

Стол, на котором лежал примарх, повернулся вокруг продольной оси, открыв взглядом иссеченные плечи и спину, сплошь

покрытую рубцами и заживающими
шрами. Тело притарха навело Люция на
мысли о неуклонном стремлении к
желанному тучению, которое может
вынести только истинный приверженец
боли.

--- Что это такое, и что оно делает? ---
спросил Каэсорон.

Фабий, довольный возможностью
поговорить о способе причинения боли,
улыбнулся.

--- Это нейронный паразит,
полученный из мозговой жидкости,
созданный при помощи генной технологии
и нанотехники от гибрид-капитанов
Диаспорекса.

--- Это не ответ на вопрос, --- бросил
Марий.

Фабий кивнул и пальцем с глиняным
ногтем постучал по затылку Фүлгриты.
Люций, увидев это, нахмурился. Для
Фабия тело притарха было просто куском
мяса, на котором он мог совершенствовать
свои приемы. Исход этого мятежа
определит будущее легиона, а для
апотекария происходящее --- всего лишь

возможность разгадать новую биологическую загадку и испытать очередное изобретение. Антипатия к Фабию, которую всегда питал Люций, переросла в ненависть.

Фабий взял в руки предмет, напоминающий заднюю часть боевого шлема, и вывернул изнанкой наружу. Внутренняя поверхность ошетичилась тонкими шипами, соединенными с инжектором, в котором переливалась серебристая жидкость, похожая на ртуть.

— При соприкосновении с объектом наножидкость поступает в тело, затем проникает в ствол мозга и по нейронным проводящим путям попадает в мозг. Различные виды ксеносов, используемых при получении сыворотки, были одержимы увеличением психического потенциала, и вмешательство в деятельность мозга позволяет оператору устройства проникать в любую часть и стимулировать любые процессы.

— До какого предела? — спросил Люций, уже предугадывая ответ.

— Все смертные представляют собой

простой механизм, — сказал Фабий. — Механические животные из плоти и крови, движимые по существу механистическими побуждениями. То, что мы ошибочно называем личностью или характером, на самом деле просто реакция на стимулирование. Создав достаточно сложный алгоритм, можно с большой точностью скопировать любую машину, которую невозможно будет отличить от живого существа. Зная об этом, мы можем стимулировать определенные участки мозга, усиливая одни части и блокируя другие. Если бы я захотел, я мог бы разбить голову новорожденного о стену на глазах его матери и заставить ее наблюдать за этим с неподдельным восторгом. Можно слегка дотронуться до груди человека, но убедить его в том, что я голыми руками вырываю у него сердце.

— В таком случае, к чему все остальные устройства? — спросил Кэсoron.

— Хотя этот прибор и способен убедить человека в том, что он сгорает

гошла без единой искры поблизости, более
простые методы причинения боли...
доставляют особое удовольствие, ---
признался Фабий.

--- Ну, в этом мы с тобой согласны, ---
сказал первый капитан.

--- Чего же ты ждешь?! --- воскликнул
Вайросеан. --- Пора приступать, и
покончить с этим делом как можно
скорее.

Фабий медленно кивнул и снова
повернул стол. Лицо Фүлгрита
побазговело, и Люций видел, что их
попытки спасти душу, чье тело он украл,
доставляют ему удовольствие.

--- Я полню это устройство, --- сказал
Фүлгрим. --- Неужели ты надеешься, что
оно справится с таким существом, как я?
Мой разум на порядок мощнее, чем твой.
Он обретается в непостижимых для тебя
пространствах, пределы его так велики,
что не могут быть заключены в костяную
коробку, и простирается он до таких
царств, где обитают только боги.

--- Это ты сейчас выяснил, --- буркнул
Фабий, оскорбленный недоверием к своей

гениальности.

--- Начинай с этого, --- приказал Каэсорон. --- Если ты добьется успеха, Фүлгрим сможет вернуться в неповрежденное тело.

--- Дети мои, вас увлекли, словно овец на бойню, --- произнес Фүлгрим. --- Люций подбрасывает вам идею, пробуждающую искру интереса в вашей скучной жизни, и вы принимаете ее за путеводную звезду, лишь бы что-то почувствовать. Неужели наше вознесение вас ничему не научило? Настоящая жизнь требует несогласия в мыслях и делах. Братства нужны робким, и только ересь благословенна!

--- Хватит разговоров, --- оборвал его Люций.

Он выбрал клещи с острыми лезвиями и зажал в них средний палец на правой руке Фүлгрима. Одного легкого нажатия хватило, чтобы отделить палец у среднего сустава. Из обрубка брызнула струя крови, но через мгновение кровотечение уменьшилось.

Фүлгрим застонал, но был ли этот стон вызван болью, или наслаждением,

Люций не понял.

Фабий, сержито нахмурившись, вырвал клещи из рук Люция.

--- Пытка требует точности и последовательности, это настоящее искусство, --- бросил он. --- А резать и калечить наугад --- угол гилетантов. Я не стану принимать участия в тупой резне.

--- Тогда прекрати болтать и займись делом. А то мне кажется, что ты уваливаешь.

--- Мечник прав, --- согласился Каэсорон, нависая над апотекарием.

В своих терминаторских доспехах он значительно превосходил аптекаря, и Фабий неохотно кивнул.

--- Как прикажешь, первый капитан, --- сказал он, отворачиваясь к своим инструментам. --- Мы начнем с боли, причиняемой огнем.

У Люция заколотилось сердце, когда он увидел, как Фабий берет с полки газовый резак и трижды нажимает на рычаг зажигалки, чтобы получить пламя. Затем регулирует клапан, и струя пламени сужается, словно для резки

металла.

Юлий Каэсорон нагнулся к Фүлгриму:

— Это твой последний шанс, дьявольское отродье. Убирайся из тела моего притарха, и ты не пострадаешь.

— Я рад страданиям, — оскалился Фүлгрим.

Каэсорон кивнул, и по его знаку Фабий направил пламя на одну из обнаженных ног Фүлгрима.

Под воздействием колоссального жара мягкие ткани сгорщились и стали стекать, словно расплавленная резина. Спина Фүлгрима выгнулась дугой, челюсти разошлись в беззвучном вопле, а на шее под кожей вздулись вены и, словно сталкивающиеся тектонические плиты, заходили желваки.

Юлий увидел, как из-под раздвинувшейся плоти появилась кость — белая и блестящая в первое мгновение, но тут же почерневшая от жара. С громким шипением и треском сгорал подкожный жир, и дым оседал в гортани плотным, резко пахнущим налетом. Люцию и прежде приходилось ощущать запах горячей

плоти, но по сравнению с той скучной трапезой сейчас он испытывал поистине эпикурейское наслаждение.

Он видел, что этот запах произвел такое же впечатление и на остальных.

Усковерканное лицо Каэсорона заметно смягчилось, а Марий Вайросеан держался на ногах только усилием воли. Лишь на Фабия, казалось, ничто не подействовало, но Люций подозревал, что апотекарий в его исследованиях божественной биологии тела примарха успел насладиться многими запахами и вкусами. Фабий держал горелку над ногой Фүлгрита до тех пор, пока вся ступня не превратилась в жидкую черную массу, стекающую на покрытый плитками пол апотекариона.

Юлий Каэсорон взялся рукой за почерневшую кость.

— На этом твои страдания могут завершиться, — сказал он, с поразительной быстротой восстановив самообладание.

Люций, все еще ощущая удивительно насыщенный аромат горячей плоти примарха, облизнул губы.

Фүлгрим с натянутой улыбкой
посмотрел на Каэсорона:

--- Страдания? Что ты знаешь о
страданиях? Ты воин, ты сражаешься,
когда я тебе приказываю, ты инструмен
для выполнения моей воли и больше ничего.
Ты не страдаешь, и не тебе говорить об
этом.

--- Я предпочитаю обойтись без
страданий, --- возразил Каэсорон. --- Человек
обладает достаточной силой, чтобы
управлять своими чувствами, и тогда
невозможно заставить его страдать. Боль
и унижения испытывает тот, кто
утратил контроль над собой. Это
относится к человеческим слабостям. Я
достаточно силен, чтобы не допускать
страданий.

--- Тогда, Юлий, ты еще глупее, чем я
думал! --- воскликнул Фүлгрим. --- Откуда,
по-твоему, берется сила, как не из
страданий? Она возникает из утрат и
лишений. Те, кто не испытывал
страданий, никогда не достигнут равнове
существования с теми, кому пришлось
учиться. Человек должен быть слабым.

чтобы страдать, и путем страданий он
становится сильным.

--- В таком случае, когда ты с тобой
покончил, ты станешь могучим, ---
посулил ему Вайросеан.

Фүлгрим растеялся.

--- Боль --- это истина, --- сказал он. ---
Страдание есть тонкий кончик кнута, а
отсутствие страданий --- это рукоять
кнута, который держит в руке
повелитель. Каждое страдание является
испытанием любви, и я докажу это,
выдержав любую боль, какую вы сумеете
причинить мне, потому что я люблю вас
всех.

--- Это говорит не Фүлгрим, --- заявил
Каэсорон. --- Это сладкая ложь, цель
которой --- ослабить нашу решимость.

--- Неправда, --- возразил Фүлгрим. ---
Все истины, что я познал после того, как
лишил жизни брата, подтверждают это.
Все в этой Вселенной связано между собой
невидимыми нитями, даже то, что
кажется несовместимым.

--- Откуда тебе это известно? ---
спросил Люций. --- Лорд Фүлгрим был

ценителем красоты и чуда, но его едва ли можно было назвать философом.

--- Чтобы преклоняться перед красотой и чудесами, надо быть философом в душе, --- ответил Фүлгрим, разочарованно покачав головой. --- Я заглянул в самое сердце варна, и я знаю, что жизнь --- это борьба противоположностей: света и тьмы, жары и холода и, конечно, наслаждения и боли. Вспомните экстаз наслаждения и невыносимую боль. Они связаны между собой, хотя это и не одно и то же. Боль может существовать без страдания, и можно страдать, не испытывая боли.

--- Согласен, --- кивнул Каэсорон. --- Но в чем тут смысл?

--- Что можно узнать, испытав боль? Что огонь обжигает, и он опасен. Это единственный урок, который может извлечь личность. Знания, полученные путем страданий, объединяют нас на пути к превосходству, открывают нам двери дворца мудрости. Боль без страданий все равно что победа без борьбы --- одно без другого не имеет смысла. Но, в конечном

счете, настоящее страдание соизмеримо только с нашей утратой.

— Следовательно, ты страдает, — заметил Вайросеан. — Мы лишились своего возлюбленного примарха.

Слащавая сентиментальность Вайросеана пришлась не по вкусу Люцию, и он опустил взгляд на обрубок ноги Фүлгрима. Плоть на ней выгорела, но вокруг кости начал образовываться тонкий прозрачный слой, повторявший прежнюю форму. Слово змея, сменившая кожу, ткань на ноге Фүлгрима казалась маслянистой и сырой, но она постепенно приобретала прежний вид.

— Смотрите! — воскликнул Люций. — Он восстанавливается. Надо усилить натиск.

Фабий с академическим интересом перевел взгляд с лица Фүлгрима на его исцеляющуюся ногу, а Кэсэрон и Вайросеан взяли за пыточные инструменты. Боевые капитаны, встав с обеих сторон от стола, немедленно пустили в ход выбранные устройства. Кэсэрон плоскими щипцами расплющивал

костяшки пальцев, а Байросеан орудовал специальным рубанком, при каждом движении сдирая с груди Фүлгрита длинные полосы кожи.

--- Ах, --- үстехнүлсә Фүлгрим. --- Вон уж поистине тяжелое бремя счастья можно снять только страданием...

Запах крови Фүлгрита үдари́л Люцию в нос, и он задумался, воспользоваться шилом или топором. Но взгляд на лицо Фүлгрита его остановил. Действия Каэсорона и Байросеана повергли бы в безумие любого смертного, а Фүлгрим, похоже, наслаждался происходящим.

Их взгляды встретились.

--- Давай, Люций, --- сказал Фүлгрим, --- бери какое-нибудь приспособление фабия. Пусть моя плоть кричит!

Люций, покачав головой и опасаясь, что может выполнить пожелание Фүлгрита, скрестил руки на груди.

--- Не хочешь? --- үстехнүлсә Фүлгрим. --- В отличие от этих глупцов, ты знаешь, что үстүнка соблазну впоследствии заставит раскаиваться.

--- Это верно, но я полагаю, что существо, сумевшее завладеть телом Фүлгрита, сумеет вытерпеть любую боль без каких-либо последствий.

--- Как ты проникателен, сын мой. Должен признать, это... довольно забавно, но боль доставляет мне всего лишь небольшое раздражение. Но крайней мере, та боль, которую вы способны причинить.

Каэсорон приостановил свои усилия и посмотрел на Фабия:

--- Он говорит правду?

Фабий, обогнув стол, с растущим недоумением принялся изучать биоритмы Фүлгрита. Люций не обладал знаниями аптекаря, но даже ему стало ясно, что с тем же успехом они могли декламировать стихи, стоя вокруг связанного притарха.

Вайросеан отшвырнул свой рубанок и при этом разбил стеклянный цилиндр, стоявший на полке в затененной нише. Ядовитая жидкость хлынула на пол и задымилась, а вместе с ней вывалился и пучок каких-то пульсирующих органов, пересаженных на фрагмент человеческой плоти. Что бы это ни было, уже через пару

мгновений их конвульсии прекратились.

Фабий, бросившись на колени рядом с блестящими останками, кинул на Вайросеана убийственный взгляд.

Марий проигнорировал гнев апотекария. Он приподнял руками голову Фүлгрита и сам наклонился, будто для поцелуя, а вместо этого ударил Фүлгрита затылком о рату и испустил рев, исполненный яростной печали, заставив вздрогнуть Люция и Каэсорона.

Рев эхом раскатился по залу, как будто над их головами пролетела «Грозовая птица». Акустическая волна разбила все стеклянные предметы, и их осколки со звоном осыпались на плиточный пол.

--- Ты порождение зла! --- вскричал Вайросеан. --- Узыди, или я оторву голову от этого тела. Пусть лучше мой примарх погибнет, чем я позволю тебе еще хоть мгновение владеть его телом!

Люций еще не сумел оправиться после звукового удара, а Фабий уже набросился на Вайросеана и оттащил его от Фүлгрита.

--- Удуом! --- завонил Фабий. --- Твой

бездугмный гнев разрушил плоды многих
месяцев моей работы!

Вайросеан страхнул с себя
разъяренного апотекария и уже поднял
кулак, чтобы превратить его череп в
кровавую мешанину костей.

— Марий! — крикнул Фүлгрим. —
Остановись!

Десятилетиями лелеемая
преданность лишила Вайросеана
возможности двигаться, а Люций тотчас
вспомнил о стальной хватке, присущей
притархам. Даже он сам, не слишком
уважающий любую власть, оторопел от
окрика Фүлгрима.

— Ты называешь меня порождением
зла, но как ты определяешь, что есть
добро, а что — зло? Разве это не
произвольные понятия, выдуманые
человеком для оправдания своих
поступков? — продолжил Фүлгрим. —
Подумай о том, как изморяется добро и
зло, и ты поймешь, что я, тот в кого я
превращаюсь, есть существо совершенной
красоты. Воплощение добра.

Люций подошел к стальному столу и

посмотрел на примарха, чувствуя, что его слова имеют смысл на уровне, еще недоступном его пониманию, но от которого может зависеть его будущее. Подняв шило с глинным загнутым концом, он погрузил его в грудь примарха сквозь него до конца заживший шрам. Фүлгрим поторщился, когда металл проник в его плоть, но Люций снова не мог определить, каким ощущением вызвана гримаса примарха.

--- Во что же ты превращаешься? --- спросил он.

--- Вопрос задан неверно, --- ответил Фүлгрим, и Люций стал дуть за дутьем проталкивать шило глубже.

--- А как будет правильно?

Марий и Юлий подошли ближе, а Фабий продолжал сыпать проклятиями по поводу растраченных усилий, разглядывая растекающиеся лужицы и дымящиеся осколки под ногами.

--- Правильнее будет спросить, к чему стремится наша Вселенная. А на это можно ответить только после того, как вы поймете, откуда мы произошли.

Марий, следуя примеру Люция, выбрал себе инструмент из коллекции Фабия. Он повертел в руке устройство, формой напоминающее бѹтон, потом покрутил винтовую рукоятку и увидал, что металлические лепестки стали постепенно расходиться в стороны. Удовлетворенно кивнув, он вернул инструменту первоначальную форму, подошел к столу и сунул инструмент в пролежность приларха.

--- Мы произошли с Терры, --- сказал Марий. --- Ты это имел в виду?

Фулгрим снисходительно улыбнулся.

--- Нет, Марий. Я хотел услышать, что было раньше. Настолько раньше, насколько это возможно.

Марий пожал плечами и несколькими толчками ввел устройство глубже в тело Фулгрима, а Юлий взял из набора несколько серебряных штырей, коротких и длинных, но одинаково заостренных с одного конца. Один за другим он проткнул тело Фулгрима семью штырями, выстроив их в линию от макушки до паха. Но его уверенным движениям стало

понятно, что Каэсорон не новичок в работе с этими излами. Люцию показалось, что его выбор слишком безыскусен по сравнению с инструментами его товарищей, но ведь и сам он решил предпочесть простое шило, и очередным ударом загнал его еще глубже в неизвестные внутренние органы нечеловеческого тела Фүлгрима.

За действиями Каэсорона Фүлгрим наблюдал с гордостью наставника, следящего, как его ученик без подсказок ведет бой. Как только Каэсорон выпрямился, примарх покачал головой.

--- Положение излы в чакре свадхистана не совсем верное, Юлий. Возможно, это из-за внедрения инструмента Мария. Немного выше было бы правильнее.

Каэсорон снова нагнулся, убедился в правоте замечания Фүлгрима и переставил излу. Не считая нужным благодарить за подсказку, он собрал медные провода, тянувшиеся от штырей, и подсоединил их к разъемам генератора. После щелчка выключателя зал наполнился низким гулом, а от проводов

посыпались искры высокого напряжения.

У Фүлгрита щелкнули сжатые челюсти, и в олүтах его черных глаз заплясали плененные молнии. Потом потемнела кожа, и Люций ощутил электрический запах сжигаемого изнутри тела.

Даже испытывая боль, достаточную, чтобы прервать жизнь тысячи смертных, Фүлгрим продолжал говорить:

— Эта Вселенная зарождалась в элементарной простоте, распространяясь так быстро, что скорость эта не поддается определению. В первый, незначительный период своего существования Вселенная стала обителью простейших неустойчивых элементов, которых мы себе даже не в состоянии представить. Но со временем эти элементы стали соединяться в более сложные формы. Частицы становились атомами, атомы — молекулами, пока они не дошли до такой сложности, что начали образовывать первые звезды. Эти новорожденные звезды росли и утирали на протяжении миллионов лет, и взрывы их

гибели давали жизнь новым звездам и планетам. Вы и я — это яркие сущности, рожденные из сердца звезд.

— Поэтично. Но какое отношение все это имеет к добру и злу? — спросил Кэсэсон, не переставая регулировать ток в серебряных штыхах, но невольно заинтригованный.

Люций удивился. Он всегда считал первого капитана обычным воином, который интересуется исключительно воплощением своих желаний и способами причинения боли противникам.

— Я к этому и иду, — заверил его Фүлгрим.

Люцию пришлось напомнить себе, что они тут, вообще-то, собирались пытать притарха, а не слушать лекцию о сущности Вселенной. Он хотел высказать свое замечание, но Фүлгрим его опередил.

— Ничто не происходит случайно, — продолжал он. — Все, что появляется на свет, является частью естества Вселенной, результатом ее стремления к усложнению. Ох... да, великолепно, Марий. Поверни винт еще раз! Ну, как я уже

говорил, все вещи появляются и соединяются в процессе созидания, в процессе перехода от простейшего организма к высшему разумному существу. При определенных условиях все стремится стать более красивым, более совершенным и более сложным. Так было с самого начала цикла жизни Вселенной, и эта тенденция так же неизбежна, как и неизменна.

Люций кивнул и прочертил шилом внутри тела широкую дугу.

— И к чему все это приведет? Что лежит в конце перехода от простого к сложному?

Фулгрим пожал плечами, хотя его движение вполне могло быть обусловлено электрическим током, сжигающим кости.

— Кто может знать? Кто-то называет конечное состояние божественностью, кто-то — нирваной. В поисках лучшего определения я выбрал бы комплексность. Это конечная цель всех вещей, независимо от того, знают ли они о своей роли во Вселенной, или нет. И ответ прост.

Голос Фүлгрима затих, его спина снова выгнулась, а из рта показалась струйка крови. Люцию хотелось верить, что это его шило проткнуло позвоночник Фүлгрима, вызвав сильнейшую боль, но все три воина трудились одновременно, и с точностью определить результат каждого было невозможно.

Фабий обошел вокруг стола и с растущей тревогой обратил внимание на основные показатели жизнедеятельности Фүлгрима.

--- Вы убиваете его, --- сказал он. --- Один из вас должен остановиться.

--- Нет, --- отрезал Марий. --- Боль выгонит из него демона. Он должен освободить тело Фүлгрима, прежде чем тот умрет.

--- Недоумок! --- выругался Фабий. --- Ты глумишься, гибель смертной оболочки заботит демона? Как только физический сосуд будет разрушен, его сущность просто сконцентрируется где-нибудь в варне.

--- Так что же мы тогда делаем?! --- воскликнул Люций.

Отпустив рукоятку шила, он схватил

фабия за горло. В заботе апотекария о
фүлзрите Люций снова үзгледел какой-то
тайный сговор. Он стал сжимать горло
фабия, пока у того глаза не вылезли из
орбит.

--- Ты не в силах повредить демону, ---
прохрипел фабий. --- Но если причинить
ему достаточно сильную боль, возможно,
удастся заставить его ослабить хватку.

--- Возможно, удастся?! --- вскричал
Каэсорон. --- Всем твоим заявлениям не
хватает уверенности.

Люций ощутил укол в области паха
и, опустив взгляд, үвидел, что из кожаного
балахона фабия высунулось какое-то
устройство, состоящее из ржавых
металлических спиралей, сүхожилий и
хрящей. На конце ителся шприц,
наполненный мутной розовой жидкостью.
Цгла проткнула гибкую прослойку в
сочленении доспеха и на дюйм погрузилась
в его бедро.

На лице фабия появилась змеиная
улыбка.

--- Попробуй еще раз поднять на меня
руку, и шприц впрыснет тебе такую дозу

«витэ ноктис», которой хватит на целую ночь.

Люций с большой неохотой отпустил аптекаря, и тогда холодный металл вышел из его тела. Как бы ни желал он дать себе волю и сломать Фабия шею, близость смерти тоже вызвала у него довольную улыбку.

От Фабия она не ускользнула.

— Это восхитительно до тех пор, пока эликсир не доберется до твоей нервной системы: шесть ударов сердца испытываешь восторг, а потом ты мертв, и мир ощущений исчезает. Запомни это на тот случай, если тебе еще раз захочется выместить на мне свой гнев.

Каэсoron оттащил их друг от друга.

— Хватит. Надо заняться делом. Аптекарь, ты можешь изгнать этого демона болью? И отвечай прямо.

Фабий говорил, не спуская глаз с Люция, а мечник встретил его враждебный взгляд со спокойным равнодушием, зная, что это разозлит его еще сильнее.

— Я не могу ответить, — признался

Фабий. — Любое смертное тело было бы бесповоротно разрушено задолго до того, как мы заставили бы демона хотя бы ослабить хватку. Но тело примарха выдержит достаточно долго, чтобы достигнуть поворотной точки, когда боль выгонит демона.

— В таком случае, пора применить нейронное устройство с паразитом, — сказал Марий. — То самое, что ты создал после изучения гибрид-капитанов Диаспорекса.

Фабий кивнул, соглашаясь с ним, и Люций понял, что он только и ждал этой возможности. Низко нагнувшись, он поместил полүшлем на голову Фүлгрита и прикрепил к серебристому металлу глинные тонкие трубки. Другие концы трубок, извиваясь по полу, уходили к негромко гудящей машине, создатели которой, казалось, не имели отношения к человечеству. На панели машины перетигивались многочисленные разноцветные огоньки, а издаваемые ею звуки находились вне уровня восприятия смертных. Сквозь прозрачные стенки

прѣбок Люций увидѣлъ, какъ къ телу
примарха поползла переливающаяся
жидкость, похожая на ртуть.

— Лучше бы оно подействовало, —
замѣтил Каэсорон, толкнувъ Фабия въ
грудь. — Если ты соврал, никакие вонючие
эликсиры не помешаютъ мнѣ тебя убить.

Раздѣжная жидкость потекла въ тело
примарха, и въ тотъ же моментъ съ его
полныхъ губъ сорвался вздохъ сластолюбца,
открывшаго для себя новое наслаждение.
Глаза Фүлгриты широко раскрылись, и онъ
остотрелся вокругъ, какъ человекъ,
пробудившійся отъ яркихъ воспоминаний о
полубытыхъ друзьяхъ и возлюбленныхъ.

— А, сыны мои, — произнесъ онъ, словно
пытка встревожила его не больше, чемъ
прикосновение крыла бабочки. — Гдѣ я былъ?

Кровь покрывала его тело сплошнымъ
багрянымъ одеяниемъ, и изъ всехъ поръ сочился
запахъ сгорѣвшего мяса. Вокругъ серебряныхъ
излъ грозилъ раскаленный воздухъ, а
дьявольское приспособление, введенное
Мариемъ, полностью раскрывшись,
заставило тазовые кости примарха
нестественно выгнуться впередъ.

--- Мы говорили о добре и зле, ---
напомнил Люций.

С этими словами он снова взялся за деревянную рукоятку шила и протолкнул его еще глубже.

--- Да ты орудуешь этим шилом с мастерством настоящего ремесленника, --- похвалил Фүлгрим. --- Ты так же хорошо владеешь толстым холодным оружием, как и мечом.

--- Я тренируюсь.

--- Это мне известно.

--- Твое изобретение работает? --- спросил Каэсорон у Фабия, манипулирующего голографическими дисками и жидкокристаллическими датчиками.

--- Работает, --- подтвердил аптекарь. --- Я могу изменить биохимию его мозга, и он будет видеть то, что я хочу, и чувствовать то, что я хочу. Скоро мы сможем управлять его разумом.

Фүлгрим расстелся, потом залился слезами, его тело сотрясали дикие судороги, а затем по нему пробежала дрожь величайшего наслаждения. Он

беззвучно кричал, испытывая неведомые ужасы, и облизывал губы, впитывая невообразимые ароматы.

--- Что с ним происходит? --- спросил Марий.

--- Я стараюсь контролировать процесс, --- пояснил Фабий. Возможность манипулировать таким великолепным материальным образцом сверхъестественного совершенства явно доставляла ему удовольствие. --- Его мозг настолько сложен, что вы даже представить себе не можете, это миллионы пересекающихся друг с другом лабиринтов. Разобраться в них дело нелегкое.

--- Потерпись, --- приказал Кэсoron.

Фабий не обратил внимания на угрозу в голосе первого капитана и продолжал бесконечно изменять состав жидкости и настройки машины. Следить за ним было очень утомительно, тем более что Люций не имел представления, что именно он изменяет, и как это может отразиться на состоянии примарха. Он видел, как напряглись под кожей Фүлгрита все вены,

и понимал, что примарх не собирается без борьбы уступать Фабия контроль над своим разумом.

На лице Фүлгрита мелькали отражения тысяч эмоций, и на мгновение Люцию самому захотелось подвергнуться воздействию машины Фабия. Как бы он себя чувствовал, если бы чужая рука направляла его по пути бесконечных ощущений? Но стоило ему только вообразить подобное путешествие, как Люций понял, что он слишком эгоцентричен, чтобы позволить кому-то другому управлять собой.

Наконец тело Фүлгрита расслабилось, конечности обмякли на холодном металле, и с его губ сорвался вздох облегчения. Фабий торжествующе улыбнулся, открыв пожелтевшие зубы и блестящий змеиный язык.

— Я овладел им, — сказал он. — Что прикажешь теперь сделать, первый капитан?

— Ты можешь заставить его говорить правду?

— Конечно, это совсем нетрудно.

Поспешное согласие Фабия насторожило Люция, он нахмурился, удивляясь легкости, с какой апотекарию удалось взять под контроль существо, которое он описывал невероятно сложным. Люций выдернул шило из тела Фүлгрита и, обойдя вокруг стола, встал рядом с Фабием. Плевать на «вита ноктис»: если обнаружится, что апотекарий лжет, он его уничтожит.

Лица на глинном одеянии апотекария изгибались, словно поднимаясь и опускаясь в ледяных волнах, а их безмолвные вопли толили Люция оборвать страдания. Мечнику было не до них; он прикидывал, куда лучше воткнуть шило, чтобы наверняка убить Фабия.

Апотекарий, казалось, не заметил его присутствия. Его руки порхали над панелью чужеродной машины словно руки органиста над клавирами. Тело Фүлгрита лихорадочно извивалось на столе, а когда он понял, к чему его принуждают, на лице появилась испуганная улыбка.

— Ах, сыны мои... — выдохнул

примарх. -- Вы жаждете истины? Какие же вы простаки. Неужели вы не понимаете, что истина таит в себе самую ужасную опасность?

-- Твое время подходит к концу, дедон, -- сердито бросил Марий. -- Тебе нет места в нашем легионе. Ты -- воплощение зла.

Фулгрит растаял.

-- Ох, Марий, ты назвал меня воплощением зла, но это бессмысленное определение, пока ты не поймешь, что есть зло, а что есть добро. Ладно, вы хотите истин? Я вам их предоставляю. Если вы согласны с тем, что Вселенная постоянно движется к финальному состоянию комплексного совершенства, и что это ее неизбежное предназначение, значит, все, что мешает этому процессу, должно быть определено как зло. Согласно той же логике, все, что способствует движению вперед, есть добро. Я стремлюсь к комплексному совершенству, а вы, задерживая меня на этом пути, действуете во имя зла. Так что в этом зале только я есть добро!

--- Ты собрался затуманить наш мозг парадоксами о сущности Вселенной, о добре и зле, --- прошипел Марий. --- Я знаю, как выглядит зло, и сейчас вижу его перед собой.

--- Ты смотришь на себя самого, Марий Вайросеан, --- сказал Фүлгрим. --- Неужели ты до сих пор не постиг истину?

--- Истину чего?

--- Истину меня!

Люций увидел, как бицепсы Фүлгрима вздулись с неожиданной силой, и ремни, удерживающие правую руку, лопнули. Он отшатнулся. В следующее мгновение освободилась левая рука, и примарх, поднявшись, стал срывать с себя серебряные иглы, торчащие из тела, и закрепленные Фабием в самом начале биометрические датчики.

Затем Фүлгрим отшвырнул Мария и со вздохом сожаления выдернул устройство, которым орудовал третий капитан. Пыточный инструмент звонко ударился о пол и откатился в сторону окровавленным железным цветком.

--- Жаль, --- сообщил Фүлгрим. --- Мне

это уже начало нравиться.

Примарх освободился от ретней на бедрах и лодыжках с той же легкостью, с какой проснувшийся ребенок сбрасывает одеяло. Он свесил ноги со стола, и Юлий Казсорон ринулся к примарху, чтобы снова опрокинуть его, но был отброшен небрежным мановением руки. Фабий попытался к стене, а Люций, понимая, что пытаться убежать бессмысленно, остался стоять на месте.

Он осознал, насколько они были слепы и наивны. Как они могли поверить, что сумеют справиться с примархом? Они победили его только потому, что Фүлгрим сам так захотел, потому что захотел, чтобы они прошли через это. Фениксиец видел сомнения своих воинов, и он сам подвел их к этому поступку, сам привел в это место, чтобы открыть свою истинную сущность.

Фүлгрим повернулся к нему и улыбнулся. В одно мгновение Люций понял все, что было сказано и сделано Фүлгримом после Исстваана. В глазах Фүлгрима он прочитал одобрение и тогда

опустился на колени.

--- Утоляешь, Люций? --- спросил Фүлгрит. --- Я ожидал от тебя большего.

--- Не утоляю, мой лорд, --- ответил Люций, не поднимая склоненной головы. --- Я воздаю хвалу.

Юлий Каэсорон, пошатываясь, поднялся на ноги, вокруг его силового кулака, пробужденного к жизни, заплясали багровые молнии. Марий Вайросеан вскинул дуло акустической пушки и уже приоткрыл рот, готовясь к залпу, грозящему истребить всех, кто присутствует в зале.

--- Теперь ты знаешь? --- спросил Фүлгрит.

--- Знаю, --- подтвердил Люций. --- Я должен был с самого начала понимать, что вы никогда не подчинитесь чужой воле. Если я не могу этого допустить, как я могу ожидать такого от вас?

--- Мечник, о чем ты толкуешь? --- потребовал объяснений Каэсорон. --- Ты переметнулся на сторону демона?

Люций покачал головой, устехаясь слепоте Каэсорона, не узнающего

очевидную теперь истину.

--- Нет, --- ответил он. --- Я не предатель. Я ошибался.

--- В чем ошибался? --- Каэсорон уже поднял для удара кулак.

--- Во мне, --- ответил вместо него Фүлгрим.

--- Это лорд Фүлгрим, --- сказал Люций. --- Наш лорд Фүлгрим.

Фүлгрим шагал по сцене «Ла Фениче» с видом актера, исполняющего последний монолог перед падением занавеса. Натренированным взглядом за ним следил Люций, отмечая его текучую грацию безупречных движений и удивляясь, как мог так долго не замечать истину. Вид Фениксийца, как и прежде облаченного в пурпурно-красные боевые доспехи, снова зажигал огонь в крови. Божественный воин безупречного сложения и света.

Никаких следов перенесенных в апотекарione пыток и оскорблений на нем уже не было заметно, и Люций не переставал удивляться невероятной силе организма примарха, позволившей ему превозмочь все эти ужасы и так быстро от них избавиться. Воистину, Фүлгрим — это бог, достойный поклонения.

Плечом к плечу с Люцием стоял первый капитан Каэсорон, а Марий Вайросеан держался в стороне; сознание их

общей вины еще давило на его разум и отдалало от остальных участников событий. Эту вину чувствовал только он один, Люций же не испытывал никаких сожалений по поводу их действий. Они хотели спасти примарха и — если он говорил правду — утолили мучительный зуд и получили новые знания. Они и не должны были стыдиться, если вспомнить обо всех чудесах, увиденных после сражения на Усстваане III.

К ним присоединились Калим и Абранкс. Они с изумлением выслушали рассказ обо всем случившемся в библиотекарине, об откровении, к которому только они одни во всей Вселенной были причастны. Крисангр еще с трудом держался на ногах, и Рүэн не отходил от раненого капитана, хотя его собственное плечо еще было скрыто под повязкой из плоти, обеспечивающей восстановление аулментических костей.

Фүлзрим остановился под тусклым портретом, украшающим стену напротив Гнезда Феникса, и Люций заметил, как уголки его губ чуть-чуть приподнялись в

непостижимой улыбке, таившей в себе
безграничное знание.

— Вы были правы, подозревая, что я
стал кем-то другим, — произнес Фүлгрим,
наконец удостоив их взглядом. — Убийство
Горгона оборвало последнюю связь с моей
предыдущей жизнью, с прошлым, которое
больше ничего для меня не значит. А
подобные события не могут пройти
бесследно.

Фүлгрим присел на сцене, словно
вспоминая момент смерти Ферруса
Мануса. Его взгляд устремился вдаль,
кулаки сжались, и в его глазах Люций
увидел отблески кровавого марша на
Усстваане V.

— Я был уязвим. — Фүлгрим поднялся
на ноги и принялся вновь ходить по сцене. —
Слуга Князя Тьмы ради собственного
развлечения овладел моей плотью. Это
было древнее существо, жалкое и
капризное, и оно с удовольствием
наслаждалось украденной добычей, а я
какое-то время позволял ему жить в своем
теле, пока не узнал достаточно и о нем, и
о его силах. Я думаю, он рассчитывал на

тою слабость после гибели брата...

Фүлзрим үстехнүлсә, глядя на руки, словно на них все еще алела кровь примарха Железных Рук.

--- Ему не стоило на это рассчитывать. В конце концов, он сам направил меня на путь потворства моим желаниям, к жизни, свободной от всех запретов и чувства вины. Какое значение имело для меня еще одно предательство? Манүс был уже исчезающим воспоминанием, призраком, таявшим с каждым проходящим мгновением, и все, что я от него узнал, сделало меня еще сильнее. Со временем стало совсем нетрудно вернуть себе свое тело и заключить его в тюрьме, созданной им для меня.

Люций отвел взгляд от величественного примарха и поднял голову к портрету. Его черты оставались такими же безжизненными, краски не стали ярче, но, зная истину, Люций смог рассмотреть вечную тьму древнего бессмертного существа, навеки заключенного в бесконечной

неподвижности. Для наделенного
безграничными возможностями создания
не могло быть большей тѹки, чем этот
плем, и его восхищение могѹществом
притарха озарилось новым сиянием.

— Теперь, сыны мои, вам известна
истина, — сказал Фѹлгрим, спрыгнѹл со
сцены и направился к капитанам. Разведя
в стороны рѹки, он, проходя между ними,
коснѹлся каждого из воинов. — Нелегко
служить повелителю, который требует
от нас так много, и так много дает
взамен. В своих стремлениях мы должны
идти дальше всех остальных, должны
испытать все, даже если что-то вызывает
отвращение. Никакая жертва, никакое
падение и никакое блаженство не превысят
наших возможностей. Я еще многое должен
показать вам, дети мои. Непостижимые
тайны и силы, истины, сокрытые с самого
начала времен, и пѹть к божественности,
на котором я бѹдѹ сиять ярче тысячи
звезд!

Воины громкими возгласами
откликнѹлись на эти слова, и Фѹлгрим
развернѹлся, ѹслышав их голоса. Он кѹпался

В их восхищении, и их безграничная преданность заставляла его сиять подобно звезде, дарующей им жизнь. Наконец он опустил руки и окинул их взглядом, великодушным и отеческим, строгим и решительным.

— Прежде чем удостоить своим присутствием Хоруса Луперкала на тонкой почве Терры, мне предстоит еще много дел, — сообщил фениксиец. — И в первую очередь необходимо встретиться с моим братом-олимпийцем, чтобы направить его строителей и смотрителей крепостей на достижение моей цели.

— Какой цели? — спросил Юлий Казсорон, рискуя навлечь на себя гнев примарха.

Фүлгрим провел рукой по своим девственно-белым волосам и улыбнулся, хотя Люций сознавал, что это последнее проявление снисходительности. Дальнейших вопросов примарх не потерпит. Тем более сейчас, в момент его триумфа.

— Нам предстоит построить город, —

сказал он. --- Великолепный город из зеркал, город миражей, одновременно прочный и хрупкий, из воздуха и камня.

От одной мысли о таком городе у Люция сильнее забилося сердце. Каждое здание такого города, каждая башня и каждый дворец будут тысячекратно повторять его отражение. Он, наконец, понял, ради чего была предпринята атака на Призматикү, ради чего редчайшие кристаллы были собраны до мельчайшего осколка.

--- Зеркальный город, --- прошептал он. --- Это будет прекрасно.

Фүлгрим шагнул вперед и ласково обхватил ладонями лицо мечника.

--- Это будет более чем прекрасно, --- сказал Фүлгрим и наклонился, чтобы запечатлеть поцелуй на покрытых шрамами щеках Люция. --- В миллионах его отражений я встречу взгляд Ангела Экстерминатүс, и его ужасная красота заставит рыдать всю Вселенную!

Ник Кайм

ПРОЧНОСТЬ ЖЕЛЕЗА

--- Какое имеет значение,
почему он пал? Когда смерть ---
это все, что имеет значение.

Ответ провидца
Латсариала
изучающему Путь.

Действующие лица

ДЕСЯТЫЙ ЛЕГИОН, ЖЕЛЕЗНЫЕ РУКИ

Феррус Манус, примарх

Габриэль Сантар, адъютант и
первый капитан

Баакал Десаан, капитан Девятой
клановой роты торлоков

Эразм Рүүман, железнорожденный,
Тринадцатая клановая рота торлоков

Шаграк Медүзон, капитан Десятой
клановой роты

Буон Хенрикос, седьмой сержант
Десятой клановой роты

КСЕНОСЫ

Латсариал, эльдарский провидец

Прорицатель, эльдарский провидец

Выкованный из железа

Не предполагалось, что она будет такой. По его мнению, война не должна заканчиваться так. Он представлял ее иначе.

Славной, доказывающей...
...стительной.

Мне не полагалось потерпеть здесь неудачу.

Он не собирался быть последним. Он ненавидел быть последним. Это раздражало, как зуд вокруг шеи.

Чем бы он ни стазывал кожу под горжетом, как бы не менял способы фиксации шлема, зүд не проходил.

Как клинок у горла...

Зуд начался с его первого шага по этой пустыне. Мрачное напоминание о чем-то незаконченном, обещание, которое его воображаемый палач должен сдержать. Песок был повсюду, бесконечный океан перетекающих песчинок, выбеленных беспощадным солнцем, протянулся до самого размытого горизонта. В его снах

песок был черным.

Эти обреченные мысли сорвали недостойные слова с поджатых губ.

--- Я --- ровня своим братьям, --- пробормотал он в темноту, которая не соизволила ответить. --- И лучше некоторых, --- добавил он.

Равнодушные мне по-прежнему не обращали на него внимания.

С тех пор как он рассеял тьму огненным следом своего прибытия, все неизменно сводилось к этой единственной истине:

--- Я должен быть первым.

Внутреннее убранство сухопутного корабля и стратегиута было выдержано в черном цвете, как и его настроение. В бронированных бортах отдавались монотонные удары тысячи молотов --- это траки, движущие его левиафана, гредели по пустыне неустанной синкопой. Сквозь постоянный грохот раздавался приглушенный гул тяжелой артиллерии. Звук напояли ему его кузницу и ее законченные недра. Анвилариут на борту «Железного кулака». Как сильно он желал в

этот момент уединиться в своем личном
реклюзиате! Там он черпал силу и
прогонял всякую слабость.

Слабость заслуживала ненависти. Ей
не было места в Империи.

Когда гололит замерцал, показывая
возникающий образ в зернистом сером
разрешении, он догадался, что более всего
ненавидел внутреннюю слабость. Он
сетовал не на недуг, не на социальное или
психологическое отклонение, а скорее на
саму плоть и все присущие ей ограничения.

Я буду подобен железу.

Фокусировка обратила зернистый
гололит в две фигуры.

Феррус Манус сердито взглянул на
них из тускло освещенных теней. Для него
и его легиона кампания на Огин-Пять-
Четыре Четыре протекала неудачно.

Когда он обратился к своим гостям,
его голос был тверд, как гранит.

--- Братья.

Спуск в пустынную впадину не был
легок. Из-за постоянно движущихся
барханов и пагубного воздействия песка на

двигатели большая часть танковых
дивизий Армии и Механикум потеряло
боеспособность.

Гусеничные машины увязли возле
вершины холма, наполовину погрузившись в
песок. Один средний танк встал на дыбы и
перевернулся, из-за чего вся колонна со
скрежетом остановилась. Даже у двуногих
шагоходов дела шли не лучше, и разбитые
остовы нескольких «Часовых» оказались на
дне пустынной впадины раньше любого
пехотинца. Следовавшие за ними
старались не смотреть на их сгоревшие
обломки.

Поэтому принять бремя битвы
выпало более стойким и искусным воинам.

— Принесем им железо и смерть! —
отдав приказ наступать, прокричал
Габриэль Сантар с механическим эхом в
голосе.

Армия Железных Рук ответила,
двигаясь в унисон. Из их оружия вырвалось
сияние потрескивающих залпов.

Навстречу им катилась орда
громадных насекомоподобных существ,
покрытых хитином, а за ними десятки

воинов в плащах, первыми выскочившие из засады.

Эльдары.

Полыхнули дупльные вспышки, заговорил низкий рокот артиллерии, и горячий воздух в пустынной впадине разорвал ураган снарядов.

Первая волна толстокожих и массивных хитиновых тварей была медленной, но живучей. Снаряды обрушились на их массивные тела, но оставляли на них только зазубрины. Звери без промедления прошли сквозь султаны от взрывов ракет и гранат. Как и их меньшие собратья, они выпрыгивали из пустыни в клубках поднятого песка и с унылыми гнусавыми звуками. Горбатых и крепких, размером с имперский танк, животных направляли эльдары, пользовавшиеся, по предположению Сантара, некой формой ментального принуждения.

Столь чуждая технология вызывала отвращение, но первый капитан знал, что они — не настоящий авангард.

Автоматизма шлемов зарегистрировали едва заметные

колебания в виде незначительных сейсмических аномалий в тектонической структуре впадины, которые неуклонно росли в силе.

Под ними прокладывали туннели роющие существа, быстро приближаясь к линии Железных Рук.

Атаку предвещала серия подземных взрывов. Пока Легионес Астартес наступали стойкими рядами черного и стального керамика, из клубов песка появились твари — быстрые, змееноподобные и абсолютно непохожие на стройные ряды Железных Рук. Определить истинную природу этих мерзостей было сложно. Пустыня окутала зверей и их хозяев частичной пеленой, но сверкнувший из зазубренных копий замаскированных наездников потрескивающий залп был замечен. Это своего рода кавалерии, понял Сантар, только самого отвратительного вида.

Сантар нахмурился, и его лицо окаменело. Он увидит, как их сокрушит сила лица пустыни.

Вокруг него полыхнули залпы

стрелкового оружия и легкой артиллерии. Первый капитан поднял молниевый коготь вверх и повел роту морлоков на навсигающихся тварей. Солнечный свет отразился от клинков и заблестел на темном металле доспеха.

На дистанции элитные воины были грозными, в ближнем бою — неодолимыми.

Ксеносы, казалось, не поняли этого, но скоро их научат.

— Будьте как железо! — заревел он, когда эльдары обрушились на них.

Зверь, чье глинное сегментированное туловище было прикрыто крепким коричневым панцирем, бросился на первого капитана, намереваясь откусить ему руку. Сантар уклонился от выпада и рассек ему торсу, пролив тягучую зеленую жидкость на щелкающие жвала и фасеточные глазные впадины. Второй удар с гулом бионической автоматики отсек бритвенные клешни, вызвав пронзительный вопль из сторщенной пасти твари.

Ее наездник — эльдар в плаще цвета песка и серо-коричневом доспехе, в монументального панциря твари.

воспользовался электрокопьем. Но Сантар
рассек несчастного, прежде чем тот смог
сделать выпад.

Сервоприводы в его механизированных
имплантах забыли, придавая
дополнительную силу и без того
исключительной физиологии. Сантар
разрубил голову второго хитинового червя,
пока первый все еще падал. Сквозь фонтан
крови, хлынувший из разреза на шее, он
увидел капитана Ваакала Десаана,
который возглавлял группу роты, затем
Габриэль выпотрошил третьего монстра.

Зверь и наездник рухнули. Но за ними
приближались другие. Они летели
вперед более крупных, похожих на жуков
монстров, оставляя за собой клубы пыли.

На ретинальном дисплее первого
капитала было отмечено, по крайней мере,
четыре дюжины вражеских контактов.
Слабо светящиеся сигнатуры,
приглушенные песком, подсказывали, что
еще восемьдесят находятся под землей. За
ними следовал отряд пехотинцев в серо-
коричневых плащах с
антигравитационным оружием, и воздух

наполнился визгом их орудий.

В ответ закованные в железо торлоки дали мощный залп, грохочущий массированный огонь наносил врагу ощутимые потери. Элитные воины, расположившись в центре боевых порядков, не собирались уступать. Их терминаторские доспехи «Катафракты», созданные из усиленных пластин, напоминали на бочки наплечниками, украшенными перугами, которые покрывали более тонкие и искусно сделанные наручи, были почти непробиваемы для оружия ксеносов. Предназначенные для фронтального штурма — тактики, в которой Железным Рукам не было равных, доспехи превращали их в гигантов. Гро�агные и непреклонные, они безнаказанно шагали сквозь град выстрелов из тяжелых энергетических арбалетов, термоядерных бластеров и сюрикеновых пушек.

Для победы над хитиновыми червяками потребовалось небольшое усилие, твари были истреблены без какого-либо ущерба.

— Они явно не сражались с

терминаторами прежде, — сказал Десаан по радиосвязи.

— Просто убивай их, брат. Так эффективно, как умеешь, — бросил легкий упрек Сантар.

Доспехи «Катафракты» были редкими для легионов, но Железные Руки гордились их большим количеством, особенно среди клановых рот Авернии — торлоков. В громоподобной броне они были сродни средним танкам без траков, сохраняя их устойчивость и убийную силу. Сантар упивался механической силой, которую давал ему доспех. Они все упивались.

Удары Железных Рук обрушивались, как метраномы: точно, методично и без суеты. Это была эффективная боевая тактика — безжалостная и неумолимая. Атака эльдаров захлебнулась.

Сообща с капитаном Десааном Сантар усилил натиск. Тяжелобронированные торлоки прошлись катком по дюнам. Никому не удалось избежать их ярости, карающей и абсолютной.

На ретинальном дисплее первого

капитана запрыгали возобновившиеся колебания, отмечая новых проходчиков. Сначала он ожидал вторую волну хитиновых червей, но понял свою ошибку, когда колебания стали более громкими и резонирующими.

--- Приготовиться к отражению атаки! --- рявкнул он по радиосвязи.

Обе роты торлоков построились в линию в безупречном порядке, навдя оружие на мертвое пространство перед собой. Болтерный ураган стих, позволив потрепанным эльдарам спешно отступить за барьер их громадных существ.

Прищуренные глаза Сантара позади безжалостных линз боевого шлема обещали покарать этих трусов позже.

Артиллерия Армии заняла позиции на гребне холма. Канониры прицелились и обрушили огонь на взбесившихся хитиновых монстров, подтявших под себя эльдаров.

Первый капитан знал, что следующая волна приближается.

--- Никакой пощады, --- напотнил он своим воинам.

Трещины усеяли дно песчаной долины, поглотив тучи мертвых хитиновых червей и их убитых наездников, когда появилась гораздо крупнее по размерам разнообразность подземных тварей.

Массивные клешни и жало на конце змеиного тела придавали им вид скорпионов, о которых Сантар слышал от легионеров Восемнадцатого перед развертыванием на Огин-Пять-Четыре Четыре. Видимо подобная тварь обитала на их вулканической родине. Это мало значило для первого капитана, ему просто нужно было знать, как убить их.

Потрескивающая линия болтерного огня хлестнула по груди существа, но снаряды не смогли ее пробить и взорвались со слабым эффектом на прочном экзоскелете.

Огин взгляд на ядовитое жало и зазубренные когти на ребристом теле сказал Сантару, что эти твари смогут пробить силовой доспех. Теоретически было возможно, что они также могут ранить терминаторов. Он решил проверить версию, но не прежде, чем

Он быстро протормозлся и шагнул в затянутую дылом зону обстрела. Под ногами захрустел расплавленный песок, а края ботинок облизал огонь, когда он раздавил пылающий эльдарский череп.

— Вперед, клан Авернии, — он дал сигнал Десаану и терминаторам.

После залпа Рүүмана от сомен ксеносов осталось несколько десятков. Скорпионоподобные почти все были уничтожены. Осталось несколько упорных защитников вместе с тварями, зарывшимися достаточно глубоко, чтобы пережить обстрел. Они сражались среди тлеющих тел своих павших, но эти напостыливания об их смертности, казалось, только придавали смелости зверям. Вместо того, чтобы вселить страх.

Сантар сокрушит врагов, несмотря на их стойкость.

Тысяча легионеров последовала за ним — к торлокам присоединились резервы Железных Рук в количестве более чем достаточном, чтобы истребить непокорный отряд ксеносов. Сантар быстро провел оценку тактической диспозиции

своих сил.

Морлоки удерживали центр, в то время как правый фланг занимал Шаграк Медузона и его рота. Левый был сжат в твердом кулаке Руутана и еще одной роты тяжелой поддержки. Несмотря на присутствие медленных терминаторов, наименее подвижными были части Железнорожденного. Логика советовала такой боевой порядок, как наиболее эффективный и подходящий. Сантара передал распоряжения.

--- Железнорожденный образует ось. Десятый капитан, ты --- наш сокрушающий кулак.

Значок подтверждения от Медузона один раз вспыхнул на ретинальном дисплее Сантара. Затем Габриэль переключился на канал связи с капитаном Девятой.

--- Десаан, поддерживай темп своих терминаторов. Переходи на скорость атаки, готовь булавы и клинки.

Десаан тут же «кивнул» своим мигнувшим значком. Терминаторы прикрепили болтеры магнитными зажимами и обнажили оружие ближнего

боя, размахивая потрескивающими булавами и пылающими клинками.

Несмотря на медлительность, жукообразные хитиновые твари обладали достаточной массой, чтобы смять танковую броню. Сантар желал покончить с ними, они — все, что осталось от сопротивления эльдаров.

Медуззон ударил первым, «сокрушающим кулаком», сразу как затих последний залп Рүүмана. Пытаясь схватить изолированную роту, твари обрушились на Железных Рук, которые сковали их.

Менее чем через минуту после того, как звери были полностью втянуты в битву, Сантар, Десаан и две полные роты торлоков ударили по их открытому флангу.

Эвисцераторы и сейстические молоты резали и крушили громадных тварей, которые постепенно гибли под безжалостной атакой легионеров. Медленно, один за другим, они падали и затихали. Пустыня оглашалась звуками их смерти, барханы оседали от сотрясений,

вызванных падением зверей.

Сантар стоял на краю скользкой от крови воронки и, вытянув клинки из расколотого черепа эльдара, смотрел на бойню, устроенную им и его братьями.

--- Слава Императору! --- заревел он.

Тысячи голосов подхватили его слова.

--- Слава Императору, --- произнес Рүүтан по рации, --- и во имя Горгона.

--- Я сомневаюсь, что эта победа удовлетворит его, брат, --- грустно ответил Сантар, после чего он отключил связь.

Эльдары были разбиты, сокрушены с твердую решимость Железных Рук. Сантар вытирал кровь ксеносов с толпиц когтей, когда к нему подошел Десаан. В своих терминаторских доспехах «Катафракты» они были намного выше братьев-легионеров и лучше видели поле битвы.

Мертвые ксеносы и поработанные ими хитиновые твари лежали отдельными кучами, разлагаясь на солнце. Устребительные команды Железных Рук перемещались по полю битвы и добивали

выживших. Сантар приказал пленных не брать. Эльдары не поддавались силовому воздействию, даже наиболее яростному, и обладали талантом дезориентировать и вызывать замешательство у противника. Сила духа, целеустремленность и беспоощадность — на этих боевых принципах настаивал первый капитан.

Один из жалких ксеносов попытался заговорить, его речь была телодична и неприятна для чувств Сантара, даже несмотря на закрытый боевой шлем. Он закончил с эльдаром одним движением толниевого когтя.

— Мы должны преследовать и изводить их, брат-капитан, — сказал Десаан. Визор, который он носил вместо глаз, холодно сверкнул, словно подчеркивая его слова. Капитан «ослеп» по милости эльдарского распылителя кислоты, разнообразности ксеносов более жестокой и изощренной, чем песчаные кочевники, с которыми они сейчас сражались. Благодаря вмешательству Механикум девятый капитан теперь видел лучше, чем когда-либо прежде.

Сантар перевел взгляд от мертвого ксеноса к вершине далекой дюны, куда отступали уцелевшие эльдары. Густое туманное море колыхалось и размывало обзор, но ксеносы были рассеяны. Такой беспорядок долго не протянется. Сантар предпочел бы догнать их и уничтожить, но они уже были далеко, как и хотелось отцу.

— Нет. Мы перегруппируем наши силы и прикажем им снова приготовиться к маршу как можно скорее, — сказал он, потом добавил: — Это даст некоторым более медленным частям возможность догнать нас.

— Имеешь в виду более слабым?

Сантар через визор встретил невозмутимый взгляд Десаана.

— Я имею в виду то, что говорю, брат-капитан.

Десаан кивнул, но поднятая рука Сантара не позволила ему уйти. Первый капитан отвернулся, оценивая перебитых в пустынной впадине хитиновых тварей. Большинство были изрублены и теперь пропитывали песок зеленой кровью и источали тошнотворный запах; другие,

наполовину зарывшиеся в землю, были
убиты прежде, чем смогли сбежать.
Выжившие глубоко зарылись, подальше от
шума и огня, забрав наездников с собой.
Если подобным существам позволить
беспрепятственно перемещаться, по
отдельности или в группах, они могут
стать ненужной проблемой.

Сантар вызвал по радиосвязи
железнорожденного.

--- Рүүман, в срочном порядке
защищает этот район. Я хочу, чтобы он
был полностью обезврежен, как на
поверхности, так и под ней.

--- В живых никого не оставлять.

Это был не вопрос, но Сантар
подтвердил:

--- Никого, брат.

Первый капитан уже видел, как за
переговой линией железнорожденные
выводит на позиции дивизионы
минометов-котов и беспилотных
зажигательных дронов «Термит».

--- Достань их, --- добавил он.

--- Никого в живых, --- Рүүман
повторил скрипучим голосом

подтверждение.

Сантар сделал знак капитану Десаану следовать за ним, оставив подготовку к перегруппировке и наступлению капитану Медузону.

— Ты со мной, морлок.

Они молча шли по песчаному склону, не обращая внимания на глухое подвывание сервомеханизмов своих терминаторских доспехов, которые старались совладать с уклоном. Капитаны вместе миновали ряды вышедших из строя танков Армии и небольших ординатусов Механикум. Большинство машин были потрепаны непогодой и нуждались в серьезном ремонте и техническом обслуживании. Оба воина даже не взглянули на измученных солдат. Добравшись до вершины, они встретились с Рүүманом, который готовил дивизионы тяжелой поддержки к сокрушительному залпу. Его челюсти были плотно сжаты, частично из-за свойственной ему суровости, но также потому, что нижнюю половину лица ему заменяла аугментика. Большая часть его тела была кибернетической, и

Рүүтан гордо демонстрировал его вместе с боевым успехом. Далеко позади тяжелых дивизионов в тареке появились запоздавшие дивизии Армии, изнуренные маршем.

Десаан не носил шлема, его голова выступала над высоким ободом горжета между бочкообразными изгибами наплечников, словно стальной шар.

--- Наконец, прибывает Армия, --- сказал ему Сантар.

Пренебрежение так отчетливо прозвучало в голосе Десаана, что не было необходимости смотреть ему в лицо:

--- Нам лучше без них.

Рүүтан согласился, обратившись к первому капитану:

--- Я сильно обеспокоен эффективностью механизированных и пехотных частей Армии. Они нас серьезно задерживают.

--- Они уязвимы в здешних условиях, обрат. Песок и жара разрушительны для ходовой части и двигателей. Это препятствует нашему наступлению, но я пока не вижу решения.

Ответ первого капитана должен был

стягчить обстановку, даже частично побуждал к этому, но только вызвал еще большее беспокойство у железнорожденного.

— Я изучу ситуацию, — сказал Сантар, уходя.

Рүүтан кивнул, а тем временем расчеты минометов-котов и батареи ракетных установок провели последние приготовления к стрельбе.

Пренебрежение, выказанное железнорожденным к смертной плоти, вытекало из того, что сейчас он был больше машиной, чем человеком. Несколько ближних боев с гевритами в лесах на Кванге привели к необходимости обширного применения аугментики. Но они ни разу не пожаловался и воспринял свои бионические импланты стоически.

Десаан молчал, пока они не миновали боевые порядки и не вышли в открытую пустыню.

— А что делать, Габриэль? Некоторые театры военных действий не для простых людей.

Сантар снял шлем, зажатым сипением отошли. Лицо первого капитана

было покрыто потом. Он поднял бровь. Нарастающий гул многочисленных взрывов приглушил его слова:

--- Значит ты -- не люди, Ваакал?

Десаан был стойким приверженцем Железной Веры, которая опиралась на постулат «Плоть слаба». Его явное высокомерие и отсутствие человеческого сочувствия часто переходили в презрение, а иногда и того хуже.

Другой капитан нахмурился, когда рокот глубоких подземных взрывов потряхнул песок под их ногами, и обстрел железнорожденного сделал свою работу.

--- Я знаю, ты понимаешь меня, брат, -- продолжил Сантар. --- Мы достаточно хорошо знаем друг друга, не так ли? Твой прежний тон говорил об этом, -- в словах первого капитана был упрек, который Десаан сразу же распознал.

--- Если я был непочтителен...

--- Я согласен с тобой, капитан. Плоть слаба. Вера подтвердилась в этой пустыне, в истощении дивизий нашей Армии и их слабеющей решимости. Но разве наша задача не состоит в том,

чтобы взять на себя это бремя и
поддерживать их стойкость
демонстрацией нашей силы?

Десаан открыл рот, чтобы
ответить, но передумал, когда понял, что
первый капитан не закончил.

— Я все еще человек, частично из
плоти. Мое сердце качает кровь, легкие
вдыхают воздух. Они — не механизмы, в
отличие от этого, — сказал Сантар,
помахав левой рукой; в ответ бионика
внутри зажужала. — У этого, — сказал
он, постукав лезвием ногтя по
бронированному бедру. — Делает ли моя
плоть меня слабым, брат?

Десаан старался быть
почтительным. Сантар в самом деле не
обладал исключительной
раздражительностью примарха, но он был
резким и жестким, как и бионика его
конечностей.

— Ты намного больше, чем простой
человек, мой капитан, — остелился
сказать Десаан. После паузы, он решил
продолжить: — Мы все. Мы — сыновья
Императора — истинные наследники

Галактики.

Сантар пристально посмотрел на девятого капитана, продемонстрировав частицу своей знаменитой твердости.

--- Храбрые слова, но неверные, --- Сантар снова отвернулся, и напряжение ослабло. --- Мы --- воины, и, когда война закончится, нам придется освоить новые профессии или стать преторианскими статуями, украшающими Дворец на Терре. Возможно, мы сформируем церемониальную почетную стражу для наших бывших полководцев, --- слова первого капитана окрасила не просто легкая злость. Он часто думал об этом. --- Воин без войны --- это как машина без функции, --- добавил он задумчиво. --- Ты знаешь, что это значит, Ваакал? Что мы делаем в таком случае?

Десаан кивнул медленно, насколько позволял высокий горжет.

--- Выходим из употребления.

--- Уменно.

Смысл сказанного повис в воздухе, пока Десаан не попытался снять неловкое напряжение.

— Покорить целую Галактику, изменить судьбу бесчисленных миллиардов слабых людей... Надеюсь, это случится до окончания Крестового похода.

На них пала тень, перекликаясь с внезапно упавшим настроением, хотя, скорее, это они зашли под ее покров. Сантар вытянул шею, чтобы рассмотреть циклопический сухопутный корабль «Океан Медузы», поражающий своим гнетущим величием.

— Возможно, — пробормотал Габриэль, подходя к корпусу левиафана, на одном борту которого был изображен бронированный кулак. Под ним с нижнего уровня корабля опустилась ратна, прикрывающая гигантские гусеницы.

Отец находился на борту, вместе с гвута своими братьями. Когда они разговаривали в последний раз, его настроение было далеким от оптимистичного. Неудача с определением точного местонахождения узла сильно разозлила отца, доведя его до состояния бешенства. Быстрый успех был необходим. Как и в большинстве случаев, лорду

Манусу не хватало времени, равно как и терпения.

Сантар составлял отчет, поднимаясь по входной рампе вместе с Десааном.

--- Я не уверен, что отец разделит твою надежду, брат. Если мы быстро не найдем узел, его ярость взметнется по пожаром, в этом я уверен.

В голосе Сантара не было ни угрозы, ни тревоги, ни осуждения --- это была просто констатация факта.

--- Просто... --- Десаан тщательно подбирал слова, когда они остановились у края входного люка сухопутного корабля, --- любопытно, что никто из агентов Механикум не обнаружил узел. Неужели это такая трудная задача?

--- Песок и жара, --- сказал Сантар. --- Снимки, которые мы получили со сканеров костических кораблей, не соответствуют фактическому рельефу. Условия окружающей среды иные, и мы должны к ним приспособиться.

Десаан посмотрел в глаза первому капитану.

--- Ты так уверен, что нашими усилиями

мешает только неблагоприятная погода?

--- Нет, не уверен, но я хотел бы посмотреть, как ты предлагаешь отцу более... причудливое объяснение. Полагаю, ему будет нелегко согласиться.

--- Это еще мягко сказано, брат, --- ответил Десаан, вступая в неграмотного корабля.

На борту «Ока Медузы» царил суматошный беспорядок. Несколько трясущихся лифтов и транспортеров доставили двух морлоков в галерею, ведущую в стратегиум притарха. Способ их перевозки не сильно отличался от метода доставки породы к огромным машинам, гигантским пневмомолотам и печам медузанскими транспортерами. Сантар нашел забавным такое сравнение, но он быстро выбросил это из головы. Как и всякий образ, не имеющий практической пользы.

Выходящий из пневмосистемы воздух предвещал открытие противовзрывных дверей стратегиума. Со стенами полуметровой толщины, усиленными адамантиевой арматурой, он мог также использоваться в качестве бункера в

случае атаки на сухопутный корабль. Хотя его единственный обитатель не нуждался в подобном убежище.

Помещение было пустым и холодным, как ледяная пещера. Лакированные черные стены поглощали свет, а толстые оконные стекла были покрыты инеем. Это была Медуза, во всем, кроме географического расположения.

Войдя одновременно, Сантар и Десаан застали конец оперативного совещания лорда Мануса с примархами Вулканом и Мортарионом.

--- ...не можем себе позволить отвлекаться. Будь внимателен, брат, и пусть люди сами себя защищают. Это все.

Феррүс Манүс прервал связь резким взмахом руки. Зернистый свет гололита все еще затухал, когда он повернулся к своему первому капитану. Слабый блеск израл на громадных наплечниках, подобно инею, который таял от едва сдерживаемого гнева.

Примарх выдохнул, и недовольство прошло по лицу, как грозовая туча. Лицо Феррүса походило на изрезанную скалу.

иссеченную шторловыми ветрами и
обратленную иссиня-черным ежином
коротко стриженных волос. Примарх
фактически был отцом Сантара, но его
поведение нельзя было назвать отеческим.

— Я люблю своего брата, — ни с того
ни с сего пророкотал Феррус, — но он
сводит меня с ума своим желанием
воспитывать и нянчиться. Эта
склонность присуща слабым, и она может
породить в ответ только слабость, — он
поднял брови, отчего высокий лоб
избороздили морщины. — В отличие от
десятого, не так ли, первый капитан?

Феррус Манус был огромным и
внушительным существом. Облаченный в
угольно-черный доспех, он казался
высеченным из гранита. Его крепкая кожа
была очищена и смазана маслом, а глаза
походили на два куска кремня. Среди
множества своих имен он предпочитал
прозвище Горгон. Оно казалось подходящим
для того, чей прямой взгляд вызывал
оцепенение. Сейчас примарх излучал
холодную ярость. Ее выдавали походка, тон
голоса и слова, которыми он выражался.

Примарх все больше заводился, и Габриэлю Сантару оставалось только ждать.

--- Мы разбили диверсионную группу, но к настоящему времени так и не установили местонахождение узла, мой примарх, --- он склонил голову в знак верности, но Феррус упрекнул его за это, приняв за пораженчество.

--- Подними глаза и посмотри на меня, --- сказал он, самооблагание тлело, как вулкан, готовый извергнуться. --- Разве ты не мой адъютант, которому я доверяю и которого уважаю?

Возражать было бессмысленно, поэтому Сантар выдержал ледяной взгляд и не дрогнул. Поступить иначе было бы не мудро.

--- Да, примарх. Как всегда.

Еле сдерживающийся Феррус Манус заходил по стратегическому, свет от светильников отражался от непостижимого живого металла его серебряных рук. Гнев примарха несколько не утихал.

--- На данный момент, не так ли? Все, что у нас было --- это время. Ответ мне, ---

сказал Феррүс Манүс, его взгляды перешел на воина, стоящего рядом с адъютантом. — Капитан Десаан, хотя ты не слишком разговорчив, скажи, как получилось, что оба моих брата смогли найти узлы, а ты — нет?

К широкой, бронированной спине примарха был прикреплен огромный молот. Он назывался Сокрушитель Наковален и был выкован под горой Народная его братом Фүлгритом, по которому Феррүс явно скучал. Сантар не удивился бы, узнав, что Десаан сейчас представляет, как его повелитель, вырвав оружие из ремней, крушит стратегиум и головы своих оплошавших офицеров.

Феррүс Манүс смотрел сердито, нетерпеливо ожидая ответа.

Сантар редко видел его столь разгневанным и задумался над причиной.

Посеревшее лицо Десаана, представлявшее собой мозаику из шрамов, отразилось в доспехе Горгона. За забралом его глаза казались искаженными. Примарх был достаточно близко, чтобы поразить его, но капитан не дрогнул, хотя

попытался незаметно прочистить горло. Однако даже приглушенный горжетом этот звук ударил в уши громче сигнального горна. Он был морлоком, родным из элиты притарха, понагать погнев Ферруса ему доводилось нечасто. У ветерана это приводило в замешательство.

--- Люди страдают из-за жары, --- просто ответил он, и Сантар был рад, что Десаан не упомянул свое прежнее подозрение, которое, по его мнению, касалось чего-то иного, нежели неблагоприятной погоды.

Несколько летописцев, сопровождавших армию, давно отстали, но Десаан говорил не о них. То, что гражданские не выдержат, было вполне ожидаемо. Это была одна из причин, почему притарх изначально не возражал против присутствия императоров и имажистов, он знал, что они очень быстро перестанут быть проблемой. Но Десаан имел в виду солдат. Предполагалось, что эти мужчины и женщины выдержат испытания, выпавшие на их долю во время

марша.

--- А разве мои братья не страдают от похожих неблагоприятных условий, или они каким-то образом смогли побороть подобные слабости? --- настойчиво спросил Феррус.

--- Я не знаю, милорд.

Примарх заворчал и обратился к Сантару.

--- Ты согласен со своим товарищем капитаном?

--- Я так же разочарован, как и вы, той примарх.

Глаза Ферруса сузились до серебрястых щелей, после чего он отвернулся к широкому столу стратегиума с встроенным гололитом.

--- Сомневаюсь в этом, --- пробормотал он.

Он провел мерцающей серебряной ручкой по образу пустынного континента, чтобы увеличить изображение, проецируемое на стеклянную поверхность. Несколько вероятных дислокаций узла обозначались мигающими маячками, так же как и две другие отметки --- красная и

зеленая пунктирные линии.

--- Но это не дает ответа на вопрос, почему мы так отстали, --- сказал Феррус, пристально глядя на красную линию, словно таким образом она бы передвинулась дальше по карте. Этого не произошло.

--- Милорд, если бы я мог... --- начал Десаан, и Сантар застонал про себя, осознав, какую ошибку собирается совершить его товарищ. --- Возможно, нашими попытками мешают не просто солнце и песок.

--- Говори прямо, брат-капитан.

--- Колдовство, милорд. Я не могу выразиться яснее, --- сказал Десаан. --- Нашими усилиям препятствуют эльдарские колдуньи.

Феррус глухо рассмеялся.

--- И это твое лучшее оправдание? --- Его серебряные кулаки сжали край стола стратегиута, вызвав паутины трещин, которые раскололи бы ландшафт катастрофическими землетрясениями, будь они настоящими. Десаан нутром ощутил воображаемые тектонические

разломы.

--- Это объясняет, почему наши усилия так...

Кулак Ферруса Мануса обрушился на карту, оборвав слова капитана. В результате карта раскололась надвое.

--- Мне это не интересно, --- сказал он, и воздух в комнате готов был воспламениться.

Примарх скрестил руки на груди. На его огромных бицепсах собралось загадочное мерцающее серебро.

Десаан, редко оказывавшийся так близко к своему повелителю и так надолго, не мог оторвать взгляд от них.

--- Ты знаешь, как я получил это замечательное изменение? --- спросил Феррус, заметив заинтересованность капитана.

Десаан удачно скрыл свое ступение за удивлением. Как и большинство незаурядных существ, примархи были непредсказуемы.

--- Ты слышал о моих подвигах? --- продолжил Феррус, когда ответа не последовало. --- Как я справился в поединке

со штормовым гигантом, или как с
голыми руками взобрался на Карааши,
Ледяной Пик? Или, возможно, ты слышал,
как я заплыл дальше розатого бежмота
Сүфоронского моря? Ты знаешь эти
истории?

Ответ Десаана был не громче
шепота.

--- Мне известны великие саги,
повелитель.

Феррүс покачал пальцем, перейдя на
монолог и глубокомысленно кивнув, словно
найдя ответ на собственную загадку.

--- Нет... это был Асирнот, прозванный
Серебряным Змеем, величайший из
древних драконов. Ни один клинок не мог
пробить его металлическую кожу, ни одно
из моих оружий.

Он затолчал, как будто предавшись
воспоминаниям.

--- Я сжег его, держал извивающееся
тело в потоке лавы Медүзы, пока он не
умер, и когда я вытащил руки, они
стали... --- он протянул их вперед, ---
такими. Так говорят сказители.

--- Я... Милорг?

Сантар захотел вмешаться, но урок не закончился. Речь шла об истории, созданной бардами и сказителями кланов и изложенной в Песне Странствий. Она имела несколько версий. Никто из Железных Рук не мог подтвердить ее достоверность, поскольку ни один из них не жил в темные дни прибытия примарха на Медуззу. Только сам Феррус Манус знал правду и хранил ее в запертой клетке своей памяти.

— Ты считаешь, что такой воин позволил бы победить себя колдовством? Считаешь, что он мог быть настолько слабым? — спросил он.

Десаан затряс головой, пытаясь загладить вину, которую не совсем понимал.

— Нет, повелитель.

— Прочь! — слова со скрежетом покинули губы Ферруса. — Пока я не вышвырнул тебя.

Десаан отдал честь и круто развернулся.

Сантар собрался последовать за ним, но Феррус остановил его.

--- Не ты, первый капитан.

Сантар застыл и выпрямился.

--- Я воспитал слабых сыновей? ---

спросил Феррус, когда они снова остались одни.

--- Вы знаете, дело не в этом.

--- Тогда почему ты в тупике? --- Гнев

примарха остыл, и он прошелся по

стратегии. --- Я слишком долго

отсутствовал на фронте, мои братья

отвлекли меня. Вы стали покладистыми,

послушными. Я чувствую недостаток

целеустремленности в наших рядах,

нехватку воли, и это отдаляет нас от

нашей цели. Эльдарская магия --- не моя

забота, а вот обнаружение и уничтожение

узла --- да. Мы должны обладать

внутренней стойкостью, чтобы побороть

ловушки. Я возглавляю эту кампанию, и

мои братья не превзойдут меня. Мы ---

сила, пример для всех. Репутация легиона,

моя репутация не будут опорочены.

Больше никаких задержек. Действуем

быстро. Если понадобится, оставим

дивизии Армии позади. Ничто не должно

препятствовать нам в достижении

победы.

Сантар нахмурился, увидел, что решимость на лице Ферруса обернулась меланхолией.

--- Десаан служит вам непоколебимо, как и все мы. Вы вырастили сильных сыновей, мой примарх.

Феррус стягнулся. Он опустил тяжелую руку на плечо агьютанта.

--- Благодаря тебе я становлюсь сдержаннее, Габриэль. Думаю, ты единственный, кто способен влиять на меня.

Сантар почтительно склонил голову.

--- Вы оказываете мне честь своей похвалой, мой примарх.

--- Она заслуженна, мой сын. --- Феррус отпустил его, оставив плечо онемевшим. ---

- Десаан --- хороший солдат.

--- Я передам ему ваши слова.

--- Нет, я сам сделаю это. Так будет лучше.

--- Как пожелаете, мой примарх.

Последовала значительная пауза, и Сантар обдумал то, что он собирался сказать далее.

Феррус снова повернулся к нему спиной.

--- Говори, что тебя тревожит. Мои глаза могут быть холодны, но не слепы.

--- Хорошо. Будет ли мудро оставить наших союзников? Нам может понадобится их поддержка.

Феррус быстро повернул голову и внимательно посмотрел на первого капитана. Спокойствие примарха испарилось, в его глазах словно полыхнуло белое пламя.

--- Ты сомневаешься в моих приказах, адъютант?

В отличие от своего менее опытного капитана, Сантар не колебался.

--- Нет, примарх, но вы сам не свой.

Любой другой пострадал бы за такую прямоту не сходя с места. Удивительно, первый капитан пережил тревожный момент, пока примарх буравил его своим раскаленным взглядом. Кулаки Сантара сжались, молниевые когти готовы были выскользнуть, когда инстинкты воина взяли верх.

Ярость Ферруса погасла так же

быстро, как вспыхнула, и он устоялся в темноту.

--- Мне нужно сказать тебе кое-что, Габриэль, --- Феррус встретился взглядом с капитаном. --- Я должен признаться, но эти слова только для тебя одного. Предупреждаю, ты не должен никому говорить об этом...

В последних словах примарха таилась скрытая угроза, а щека Ферруса нервно дернулась. Первый капитан терпеливо ждал.

--- Я вижу странные сны, --- пробормотал Феррус. Не смотря на непредсказуемость примарха, такое было для него совершенно нетипично, и это встревожило Сантара больше, чем любая угроза применения силы. --- О пустыне из черного песка и глазах, следящих... холодных глазах рептилии.

Сантар не ответил. Он никогда прежде не видел своего примарха уязвимым. Никогда.

--- Позвать апотекария, милорд? --- в конце концов спросил он, когда заметил, что Феррус трет шею. Вигитая из-за

края горжета кожа покраснела.

--- Раздражение, только и всего, ---
сказал Феррүс, хотя его голос говорил об
обратном. --- Это место, эта пүстыня.
Здесь есть что-то...

Теперь Сантар ощутил настоящее
беспокойство и желание как можно скорее
закончить эту кампанию и отправиться
на новую войну.

--- Легион может уничтожить үзел
без посторонней помощи, --- үверенно заявил
он. --- Плоть слаба, мой примарх, но ты не
станешь ее раба.

И словно солнце, вышедшее из-за түч,
Феррүс просветлел и снова стал самим
собой. Он сжал плечо Сантара, причинив
боль первому капитану.

--- Позови капитанов легиона. Я поведу
нас на врага и покажу, насколько сильны
сыны Медузы, --- пообещал он. --- Я принял
решение, адъютант. Ничто не остановит
меня. Ничто.

Когда Габриэль Сантар үшел, Феррүс
вернулся к своим раздүмьям. Ничто, даже
перспектива битвы не могло развеять его
гнетүщего настроения. Как жернов на шее,

но тянуло его все глубже в бездну. Он был уверен, что Фүлгрим смог бы облегчить ношу, но Фениксийца не было рядом. Вместо этого он должен вести войну бок о бок с этим своевольным ублюжком Мортарионом и мягкосердечным Вулканом.

--- Сила... --- сказал он, словно произнесение слова могло бы ее дать. Он потянулся серебряными пальцами и схватил рукоятку Сокрушителя Наковален.

Он сокрушит эльдар, уничтожит их психический узел и выиграет кампанию.

--- И сделаю это быстро, --- добавил он шепотом, вырвав молот из ретней.

Хотя Феррүс никогда не признал бы этого, для него война не могла закончиться достаточно быстро.

Укрытые сводами из белой кости двое могли говорить без опасения, что их подслушают. Многого нужно было обсудить, и многое лежало на чаше весов.

--- Я различаю две линии, --- сказал один лиричным и звучным голосом. ---

Сходящиеся на данный момент в одной точке, но они скоро разойдутся.

Другой сплел вместе тонкие пальцы и ответил:

--- Я тоже их вижу и точку, в которой они расходятся. Он не прислушается к тебе. Ты зря тратишь свое время.

Хотя он был категоричен, первый собеседник не казался взволнованным.

--- Он должен, в противном случае подумай о цене.

--- Другие могут не согласиться, --- через минуту второй медленно покачал головой. --- Ты видишь вторую стезю, на которой он на самом деле не существует. Судьба закроет эту дверь для нас.

--- Ты видел это?

--- Я видел его. Он должен выбрать, все должны выбирать, но его решение уже принято, и не в нашу пользу.

Теперь тон первого собеседника отметил легчайший оттенок раздражения.

--- Как ты можешь быть уверен?

--- Ничто не бесспорно, тем не менее, альтернатива маловероятна, но железные

ноги не стелят свой путь без сильного импульса.

Первый откинулся назад.

--- Тогда я обеспечу его.

--- Это не будет иметь никакого значения.

--- Я должен достичь цели.

--- У, тем не менее, у тебя не выйдет.

--- Но я должен попытаться.

Буона Хенрикоса из Десятой роты Железных Рук не воодушевило жалкое состояние дивизий Армии. Люди были похожи на призраков, пропахших потом и покрытых коркой соли. Они были изранены, обескровлены и медлительны. Беспредельно медлительны.

Даже скитарии Механикум и батальоны сервиторов пострадали главным образом из-за слабости их элементов из плоти. Несколько сотен кибернетических существ были оставлены ржаветь на пути следования Армии, выбывших из числа Саваанских масонитов тоже бросили там, где они пали. Их похоронят пески.

Временный лагерь был поспешно
разбит несколькими оставшимися
бригадами трудоспособных рабочих сербов.
Лазареты занялись случаями тепловых
ударов и критического обезвоживания.

Хенрикоз подсчитал больных и
раненых солдат, лежащих на сеточных и
парусиновых койках в палатках -- их были
сотни. Кто-то жалобно стонал, но
большинство уныло молчало. Он не
задержался, не обратил внимания на
группы Доганских истязателей,
опирающихся на пикеты под тентами,
свисающими с бортов «Химер»; на
отчаянные попытки механиков-водителей
охлаждать двигатели машин; на тихие
проклятья людей, счищающих со своего
оружия копыта утрамбованного песка. Огид
седой полковник, жуящий пластинку
табака, коснулся фуражки, приветствуя
костодесантника. Он выглядел
измученным, как и его люди. Но когда
Железнорукий прошел сквозь толпу
покрытых волдырями, обгоревших солдат,
которые едва могли говорить
пересохшими губами и раздувшимися

языками, он почувствовал толику сострадания.

Это место было не для людей. Это был ад, а следовательно, сфера деятельности таких выкованных среди звезд воинов, как он. В отличие от большинства своих братьев, Хенрикос не обладал полным комплектом бионических усовершенствований. Его руку удалили и заменили механическим подобием, согласно ритуалу легиона, но остальная часть седьмого сержанта была органической. Он подозревал, что крупица сочувствия, которое он испытывал, пришла от этого пристрастия к биологии.

Хенрикос задумался, что если его более кибернетические братья положили на алтарь механической силы и стойкости больше, чем просто слабость плоти? Не отказались ли они также и от части своей человечности?

Хенрикос отбросил мысль, но она все же засела в его подсознании.

Палатки лазарета дополнились шатрами побольше, которые давали тень, но не спасали от столь ужасной жары.

Фляги передавались по кругу, но этой воды не хватало, чтобы утолить жажду даже одного солдата, не говоря уже о целой дивизии. Блюстители дисциплины держались непоколебимо, являя собой пример для остальных, но даже эти, обычно стойкие, офицеры слабели. Хенрикос увидел, как один упал на колени, но все же заставил себя подняться.

Старый полковник стал напевать, но лишь немногие из ветеранов подхватили грубую песенку.

В общем и целом это было печальное зрелище, а ведь они — только авангард. Куда больше солдат из состава главных сил все еще тащатся по пустыне.

В конце выровненной песчаной площадки высилась командная палатка. У входа стояли на страже двое изнуренных масонитских преторов.

Хенрикос не потребовал пропустить его и вообще не удостоил стражей взглядом. Он откинул полог, и в нос ударил спертый воздух. В углу парусиновой палатки вибрировал вентилятор, работающий на максимуме, из-за чего

помещение было наполнено гребезжащим гулом.

Пятнадцать человек в офицерской форме, выглядевшие не лучшим образом, вытянулись перед вошедшим сержантом.

Один из них — генерал, судя по богатству униформы и сидящему на его плече ручному зверьку шагнул вперед. Он держал инфопланишет и открыл рот, чтобы заговорить, но Хенрикос жестом предотвратил это. Он умышленно использовал бионическую конечность.

— Сворачивайте лагерь. Выступаем немедленно, — сказал он прямо. Эмоций в голосе железноручного было не больше, чем в бинарном коде. — Все.

Заговорил второй офицер с испуганным лицом. Его кираса была снята, а тундир растянут. Он явно предпочел бы остаться в лагере.

— Но, милорд, у нас только...

Хенрикос считал те три секунды, что он позволил говорить офицеру, как упущенку, которую он не повторит.

— Никаких исключений. Легион наступает, а значит, наступаеме и вы.

Соберите свои дивизии или представьте свои возражения ему, -- он постучал по ножуху болтера на бедре. -- Приказ лорда Мануса.

Только главный медикус нашел в себе мужество возразить:

-- Если мы выступим сейчас, то обречем на смерть наших больных и раненых.

Он бросил сердитый взгляд поверх очков в проволочной оправе. К счастью для него, Хенрикос не воспринял его слова как вызов своей власти.

-- Да, они погибнут, -- сказал железнорукий, и дрозь сожаления в голосе удивила его самого.

Офицеры сели, точнее, рухнули. Хенрикос взял инфопланшет и одним взглядом охватил всю информацию. Затем он вышел.

Перед ним раскинулась пустыня, подобная позолоченному океану, залитому солнцем.

На вершине серповидного холма Феррус Манус изучал предстоящий

маршрут. Вместе с ним была группа офицеров, в то время как ряды легионеров ждали внизу.

Притарх взглянул на топографический гололит, проецируемый с планшета в руке Сантара. Притарх изучал широкие дюны, базальтовые пещеры и бесконечные песчаные равнины в зеленом монохроме, после чего повернулся к пустыне.

— На горизонте ничего... — пророкотал он, но затем прищурился, словно различив то, что только он, благодаря уникальному генетическому происхождению, мог увидеть. — Но в воздухе есть потупнение, возмущение...

— Вероятно, теплообмен, милорд, — сказал Рүүтан, встатриваясь в выжженную долину бионическими глазами. Тироскопические фокусирующие кольца стрекотали и щелкали, фасеточные апертюры клацали в различных конфигурациях, когда новые спектры накладывались на его зрение. — Что предполагает наличие аванпоста или бастиона.

--- Я тоже вижу, --- сказал Десаан, анализируя обстановку через визор. --- Вероятно, аванпост каким-то образом замаскирован.

Сантар рассмотрел долину через магнокүляры. Она была покрыта скалами цвета кости, отбеленными солнцем. Некоторые выступали из земли, как пальцы скелета, или группами, напоминая грудную клетку какого-то огромного, давнотершего хищника. А еще ему казалось, что он видит рунические узоры в расположении скал.

--- Он должен быть там, --- сказал Феррус, прервав мысли первого капитана.

Пыльный вихрь медленно кружился над долиной. Сантар увидел крошечные звездные вспышки в клубящемся облаке и неестественные тени, которые не могли быть вызваны солнцем. Он моргнул --- и все исчезло, но пылевой вихрь словно сгустился.

Сантар выключил гололит и отдал планшет одному из немногих действующих сервиторов, а магнокүляры вернул Шагракү Медүзонү.

— Даже если мы поспеем, наше продвижение по долине не будет быстрым, — сказал он, оценивая все тактические варианты. — Но обход займет еще больше времени.

Рүүтан провел быстрое вычисление.

— Четыре целых восемь десятых километра от места спуска, первый капитан.

Сантар кивнул железнорожденному, но обратился к примарху.

— Возвышенность дает больше преимуществ, но вынудит нас двигаться колонной. В долине наши части смогут рассредоточиться, но будут дальше находиться в досягаемости врага. В ней есть что-то... невидимое для меня... угроза.

Феррүс оглянулся через плечо.

— Суетерие уже стало заразно, да, адъютант? — спросил он, словно поделившись знакомой шуткой с Сантаром. Примарх часто так делал.

— Доверьтесь моим инстинктам, примарх.

— За которые я не могу порицать тебя, — эти знаки примирения не

затронули холодных глаз Ферруса. Он тоже смотрел на долину, словно уже увидал то, что Сантар описал, но решил проигнорировать. — Меня больше не задержат. Мы пойдем по долине.

— Послать вперед скаутов для разведки? Мы не знаем, что там.

— Ничего, — ответил Медузон, держа в опущенной, расслабленной руке болтер. Черты его узкого лица были острыми, как клинок, и когда капитан нахмурился, это впечатление усилилось.

В разговор двух капитанов вмешался голос Буона Хенрикоса. Сержанта вызвали на импровизированный совет для того, чтобы выступить от имени дивизий Армии, поскольку ни один из их офицеров не смог сделать этого достаточно быстро для нетерпеливого примарха. Хенрикос был коренастым мужчиной с развитой мускулатурой и пластикой мечника. Подтверждением служил медузанский клинок, пристегнутый к бедру.

— У меня есть предложение, милорд, — сказал он, опустившись на одно колено, но задржав подбородок и выпрямив плечи. Буон

получил звание сержанта недавно, и впервые обращался напрямую к примарху.

--- Встань, --- сказал Феррус, неодобрительно взглянув на коленопреклоненного сержанта. --- Ни один из моих сыновей не должен преклонять колени передо мной, сержант, если только он не просит прощения.

--- В рядах Армии есть скауты --- Доганские Устязатели, --- сообщил Хенрикос, поднявшись.

--- Мы лишь впустую потратим время, --- вмешался Десаан.

Хенрикос повернулся к нему.

--- Люди имеют здесь важное значение.

Десаан неодобрительно посмотрел на единственный бионический имплантат сержанта.

--- Да, этот камень на наших благородных шеях тянет нас в болото. Они не нужны. Доверяй железу, не плоти.

--- По-твоему, я не доверяю? --- Хенрикос старательно сохранял нейтральный тон.

Если бы Десаан мог прищуриться, он

бы это сделал.

--- В тебе слишком много плоти, Бион, слабости, которая затуманивает твои мысли.

Хенрикос словно оцетинился в ответ на завуалированное оскорбление. На скулах заходили желваки.

--- Могу заверить тебя, брат-капитан, я вижу отчетливо.

Громкий стех, жесткий и полный буйного веселья, снял напряженность, как толот, раскалывающий наковальню.

--- Вот это дух, мои сыновья, --- прорычал притарх, --- но поберегите свой тыл для врагов. Нет смысла тупить клинки друг о друга. Прекратите, или мой адъютант посрамит вас обоих перед братьями-легионерами.

Выговор был строгим, но лишенным настоящего гнева.

Медуззон притирительно кивнул. Взгляд капитана стягчился --- стал всего лишь колючим, а не пронзающим.

--- Мы можем подождать армейские дивизии и объединиться с ними здесь. Вероятно, доганцы будут в авангарде.

Хенрикос кивнул, соглашаясь.

— Это воодушевит их и даст им цель, — заверил он, не обращая внимания на неодобрительное выражение лица Десаана.

— А какова наша цель? — Вопрос примарха прозвучал резко. — Задержек было достаточно. Больше никакого ожидания! — раздраженно рявкнул он, затем выдохнул.

— Собери легион, первый капитан, — приказал Феррус. — Мы поведем морлоков по долине, тяжелые дивизионы в резерв, чтобы занять высоту и обеспечить прикрытие для сил, продвигающихся за нами. Капитан Медузон, ты поведешь остальных двумя полубатальонами по склону этой возвышенности и соединишься с нами у выхода из долины.

Сантар четко отсалютовал своему повелителю и отправился выполнять приказы.

Серповидные склоны широкими длинными пологими складками спускались к дну долины. Сантар вспомнил тени в песчаном вихре и решил, что морлоки справятся, что бы там не скрывалось.

За исключением одного, все вероятные местонахождения узла, установленные Механикум, оказались ложными, тиражами, созданными эльдарским колдовством. Усилия легиона Железных Рука, чей темп выдерживали лишь немногие дивизии Армии, вознаграждались очередной засадой.

Вполне вероятно, что обнаружение этого последнего узла повлечет за собой то же самое.

Стальной взгляд Ферруса обратился к далекому горизонту и дымке, замеченной раньше. Больше нельзя терять время.

— Мы спускаемся немедленно. Армия может проваливаться.

Семь разных аванпостов не обнаружили признаков узла. Следуя координатам Механикум, легион провел несколько ожесточенных боев. После последнего, Феррус был вынужден сообщить об отсутствии прогресса братьям-примархам. Вулкан был... любезен, даже предложил помощь, которую Феррус решительно отверг. Переговоры с

Мортарионом оказались менее теплыми. При таком темпе пройдет не один день, пока силы легионеров смогут объединиться и покинуть Огин-Пять-Четыре Четыре. Медленное продвижение армейских дивизий не прибавляло энтузиазма. Феррүс не мог не ценить силу их орудий, они были полезны, но он сетовал на слабость людей. Столь многие остались позади... Он сомневался, что они вернутся.

«Эта пустыня пожирает людей», — с горечью подумал он.

Долина внизу выглядела странной. Другие не замечали этого, но она выходила за пределы обычных чувств. Тем не менее, Феррүс ощущал притяжение, которое влекло его к воображаемой бездне. Что-то царапало его мысли, за пределами сознания. Он хотел схватить это, раздавить в кулаке, но как он мог раздавить ощущение?

Там, на песчаной равнине, на дне долины, оно ждало его.

Возможно, оно всегда ждало.

Трепет, гнев и решимость слились в одно — необходимость.

Надо встретиться с ним и убить.

Это путь Горгона, по которому он всегда шел. И утром он так же, в этом можно быть уверенным. Никто никогда не брал над ним верх. Решимость определяла его.

--- Я иду за тобой, --- пообещал он и возглавил спуск.

Затухающий свет, отражаясь от каменных стен их психического святилища, осветил их лица собеседников.

--- Его воля и целеустремленность исключительны.

--- Ты по-прежнему считаешь, что он на неверном пути? --- спросил другой.

--- Связь близка... --- пробормотал первый.

--- Как ты убедишь его в этом? Монки --- особенно такой, как этот --- недоверчивы по своей природе.

Когда линии его плана начали соединяться, подобно хромосомам эмбриональной жизненной формы, первый собеседник сощурился.

--- Тут понадобится хитрость. Он должен поверить, что это его решение. Это единственный способ изменить его путь.

--- Паутина, которую ты плетешь, ущербна.

Первый встретился взглядом со вторым, и вспышка энергии высветила вопрос в его тиндалевидных глазах...

... на который второй охотно ответил:

--- Ты пытаешься превратить камень в воду, заставить ее течь по твоему замыслу. Камень не может согнуться, он может только сломаться.

Первый был непреклонен.

--- Тогда я разрушу его и придам новую форму.

Когда они приблизились ко дну впадины, воздух словно застыл. По обе стороны от торлоков поднимались крутые скалы, и широкая долина быстро превратилась в ущелье, в которое едва проникал солнечный свет.

--- Куда мы забрались? --- голос

Сантара был не намного громче шепота.

Здесь царила густая, всепоглощающая темнота. Долина превратилась в более суровый, чем даже пустыня, ландшафт из могильных камней и похожих на крипты монолитов. Пески в тених были почти черными, и Сантар вспомнил о снах примарха. Даже чистое сияние белоснежных скал потускнело.

Морлоки оглядывали изменившиеся окрестности. Все они были ветеранами, опытными и дисциплинированными, и Сантар почувствовал, что они крепче сжали болтеры.

--- Спокойно, Аверния, --- передал он по воксу, а затем переключился на канал Десаана: --- Держи своих легионеров наготове, брат-капитан.

Две роты маршировали бок о бок, растянувшись в цепь, но густые тени и полная тишина в долине создавали ощущение огромного расстояния между ними.

--- Куда делось солнце? --- спросил Десаан. --- Здесь темно, как в Древней Ночи.

Сантар поднял глаза. Сфера по-

прежнемү пылала на небе, но ее свет словно отфильтровывался густым туманом, став серым и приглушенным.

--- Я потерял из виду Медузона и Рүүмана, --- добавил капитан.

Сантар задрал голову, но увидеть гребень холма было практически невозможно.

Долина оказалась глубокой, намного глубже, чем можно было подумать. Вокруг его ног поднимались песчаные вихри, напоминая железные опилки, слетающие с наковальни. Долина также была более протяженной, чем говорил Рүүман, а железнорожденный обычно не ошибался в таких вопросах. Но в этом месте все было необычно.

--- Напоминает Призрачную Землю, --- пророкотал примарх.

Даже без радиосвязи громоглобный голос Феррүса Манүса разносился далеко. Примарх вдохновлял обе роты. Он был их стержнем вместе с эскортом своих непоколебимых преторианцев, возглавляемых Габриэлем Сантаром.

--- Я не вижу призраков, примарх, ---

сказал первый капитан, стараясь снять напряжение.

Призрачная Земля на Медузе была суровым местом, населенным тенями умерших и призраками. Подобные слухи разносили суровые люди, слабые и доверчивые. Железные Руки считали иначе. В труднодоступных глубинах этой территории находились великие обелиски из камня и металла, чье предназначение терялось в веках. Чужовища бродили по темным, неизведанным ущельям, это правда. И безумие подстерегало опрометчивых и безрассудных. Сравнение получалось неутешительным.

--- Призраки здесь, --- сказал Феррус, добавив холода уже ледяному воздуху. --- Мы просто еще не видим их.

Когда вихри стали сгущаться в грозовой фронт, он добавил:

--- Соткнуть ряды.

Долина в одно неумовимое мгновение изменилась, Сантар не узнавал ее. Тени, отбрасываемые скелетообразными скалами, вытянулись, как когти, и простерлись к Железным Рукам, медленно

окружая их.

--- Почему я не узнаю это место? ---
спросил Габриэль сам себя.

Радиоканал Десаана затрещал помехами.

--- Потому что... оно... другое.

--- Лорд Манус, --- обратился Сантар, чувство угрозы внезапно стало осязаемым.

Феррус не взглянул на него.

--- Не останавливается. Мы не можем повернуть назад.

Тон примарха подсказывал: он знает, что угодил в ловушку.

--- Эльдары поймали нас, но им не удержать Железных Руки.

Ветер усиливался и отнимал у голоса примарха его силу. Шторм обрушился на торлоков как молот, вой ветра заглушил тяжелый топот бронированных ног.

За несколько секунд две роты погрузились в пылевую бурю.

Немедленно потухло солнце, затерявшись в гудящей тьме.

Песок визжал, наждаком проходясь по доспехам Сантара, мелкие катни

колотили по нему как клинки. Он слышал скрип песка о металл, проигнорировал незначительное повреждение боевого доспеха, когда доклад об этом появился на ретинальных линзах шлема. Обнажив толстые когти, Сантар попытался рассечь черную трясину и обнаружил, что она не поддается. Он словно резал землю, вот только это был воздух.

--- Держаться вместе, --- передал он по каналу связи, --- наступаем как один.

Но получил несколько подтверждений, гораздо меньше, чем рассчитывал увидеть. Тактический дисплей был неисправен, а биосканирующие маркеры с перебойными отсчетами отмечали позиции боевых братьев. Насколько капитан мог судить, строй сохранялся, но неизвестно, как долго он продержится. Сантар предвидел, что ситуация скорее ухудшится, чем наоборот. Песок забил дыхательную решетку шлема, и уже скрипел на зубах. У песка был привкус пепла и смерти. Медный запах покалывал ноздри.

--- Вместе, как один! --- повторил он.

Его акустический сенсорium

зарегистривал галекий визг, прорвавшийся сквозь помехи радиосвязи. Визжал не ветер, по крайней мере, не только ветер. На тактическом дисплее появлялся и исчезал поток непонятных сведений.

— Оружие к бою, — приказал первый капитан, стараясь вышмотреть врага. Черный песок преградил весь обзор, делая невозможным захват целей. Визг заглушал ответы сержантов и капитанов. Время от времени сквозь помехи прорывались символы подтверждения.

Сантар едва мог различить силуэт примарха всего в нескольких метрах впереди себя.

— Лорд Манус, — позвал он, прежде чем Феррус затерялся в шторме.

Сначала ответа не было, но затем до него дошел слабый отклик.

— Вперед! Мы прорвемся или умрем.

Сантар хотел сплотить воинов, создать оборонительный кордон и ждать окончания бури, но она не была обычным природным явлением. Первый капитан был уверен, что задержка будет иметь

гибельные последствия. Он двинулся вперед.

На его ретинальном дисплее что-то мигнуло. Это была тепловая сигнатура, слабая, но довольно отчетливая, чтобы локализовать ее.

Он повернул голову в непривычно громоздком гониме типа «Катафракт» и увидел...

Лицо.

Оно было нечеловеческим, кожа плотно обтягивала слишком глиняный череп. Подбородок и скулы были угловатыми и заостренными, а глаза — пустыми.

— Во имя Императора... — прошептал он, осознав, что эти лица, подобно косяку хищных рыб, наводнили их ряды, бесплотно и злобеще светясь среди шторма.

— Враз! — заревел Сантар. Он надеялся, что связь передаст его предупреждение.

Морлоки открыли огонь из болтеров, и загрело стаккато резких выстрелов. Дупльные вспышки были похожи на тусклый свет сигнальных ракет в урагане.

Чуждое лицо растворялось в темноте перед Сантаром. Словно влекло его за собой, шаг за шагом.

--- Атакүем!

Он нанес удар, энергия слетала с его клинков лазурными всполохами, но не разрезала только воздух.

--- Обнаружено движение, --- услышал Сантар голос в воксе, но не смог узнать говорившего, так как множество звуков отвлекало его внимание.

--- Контакт, --- прокричало эхо другого, также неузнанного, хотя первый капитан десятилетия сражался рядом с этими воинами.

Железные Руки всерьез взялись за отражение атаки и из их строя вырывались плотные болтерные очереди.

--- Десаан, докладывай! --- закричал Сантар, когда слева от него мелькнуло что-то неестественно быстрое, проследить за которым было невозможно. Он повернулся, когда вторая фигура скользнула в границе его зрения справа. Она бросила на него взгляд, и у Сантара остался смутный образ призрачного лица.

Лорд Манус был прав: здесь обитали призраки, которые терпеливо ждали их в темноте, и теперь их терпение закончилось. Хищники почували запах крови.

--- Неизвестный... противник, --- ответ Десаана был прерывистым, но четким. --- Нельзя точно определить... дислокации... атакуют... многочисленные контакты...

Сантар больше не видел припархавших. Впереди была тьма, как и позади, и на любом другом направлении. Ориентироваться в такой обстановке было невозможно, поэтому первый капитан решил держать оборону.

--- Удерживать позиции, --- передал он по воксу. --- Они пытаются разделить нас.

Он пытался найти своего повелителя, но ничего не мог разглядеть за темнотой ни глазами, ни сенсорами.

Прерванный ответ Десаана запоздал и мало утешил Сантара. Морлоки были разбегинены, поглощены штормом, а лорд Манус отделился от своего легиона. Сила и стойкость Железных Руки были поставлены под сомнение за одно

мгновение опротечивости.

Сантар выругал себя за недостаток предусмотрительности. Он должен был настоять на том, чтобы обойти долину или произвести тщательную разведку района, но примарх не допустил бы колебаний. Манус словно бросился к какой-то цели, которую только он мог видеть. Сантар был ближе к своему повелителю, чем кто-либо из Железных Рук, но и ему были ведомы не все помыслы примарха.

Резкий вопль, пронзительный и на несколько октав выше воя ветра, ударил в уши. В висках Сантара застучала кровь, несмотря на защиту боевого шлема сильно закружилась голова, и первый капитан покачнулся. Непроницаемые помехи полностью лишили его связи с другими воинами, хотя даже если бы она и была — у Габриэля не осталось голоса, чтобы отдать приказ.

Сантар почувствовал кровь во рту и сплюнул прямо на внутреннюю поверхность шлема. Он заскрежетал окровавленными зубами.

Будь как железо.

Вибрация отдавалась в костях, ее интенсивность росла и приобретала силу лавинообразных взрывов. Габриэль снова пошатнулся, но удержался на ногах. Упасть сейчас означало смерть. А из темноты подкрадывались уже далеко не призраки. Перед акустической атакой он заметил мелькание острых клинков и гибкие фигуры воинов. Собрав волю в кулак, Сантар огляделся в поисках врагов.

Неуклюжие, бронированные силуэты тяжело шагали сквозь бурю. Это двигались его торлоки, медленно, едва не застревая в грязи.

Ужасный вопль принес боль, предвещавшую болтерную очередь, ударившую в его правый бок. Сантар проигнорировал ее, засекая внезапное смещение воздуха слева от себя.

Нашел тебя...

Инстинкт позволил Сантару парировать выпад клинка, метнувшегося к его шее, и, наконец, он смог хорошо рассмотреть нападавшего.

Эльдар носил маску цвета белой кости, как и сегментированный доспех. Уз-

пог остроконечного шлема выбивалась
грива черных волос. Судя по нагруднику
панциря, это была женщина. Длинный и
изогнутый меч являл собой произведение
стертоносного разума. Раскаленные искры
посыпались с клинка, когда он
проскрежетал о молниевые когти
Сантара.

Эльдарка словно была частью
шторма и в то же самое время свободна
от него, по собственному желанию
двигаясь в закручивающихся потоках.
Оставив за собой исчезающий след из
сполохов, она вышла из боя.

Сантар был наготове, не обращая
внимания на то, что сообщали ему
ретинальные линзы. Он решил довериться
инстинктам. Следующая атака была
очень мощной. Меч лязгнул о его
молниевый коготь, и Сантар ощутил
отдачу по всей руке до плеча.
Боевательница бросила на Сантара
разъяренный взгляд и испустила адский
визг из-под маски, заставивший первого
капитана стиснуть зубы. Выдержав
звуковую атаку, он сделал выпад другим

когтем и блокировал костяной меч эльдарки.

В другой ее руке появился пистолет, но пули без вреда срикошетили от доспеха Сантара, принеся вреда не более, чем укусы котара.

Вырвавшийся из-под маски стех удивил железнорукого.

Бросив пистолет, эльдарка схватила меч обеими руками, пытаясь высвободить его. Пока меч был в захвате, она не могла отступить. Даже эльдары не были быстрее молнии.

--- Ты не такая уж и страшная, --- проворчал Сантар, когда воительница испустила еще один адский визг ему в лицо. Превосходящая сила первого капитана не оставляла шанса мечу ксеноса, а бионика зарычала в предвкушении триумфа. --- Я страшнее.

Сантар сломал оружие пополам молниевыми когтями. Один из обломков клинка отлетел в грудь воительницы и пробил нагрудник. Эльдарка отступила в штурм и тут же исчезла в нем.

Противник заколебался, и Сантар

поверил, что сама темнота отступит, когда стихнет шторм. Несколько торлоков лежали неподвижно там, где их достали клинки или сразил вой, но остальные сплотились. Даже связь заработала.

— Ты жив, первый капитан? — это был Десаан, приглушенные выстрелы его болтера бухали позади Сантара.

— Жив и очень разгневан, брат-капитан, — ответил Сантар, потроша очередного призрачного воина. Он вырвал когти из ее спины, с удовлетворением услышав треск разрываемой плоти, и в этот миг его левая рука онемела. Он попытался пошевелить ею, но у него ничего не вышло.

— Что-то не так. Брат, я... — паралич сковал его бионикю, словно она просто перестала действовать. Его ноги, тоже механические, заблокировались. — Я не могу... — боль была невероятной, и последнее слово, которое он прошептал: — ...двигаться.

Разыскивая своих, он обнаружил только где бесплотные маски.

направившиеся к нему. Их лица сияли магическим огнем, они безжалостно устехнулись и прошипели что-то мстительное на своем языке.

— Я могу убить вас обоих... одной рукой, — пообещал Сантар, но почувствовал брешь в своей уверенности, когда они стали кружиться вокруг него.

В воксе слышались чьи-то голоса, отвлекая его внимание от призрачных воинов. Но он узнал скорбный крик своего товарища капитана.

Он тельком увидел Десаана в окружении эльдар — тот неуверенно брел сквозь темноту и стрелял. Случайная очередь поразила одного из морлоков, пробив его защиту, благодаря чему другой призрачный воин смог вонзить меч в сочленение гонима. Железнорукий осел, затем шторм скрыл его из виду.

— Десаан! — потенциальные убийцы Сантара были рядом. — Смотри, куда стреляешь, брат, — он не мог позволить себе отвлечься. Десаан шатался, не контролируя секторы обстрела своего болтера.

--- Десаан!

Он был похож на...

--- Ослеп, первый капитан, ---
пробормотал ошеломленный Десаан. --- Я
не... вижу... --- его рука безвольно висела.
Другие воины оказались поражены схожим
образом, торлоков уничтожало именно то,
что давало им силу.

Плоть слаба. Мантра вернулась к
Сантару с насмешливой иронией.

Эльдары что-то сделали с нити,
создали какое-то страшное колдовство,
чтобы навредить их аугментике. Все
торлоки обладали обширной бионикой.

Сантар пристально посмотрел на
размахивающих мечами призрачных
воинов.

--- Давайте, --- невнятно произнес он.

Призрачные воины остановились
посреди шторма. А затем одновременно
растворились во тьме, и их неприятный
стех раздался сквозь вой, который не
прекращал изводить Сантара.

--- Давайте! --- прорычал он. ---
Сражайтесь со мной!

Из тьмы вынырнула чужая маска.

и Сантар проследил за взглядом противника.

Парализованная рука снова двигалась, но не по воле первого капитана. Но лезвия молниевых когтей затрещала энергия, которой бы хватило, чтобы разорвать боевой доспех. Зачарованное неверие превратилось в ужас, когда Сантар понял, что когти поворачиваются... к его шее.

Он сжал свою взбунтовавшуюся кисть другой рукой, а стех ксеносов вырос до невыносимого звона в ушах. Капли пота покрыли лицо Габриэля, когда мышцы шеи и плеча вздулись от усилий сдерживать ставшую чужой руку, которая пыталась его убить.

Пасть от собственной руки -- в этом не было чести.

-- Трон... -- прошептал он. Даже визг бионики звучал иначе, агрессивнее.

-- Сражайся! -- подстегнул он, но связь между машинерией и плотью была далека от симбиотической. Благословение взбунтовалось и стало проклятием.

Запах горящего металла проник сквозь решетку шлема, когда кончики

энергетических когтей прикоснулись к краю горжета. Сантар понимал, что ит понадобится лишь один удар, чтобы разрезать броню и разорвать шею. В лучшем случае у него осталось несколько секунд.

Сантар сорвал голос, испуская зов, затем закрыл глаза перед лицом неизбежного и повторил шепотом:

--- Примарх...

Феррус был один: только он и шторм. Затем он надел боевой шлем, но не увидел на ретинальном дисплее значков своего легиона, поэтому не стал тратить время, вызывая воинов по voxу. Последний контакт у него был с Габриэлем Сантаром, который отчаянно требовал от них держаться вместе.

Вперед, двигайся вперед.

Побуждение было слишком сильным, чтобы ему сопротивляться. Они зашли далеко. Какой бы ужас ни скрывала эта пустыня, какую бы жестокую правду ему ни собирались показать, он больше не мог это отрицать.

Это не был обычный шторм. Он слишком напоминал ему сны, и был насыщен метафорами из его бурного прошлого и символическими канканами возможного будущего. Феррус слышал голоса в порывах ветра, но ни звуков битвы, ни боевых кличей.

Я ждал битвы.

Феррус не мог понять их смысл, но чувствовал, что слова важны.

Радиосвязь отключилась. В ее каналах не было даже помех. Он стирался и с этим тоже и продолжил идти. Что бы это ни было, какой бы рок или осколок судьбы ни привел его сюда, он встретит это с открытым забралом.

Глаза... похожие на змеиные... следят за мной. Я слышу шипение, подобное свисту воздуха, рассекаемого ножом. Это тот самый нож, который я ощущаю на своей горле.

Воспоминание вернулось.

После отбытия с сухонутного корабля, он снова говорил с Мортарионом, или, скорее, брат говорил с ним. Другой примарх оставил в нем занозу, от которой

Феррус не смог легко избавиться или забыть.

--- Если ты недостаточно силен, ---
сказал Мортарион. --- Если ты не сможешь закончить это сам...

--- Помочь мне? --- заревел он равнодушной буре. Ветер настехался в ответ. --- Мне не нужна помощь, --- он застелся безжалостным и ужасным стихом. --- Я силен, я --- Горгон.

Феррус побежал, хотя не мог вспомнить, зачем ускорился так решительно. Но он бежал настолько быстро, насколько позволяли его конечности. Казалось, тьма песчаной равнины только растянулась, когда земля и небеса слились воедино.

--- Ты не сможешь помочь мне! ---
закричал он, когда его захватило ощущение полета, а затем падения. Уматного более тихим голосом, затерявшись в его подсознании: ---...никто не сможет.

Силуэты двух легионеров выделялись на золотом песке, воины встатривались в

темноту.

Перед ними черное облако окружило торлоков, как чернила на воде.

Бион Хенрикос едва мог поверить в то, что говорили ему глаза, и задался вопросом, видят ли его улучшенные аугментикой братья то же самое.

--- Что это такое?

Брат Таркан расширил апертуру бионического глаза, увеличив его фокус мельчайшими движениями лицевых мышц. Каждая корректировка давала тот же результат.

--- Нет эффекта.

--- Оно искусственное, --- ответил Хенрикос, поднявшись.

Пока он не перегруппировался с капитаном Медузонам, половина батальона подчинялась ему. Чем бы эта темнота ни была, он должен будет разбираться с ней сам. Сержант попытался воспользоваться связью, но она была подавлена каким-то психическим штормом, бушующим во впадине.

--- У него есть когти, брат-сержант, --- сказал Таркан.

Двести пятьдесят легионеров -- всего
часть Десятой Железной -- ждали
команды Хенрикоса. Вооруженные
болтерами и наполненные яростью, они не
двигались, остановленные тьмой. К
сожалению, у них не было ни одного
дизвициона гравциклов, чтобы обойти
шторм и лучше его оценить. Не в первый
раз Хенрикос задумался об отсутствии
тактической гибкости в легионе.

-- Вот оно что, -- сказал он, изучив
горизонт и вершины скал, которые
возвышались над погрузившейся во лрак
долиной. Сержант был достаточно близко,
чтобы коснуться кружащегося песка, и
протянул железную руку. Песчинки, не
причиняя вреда, звякнули о металл, и
когда Хенрикос поднял взгляд, то
обнаружил над штормом то, что искал.
Темнотой управляла высокая, худая
фигура в серо-коричневой мантии. У нее
был магический посох, покрытый чуждыми
рунами и инкрустированный драгоценными
камнями.

-- Брат Таркан, -- сказал сержант
скрипучим голосом, обещавшим

возмездие, -- смотри эту грязь.

Таркан был воином Десятой, и обращался со своей длинноствольной винтовкой с изяществом снайпера. Оружие было приспособлено под его руки и имело оптический прицел, который был соединен с бионическим глазом Таркана и обеспечивал надежную связь между стрелком и целью.

Прильнув к прицелу, Таркан навел зеленое перекрестие на голову эльдара в шлеме и выстрелил. Выход пули качнул оружие, но Таркан тут же сбалансировал его. По-прежнему следя через прицел, он ухмыльнулся с безрадостным удовлетворением, когда череп ксеноса лопнул и враг рухнул без головы и значительной части туловища.

Снайпер закинул винтовку за спину.

-- Цель уничтожена, брат-сержант.

Хенрикос поднял кулак, и остальной полубатальон поднялся наклон.

Задерживаться в этом месте не было смысла.

-- Вперед, во имя Горгона.

Двести пятьдесят воинов двинулись в

рассеивающийся шторм.

Что-то помешало Хенрикосу, когда он вошел в полутрак. Это был сбой механизмов в его бионической руке. Сержант хотел, чтобы она была расслабленной и готовой выхватить клинок, но рука сжалась в кулак. Он заставил ее разжаться, не понимая причины неисправности, и приблизился к пораженным торлокам. Хенрикос остановился, когда увидел, что они делают друг с другом.

У одного легионера в груди застрял собственный эвисцератор. Окровавленные зубья меча вращались. Он пытался одной рукой помешать клинку погружаться глубже, в то время как другая, аугментическая, толкала меч дальше. Еще один воин лежал неподвижно, шлем был снят собственной силовой булавой. Алая жидкость вытекала из трещины в лужу вокруг головы. Некоторые бродили, ослепшие, или же оказались прикованы к земле нефункционирующими ногами. Воины душили сами себя своими бионическими руками. Взбунтовавшаяся

машинерия восстала против своих хозяев.

Сила веры Железных Рук обратилась против них.

Краткая пауза Хенрикоса была вызвана желанием сохранить свою половину батальона и не усугубить и без того тяжелое положение, но какой бы негуд ни поразил торлоков, он пока еще не коснулся Десятой Железной.

--- Капитан! --- Хенрикос медленно направился в шторм. За ним шли его братья, втешиваясь по возможности и пытаясь предотвратить самокалечение.

--- Я вижу! --- ответил Медузон. --- Клянусь мечом Императора, я вижу... Останови их, брат. Спаси от самих себя, если сможешь.

Связь отключилась на короткое мгновение, и именно тогда Десаан попал в поле зрения Хенрикоса.

Кибернетическая рука сжимала зазубренный боевой нож, и капитан боролся с каким-то невидимым врагом, который пытался вонзить клинок Десаана ему в лицо.

Хенрикос добрался до капитана, когда

мономолекулярный нож достал плоть.

Железные пальцы сержанта сжались на кисти Десаана, крепко удерживая ее.

--- Держись, брат! --- закричал он, пытаясь взять оружие под свой контроль. Пока Хенрикос боролся, он увидел лица в темноте. Они мелькали, нематериальные, словно обрывки легяного тумана. Хенрикос выпустил в одного болтерную очередь, но призрак растворился, прежде чем она достигла его. Раздался насмешливый вой, вызвавший гримасу отвращения на лице сержанта.

--- Бион, это ты? Я не вижу, брат, --- голос Десаана был полон боли.

Его визор был темен, как железная повязка на глазах.

--- Держись, брат-капитан! --- призывал Хенрикос, но бионическая сила Десаана была невообразима. Даже вдвоем они проигрывали, и клинок сдвинулся немного ближе, пронзая плоть.

--- Быть вынужденным собственным боевым ножом, --- сказал Десаан с болезненной гримасой. --- Не так славно, как я надеялся.

--- Ты еще жив, --- заверил Хенрикос. ---
Отклонись...

Отпустив руку Десаана, он выхватил свой медузанский клинок и насытил его энергией. Это заняло у него на несколько секунд больше, чем должно было, его железная рука сопротивлялась ему.

Скоро оно и до нас доберется.

--- Что ты делаешь?

--- То, что должен, --- визг разрезаемого металла заглушил рев, когда Хенрикос начал отпиливать руку капитана.

Десаан из всех сил старался не двигаться и молчать.

--- Если ты поскользнешься... --- прорычал он сквозь стиснутые зубы.

--- Ты потеряешь голову, --- ответил Хенрикос и продолжил резать.

Вокруг них маячили призраки, то появляясь, то растворяясь в шторме. В том же ритме усиливалась или ослабевала колдовская власть над аугментикой Железных Рук.

Последние кабели и сервомеханизмы

отделились с потоками масла и искр, оставив только нарұч. Хенрикос, весь в поту, резко остановился, и железнорұкие одновременно выдохнули.

Ветер нес прерывистые звуки болтерной стрельбы, становившейся все интенсивнее с каждой минутой. Шторм затихал, и призраки пропадали. К вышедшим из строя торлокам вернулась боеспособность, но когда пыль осела, стала очевидна высокая цена, заплаченная за это.

На земле лежали несколько терминаторов, пронзенных собственными мечами и сраженных собственными бұлавами. По меньшей мере еще трое были убиты призрачными воинами. Многие получили ранения.

Зрение к Десаану вернулось, и он поторщился при виде отсеченной конечности, однако благодарно кивнул сержанту.

--- Рассудительность не самая сильная моя черта.

--- Ты высказал свою точку зрения, я --- свою. Больше говорить не о чем.

Каждый быстро отдал честь, и вопрос

был улажен.

Десаан оглянүлсә.

Нигде не было видно убитых врагов.

--- Здесь вообще был бой? --- спросил

Медүзон, когда перегруппировал Десятую Железную.

--- Я поразил одного, и он не мог выжить, --- сказал Десаан.

--- Как и я. Его голова оторвалась от тела, --- сказал присоединившийся к ним Таркан.

Десаан нахмурился.

--- Даже их смерть труслива. Они все исчезли.

Разговор прекратился, когда из рассеивающейся темноты появилась фигура. Горжет и левый наплечник были отмечены ужасными зарубками, которые, будь они на сантиметр ближе, лишили бы первого капитана головы. Четыре глубокие борозды были оставлены молниевыми когтями.

--- Как и притарх, --- сказал Габриэль Сантар. --- Лорд Манус пропал.

Воля железа

--- Он не мог погибнуть.

В тоне Медузона звучало сомнение, заставившее Сантара стиснуть зубы.

--- Предательский удар... ---
пробормотал Десаан. Они все были страшно уязвимы в долине, но он тут же отверг замечание. --- Горгона нельзя убить, --- заявил он более громко. --- Ни один вероломный клинок труса не сможет даже пробить его кожу. Это невозможно.

--- Тогда где он? --- спросил Медузон.

Хотя пустынная долина вернулась к своему естественному облику, в ней по-прежнему было полно расщелин, скал и разбросанных валунов. Даже безлая оценка давала больше двух дюжин возможных участков, где примарх мог столкнуться с вероломством врага.

Десаан понял, что не может ответить.

Сантар проследил за его взглядом и включил радиосвязь. Несомненно, ничто такое заурядное, как ята-ловушка, не

могло убить Горгона.

--- Железнорожденный?

Рүүтан был все еще на линии хребта, медленно направляя свои дивизионы тяжелой поддержки к впадине, наблюдать за которой больше не было необходимости.

--- Ничего не видно, первый капитан. У меня не могу прицелиться в ваших призрачных врагов, --- добавил он уныло.

--- А сейчас? --- спросил Сантар, когда остальные офицеры собрались вокруг него.

--- Огромная золотая равнина, но никаких следов нашего примарха. Или его гибели.

Сантар отключил связь. Его лицо походило на отшлифованное железо.

--- Лорда Мануса нельзя убить, --- заявил он, взглянув на Десаана, --- но я не брошу его. Если эльдары добрались до него, если каким-то образом поймали в ловушку, тогда мне жаль этих глупцов. Они схватили расплавленный клинок голыми руками и сгорят из-за этого.

Его сердитый взгляд нашел Медузона.

--- Капитан, командуй батальонами. Направь их к местонахождению последнего

узла и подтверди его наличие. Я останусь с пятьюдесятью воинами, чтобы начать поиск нашего повелителя.

--- Мы все еще можем объединиться, подождать Армию и направить больше людей на поиски, -- предложил Медузон.

Сантар был непреклонен.

--- Нет. Если они доберутся до нас, я найду их применение. В противном случае, я намерен следовать приказам лорда Мануса и найти узел.

Кивнув, Медузон отправился собирать легион, а Сантар подошел к своему товарищу и заместителю.

--- Дай мне пятьдесят своих лучших воинов. Приведи Таркана и его снайперов, а также Хенрикоса. Остальные пойдут с Медузона под его командованием, пока я не вернусь. Понятно?

--- Да, первый капитан.

Десаан задержался.

--- Я что-то пропустил, брат-капитан? -- спросил Сантар.

--- Где он, Габриэль?

Пока остальные легионеры готовились, Сантар оглядел бесконечную

пустыню.

--- Поблизости, надеюсь.

--- А если нет?

--- Тогда я буду верить, что наш лорд сможет выбраться из любых передряг, которые с ним приключились. Ты должен сделать то же самое.

--- Дело в шторме, Габриэль. Мы сражались с чем-то неестественным. В песках есть невидимые враги.

--- Мир вокруг нас меняется, Баакал. Ты и я видели это.

--- Некоторые вещи нужно оставлять в покое. Я не предвкусываю их возвращения.

Молчание Сантара намекало на его согласие.

Мир, вся Галактика менялись. Они чувствовали это, все Легионес Астартес чувствовали. Сантар размышлял, по этой ли причине Император вернулся на Терру, и что это значит для их будущего. Даже любимые сыновья Императора не знали, и Габриэль видел, как сказывается на его собственном отце вызванная этим боль.

Ожидая Десаана, отправившегося

собирать поисковой отряд, он прикоснулся к собственноручно сделанным бороздам на боевом доспехе и задумался над верой Железных Рук в бионику. Кто бы ни были эти враги, они знали сильные стороны легиона и как им противостоять. Плоть и железо были мощным сплавом, но, как в каждом сплаве, чтобы добиться идеальнойковки, нужен верный баланс. В этом момент их металл выглядел дефектным. Возможно, Медузон был прав на счет объединения.

Теперь это не имело значения. Они рассредоточены, но они победят. Это был путь Железных Рук.

Перед ними стояли пятьдесят легионеров, жаждущих действия, и он встретил их пристальные взгляды.

Кто-то или что-то захватило примарха. Сантару необходимо было знать, где и почему. И если он должен убить каждого ксеноса, прячущегося под камнями по всей пустыне, он это сделает.

--- Квадрант за квадрантом, --- прорычал он. --- Не оставляйте ни камня, братья. Вы --- личные преторианцы

примарха. Действуйте как он. Найдите
его.

Феррус Манус не чувствовал себя
заблудившимся, и тем не менее это место
было незнакомо ему.

Это была пещера, огромное и
отвечающее эхом пространство, которое
вело в бесконечную темноту. Длинная,
неровная трещина раскалывала сводчатый
потолок, и он предположил, что упал в
незамеченную расщелину в пустыне.

Тусклый солнечный свет проникал
сквозь трещину, но растворялся во мраке.

Он несколько раз попытался вызвать
морлоков, но связь не работала. Даже
помех не было слышно. От ретинальных
линз тоже было мало пользы, и он снял
боевой шлем.

— Насколько глубоко я нахожусь? —
поинтересовался он вслух. Эхо
отсутствовало, несмотря на громадные
размеры пещеры. Воздух был свеж и
холоден. Он чувствовал его ласковое
прикосновение к коже, но в нем
присутствовал сильный запах масла и

чего-то еще... благовония. Аромат был
приторным, абсолютной
противоположностью того, к чему он
привык. Это было разложение и гедонизм,
невероятно далекие от твердости и
дисциплины.

Когда его улучшенное зрение
присоединилось к обонянию, ему медленно
открылось больше деталей окружающей
обстановки: колонны, выцветшие останки
резных барельефов и широкие
триумфальные арки, вырезанные из камня.
Он увидел монолитные скульптуры. Они
изображали людей, но он не узнал ни лиц,
ни облачения. Каменные незнакомцы
смотрели на него свысока разрушенными
временем лицами. Один — благородный
воин без головы — обвиняюще указывал на
него пальцем.

— Я не рубил твою голову, брат, —
сказал Феррус и зашагал прочь.

Как и голос, шаги Ферруса не
рождали эха, и он предположил, что это
из-за некой особенности здешней геологии.
Феррус провел некоторое время с братом
Вулканом, который просветил его на счет

достоинств и различий земли и камня.

--- Покажи мне, как превратить его в нечто функциональное и полезное, --- ответил он тогда, к большой досаде брата-примарха. --- В противном случае, в чем смысл?

Горгон и Дракон были похожими и, тем не менее, очень разными.

Феррус последовал за ветром, надеясь, что он приведет его к какой-нибудь трещине, которую он мог бы расколоть и таким образом соединиться со своим легионом. Ветерок вывел его из огромной пещеры в широкую галерею, которая напоминала о каком-то затонувшем королевстве Старой Земли. Колонны подчеркивали глинный темный путь и поднимались к высокому потолку, который исчезал во мраке. Земля под ногами была черна. Стояла вонь сожженной плоти, и в воздухе словно висели пепел крематория. Смертного это могло вывести из себя, но Феррус далеко ушел от подобной слабости рожденных во плоти.

Черный песок...

Мысль пришла незваной, когда он

посмотрел на свои ноги.

Точно, как в долине.

— Возможно, гробница или тавзолей, — вслух посчитал он. Но здесь не было ни кривых, ни даже реликвария, только галерея, провонявшая смертью.

Грани полированного обсидиана, черного как земля, мерцали в свете кристаллов, когда Феррус миновал галерею. Он мельком увидел что-то, часть образа, в прозрачном камне. В бездонной тьме пылал огромный пожар, и что-то еще... Оно было знакомым, и в то же время чужим.

Словно хватаясь за разбитые осколки сна, Феррус не мог удержать образ целиком достаточно долго, чтобы четко разглядеть. Где бы он ни остановился для лучшего обзора, обсидиан отражал только лицо примарха, суровое и раздраженное.

Возможно, это был очередной каприз света и геологии этого места. Несомненно, в нем было что-то уникальное.

Феррус сопротивлялся порыву извлечь Сокрушитель Наковален и разнести камень на куски. Зная, что ничего не

добьется этим, он отогнал желание.

«Меня так легко не проведешь», — подумал он и упрямо продолжил путь.

Он почти вышел из глинной галереи, когда что-то еще кольнуло чувства притарха.

Феррус услышал... плач.

Может быть, проделка ветра? Он не чувствовал дуровения, но звук доносился словно издалека.

Это была скорбная песня, нечто столь злое, что просачивалось в его душу и наливалось свинцом конечности. Притарху не приходилось когда-либо испытывать печаль. Он чувствовал боль, теряя сыновей в битвах, но это был риск, неотъемлемый для их предназначения. Он принимал его. У него никогда еще ему не доводилось переживать истинную утрату. И вот теперь она овладела им, такая реальная... Его разум наполнили образы братьев, убитых или близких к смерти, трюп его отца.

— Что это?

Гнев вытеснил печаль, когда Феррус понял, что стал жертвой очередного ксеноколдовства. Он не поддался ему,

вернув силу в свое тело только для того, чтобы печальная песнь переродилась во что-то еще, нечто худшее. В воздухе звучали предсмертные крики, словно в этом мрачном месте задержались какие-то призраки, вновь переживая свои последние мгновения.

— Выходи! — потребовал Феррүс, разыскивая колдуну, который изводил его своими чарами. — Покажись, или я разорву это место на части, чтобы найти тебя.

Его вызову ответил низкий скрежет далеких двигателей, режущее слух крещендо интенсивной стрельбы и дикие крики воинов. Тысячи звуков битвы смешались в ужасающую какофонию, принуждая к убийству и смерти. Вокруг примарха развернулась картина битвы, и только ее он мог слышать, да и то через огромное расстояние или само время. Феррүсу не было необходимости видеть ее, чтобы понять, где бы и когда она не происходила — это был ад.

Пока иллюзорная война продолжалась, он распознал голос, от которого у него застыла кровь.

превращенный в пенел атомным пламенем;
Рүүтан, заколотый полудюжиной спат;
даже Кистор, магистр астронатов,
выплывающий кровь и застывший в
предсмертной конвульсии... Тысячи
утирающих голосов кричали одновременно.

Феррус ударил по земле и понял, что
стоит на коленях. Атакованный
апокалиптическими видениями, он поднял
серебряные руки ко лбу в попытке
отогнать их.

--- Невозможно...

Он увидел нечто столь ужасное в
своем сне наяву, что едва мог стириться с
этим, не говоря уже о том, чтобы
выразить словами.

Более слабое существо могло
сломаться, но он был Горгоном и обладал
ментальной силой, которую немногие в
нем прозревали. Жиллиман знал о ней и
сказал ему, когда им представилась
возможность поговорить наедине.
Кобальтовый и черный были могучей
стесью, негнувшись спавом.

Феррус упрямо встал, сначала
уперевшись одной ногой, потом другой.

Только решимость, которая видела скрытые горы и побежденных одной рукой чудовищ, могла разрушить такие сильные чары. Он чувствовал тяжесть в спине и руках.

Я выдерживал большее бремя.

Гнев придал стойкости. Она стала расплавленным источником, из которого Феррус черпал силу со сжатыми от ярости кулаками.

Он зарычал на меня.

— Ложь! Ты показываешь мне эту фальшь и ждешь, что я поверю в нее? Чего ты хочешь добиться? Пытаешься свести меня с ума?

Его последние слова отозвались эхом, снова и снова.

Я выдержу. Моя воля нерушима.

Стикнув зубы, Феррус пробирался сквозь ужас повторяющегося видения мучительной смерти Габриэля. Оно накатывало на него опустошающей волной. Гибель всех до единого верных морлоков предстала одной бесконечной бойней.

В руке примарха с еле сдерживаемым неистовством гудел вырванный из ретней

Сокрушитель Наковален. Молот желал, чтобы ему дали волю, но, как и его хозяин, был разочарован. Реальных врагов не было.

--- Боишься посмотреть мне в лицо?

Темнота не ответила на вызов, если не считать гүла бесконечной войны.

В периферийном зрении Горгона вспыхнуло пламя, обсидиановые осколки были наполнены им. Смысл образов ускользнул от примарха.

Ему осталось только одно.

Обвалилась часть стены, расколота яростью Ферруса. Прозрачный камень разбился, ударившись о землю, но за этим не последовало ни огня, не предсмертных криков.

Второй удар расколол надвое колонну, и примарх наклонился в сторону, чтобы избежать падения кристаллического дерева. Удар не был неистовым, а скорее резким и точным. Феррус двигался целеустремленно, тщательно выбирая удары и наблюдая за их последствиями. Он искал брешь в колдовских чарах, которой мог бы воспользоваться. Проведя целую жизнь в попытках избавиться от слабости

В теле и разуме, Горгон знал, как ее находить. Поэтому он продолжал идти и медленно покидал галерею и ее ужасы.

Когда он приблизился к выходу из помещения, к шуму битвы присоединился другой звук, скрываясь внутри первого, который только примарх мог слышать. Звук был шипящим и нес с собой шорох чего-то змеиного.

Глаза следят, холодные змеиные глаза...

Кто-то охотился на него. Он уловил мелькнувший хвост, образ чешуи, отразившей огонь от обломков обсидиана.

Ярость уступила место спокойствию. Он не какой-то упертый щенок, подстрекаемый хитрыми уловками.

Я -- Горгон. Я -- Медуза.

Шепот вернулся, на этот раз громче. Позади. Сердце Ферруса успокоилось, когда он попытался засечь звук. У него не было источника, он раздавался повсюду и нигде. Мысленно примарх развернулся, чтобы встретиться со своей немезидой и расколоть очередной кусок галереи мощью Сокрушителя Наковален.

Вместо этого он опустил молот и позволил ему упасть на землю с глухим металлическим стуком.

— Ты видишь веревочки на моих руках? — спросил он меня, подняв Сокрушитель Наковален на плечо. — Я-то думал, что нет, — сказал Феррус после короткой паузы и медленно вышел из галереи.

Кровавые образы и рев войны остались позади.

Зернистый свет разогнал темноту, но осветил только небольшую часть расщелины, где не было ничего, кроме уползающей местной живности.

Сантар нашел щель в скале, достаточно большую для его тела, расширяющуюся трещину в подземный мир, который, казалось, полностью поглотил его отца. Но никаких следов примарха не было. Холодный голос раздался по радиосвязи.

— Ничего.

Это был один из многих тупиков.

Первый капитан знал, что пятьдесят

легионеров, разбитые на небольшие поисковые отряды, прочесывают впадину и пустыню за ней. Пока безуспешно. Несмотря на все усилия, они не продвинулись в поисках примарха ни на шаг.

Уделив половину своего внимания данным авточувств, бегущим по ретинальным линзам, Сантар пристально посмотрел на солнце. Пылающая сфера показалась более злобещей после того, как рассеялось колдовское облако. Воспоминания о психической атаке на легион не покидали его. Габриэль сжал бионическую руку, почти ожидая, что она не подчинится его невральным командам. Она подчинилась.

Сантар снял боевой шлем и позволил жару накрыть его.

--- Меняющийся мир... --- подумал он вслух.

Открыв канал связи, он обратился к Десаану:

--- Как мог кто-то подобный Горгону просто исчезнуть, брат? --- Сантар обвел взглядом равнину. Она была огромной и

холмистой, но усыпанной скалами и пещератами. Он сомневался, что даже с флотом «Грозовых птиц» они найдут их цель.

--- Каждый метр этой впадины нанесен на карту и изучен. Что мы пропустили?

--- Что-нибудь из сенсориума твоего визора?

Раздался щелчок, когда Десаан перепроверил данные.

--- Остаточные энергетические показатели, но ничего, что мы могли бы отследить. Ничего такого, что имеет смысл.

После паузы он спросил:

--- Его действительно могли убить?

Сантар приказал вести поиски, руководствуясь лишь слабой надеждой. В глубине души он знал, что его повелитель пропал и найдется лишь тогда, когда пожелает.

Беспомощность не числилась среди тех чувств, что доставляли удовольствие первому капитану.

--- Нет. Его схватили, и я хочу знать

почему.

Сантар собрался продолжить, когда получил входящий сигнал. Медузон запросил доклад о продвижении боевой группы и предоставил обновленную информацию первому капитану.

Первые дивизии Армии появились на серповидной линии хребта, возвышающегося над долиной. Они были медленными, но стойкими, пехотинцы маршировали перед танковой колонной. Машины Механикум расположились на флангах вместе с боеспособными «Часовыми».

Прошло больше времени, чем он думал.

--- Принято, --- передал он Медузону. У него было ощущение, что он поперхнулся песком. --- К нам прибыли армейские дивизии. Удерживайте позиции и ждите подкреплений.

Сантар снова переключил каналы и прорычал по рации:

--- Перегруппироваться.

Десаан первым ответил.

--- Медузон?

Сантар кивнул.

--- Они нашли узел.

Десаан настеливо фыркнул.

--- Славный день. Мы уходим?

--- Ты уже знаешь ответ, брат-капитан.

--- Почему такое ощущение, что мы бросаем его?

Остальные присоединились к ним, и теперь пятьдесят легионеров шли снова вместе. Отсутствовали только Таркан и трое других снайперов.

--- Потому что так и есть.

Десаан нахмурился, но оказался достаточно мудрым, чтобы придержать язык.

--- Брат Таркан... --- произнес Сантар. Он смотрел за край пустынной впадины, где она переходила в большую равнину. Там построились воины Десятой Железной. --- Мы уходим.

Ответ Таркана был неожиданным.

--- Я кое-что нашел, лорд Сантар.

За сводчатым выходом из галереи лежала другая пещера.

Перед Феррүсом открылся огромный подземный зал, намного больше предыдущего. Его сводчатый потолок терялся в темноте, хотя он разглядел тонкую линию трещины в вершине. Безгудно раскалывал надвое узкий каменный мост, его естественные опоры растворялись во мраке. Под мостом простиралась бесконечная губительная тьма.

Феррүс презрительно устехнулся бесчестью такой смерти.

Он провел взглядом по каменной дорожке, проследив ее траекторию через темноту до широкого плато. От него поднималась лестница с узкими и крутыми ступенями.

И вот Феррүс уже стоит у подножья лестницы, глядя вверх.

По краям лестницы высились статуи, как те, что были в первой пещере, только намного, намного массивнее. Все облачены в патрицианские мантии, руки сложены на груди, а пальцы сплелись в знамении аквилы. Статуи различались только лицами. Точнее, масками. Тотемические маски скрывали их истинные сущности.

или, возможно, обнажали их. Феррүс чувствовал, что и то, и другое могло быть верно.

Когда примарх сделал первый шаг, его взгляд привлекла одна из них. У изваяния вместо волос на голове извивались змеи, как у чүдовища из древнетикенского мифа. Торгон потянулся к ней, хотя статуя была слишком далеко.

Другая представляла скелетообразное изображение самой Смерти, в капюшоне, с косой, лезвие которой упиралось в костяной лоб. Лицо третьей было расколото надвое, как у Янүса из старой романийской легенды. На примарха смотрели две маски, а не одна. Но было ошибкой считать, что у Янүса только два лица, так как у него их было много.

Феррүс увидал изображение жестокого рычащего пса и почувствовал, как просыпается гнев, когда прошел мимо. За ним выгибал шею дракон с гребнем из живого пламени. Геральдический рыцарь стоял рядом с более темным близнецом, один со щитом, другим -- с булавой.

За спиной одной из статуй

раскрылись кожистые крылья. Маску летучей мыши было трудно отделить от человеческого лица, и это наводило на мысль о странном отсутствии человечности.

Были другие: конь с развевающейся гривой, хищная птица, благородное человеческое лицо, увенчанное лавровым венком, лев под монашеской сутаной.

Здесь было двадцать статуй. Некоторые хорошо знакомы ему, другие меньше и выглядели не так, как он ожидал. У них были неувиданные отличия, даже отклонения, которые Феррүс нашел тревожными. Только две были абсолютно незнакомы ему, их маски были сколоты и почти уничтожены.

Последняя статуя стояла посреди лестницы и смотрела на Феррүса. Он поднял взгляд, чтобы разглядеть ее.

В отличие от остальных у этого изваяния руки были раскинуты, словно монумент желал обнять его. На нем был фарфоровый каменщик, но вычурно украшенный. Маска была бы прекрасна, почти идеальна, если бы не угловатые

смотровые щели и неровности на
искусственных скалах.

— Фүлзрим...

Феррүс не собирался произносить имя
брата вслух, но как только оно покинуло
его уста, он узнал возвышающегося над ним
титана.

Воспоминания о горе Народной
вернулись с ностальгическим теплом, но в
них была горечь, даже насмешка. Статуя
улыбалась? Казалось, маска не изменилась,
и все же в уголках ее рта угадывался еле
заметный изгиб. Жажда стереть эту
уśmieшку заставила серебряные руки
сжаться в кулаки. Она завладела им без
причин и оснований, но вызвала такой гнев,
такое чувство... предательства?

Феррүс покачал головой, словно
прогоняя долгий сон.

«Опять колдовство», — трaчно
подумал он, решив, что отдельно
разберется со своими преследователями-
ксеносатами. И тогда вернулся его шипящий
спутник.

В этот раз он не был столь замечен.
Звук раздался вместе с дуновением ветра

или же смещением старого камня. В шорохе слышалось что-то еще, и только такое существо, как притарх мог это понять. Смысл было трудно отделить от нелогичных противоречивых элементов, скрытых в шипящей модуляции призрака.

Это было слово или фраза, но на данный момент она оставалась загадкой.

Охотник стоял позади него. Феррус слышал шорох его чешуйчатого тела по нижним ступеням. Окутанный тьмой, из-за которой внизу ничего не было видно, но тем не менее он был там. Феррус представил, что преследователь ждет, медленно поднимая и опуская свое тело, его язык пробует воздух на предмет его запаха. Он был терпеливым и находчивым охотником. Он ударит в нужный момент, когда добыча не будет знать о его присутствии.

— Я тоже могу быть терпеливым, тьмой враждебный странник, — тихо произнес Феррус и удивился своему спокойствию.

Горгон печально вздохнул. Возможно, ему передалось немного прагматизма

Вулкана.

Лестница вела дальше, и у него не было времени задерживаться. И желания тоже. Здесь скрывалась смерть, он чувствовал ее в холодном воздухе и слишком медленном срастании своих костей. Если он задержится достаточно долго, она найдет его.

Феррус быстро преодолел следующий пролет и попытался выбросить из головы образ Фүлгрита и то, как статуя внула мысль о предательстве и охотнике, следовавшем за ним. Он понял, что не падал ни в какую расщелину.

Это была не пустыня.

Это было что-то еще, нечто иное.

--- На что я смотрю, Таркан?

Сантар и Десаан стояли рядом со снайпером и еще двумя железнорукими из Десатой. Боевые братья Таркана молчали, их пристрелянные болтеры были опущены.

Таркан присел и указал пальцем на углубление в песке.

--- След, --- сказал он, очерчивая контур впадины. --- Здесь.

--- Отпечаток ноги, --- предположил Десаан, пропустив след через спектры визора. Для нетренированного глаза он был просто еще одной неровностью пустыни.

--- Несколько, --- поправил его Таркан, указав на ряд вмятин, которые тянулись от первого следа назад. --- Следы заканчиваются здесь, --- добавил он, посмотрев на Сантара. Ретинальная оптика снайпера были точной и безошибочной, как его прицел. Бионический глаз Таркана щелкал и гудел при настройке.

--- Где они начались? --- спросил Сантар, пытаясь проследить отпечатки ноги к начальной точке.

--- По моей оценке, в пустынной впадине.

--- Они принадлежат отцу?

Таркан медленно кивнул.

Найденный ими след подошвы был большим и достаточно глубоким. Только благодаря тому, что прошедший здесь был огромен и тяжел, его следы еще не занесло песком.

--- Обратите внимание на более

сильное углубление у носка, --- сказал
Таркан, вытянув боевой нож, указывая им.
Сверкающий мономолекулярный кончик
проткнул край следа.

--- Он бежал, --- сказал Десаан.

Сантар нахмурился и посмотрел на
исполосованный солнечными лучами
горизонт, словно ответ ждал там.

--- Но от кого?

--- Или к кому? --- предложил Десаан.

Не было ни крови, ни обожженных
меток, ни признаков борьбы. Следы просто
закончились.

Сантар снова нахмурился,
подавленный таким поворотом событий.

--- Хорошая работа, брат Таркан, ---
сказал он, повернувшись.

Десаан был в замешательстве.

--- Разве мы не продолжим поиск?

--- Нет смысла, --- сказал Сантар. ---
Где бы ни был лорд Манус, мы не можем
добраться до него. Мы нужны Медузону.

Ответ Десаана был тихим и
предназначался только Сантару.

--- Мы не можем просто бросить его,
брат.

Первый капитан остановился, чтобы посмотреть на остальных. Таркан поднялся.

--- Сейчас у нас нет такой роскоши, как выбор, Ваакал. Мы все еще на войне. Но крайней мере, здесь мы можем что-то сделать.

Десаан неохотно согласился. Он мало что мог сделать. Это относилось ко всем.

Двигаясь по следам дивизий Армии, пятьдесят легионеров ушли из пустынной впадины, вверив своего примарха его судьбе.

Птица. Нет, не просто птица, но огромная птицеподобная тварь, сравнимая по размерам и размаху крыльев со штурмовым кораблем. Ее величие давно угасло. Прежде могучие мышцы зачихали и атрофировались, а крылья, которые когда-то сверкали оперением, теперь бессильно поникли, изорванные и тусклые. Кожа свободно свисала со скелета, как мантия непомерно большого размера, под ней выпирали кости. Какой-то пагальщик, чья последняя трапеза состоялась очень-очень давно.

Мифы многих культур рассказывали истории о грифонах, василисках и гарпиях. Но словам бардов и сказочников, подобные твари истребляли целые цивилизации. Даже в ослабленном состоянии это чудовище могло бы убить многих. С легкостью. Феррус затеделся, подходя к существу.

--- Тебе непросто будет проглотить меня, --- пообещал он, приближаясь к вершине каменной лестницы.

Когда Феррус достиг последних несколько ступеней, он понял, что птица не одна, их две, и это не пагальщики. Это была пара чахлых орлов. Каждый из них с любопытством смотрел на примарха одним глазом, словно зная нечто, во что примарх не был посвящен. Другой глаз по какой-то причине ослеп.

Когда он подошел к ним, с их клювов сорвался крик, гушераздирающий и гнусавый. Горгон потянулся за Сокрушителем Наковален, но пальцы так и не коснулись рукояти, когда он понял, что орлы не собираются нападать. Вместо этого существа расправили свои

некогда огромные крылья и взлетели.

Убивать их было жалко, хотя, возможно, смерть покончила бы с их страданиями и стала бы актом милосердия. Убившись тому, как он обрадовался, воздержавшись от убийства, Феррүс последовал за первой птицей, которая полетела в темноту пещеры. Достигнув трещины в потолке, орел исчез. Феррүс позабавовал его крыльям, какими бы слабыми они ни были. Птица, не смотря ни на что, тяжело влетела в золотой свет.

Сыновья были наверху, отделенные от своего отца золотистой трещиной в подбрюшье мира. На несколько мгновений тень орла задержалась, и Феррүс почти мог дотянуться и коснуться ее...

Второй орел полетел дальше в пещеры. Вопреки первоначальному убеждению, Феррүс понял, что пара птиц не была полностью идентичной. В то время как первая была мудрой и суровой, вторая птица производила впечатление высокомерной, в ее манере держать себя было что-то патрицианское, не смотря на

потрепанный внешний вид.

«Вызывающий, — подумал примарх, — даже знакомый».

Птица скользнула через открытый портал, вырезанный в каменной стене пещеры. Арка своим архитектурным стилем напоминала цивилизованную культуру, подобную старым империям древней Романии. Она вела в следующий зал, освещенный звездным небом.

— Снова холодный камень, — подумал Феррус вслух, увидев скалы из темного гранита.

Разочарованный ощущением собственного бессилия, Феррус начал полагать, что эта дорога бесконечна, что в лабиринте нет цели.

Бесмысленно сражаться с тем, над чем у тебя нет ни малейшей власти. Хотя это противоречило его инстинктам, примарх уступил судьбе. Пока. Он закончит свое путешествие, когда тот, кто поймал его в эту ловушку, посчитает, что момент наступил.

Тогда он уничтожит это существо со всей яростью Медузы.

Что бы ни скрывалось внутри лабиринта, оно не было непобедимым чудовищем.

— Я убивал ётунов, — сказал он самому себе. — Я убивал ледяных змеев голыми руками. Ты рискнул завлечь в ловушку Горгона...

Небесные огни, освещавшие его путь в следующий зал, вовсе не были не звездами. Стены украшали скопления драгоценных камней, сверкающих в свете, не имеющем источника. Порог был тало примечателен, всего лишь усыпанная алмазами скала. Примарх услышал слабые хлопки крыльев, прозвучавшие как далекое эхо, и последовал за вторым орлом вглубь прорезаемой звездами тьмы.

Феррус почувствовал запах мертвечины и холод. Что-то металлическое кольнуло его язык.

Зуд на шее начал раздражать. Словно горячий ошейник.

В воздухе шипело дыхание змея.

Его агрессивный попутчик вернулся.

Ты, наконец, пришел за мной?

Феррус извлек Сокрушитель

Наковален и небрежно держал его одной рукой. Оружие вызывающе гудело в его хватке.

Я расколю твой череп, как яйцо, тварь.

Змей держался на расстоянии, сдвигаясь на периферии его чувств. Тварь знала, что примарх не станет бросаться в темноту и атаковать. Феррус будет выжидать, хотя ител обыкновенно выходит из себя, и существо знало об этом. Но помимо простого подстрекательства, у змея была причина не торопиться со схваткой. Он хотел, чтобы примарх сначала увидел кое-что, то, что змей сделал для него.

Дальнюю часть помещения словно затянуло полосой из черного холста, свет фальшивых звезд стал гаснуть. Феррус стоял у ее границы, собираясь ступить в затемненный мир.

А затем все изменилось.

Темнота разошлась, как занавес.

Один за другим драгоценные камни погасли. В глаза словно хлынула артериальная кровь — багровое зарево

осветило помещение. Перед Феррусом открылась картина отвратительной бойни, и он скривился от омерзения.

Воздух наполнил запах крови, приправленный горечью. Запах въелся в щели между каменными плитами пола и полз по влажным стенам грибковой заразой. Когда-то белоснежные стены измазали кровавые отпечатки рук и ног. Мужчины и женщины умерли здесь, стоя на коленях, моля о пощаде, в то время как палачи прижимали клинки к их шеям и животам. В стены были вмурованы цепи с крючьями, готовые принять истерзанную плоть.

В разуме Ферруса появились образы ржавых секачей, зазубренных резачков и костных пил, хотя ни одного из этих инструментов мясника он не видел.

Вместо этого с потолка на сухожилиях свисали головы. Сотни отсеченных голов лениво покачивались на сквозняке и медленно вращались. На лицах застыло выражение муки: у одних рты распахнуты в безмолвном крике, у других челюсти стиснуты в агонии.

Озабоченный жжением под горжетом Феррүс словно ощутил фантомную боль от нанесенной ножом палача раны, которую он никогда не получал.

Ули, пожалуй, не сейчас...

Мысль возникла неосознанно, словно ее внулишили. Феррүс был слишком шокирован, чтобы сопротивляться ей.

Образы наплывали один на другой, пока он наконец не увидел в лицах висящих перед ним голов...

Измученный, Феррүс скривился от невыносимой для смертного боли.

Все эти лица принадлежали ему.

Ярость железа

Он бросался в глаза, выступая из песка подобно обломку изогнутой кости. Когда Габриэль Сантар прибыл на поле боя, то задумался, почему они так долго искали эльдарский узел.

Уничтожьте узлы и нарушите сплоченность врага. Как и в случае с оборванной линией связи, в этом случае возможность эльдар координировать свою оборону была бы серьезно затруднена. Разружьте узлы и разбейте врага. Это были приказы лорда Мануса, как легиону, так и братьям, ведущим войну где-то еще на Один-Пять-Четыре Четыре. То, что примарх так и не увидит, как осуществится его план, причиняло первую капитану боль.

Но этой и многим другим причинам он очень хотел, чтобы повелитель был с ними.

Морлоки вместе с небольшим отрядом снайперов Таркана вернулись к голове многочисленной танковой колонны

Армии. То, что осталось от армейских дивизий, в основном доганские истребители и часть вериганских коррактов, прошли этот путь, цепляясь за поручни или сиденья на башнях более крупных машин. Некоторые механизированные части тоже прошли пустыню и вместе с несколькими «Часовыми» везли оставшихся саваанских масонитов.

Потрёпанное, но все же подкрепление.

Судя по безвыходной ситуации с узлом и его защитниками, они прибыли как нельзя вовремя.

Само сооружение было огромным и прикрыто потрескивающим энергетическим щитом, который Железные Руки пытались разрушить. Сантар не видел ни источника энергии, ни объектов, которые они могли атаковать и уничтожить, чтобы сокрушить оборону. Щит генерировали какими-то другими способностями, неизвестными им.

Тяжелые попадания расцвели ярко-лазурными разрывами, и щит колыхнулся, рассеивая их взрывную энергию по своей изогнутой поверхности.

Рүүман отказался признавать поражение. Его «Рапиры» и ракетные батареи вели непрерывную стрельбу, наполнив воздух шумом и актинической вонью. Клубы дыма слились в пелену, которая опустилась с вала, на котором железнорожденный расположил свои дивизионы, на наступающие внизу роты Медузона.

Сантара встретил Буон Хенрикос, который резко отдал честь, увидев первого капитана.

Пока Медузон следил за битвой, он передал командование над Железной Десятой громадному сержанту. Эти воины с нетерпением ждали боя, в то время как авангард Медузона с морлоками на острие попытался пройти несколько сот метров открытого пространства и приблизиться к щиту.

— Ты можешь использовать армейские дивизии? — спросил первый капитан прежде, чем Хенрикос смог приветствовать его. Времени на соблюдение формальностей не было. Среди офицеров Железных Рук сержант более

всех соперещивал людам. Сантар просто хотел воспользоваться этим и выразился в своей небрежной манере.

Ни слова не было сказано об операции или припархе. Сержант был не вправе задавать вопросы, тем не менее, бросил быстрый взгляд на Десаана, который стоял в шаге за первым капитаном.

Должно быть, Десаан коротко покачал головой, потому что Хенрикос напрягся от горя и гнева, но быстро вернулся к своим обязанностям. К чести сержанта, он провел оценку состояния прибывающей колонны.

--- Чуть меньше пятнадцати тысяч человек и шестьдесят три исправных машины, --- доложил Хенрикос. --- Да, тилорд, думаю, я смогу использовать эти части.

Сантар кивнул.

--- Хорошо. Они потрепаны, брат-сержант, --- предупредил он.

--- Готовы к бою, --- возразил Хенрикос.

Улыбнувшись внутри шлема, Сантар согласился:

--- Действительно.

Ему нравился этот Хенрикос, его упорный дух.

— Где капитан Медузон?

Могучие ряды плазменных пушек и оружийных платформ «Тарантул» гремели по всей боевой линии, наполняя тыловые эшелоны светом и грохотом. Хенрикос подождал несколько секунд, пока их залп не стихнет, после чего указал на северо-восток, где располагался командир.

Сантар увидел Медузона и его свиту, но его взгляд последовал далее к щиту, после того как плазменные следы и дымы от тяжелых болтеров рассеялись. Он ожидал увидеть трещину в эльдарской броне, даже разлом. Ничего. Щит все еще держался.

— И так весь последний час, — сказал Хенрикос.

Сантар недовольно заворчал.

— Немедленно подключайте артиллерию Армии. Я хочу услышать ее, когда буду стоять рядом с этим энергетическим щитом.

— Мы пробьем брешь в нем ради тебя, милорд.

— Проследи за этим. Плоть слаба, но

эти танки из стали, — напомнил он Хенрикосу.

Сантар больше не стал задерживаться. Он направился к Медузону.

— Десаан, со мной, — прорычал он, наблюдая за безрезультатным обстрелом, который продолжал поливать щит.

— Их сопротивление впечатляет, — сказал капитан Десятой Железной, когда подошел Сантар.

— Ты кажешься удивленным.

Медузон держал голоплашет в бионической руке и оценивал тактические диспозиции своих сил. Тяжелые дивизионы вели поддерживающий огонь, в то время как три клина Железных Рука из Шестнадцатой, Тридцать четвертой и Двадцать седьмой клановых рот непрерывно атаковали укрепленные траншеями позиции эльдаров. Сантар узнал символы кланов Ворганан, Буркхар и Фелз, неутомимо сражающихся в авангарде.

Он знал, что в центре, где огненный шторм был наиболее ожесточенным, он найдет клан Авернии, своих морлоков. Судя

но неподвижности ветеранской роты, они тоже зашли в тупик. Ни один из железноруких все еще не добрался до самого щита.

Крупные силы эльдар перед ним, действующие в качестве волнолома, также отступали за него.

В резерве находились воины клана Сорргол из Железной Десятой, грузья и родня самого Медузона и кланы Кагоран, Локонт и Унгаварр, которые вели сильный огонь с возвышенности. Даже со всей имеющейся в их распоряжении мощью Железные Руки не могли пробить эльдарский экран.

В пятистах метрах перед ним сражались воины Медузона.

Ряды легионеров неумолимо шагали внаследь врагу, болтеры вели постоянную стрельбу. Медузон расположил среди основной массы батальонов немногочисленные дивизионы конверсионных излучателей и гравитационных пушек, которые выдавали себя спорадическими дульными вспышками и искрающимися лучами энергии. Но враг

был непоколебим.

--- Они крепче, чем ожидалось, ---
признался Медүзон. На его боевом доспехе
чернели следы от ожогов, указывая на то,
что ранее он пытался взять штурмом
аванпост и был отбит.

--- Думаю, они легко уступят, брат-
капитан?

Голова Медүзона слегка дернулась,
когда он понял, что с Сантаром нет
примарха.

--- Горгон? --- спросил он, хотя его тон
подсказывал, что он не был уверен, хочет
ли знать ответ.

--- Исчез.

--- Когда он вернется? --- он не
предполагал, что примарх погиб, это было
недопустимо, но тень такой вероятности
прошла по лицу Медүзона, подобно темной
туче.

--- И вернется ли? --- проскрежетал
капитан Десятой, кулаки сжались по
собственной воле от вспыхнувшей
мстительной ярости.

--- Мы не смогли найти его, --- у
Сантара не было ответа.

--- Он будет зол, когда найдется.

Сантар указал на голопланшет и медленные маневры войск, изображенные на нем.

--- Вот, что я хотел бы видеть.

--- Они полностью окружены, --- сказал Медузон.

Резервные части Железных Рук выдвинулись, взяв узел и его защитников в кольцо черного кератита.

--- Тем не менее, осаждают врага --- это не наш путь, не так ли, Шаграк?

Медузон свирепно улыбнулся.

--- Да, первый капитан. Не наш.

--- Они стойко держатся.

--- Кажется, ты восхищаешься ими.

Сантар не отводил глаз от голопланшета, думая и планируя. В качестве адъютанта он многому научился у Ферруса Мануса. Горгон часто стоял в тени Жиллимана, но он был столь же искусным тактиком. Кое-кто заявлял, что его единственным недостатком была упертость в своем мнении, из-за которой притарх иногда становился близоруким. Хотя Сантар никогда не говорил об этом

вслух, он считал, что у Горгона также не было терпения Боевого Царя к бесконечной проработке планов действий.

--- Восхищаюсь или? Нет, --- ответил Сантар с абсолютной уверенностью. --- Я хочу лучше понять их, чтобы уничтожить. --- Затем добавил: --- Ты хоть раз пробил энергетический щит?

--- Мы даже не добрались до него. Я ждал их капитуляции, когда они столкнулись с нашим очевидным численным превосходством, первый капитан. Это логично.

--- Возможно, в эльдарской культуре нет понятия неизбежности.

Молчание Медузона подразумевало, что он не понял сказанного.

--- Какие предложения? --- спросил Сантар.

--- Ударить их посильнее, бросить больше воинов на укрепления, пока они не падут.

--- К счастью, я привел с собой тех, кому не терпится воссоединиться с членами своего клана.

Морлоки позади него рвались в бой.

Медузон бросил на них быстрый взгляд.

--- Тоже голодны.

--- Война далекое от утонченности занятие, Шаграк, --- сказал Сантар. --- Иногда ты просто должен воспользоваться глубинкой побольше. Покажи мне, куда бы ты хотел, чтобы она ударила, и мы проделаем эту брешь для тебя.

--- Звучит ободряюще...

Медузон поднял руку, прервавшись, чтобы выслушать доклады по радиосвязи от разных командиров, выдвигающихся или меняющих позиции. Закончив, он посмотрел на Сантара.

--- Я посчитал, что ты примешь командование после своего возвращения, первый капитан, и уже отправил диспозиции наших частей на твои ретинальные линзы.

--- Нет необходимости, --- сказал Сантар. --- Ты командуешь, брат. Я хочу испачкать свои когти в крови ксеносов.

Медузон ударил кулаком по груди, не сумев сдержать свою гордость за оказанное первым капитаном доверие.

--- Тогда пусть обрушится твоя ярость, первый капитан.

Когда слова запечатлелись в радиоканале Сантара, на его ретинальном дисплее вспыхнул значок. На него наложился диспозиции других частей. Оставшиеся морлоки наносили главный удар, сойдясь с эльдарами в ближнем бою. Здесь оборона была самой крепкой, здесь ксеносы носили более тяжелую броню и располагали самым мощным оружием и орудийными платформами.

Даже на расстоянии битва выглядела свирепой.

Игнорируя бойню, в которую он почти вступил, Сантар тщательно изучил далекий щит, словно мог разглядеть слабое место, лишь взглянув на него.

--- По-твоему, как глубоко он простирается, брат?

Медузон проследил за взглядом первого капитана. Он улыбнулся, когда понял, на что намекает Сантар.

Сантар прикоснулся пальцем к горжету, чтобы открыть канал связи:

--- Железнорожденный.

Рүүман ответил теждү гвүтя
зроткити залпами тяжелых орудий.

--- Мне нужно, чтобы ты сделал кое-
что для меня... --- сказал Сантар и передал
план.

--- Ты --- молот, --- ответил Медүзон,
когда первый капитан снова отключил
канал связи.

Молниеые когти Сантара
выскользнули из ножен. Он выпустил
потрескивающую энергию по лезвиям.

--- Значит, настало время, как
следует врезать.

С показной самоуверенностью Сантар
прошел через ряды Железных Рук, которые
расступились перед ним и его свитой из
торлоков. Он прикрепил шлем
магнитными зажимами к набедренной
пластине. Капитан был более уязвим без
него, но воинам нужно было видеть его
лицо. В отсутствие притарха он должен
был вдохновлять.

За маской свирепости он скрывал
желание сражаться рядом со своим
повелителем. Сантар не мог себе
представить, что когда-нибудь будет не

так.

Первый капитан поднял железный кулак и заревел:

--- Железо и смерть!

В воинственный клич Сантара и громогласный отклик его подчиненных закрался настойчивый внутренний голос, которым было сложно пренебречь.

Отец, где ты?

Феррус нахмурился.

--- Жалкие трюки, --- решительно заявил он, хотя ни один из висящих черепов, казалось, не слышал его.

Даже перспектива собственной смерти не лишила Горгона присутствия духа. Давным-давно, в безлюдных пустошах Медузы он стирался со своей смертностью. Он проживет дольше большинства людей, возможно, протекут тысячелетия, ибо никто не мог сказать, где лежат пределы гения Императора. Но Горгон был воином, а воины встречают свой конец на острие меча. Феррус надеялся, что его смерть будет славной. Он также надеялся, что однажды наступит мир. Но без войны,

размышлял он, в чем заключается его предназначение?

Хмурый вид сменился утешкой, и губы Ферруса саркастически скривились при виде подвешенных образов, предвещающих его гибель. Горзону пришлось сопротивляться желанию уничтожить их всех.

Даже без иллюминации сверкающих драгоценных камней видимость была достаточной, хотя свет пылал багрянцем и пульсировал, как аорта. Головы висели достаточно далеко друг от друга, чтобы можно было пройти, не касаясь их. Дувение ветра развернуло одну из голов лицом к Феррусу.

Он подмигнул мертвому двойнику.

— Я бы сделал более симпатичный труп, — сказал он и улыбнулся. Замечание больше подходило фүлгриту. При мысли о брате в ушах примарха раздался знакомый звук — шипящий диссонанс, который следовал за ним по пятам.

Охотник вернулся. Возможно, он никогда не уходил. Феррус обратил на него все свое внимание, так как угроза была

реальной и близкой. Враг был здесь, в пещере, скользя поблизости, повторяя каждый его шаг.

--- Выходи на свет, трус, --- прорычал примарх. --- Я хотел бы увидеть врага, который желает мне сотню смертей. Чтобы понять ошибочность своей самонадеянности, тебе достаточно будет умереть только один раз.

Его враждебный спутник не ответил. Феррус пошел дальше.

Ближе к жуткой бойне черепа висели так плотно, что Феррус не смог бы пройти, не сдвинув их.

Он осторожно оттолкнул Сокрушителем Наковален одну из голов.

Мертвые губы издали тихий стон. Ближайшая голова повторила его, затем третья и четвертая. Каждый из разлагающихся черепов, словно охваченный внезапной эпидемией, присоединился к зловещному хору.

Они были живыми. Выдернутые из ада, эти призраки, носящие облик Ферруса и Мануса, вернулись, чтобы преследовать его. Отвращение, гнев и неверие сражались

каждый жалкий череп в костяную пыль и
воспоминание.

В темноте мелькнула серебряная
полоса, свет струился по ней, как кровь...

Феррус так и не нанес удар.

Его позвоночник пронзила адская боль,
согнув его почти пополам. Пластины брони
на животе треснули от внезапных
конвульсий примарха и пошли трещинами,
как горячий металл, который слишком
быстро остудили. Вены Горгона
наполнились болью, которая убила бы
сотню более слабых людей, и даже его она
почти сокрушила. Феррус опустился на
одно колено. Выплевывая токроту и кровь,
он гневно взревел, сопротивляясь действию
яда. Живое серебро чудесным образом
охладило, но не очистило пылающую рану,
и примарх выпрямился. Одной рукой
Феррус сжал кисть другой. Пульсация
живого металла сообщала о том, что он
ранен. Хуже того, он слабел. Сокрушитель
Наковален куда-то подевался, выскользнув
из онемевших ладоней.

Горгон осторожно отвел руку,
рассматривая плоть в брешь доспеха и

ожигающая увидеть признаки гангрены. Две раны, глубокие и широкие, отметили его серебристую кожу. Раны пузырились ядом, и Феррус недоверчиво смотрел, как живой металл, соприкасавшийся с нити, разрушается у него на глазах. Словно ужаленный, он отдернул дрожащую руку, опасаясь, что яд перекинется на нее. Под стекающим серебром обнажилась обожженная и покрытая волдырями кожа, и вспыхнуло воспоминание...

Он стоит у края лавовой бездны над зверем.

Веет холодом и серой.

Руки ободраны и кровоточат, но в них достаточно силы, чтобы сломать наковальню.

Зверь слабеет. Битва не прошла даром ни для кого из них.

Расплавленное серебро на боках твари отражает свет лавы и рождает мерцающее марево.

Такое великолепное существо.

Он все равно убьет его.

Он сильнее. Его превосходство несомненно.

Клыки обнажены, яростная песнь на
его устах.

Он докажет это.

Он найдет способ пронзить
сверхъестественную плоть и убить
существо.

Лава манит. Его кузница.

Здесь творилось и уничтожалось
оружие.

Я докажу, что сильнее.

Я должен, иначе что оно сделает со
мною?

Воспоминание исчезло, смутное и
расплывчатое. Миф и действительность
сплелись воедино, заставив его задуматься
над тайной собственного происхождения.
Отвлечение было мимолетным.
Необходимость выжить и инстинкты
воина взяли вверх. Вместо поисков
Сокрушителя Наковален Феррүс сорвал с
пояса спату, широкий и стертельно
острый клинок. Его раненая рука,
онемевшая от яда, безвольно висела.
Феррүс взял меч в левую руку, приспособив
стойку и хватку, прежде чем сделать
разрез на кисти, чтобы выпустить яд.

Стекаая с окровавленных пальцев, заструилась жгучая желтая жидкость, похожая на кислоту. Боль стала тише, как и гомон в его черепе, по которому словно стучала дюжина кулаков.

Ною голову будто сносят с плеч...

Игнорируя повторяемые его собственным голосом предсмертные хрипы, срывающиеся с конен губ, Феррус внимательно следил за тенями. Он быстро развернулся, едва серебристый блеск коснулся его периферийного зрения, вспыхнув с настойчивостью сигнального маяка.

Сверхъестественные рефлексy спасли притарха от очередной раны. Он нанес удар, но тварь была невероятно быстрой и смогла ускользнуть.

Змееподобная, но не похожая ни на одну из змей, с которыми встречался Феррус. Серебряной чешуей она напотинала зверя, с которым он сражался давным-давно. Тогда звезды были всего лишь осколками слюды, вкрапленными в гранит неба, и была только Медуза и бесконечная арктическая ночь. Скрытый

теньяни образ твари был лихолетним, но знакомым.

Возможно, мы встречались раньше...

Шорох заставил Горгона повернуться, и он снова ударил, но рассек лишь воздух. Он чувствовал, что стал медлительнее. Несмотря на то что он выпустил изрядную часть яда вместе с кровью, жжение от раны поднималось к плечу и выше. Фантомная боль, которую он ощущал вокруг горла с момента прибытия в пустыню, стала почти нестерпимой.

В действительности или в воображении, но эта тварь смогла его ранить. Извлеченная из бездны Древней Ночи, она подтвердила в этом подземелье намерение убить его. Тюремщики ферруса знали его прошлое, его изначальные страхи и желания и изводили его видениями воображаемого будущего. Они дергали за ниточки неосуществленной судьбы и смотрели, как колебания сказываются на поведении примарха.

Феррус знал, что не может сдаться.

Безумие начало влиять на его восприятие, яд сделал свою работу.

Держись.

Слово было подобно якорю. Если он утратит его, то окажется во власти бесконечного моря хаоса.

Шипение живого металла, стекающего с его руки на землю расплавленными каплями, заставило примарха повернуться. Он тряхнул головой, чтобы избавиться от накатывающей гурноты.

Василиск, химера, гигра --- у подобных демонов было много имен и форм. Эта тварь не была одним из них. Но она была могучей. Иначе не уничтожила бы то, что считалось нетленным.

Неужели нет ничего нетленного?

Кем были неизвестные гиганты и легендарные драконы в сравнении с этой тварью?

Феррүс отбросил недостойные мысли, осознав, что они навязаны ему. Ярость, кипевшая под его холодной наружностью, рвалась наружу. Он крепче сжал спату, и кожаная оплетка рукоятки закрипела.

Оружие было подарком Вулкана, и воспоминание о брате дало ему силу.

— Я выковал его для твоей руки, Феррүс, — сказал он. — Это твой меч, он не ровня Сокрушителю Наковален, но, надеюсь, достойное оружие. Ты окажешь мне честь, владея им.

Феррүс перевернул его в руке, холодные глаза пробежались по филигранным витиеватой инталии, инкрустированным камням и ноктюрской нагниси. Тонкие зубья были бритвенно-острыми, металл, из которого их выковали — крепким.

Никак не отметив очевидную красоту оружия, Феррүс сразу же разглядел потенциал меча, но вместо того, чтобы похвалить мастерство брата, нагрубил:

— Зачем столько украшений? Помогут ли они убивать врагов? — на его лице появилась ухмылка, о которой, оглядываясь назад, Феррүс сожалел.

Вулкан и бровью не повел.

— Это превосходное оружие, и я им горжусь, — признался он. — Когда я обнажаю меч, то хочу, чтобы мои враги знали — они встретились с оружием короля-воина.

--- В таком случае тебе следует скорее орудовать молотом для творения, чем клинком для разрушения?

В ответ на лице Вулкана появилась теплая, как жар лавы, улыбка.

--- Ноктюрнцы прагматичны, мой брат. Пока война необходима, я буду сражаться, но надеюсь однажды отложить свой меч, --- в его глазах вспыхнуло пламя. --- До того момента я буду держать свой смертоносный клинок наточенным.

Феррус кивнул и спрятал клинок в ножны, прицепив его к поясу.

--- Пригодится, --- весело сказал он и прикоснулся серебряной рукой к гладкому черепу, --- когда слуги не побреют достаточно коротко.

Они рассмеялись: Горгон --- хрипло и грубо, Дракон --- зычно и радужно, разделив редкий момент легкомыслия, пока Крестовый поход не развел их по разным путям. До Огун-Пять-Четыре Четыре.

Воспоминание о том дне исчезло в зеркальной глади клинка.

Феррус называл его Дракен, в честь своего брата. Сейчас он нуждался в его

остроте и был рад мечу.

Стены пещеры были из полированного обсидиана, как и в галерее мавзолея. Их блестящая чернота тянулась в бесконечность. В ней отражались головы, но в отражении они были покрыты плотью. Разорванные артерии пульсировали, извергая кровь. Это зрелище отзывалось острой болью, охватившей шею Ферруса, боровшегося с отвращением от спектакля, происходящего в темном зеркале. Отсеченные окровавленные головы стеялись, все до единой. Они стеялись над ним.

Удуом!

Слабак!

Ненужный сын!

Это последнее оскорбление застряло в его горле. Феррус был выдающейся личностью, а на Медузе — королем королей. Никто не мог сравниться с ним. Но когда появился отец и привел его к семнадцати выдающимся братьям, он понял свое место. В отличие от Вулкана, который принял свое положение охотно и смиренно, Феррус был недоволен. Но разве

он не ровня своим братьям? Когда встречаешься со славой Хоруса, великолепием Сангвиния или даже упрямой твердостью Розала Дорна, легко поверить, что некоторые сыновья останутся ждать в стороне, пока несколько избранных осуществляют великий план отца по покорению Галактики.

Феррус жаждал этого света для себя, хотел быть равным. Он не был тщеславным, просто желал быть признанным. Вся его жизнь до этого самого момента прошла в поиске силы. Он не мог поверить, что все сделанное было второстепенно. Феррус не мог поверить, что его отец вывел его из одной тени только для того, чтобы ввести в другую.

Ты будешь гордиться мной, отец. Я докажу, чего стою.

— Давай же! — заревел он, но вызов остался без ответа. Тварь прыгнет на него из теней и поразит тысячей смертельных укусов.

Бесславная смерть.

Феррус не примет ее.

Но тварь была быстрой. Примарх должен был нанести удар, а бросаясь на едва уловимые образы, он не добьется победы. Она хотела извести его, заставить ослабить защиту и открыться, чтобы потом нанести смертельную рану.

Горгон заметил край глаза, неожиданное движение и проследил за ним, держа меч в оборонительной позиции — плашмя и отведенным от себя.

Ему было сложно сдерживаться, ведь всю свою жизнь он проливал кровь.

Ярость зрела в ушах, как колокольный перезвон. Он сосредоточился, и грохот уменьшился до приглушенного гула. Тварь была близко, хотя и не выдавала своего присутствия. Феррус ощущал, словно он каким-то образом был связан с ней, возможно из-за укуса и порчи ее яда. Он хотел причинить ей боль за это, сравнять счет, а затем уничтожить. Его внутренний гнев разгорелся еще больше, почти заставив перейти от мысли к действию.

Примарх вспомнил кузню и радость, которую испытывал при обработке

металла. Единственный бальзам для его ярости, единственное занятие, которое могло успокоить его неистовый нрав. Но вопреки ему, Феррус проявил терпение, хотя иногда ему казалось, что он хватается руками за воздух. В отличие от Вулкана оно не давалось ему легко. Терпение было первым уроком для всех кузнецов. При закалке нельзя торопиться, металлу нужно время, ему необходимо ждать, пока он не будет готов. Так и Феррус должен был ждать.

Он увидел лежащий на земле Сокрушитель Наковален, но подавил желание схватить его. Этого хотела тварь. Она ждала, что Горгон подойдет к нему.

Меча Вулкана было более чем достаточно. Он верил в мастерство брата.

Следовало бы сказать ему об этом.

Феррус закрыл глаза и прислушался. Он услышал тихое и скрежещущее шипение, почти заглушенное окружающим шумом. Шипение змея.

А теперь я расставляю сети...

Не видя, он был уязвим.

Поэтому Горзон опустил меч,
позволил руке повиснуть вдоль тела.

Он прислушался, давая сердцу
успокоиться.

Вопли мертвых стихли, шипение
змея стало громче, и Феррүс различил два
слова.

Ангел...

Одна лишь мысль о словах вызывала
боль, словно они облагали могуществом,
выходящим далеко за пределы своих
смыслов.

Экстерминатүс...

Слова были скрыты в многократно
повторяющемся шепоте твари, в высоте
тона и модуляции, словно загадочная нота
в идеальной симфонии виртуоза.

Они ничего не говорили ему, тем не
менее примарх чувствовал их значимость,
как будто слова имели физическую форму.

— И небеса пылали его сияющей
красотой... — слова пришли к Феррүсу
незваными, словно принадлежали другому
человеку, у которого не было силы
произнести их.

Здесь присутствовало нечто темное: какое-то зло, с которым был связан Феррус, вторглось в подземелье. Он задумался, понимают ли это те, кто пленил его здесь?

Но размышлять над этим не было ни времени, ни смысла.

Затаив дыхание, Феррус услышал скрип металла, предвещавший появление твари. Доверившись инстинкту, он ждал, пока змей окажется совсем рядом, и тогда нанес удар. Меч рассек чешуйчатую плоть.

Глаза Ферруса резко открылись, как бронированные визоры, и он снова ударил. Наградой был рев боли. Когда он выдернул Дракен из тени, его лезвие было испачкано. Меч покрывала не кровь, но зловонная жидкость пурпурного цвета.

Он ранил тварь. Ее шепот, наполненный гневом и болью, стал громче. Скрип металлической чешуи о камни стих — чудовище отступило в темноту. Феррус несколько минут не двигался, прислушиваясь. Рана в руке пульсировала, а серебристый блеск почти полностью стек с руки, открыв окровавленную.

обожженную плоть. Спрятав спату в ножны, притарх наклонился. Его пальцы сомкнулись вокруг рукояти Сокрушителя Наковален. Никогда еще он не ощущал свой молот таким тяжелым.

— Плоть слаба... — пробормотал он и проклял свою неспособность устоять перед силами, что восстали против него.

К нему вернулось воспоминание о словах, спрятанных в голосе змея.

Ангел Экстерминатус.

В них было заключено... преступление. Чье-то другое сознание вложило эти слова в его разум. В отличие от большей части этого кристаллического лабиринта, они ощущались не как предупреждение. Это было обещание, пророчество.

Феррүс был слишком слаб, чтобы разгадать его. Его лоб покрывала лихорадочная испарина, когда он, пошатываясь, преодолел последние метры пещеры с картиной резни и двинулся туда, где его ждали новые ужасы. После исчезновения змея, висящие черепастые перестали говорить и снова стали

мертвыми. Ветер стих, и они так же перестали вращаться, от чего было легче избегать соприкосновения с ними. Они даже стали менее похожими на него и не такими устрашающими. Теперь Феррус увлекала единственная мысль. Он продолжал идти, непреклонно, словно медузанская сухопутная акула. Остановиться значило умереть.

Притарх осилил три ступеньки, а затем упал, и его накрыла тьма.

Холодная аура костяного святилища была насыщена возмущенной энергией.

— Оно влияет на тебя, — сказал Прорицатель.

— Оно не должно было проникнуть в склеп, — ответил другой.

— Осторожно, я вижу, как в твоём настроении проявляется Кхейн. Вернись на путь.

Второй пока не был готов уступить.

— Мой гнев вполне обоснован. Емү не суждено было умереть. Не здесь. Не от этого.

Прорицатель пристально посмотрел

на соратника. Его взгляд был загнутчивым и непостижимым.

--- И все-таки его жизнь под угрозой. Ты добавил в воды судьбы достаточно крови, и рано или поздно появятся акулы.

--- Оно вообще не должно быть здесь.

--- Дороги кости, по которым мы странствуем, далеко не безопасны. Со времен Нагения ты знаешь это. Тебя так удивляет, что появилось нечто злобное?

Настроение грузого стенилось, гнев перешел в меланхолию.

--- Что можно сделать?

--- Освободи его и стирись с неудачей.

--- Мы слишком близки к цели.

Прорицатель прислонился к выступу изогнутой кости и сложил руки на коленях.

--- Тогда ты должен позволить ему идти своей дорогой и надеяться, что он сможет победить то, что ты впустил в свою клетку.

Последовала пауза, которую Прорицатель предпочел не заполнять. Он просто наблюдал. Другой был раздражен, руководствуясь эмоциями и разрушенными

амбициями. Прорицатель не нуждался в предвидении, чтобы догадаться, о чем собирался спросить его товарищ.

--- Что ты видишь?

В вопросе слышалось отчаяние.

--- Ничего. Все. Я вижу миллиарды вариантов будущего и возможных последствий, столь различных, что можно провести тысячелетия, разыскивая изменение, и не найти его.

--- Это не ответ.

--- Тогда я советую задать более точный вопрос.

--- Он утрет? Я проиграл?

--- И да, и нет.

--- Ты без необходимости загадочен.

--- Мы сражаемся в судьбоносной войне.

Мы двое -- всего лишь агенты в этом конфликте. Из-за своего высокомерия ты впустил Изначального Разрушителя, -- другой коснулся камня души на шее при уполтинании этого имени. -- По крайней мере, частицу его сущности, в эту клетку, и теперь он в ловушке вместе с твоей добычей. У Хаоса есть способы затуманить пути судьбы.

Другой рүхнүл в свое кресло из кости. Его рука дрожала, когда он почувствовал, что защита и приватность их святилища стали разрушаться.

С изможденного лица на Прорицателя смотрели запавшие глаза.

--- Когда оно найдет нас?

--- Скоро.

Сантар узнал воинов, просачивающихся сквозь мерцающий энергетический щит.

Позади Железных Рүк лежали растерзанные тела эльдар рядом с обломками их оружейных платформ. Воины во главе с Сантаром глубоко вклинились во вражескую оборону и были готовы штурмовать сам щит. Он сиял перед торлоками, как лазурное солнце. Сантар почти ощущал электрический привкус на своем языке. Жар щита вызывал у него желание заслонить глаза, но он подавил порыв. Осталось преодолеть последнюю преграду.

Похожие на призраков эльдары не казались нематериальными, как это было

в долине. Облаченные в доспехи цвета
кости и сжимающие изогнутые визжащие
клинки, они атаковали железнорукых
сквозь щит. Их адские вопли обрушились
на морлоков губительной волной.

Сантар зарычал сквозь стиснутые
зубы:

--- Держаться!

Каждая его кость вибрировала.
Стиснутые зубы скрежетали. Еще один
воплъ, и они раскрошатся.

--- Я могу кричать громче, --- заверил
он воина, атаковавшего его.

Сантар сделал шаг вперед и перешел
в контратаку.

Его молниевый коготь разрубил меч
воина и вонзился в грудь. Перешагнув через
труп ксеноса, Сантар встретился с
другим.

Тот нанес диагональный удар, нырнул
под меч и развернулся у незащищенного
бока первого капитана.

Сантар вздрогнул, когда заряженный
энергией клинок рубанул по доспеху. Однако
пробить его он не смог. Неизящное
движение локтя сломало эльдару ключицу.

Нисходящий удар разрубил бы ксеноса, но Сантар качнулся, когда второй напавший запрыгнул ему на спину. Он едва не оглох от адского вопля и потянулся, чтобы сбросить ксеноса, но тот дернулся и упал сам.

Полголовы и шлем исчезли, уничтоженные разрывным снарядом.

Символ Таркана один раз мигнул на ретинальном тактическом дисплее.

По радиосвязи раздался голос снайпера:

--- Слава Горзону.

Сантар закончил с тем, которому сломал ключицу, припечатав его безжизненное тело бронированным ботинком. Затем он вытер текущую из носа кровь и коротко отсалютовал Таркану, зная, что тот увидит выражение его признательности. Неспособные, как в пустынной долине, отвлекать и атаковать, призрачные воины эльдар обнаружили, что торлоки крепче в открытом бою. Здесь сплоченность Железных Рукав имела большее значение, чем быстрота.

Сантар увидел, как Десаан отбросил ксеноса плечом в воздух, затем поднял болтер единственной оставшейся рукой и расстрелял его в воздухе. Табриэлю показалось, что он заметил след улыбки, коротко встретившись взглядом с визором боевого брата.

Десаан застесался.

--- Как стрельба по тарелочкам.

--- Позерство не принесет тебе никакой пользы, брат-капитан... за исключением преждевременной могилы. Убивай их быстро. Не давай пощады никому...

--- Вот ведь загадка, --- ответил Десаан. --- Кажется, у меня кончились враги.

Тела ксеносов устилали землю, тогда как потери среди Железных Рук были минимальны. Они обескровили эльдар, но приближались новые, прыгая сквозь энергетический щит с атлетической и смертоносной грацией.

--- Вот тебе добавка, --- заметил Сантар.

Он наклонился к голосовому

усилителю на горжете и проскрежетал приказ, прогремевший над боевой линией:

--- Соткнуться. Вместе, как железная стена.

Под ногами ощущались подземные отголоски работы Рүүмана. Зарегистрированные на ретинальном дисплее Сантара сейсмические всплески подтвердили это. Одновременно на краю поля зрения вспыхнул синхронизированный хронометраж.

--- В атаку! --- закричал первый капитан.

С обеих сторон к нему присоединились торлоки, касаясь друг друга краями наплечников «Катафракта».

Волна призрачных воинов разбилась о противостоящую им неумолимую стену из черного керамита. Некоторые ксеносы сумели добиться небольших успехов, но Сантар позже вспомнит павших, но сплотившихся терминаторов было не остановить. Они прокатились по элите эльдаров тяжелым катком. Зажатые между энергетическим щитом, который позволял пройти только в одну сторону, и

наступающими легионерами, ксеносы были лишены возможности маневра и в конце концов сокрушены.

Эльдары арьергарда повели массированный огонь с оружийных платформ.

Артиллерийские удары обрушились на морлоков. Терминатор, возможно Кагор, опрокинулся на спину. Другому — Сантар — не мог сказать, кому — пробило грудь. Остальные продолжали идти под обстрелом.

— Легкий дождик, — сказал Десаан, едва слышимый сквозь канонаду.

— У нас меньше минуты, брат, — заметил ему Сантар.

— Более чем достаточно, первый капитан.

Продвигаясь вперед, морлоки добрались до потрескивающего края щита.

Эльдары внутри него отступили, но продолжали вести огонь. Сверху по щиту били орудия Рүүтана и танки армейских дивизий.

За мерцающей пеленой скрывались не только вражеские воины, там мелькали

эльдары в танциях и с загадочными посохами.

--- Разрушить его! --- заревел Сантар, сражаясь с ионизированной пульсацией энергетического щита. --- Бейте по нему всем, что у вас есть.

Грозовые молоты и силовые булавы, эвисцераторы и комби-болтеры обрушились на стену раскаленной лазури. Сильно колыхнувшись, щит прогнулся, но не лопнул.

Хронометраж на ретинальных дисплеях всех ветеранов Железных Руки достиг нулевой отметки.

Конец отсчета предвещала серия глубоких, подземных взрывов, которые раскололи поверхность планеты внутри щита. Это последовательно дегонировали снаряды минометов-котов. Когда паутина, сплетенная эльдарами вокруг узла, разорвалась, вверх поднялась ударная волна.

Рябь прошла по поверхности щита, он задрожал, вспыхнул и затем исчез.

Сантар первым пересек его границу.

--- Бей их! Слава Горгону!

Ворвавшись на оружийные платформы, морлоки едва обратили внимание на обстрел, который вели танковые дивизионы. Даже без щита сооружение из кости было прочным, но по всей его поверхности начали появляться трещины.

Это была бойня, эффективная, но все же бойня.

Из нее вышел воин с потрескивающим изогнутым мечом. Сантар встретил его толпиевыми когтями, но почувствовал сжатие в сервомеханизмах бионической руки, когда наносил смертельный удар. Его следующее движение тоже было медленнее обычного, словно он преодолевал силу инерции или воздействие высокой гравитации. Так же вели себя ноги.

Он вспомнил о фигурах в мантиях. Их окружала группа тяжеловооруженных воинов.

--- Десаан, ты все еще видишь? --- спросил Сантар.

Со всех сторон к ним приближались враги, размахивая пиками и клинками --- толпа эльдар в панцирной броне и группа

странников в плащах, с которыми Железные Руки сражались раньше. Один из них ткнул в Сантара энергетическим копьём, от которого капитан едва увернулся. Схватив древко, он подтащил воина к себе и стяллицевую пластинку кулаком. Тело обмякло и затихло, но эльдар оставил отметину на доспехе.

--- Слишком близко.

Другой противник нацелил сюринженное копьё и расколол одну из пластин брони. Сантар рубанул когтем и убил его, но почувствовал то же сопротивление, которое замедлило его несколькими секундами ранее.

Распознав эти ощущения, он выкрикнул:

--- Десаан, твои глаза?

--- Мое зрение... не работает.

Вокруг узла клубилась тьма, закручиваясь в грозное облако.

Сантар задрал голову и увидел черное облако, наползающее на них.

--- Трон Земли...

Только не это...

Сантар знал, какое стяжение способен

породить шторм и как эльдарская магия
может воздействовать на железо.
Учитывая обширную аугментацию
воинов...

Выбор был невелик.

--- Всем ротам, прекратить
наступление!

Сантар застыл, охваченный
неуверенностью, так же как и его бионика,
парализованная надвигающейся тьмой.

--- Мы должны двигаться вперед, ---
передал по радиосвязи капитан Амтар. ---
Первый капитан, подтвердите приказ.

Воспользовавшись передышкой, группа
эльдаров в мантиях уже восстанавливала
части щита. Он рос за спиной
прорвавшихся торлоков, как органическая
паутина, и уже способен был отражать
снаряды и лазерные лучи армейских
дивизионов.

Десаан схватил Сантара за плечо.

--- Мы не можем оставаться здесь,
Габриэль! Вперед или назад, выбирай.

Если они останутся, то могут
уничтожить узел, или, по крайней мере,
убить колдунов, которые преобразовали

щит, но при этом они рискуют быть
истребленными собственными или
братскими руками.

Вихри, предвестники темной пелены,
извиваясь подобно змеям, приблизились на
расстояние нескольких метров к
Железным Рукам.

Так близко...

--- Ты видел, что оно сделало с нами в
долине.

Сантар принял решение. Горечь осела
на его губах, когда он произнес:

--- Отходим!

Отступление было медленным и
изнуряющим. Легионеры боролись с
механическими частями своих тел и
пытались остановить прямое
неповиновение. Некоторые не справлялись,
и их тащили боевые братья. Но крайней
мере, никого не поглотил шторм -- это
означало бы смертный приговор.

Шторм бурлил на границе щита,
укрыв то, что осталось от узла, но не
продвигаясь дальше.

Даже на расстоянии Сантар
чувствовал силу машинного проклятия.

Его пальцы рассеянно коснулись ран на шее. Горжет спас ему жизнь. Он по-прежнему чувствовал покалывающий жар собственного молниевозного когтя на коже и запахи электрического разряда в ноздрях.

— Итак, к кому теперь мы обратимся за помощью? — Десаан, без визора, встал рядом с первым капитаном. Покрытое шрамами лицо Десаана выглядело хуже без металлического обруча, который он обычно носил поверх глаз: кожа вокруг них была опухшей и шелушащейся. Он заново подсоединил визор к паре черепных имплантатов в висках, и устройство снова застрекотало.

— Работает прекрасно, — сказал он, пробормотав команды активации.

— До тех пор, пока мы за пределами облака, — сказал Сантар.

Буря пульсировала и колебалась, как темный океан, медленно и нагнетательно. Ее внешняя безвредность выглядела особенно глупо.

Сантар внимательно всматривался в нее. Он стоял, окруженный капитанами и их заместителями, в то время как

остальной легион, построенный клановыми ротами, ожидал перед осажденным узлом.

--- Щит пробит и только частично восстановлен, --- сказал капитан Аммар.

Обстрел Рүүмана прекратился, и железнорожденный присоединился к ним на возвышенности, где по-прежнему ждали части оружейной поддержки.

Сантар повернулся к нему.

--- Твоя оценка, Эразм?

--- Щит представляет собой кинетическую энергию, но создан психически. Я могу только строить теории, есть ли у ксеносов некая форма генератора, связанного с их психическими талантами, или другая необъяснимая технология. Как мы уже видели, его можно пробить, но только исключительными усилиями.

Десаан нахмурился.

--- А что с облаком? Как мы прорвемся сквозь него?

Рүүман обратился к нему своим холодным взглядом.

--- Мы не сможем это сделать без риска отказа аугментики.

--- Думаешь, они смогут поддерживать его бесконечно? --- спросил капитан Медузон.

Десаан посмотрел во тьму, но не нашел бреши и признаков слабости.

--- Если наш железнорожденный прав, мы не можем наступать, пока шторм продолжается.

Суставы пальцев Сантара затрещали.

--- Мне бы очень хотелось вызвать «Железный кулак» и стереть это место с лица земли.

--- Тогда сделай это, первый капитан, --- сказал Медузон. --- Мы можем отвести наши силы и укрыться в пустыне.

Рүүтан покачал головой.

--- Не выйдет. Сенсоры не смогут преодолеть психический щит эльдар в этом месте. Мы скорее уничтожим себя, чем сравняем с землей үзел.

Десаан потер подбородок и нахмурился.

--- Щит прорван, но не разрушен. Оборона ксеносов ослаблена. Если мы сможем доставить воинов за плену,

чтобы убить тех, кто ее создает...

Хенрикос шагнул вперед.

--- Я могу проникнуть за эту завесу.

Десаан сердито взглянул на него.

--- У тебя просто талант перебивать,
брат-сержант.

Хенрикос ограничился кивком в
качестве извинения.

Сантар прищурился.

--- Я слушаю. Как ты войдешь в
шторм, брат? Если только не хочешь
утереть от собственного меча?

--- Потому что воину из плоти не
стоит бояться шторма.

Хенрикос показал обрубок, который
остался после отсечения бионической руки.

--- Все в порядке, --- сказал он быстро. ---
Я могу сражаться без нее.

На сержанта обратились тяжелые,
укоризненные взгляды.

--- Ты бесчестишь Железную Веру, ---
сказал Сантар. --- Этот механический
имплантат --- часть ритуала. Он делает
нас теми, кем мы есть.

--- И это убивает нас, первый капитан.
Я предлагаю другой подход.

--- За который ты получишь строгий
выговор.

--- Я понесу любое наказание на твое
устмотрение.

Сантар свирепо взглянул, борясь с
желанием вынести наказание немедленно.

--- Даже если это смерть?

--- Я могу проникнуть за завесу, ---
Хенрикос был непреклонен.

--- Огин? --- с сомнением спросил
Амтар.

--- Нет, не огин, --- ответил Сантар,
увидев группу ветеранов Армии,
приближающуюся к собранию офицеров
Железных Рука. Они явно нервничали в
присутствии громадных воинов и
держались поближе друг к другу.

Сантар подавил презрение и
попытался увидеть в этих людях солдат.

Их командиром был седовласый
полковник Саваанских масонитов, который
преклонил колени перед железноруками. В
отличие от некоторых своих подчиненных
он не грозил.

Десаан сердито посмотрел на него с
высоты своего «Катафракта».

--- Назови себя.

--- Повелители, --- у полковника был хриплый голос, от чрезмерного курения или просто из-за возраста. --- Я --- маршал Вортт Салазариан двести пятьдесят четвертой дивизии Саваанских масонитов и служу Великому крестовому походу и моргу Горгону четыре десятилетия.

Десаан коснулся платинового штифта в черепе человека.

--- Не говори мне о службе, старик. Что ты знаешь об этом?

Амтар скрестил свои огромные бионические руки, а Медузон просто нахмурился. У каждого из них был платиновый штифт и каждый сражался дольше, чем жило большинство людей.

К его чести, полковник Салазариан не торгнул. Ни разу.

--- Я не хотел никого оскорбить. Мы последуем вместе с сержантом Хенрикосом в штурм, --- сказал он, облизав губы. Сухость во рту --- это один из самых незначительных эффектов, производимых на людей присутствием костодесантников. --- Если вы позволите,

мы сделаем это. Для нас это было бы честью.

Десаан смотрел сердито.

--- Плоть слаба, --- сказал он, но Сантар поднял руку, призывая к тишине.

Ветераны Армии выглядели изможденными слабаками, даже сегой полковник, но и эльдары тоже не производили впечатление могучих гигантов, что не мешало им показывать себя опасным противником.

Медленно покачав головой, Десаан сказал:

--- Они не выдержат, а мы потеряем одного из своих.

--- Хватит, --- отрезал Сантар, разглядывая коленопреклоненного человека. --- Я не король, а ты не мой подданный. Встань.

Кивнув на Десаана, Сантар спросил полковника:

--- Он прав? Вы не выдержите?

Салазариан расправил плечи и вытянул челюсть.

--- Позвольте нам показать, чего мы стоим. Мы не подведем, милорд, как не

подводили до сих пор.

--- Немногие смертные смогут справиться с этой задачей, --- сказал Хенрикос.

Сине-серые глаза Сантара встретили взгляд сержанта.

--- Я знаю, что ты неравнодушен к людям, сержант. Я понял это, когда ты докладывал о состоянии дивизий Армии, --- он замолчал, посмотрев сначала на шторм, а потом на ветеранов Армии.

Лучше сделать и потом рассказать, чем быть парализованным нерешительностью.

Он слышал раньше это от Ферруса Мануса. Сантар очень хотел бы получить его совет прямо сейчас. Так как это было невозможно, он задал вопрос сержанту:

--- Ты ручаешься за этого человека и его воинов?

--- Я утру, если они подведут, --- сказал Хенрикос.

--- В этом ты прав, --- сказал ему с явной угрозой Сантар. --- Найди эльдар, которые поддерживают этот шторм, и уничтожь их. Мы пойдем следом и

истребим все, что останется. Задача поставлена, брат. Все, что от тебя требуется -- следовать ей.

Хенрикос отдал честь и отправился собирать масонитов.

После того, как он ушел, Десаан покачал головой.

-- Безрассудная стелость убивает воинов быстрее болтера и клинка, -- он указал на край шторма. -- Эти люди умрут там. И Хенрикос тоже.

Сантар смотрел на злобещую черную тучу и чувствовал, что она тоже смотрит на него, словно хищник.

Когда они отступали, когда ее щупальца приблизились с изыществом плывущего тумана, он почувствовал сокрушительную тяжесть в груди, словно его конечности увязли в феррокрите. Они все это ощутили, каждый из них, чье тело было в значительной степени машиной.

В распоряжении первого капитана была вся сила, вся мощь легиона, и все, что они могли -- это смотреть.

-- Тогда я надеюсь, они умрут достойно и жертва их будет не напрасна.

Но я обещаю тебе, так или иначе, мы сокрушим узел. Таково желание Горгона.

Холодный камень легенил лицо. Струйка воды из какого-то подземного ручья увлажнила губы и привела в чувство.

Оцепеневший и хмельной от яда, Феррус перевернулся на спину и застонал.

Он никогда не испытывал такой слабости.

Он не мог вспомнить, как потерял сознание. Это могло случиться по дороге из пещеры, где царила резня.

Попытка встать вызвала адский шум в мозгу. В ушах стучала кровь. Держась за голову и торщась, примарх приподнялся на одно колено.

Его конечности налились свинцом, тело стало вялым и медлительным. Сокрушителю Наковален пришлось исполнить роль костыля. Оказавшись в лабиринте, Горгон уже дважды использовал его в таком постыдном качестве. Встав, примарх изучил окружающую обстановку.

К счастью, змей, или кто бы это ни был, исчез. Ни звука, полнейшая тишина.

Феррүс сомневался, что выжил бы, атакуй его враг в этот момент. Он едва смог подняться на ноги, не говоря уже о том, чтобы держать оружие.

Он похлопал по эфесу Дракена.

--- Спасибо, брат.

Позади был трак. Пещера бойни была неразличима, и примарх задумался, как долго и далеко он блуждал в бреду? Впереди тоже было темно, но в черноте поблескивала крошечная точка света, зовущая его, как таяк сквозь тьму. Феррүса закружил водоворот мыслей.

Что сказала тварь?

Ангел Экстерминатүс.

Он понял слова, но не их смысл. Одно воспоминание о них причиняло ему боль и вызывало на заворках сознания ступное ощущение пожара.

Вместе с движением начала возвращаться сила. Там, где расплавилось живое серебро, рука все еще болела, но уже не так сильно. А вот шея невыносимо чесалась, и Горгон даже заподозрил, что тварь нанесла вторую рану, пока он был без сознания. Но когда он коснулся кожи под

горжетом, она оказалась невредимой.

Подавив раздражение, Феррүс медленно побрел к точке света.

Возможно, это был очередной обман, какая-то новая пытка. Но Феррүс должен понять ее цель. Он подумал, что если враги хотели бы убить его, то уже сделали бы это или, по крайней мере, старались бы лучше. Ксеносы, особенно эльдары, были загадочными и непредсказуемыми даже для выдающегося ума примарха. Их мотивация была ему непонятна. Существо, которое охотилось на него, не было злеем, оно было чем-то более порочным, чем-то первобытным и, как он подозревал, не являлось созданием его пленителей. Они не хотели убить его, оно — да. Горгон чувствовал его ненависть, его садистское желание, сосредоточенное на нем, Феррүсе. Когда они сражались, примарх ощутил это, но тогда желание было зачаточным, словно само существо лишь частично сформировалось.

Феррүс не понимал, что это может значить. Единственное, в чем он был уверен — тварь вернется за ним. Каким бы

ни был изначальный план эльдар, он должен будет убить ее, чтобы спастись.

Пройдя через точку света, которая расширилась в яркую трещину, Феррус набрался решимости для предстоящей битвы.

Ему не пришлось долго ждать.

Ряд величественных триумфальных арок вел к огромным разрушенным вратам. Вдоль дороги тянулись ряды почерневших от огня камней.

Трещина света бесследно закрылась за его спиной.

Как он подозревал, эта арена должна стать последней.

Феррус чувствовал себя гигантом, идущим по некогда величественному, но разрушенному дворцу в миниатюре. Когда он миновал дорогу и врата, то вступил в холл. Даже уменьшенный в масштабе приемный зал был огромен. Готический архитектурный стиль, холодный и строгий, наводил на мысли об ушедшей славе и культурном застое.

Когда Феррус прошел по миниатюрным плитам, примарх понял,

что это не приемный зал и никогда им не был.

Это была гробница. Вдоль стен тянулись ряды черепов, подчеркивающих зловещую атмосферу усыпальницы. Здесь, в этом памятнике разложению и неизбежному упадку, пышность давности уступила место ветхости.

А в конце зала стоял громадный трон, не совпадающий по масштабу с остальными творцом и покрытый слоями паутины и многовековой пыли.

На троне сидел истощенный король.

Король застыл, повелитель загнивающей империи, его мантия превратилась в лохмотья, а тело — в лишённые плоти останки. Он не носил короны, а на его лице застыла тоска о несбывшейся мечте.

Король возвышался над Феррусом, глядя вниз бездонными глазницами.

Шипящий выдох сорвался с губ монарха и вызвал нервный тик на лице приمارха.

Ожидая, что выходец с того света поднимется, Горгон сделал шаг назад.

Только после того, как вздох
затянулся на много больше, чем следовало,
Феррус понял, что он принадлежал не
королю, а кому-то другому.

Из тайного убежища под
потускневшим тронот мертвого короля
выползал змей.

Голова была поднята и неподвижна, в
то время как серебряные кольца свивались,
подбираясь ближе. Чешуя как зеркальное
серебро. Глаза — зеленовато-желтые
мутны скверны, рассеченные черными,
заостренными как кинжалы, зрачками.
Ненависть сочилась пьянящим тусклым
запахом, который оглушал чувства
притарха.

Горгон потянулся за Сокрушителем
Наковален, но змей бросился, подобно
серебряной молнии, и Феррус был вынужден
схватить его челюсти, прежде чем они
соткнулись вокруг горла.

Горячая и зловонная слюна, с запахом
кислоты, брызнула в лицо притарху, и
Горгон зарычал. Это было все равно, что
сражаться с водой, но все-таки он прижал
голову змея к земле и соткнул руки вокруг

его шею. Яростно извиваясь, тварь подняла примарха в воздух и швырнула оземь. Изгибы боли пронзили спину и плечо Ферруса. Жгучая фантомная рана на горле пылала адским пламенем, отчего шея, казалось, вот-вот сломается.

— Я — Горгон! — закричал он. — Я — примарх!

Он ударился головой, и в глазах сначала вспыхнули темные точки, затем все покраснело, но Феррус держался.

Он держался и давил.

Несмотря на яростные усилия змея, Феррус неуклонно сжимал тиски. Он задыхался, раздавит, растопчет самую малую искру жизни в нем, пока тот не станет холодным и неподвижным. Затем он размажет его череп в багровую пасту.

— Вернулся из преисподней... — выматывал примарх. — Тебе следовало оставаться мертвым, Асирном...

Ведь кем еще он мог быть, как не воплощением той первой ужасной твари?

Голова змея повернулась... повернулась так, что шея должна была бы сломаться в железной хватке примарха. Губы, которых

не должно было быть на змеиной пасти, разомкнулись. На Ферруса смотрели глаза — человеческие и знакомые. Грива волос рассыпалась по спине твари, а на змеиной морде проступили благородные патрицианские черты.

— Я, — сказала существо без намека на шипение, — я не... — голос был логичным и мягким, — я не Асирном...

Феррус знал это, как знал голос и лицо.

Это был идеальный убийца, сверхъестественно быстрый и нечеловечески сильный. Только другой примарх мог победить его.

Только другой примарх...

Он ослабил хватку, и вспышка трансформации сменила облики человека и змея. Ряд влажных от слюны клыков пронзили десны, потекла кровь, существо продолжало меняться. Теплые братские глаза сузились в желтые щели. Чешуя, подобно псориазу, покрыла скулы и шею.

Подавив тошноту, Феррус усилил хватку. Глаза примарха и змея расширились одновременно, когда шея

твари медленно сжалась. Тварь боролась. Она хотела жить, воплотиться, но Феррус убьет ее. Он покончит с нею голыми руками.

--- Ты --- не он, --- проговорил Горгон сквозь стиснутые зубы.

Последний тучительный хрип, наполовину змеиный, наполовину человеческий, выскользнул из пасти змея, и тело обмякло.

Снова нагавив, пока не почувствовал, что может сломать собственные пальцы, Феррус отпустил чудовище, и оно рухнуло на землю.

Из глотки притарха вырвался долгий, судорожный выдох, и он протер глаза, словно отгоняя дурной сон.

Ужас обратился в гнев. Феррус вытащил Сокрушитель Наковален и сделал то, что обещал. Он бил, как толободеец, пока боль в руках и плечах не заставила его остановиться. Когда он закончил, от твари мало что осталось --- только красное пятно. Притарх тяжело дышал, а на бровях повисли бусинки пота. Он почувствовал на пылающей коже холод

испарения, и это ощущение не покидало его всю дорогу до самого трона.

Разъяренный Феррус бросился к трупу короля, одной рукой стащил его с трона и ударом о землю разбил на кусочки.

— Твое царствование закончилось, — сказал он, после чего отложил молот и схватил обеими руками подлокотники трона. Феррус вырвал трон из основания и обнаружил светящийся дверной проем. Отбросив в сторону сломанное кресло, он шагнул через портал и приготовился встретиться со своими учителями.

То, что он увидел, не оправдало его ожиданий.

Перед ним вращалась сфера из планет и звезд, заткнутая в бесконечном пространстве, которое не имело ни измерения, ни предела, ни видимых границ. Эффект был ошеломляющий.

Взгляд примарха привлекла главная планета, расположенная среди четырех других в системе звезд и безжизненных лун. Мир был черным, и Феррусу это напомнило черные пески под ногами, которые сопровождали его большую часть

путешествия. Затем, словно зажглась гигантская небесная спичка, или метеорит ударил по поверхности мира, воспламенив его. Огонь превратился в пожар, накрывший все континенты и моря, окутав их светом губительного солнца. Только когда преобразование завершилось, Феррус понял, что это было совсем не солнце, а пылающий красный глаз с черным зрачком.

Картина изменилась, и он увидел, как вокруг полыхающего мира выросло медленно движущееся кольцо из черного железа, которое удерживало пламя на месте, пока к нему не присоединилось второе кольцо из кобальта. Хотя глаз яростно горел, он не смог вырваться из объединенных металлических колец, направленных обуздать его. Солнце потускнело и, наконец, потухло, оставив мир черным и безмолвным.

Феррус потянулся, чтобы коснуться сферы, но серебряная рука прошла сквозь нее, разрушив иллюзию, которая исчезла как дым, в мгновение ока.

— Что это? — выпалил он. — Новые

изгры?

--- Это не игра, --- произнес низкий мелодичный голос.

Феррус повернулся лицом к своему пленителю, сжимая в руках Сокрушителя Наковален.

--- Это будущее. Твое будущее, --- сказал эльдар. --- Если захочешь, оно и так станет.

Ксенос был облачен в разноцветную мантию. Загадочные знаки были вышиты в переливающейся ткани, амулеты висели на тончайших цепочках и блестящих бриллиантовых нитях. Эльдар не носил шлема и маски, у него было узкое лицо с высокими скулами и острый как нож подбородок. Странные татуировки покрывали его кожу и череп, с которого ниспадали глинные золотистые волосы. В тиндалевидных глазах, которые рассматривали притарха, плескались бездонная мудрость и непредсказуемый интеллект, а еще --- страх.

--- Ты на распутье, Феррус Манус. Твой нынешний путь ведет к смерти, другой --- к выживанию и великим

изменениям в Галактике, — сказал эльдар. — Ты не понимаешь, насколько ты важен.

Он развел руки, демонстрируя безоружность, словно приветствовал гостя.

Все, что видел Феррус — это ксеноса-обманщика.

— И ты ждешь, что я поверю тебе, тварь? — он говорил прямо и невозмутимо. Не осталось ни следа от прежнего несдержанного гнева.

— Я предлагаю надежду тебе и Галактике, — произнес эльдар. — Ты сможешь изменить все.

На губах Ферруса появилась улыбка, которой не было в глазах. Плечи эльдара поникли, когда он увидел это.

— Я знаю, что умру, — сказал примарх, — так же как знаю свое место и долг. Не имеет значения, произойдет ли это на каком-то темном мире, который я никогда не видел, или на скалах самой Медузы. Я король-воин, но и кое-кто еще. Я человек. И в отличие от вас, эльдар, люди не покоряются судьбе, — его глаза

вспыхнули огнем. --- Мы творим ее.

--- Ты заблуждаешься...

--- Нет, это ты совершил ужасную ошибку, затанив меня в эту ловушку, --- сказал Феррус, взмахнув Сокрушителем Наковален. Кровь змея слетела с обуха. --- Еще большей ошибкой было показаться мне.

--- Пожалуйста, я предлагаю жизнь... --- сказал ксенос.

--- Ты предлагаешь клетку предначертанной судьбы! --- прорычал Феррус. --- Это твой последний гамбит. --- И примарх атаковал.

--- Послушай меня! --- закричал эльгар, пятясь и создавая психический щит. --- Так не должно было случиться. Не поддавайся ярости!

--- Я и есть ярость, --- заревел примарх. --- Я --- король-воин, рожденный в крови битвы!

Ни один сотворенный разумом щит не смог бы устоять перед мощью Сокрушителя Наковален, когда им управлял его хозяин. Психическая защита была разбита и осколки вонзились в разум

эльгара так же болезненно, как это сделали бы клинки. Он отпрянул и метнул зазубренную молнию, которую Феррус отразил наплечником. Запах озона наполнил его ноздри.

Рев Горгона сотряс ткань созданного вокруг него мира, эхо гнева раскалывало его по швам.

--- Теперь освободи меня!

Потеющий, истекающий кровью и охваченный ужасом эльгар сбежал через трещину в фальшивой реальности.

Феррус бросился за ним, пытаясь проскользнуть через тот же портал, но ореол идеального света отбросил его.

--- Освободи меня!

Слова растянулись в бесконечность, когда его окутала тьма, заглушая чувства до полного растворения. Тьма не поглотила их, вызвав у Ферруса ощущение вечного падения.

Последняя ведьма соскользнула с его плеча, оставив полосу чужацкой крови на клинке. Несмотря на ее смерть и медленное затухание шторма, Бион

Хенрикос знал, что он покойник.

Из шести тысяч ветеранов, которых он повел в темноту, осталось едва ли восемь сотен. Они окружили железнорукого, раненый полковник Салазариан стойко бился рядом с ним, несмотря на кровь в легких. Армейский командир прищурился одним глазом --- второй был выколот эльдарским ножом --- и понял, что они побеждены.

Салазариан перестал выкрикивать приказы своим людям.

Хенрикос понял его фатализм.

--- Вы вернули нам достоинство и честь, --- сказал полковник, --- и я благодарен вам за это, милорд.

Пронзительный вой, резкий толчок воздуха и брызги горячей жидкости на лице сказали Хенрикосу, что старик умер раньше, чем он увидел зияющее отверстие в груди ветерана.

Салазариан повалился с застывшими глазами на руки сержанту, который бережно опустил его на землю.

Шторм убывал, но его трек медленно рассеивался. Братья не доберутся до него.

вовремя. Люди гибли, так как эльдары
гнались до последнего. Они тоже утирали,
но не собирались делать это в одиночку.
Ксеносы хотели голову костогесантника,
они хотели Буона Хенрикоса.

--- За Горгона! --- закричал он, оставив
свой медузанский клинок в земле, чтобы
извлечь болт-пистолет. Вспышка
прочертила в воздухе огненный след,
снаряды разлетелись веером, сразив
ксеносов и оставив корчиться в агонии.
Выстрел в голову убил командира, чья
сабля выглядела такой же стремительной,
как и ее хозяин.

--- За Гор...

Что-то ударило Хенрикоса в шею,
возможно сюрикен из эльдарского
энергетического арбалета. Он захрипел,
чувствуя, как пылает рана. Полсекунды
спустя его бедро пробил лазерный луч. Он
зашатался, с его изуродованной руки упал
боевой щит. Сержант попытался зажать
рану на горле култей, но бесполезно.
Следующий луч пронзил его тело где-то
между грудью и плечом. Упав на одно
колени, Хенрикос выпустил неприцельную

очередь.

На его ретинальном дисплее ярко и настойчиво горели сигналы тревоги. Он сорвал шлем, чтобы не видеть их.

Глядя во тьму, Хенрикос приготовился к концу. Его плеча коснулась рука.

— Для тебя война еще не закончилась, железнорукый, — произнес голос из льда и пламени.

Гигант перед Буоном Хенрикосом был облачен в угольно-черный доспех. Его мощные руки мерцали блестящим серебром, которое переливалось подобно ртути. Жесткие глаза сурово рассматривали его, а молот в руке мог расколоть горы.

Феррүс Манүс вернулся, и эльгары бежали.

— Шторм закончился, брат, — сказал примарх и протянул руку. — А теперь встань, чтобы увидеть его конец.

Хенрикос услышал, как приближается легион сквозь пламя и дым битвы.

Сантар и морлоки оказались первыми рядом с примархом. Им трудно было

сдержатъ радость при виде отца. Ух
болтеры и клинки ликовали.

Узел пал быстро, хотя многое из
того, что последовало, Хенрикос
вспоминал неотчетливо. Он отнес
Салазариана в лагерь. Вместе с ним
вернулись три сотни ветеранов Армии.

Позже им воздадут должное и
признают приемными сыновьями Медузы.
Они станут первыми воинами Цепной
Вуали, ее капитанами, и живым
доказательством того факта, что не
всякая плоть слаба.

Сантар нашел Горгона на краю поля
битвы, стоящего над Бионом Хенрикосом.

Вернув тело полковника
Салазариана, сержант потерял сознание
от ран.

--- Он выживет, --- сказал Горгон, --- но
ему понадобится больше аугментики.

--- Это его право. Железные отцы
пристотрят за ним, --- ответил Сантар. ---
Я собирался наказать его за критику
Железной Веры.

--- Ты по-прежнему должен так
поступить.

Сантар задумался над этим, но затем его отвлекли другие мысли.

--- Что случилось?

--- Это не имеет значения, --- тихо сказал Феррус. Он вдруг посуровел и встретился с вопрошающим взглядом первого капитана. --- То, что случилось, ничего не изменит.

Притарх подозвал одного из легионеров, и тот установил на земле гололитический проектор. Железные Руки получили сообщение, что Саламандры обнаружили второй узел в джунглях. После победы в пустыне Феррус решил встретиться с братом.

--- Мы уходим? --- спросил Сантар, когда гололит ожил зернистым конусом серого света.

--- Да. Собери торлоков и скажи им, что мы направляется в джунгли, --- тонкая улыбка выдала радость притарха. --- Мой брат нуждается в нас.

Когда Феррус начал переговоры с Вулканом, Сантар выполнил приказ, но, несмотря на возвращение повелителя, он не мог избавиться от чувства, что не все в

порядке. То, что случилось за время отсутствия Горгона, оставило неизгладимый след, который откликнется в будущем. Возможно, в будущем каждого из них.

Дороги из кости, которые вели прочь из защищенного святилища, были небезопасны, но выбирать не приходилось. Частичка злобного сознания, проникшего в псевдотир Латсариала, была мертва, убита Горгоном.

Пройдут тысячелетия, прежде чем оно сможет вернуться.

Латсариал пошатывался, и Прорицатель помогал ему идти. Невежественное существо, которое он пытался спасти, ранило его. Отчаяние и тупка вытекали из него с психическим потоком, который привлекает других хищников. Им необходимо быстро найти безопасное место.

--- Я потерпел неудачу, --- простонал Латсариал, совершенно опустошенный. --- Позволил начаться войне, которая обескровит нашу и так малочисленную

расу.

Внимание Прорицателя сосредоточилось на паутине вокруг них. Его чувства реагировали на любую трещину, любой незначительный разлом. Многие суб-тиры уже поглощены, и еще больше будут обречены на ту же участь, когда начнется война, которую Ламсаруал так хотел предотвратить.

Это было неизбежно, и поэтому настроение Прорицателя было оптимистичным.

— Ты не мог предотвратить эту войну, — сказал он, открывая новый канал в дороге из кости, которыми редко пользовались, и поэтому он был безопасен. — Исцеляющее место близко.

Ламсаруал не ответил. Провидец был безутешен.

— Люди близоруки, — сказал Прорицатель. — Даже те, кто считает себя великими, как Горгон. Его железные ноги прикованы к его судьбе и смерти.

— Но он приговаривает не одного себя, а Галактику. Ту, которой предназначено гореть в огне.

Холодный свет омыл их, когда они, наконец, нашли исцеляющее место. Прорицатель посадил Ламсаруала на плиту из кости и предложил ему отдохнуть.

Когда провидец уснул, Прорицатель вернулся к своему видению будущего. Трижды он смотрел, как раскрывается огна и та же вероятность. Это, само по себе, было поразительно.

--- Есть надежда, --- пробормотал он. --- Боевой Царь объявит в своей империи наследника. Даже если Горзон погибнет и не примет во внимание наше предупреждение, есть другой, кто выслушает, тот, кто сбился с пути.

Гэв Торн ЛЕВ

Есть одна и только одна причина применения силы: продвижение некого плана. Будь он эгоистическим или альтруистическим, такой план должен составлять единое целое и не подвергаться влиянию раздоров, тогда применение силы принесет успех. Стоит лишь посмотреть на пример Великого крестового похода Императора, чтобы получить подтверждение этой вечной истины: когда начались раздоры, они привели к всеобщему краху.

Лиаугес,
Интермиссии, №31

Действующие лица

ПЕРВЫЙ ЛЕГИОН, ТЕМНЫЕ АНГЕЛЫ

Лев Эль Джонсон, примарх
Корсвейн, сенешаль примарха
Стений, капитан «Непобедимого
разума»

Траган, капитан девятого ордена
Немиил, брат-искупитель
Асмогей, боевой брат

ДЕСЯТЫЙ ЛЕГИОН, ЖЕЛЕЗНЫЕ РУКИ

Ласко Мугоа, железный отец
Казалир Лорратех, капитан
Девяноста восьмой роты

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ЛЕГИОН, ГВАРДИЯ СМЕРТИ

Калас Тифон, первый капитан
Вайосс, капитан

ИМПЕРСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

Тералин Фиана, навигатор Дома

He'Цоцен

Хир ДозЦэксис, магос Механикүм

НЕИМНЕРСКІЕ ПЕРСОНАЖИ

Түхүлха

Повелитель Первого легиона сидел именно так, как он в последнее время часто сидел по ночам: откинувшись на спинку украшенного слоновой костью и обсидианом трона. Локти упирались в резные подлокотники, сцепленные возле самого лица пальцы почти касались губ. Немигающим жестким взглядом зеленых, как леса Калибана, глаз примарх безучастно наблюдал за мерцающим гололитическим изображением воюющих звездных систем.

На борту «Непобедимого разума», флагмана Темных Ангелов, Лев Эль-Джонсон пребывал в долгих томительных раздумьях. Поводов задуматься имелось сколько угодно, однако, как ни пытался примарх сосредоточиться на военных действиях и борьбе с Повелителями Ночи, мысли вновь и вновь возвращались к неразрешимой дилемме.

Восемьдесят два дня прошло после схватки с Конрадом Курцем на пустынной

планете Тсагуальса. За эти восемьдесят
два дня почти полностью зажили тяжелые
раны, нанесенные Льву когтями Ночного
Призрака. Броня, которую носил приарх,
была отремонтирована и выкрашена так,
чтобы стереть с ее черной как смоль
поверхности жестокие отметины,
оставленные Күрцем.

Внешне Лев полностью
восстановился, но в душе оставалась
терзавшая из ран, нанесенная не оружием
Ночного Призрака, а его словами:

«Разве чистые Ангелы не могут
пасть? Как давно ты не ступал на землю
Калибана, гордец?»

Течения варна влияли на связь точно
так же, как они влияли на возможность
путешествовать, и уже два года с
Калибана не приходило ни одно
достоверное известие. В прошлые времена
ненавистные слова Күрца легко можно
было опровергнуть. Темные Ангелы были
вне подозрений. Первый легион — самый
благородный в глазах любого. Даже когда
Костиные Волки добились больших
почестей, а Хорүс возвысился и стал

магистром войны, никакой другой легион не мог претендовать на звание первого.

И все же те времена миновали. Казалось, прошла целая жизнь: гражданская война и Ересь раскололи Имперium, ни один залог прошлого уже не служил гарантией будущего. Мог ли Лев полагаться на лояльность своего легиона? Доверие не было изначально присуще примарху. Вдруг у бесконечной войны, которую вели в Трамасе Повелители Ночи, имелась некая тайная цель? Возможно, Курц сказал правду: он действительно задерживал Льва до определенного момента, а тем временем верность Темных Ангелов уже пошатнулась под влиянием агентов Хоруса?

Лев не мог похвастаться избытком доверчивости даже до Ереси, и все же оказался одурачен. Пертурабо использовал положение брата, чтобы обмануть Льва. Под личиной союзника скрывался лжец, который, заполучив разрушительные военные машины Дуамата, обратил это оружие против слуг Императора. Лев

поддался манипуляциям и теперь страдал от стыда и угрызений совести. Никогда больше он не поверит «честному слову» своих братьев.

Вопрос был невыносимым, затруднительное положение тоже было ужасным. Лев обдумывал слова Ночного Призрака каждую ночь, заодно анализируя перемещения и стратегию врага, пытаясь опередить его хотя бы на шаг. У Ночного Призрака не было причин лгать: во время того разговора Курц пытался убить собственного брата. И все-таки те слова могли сорваться с губ Конрада под влиянием минутной злобы, как случилось уже не раз. Он пользовался обманом как оружием, причём много раньше, чем пошел против благодати Императора; ложь была второй натурой примарха и давалась ему легко, как дыхание.

Лев одновременно и находил ложь правдоподобной, и презирал самого себя за это, его решимость разведать порожденный этим состоянием яд. Поклясться, что Трамас не будет отдан Повелителям Ночи, было просто, вести войну против

врага, который избежал борьбы — совсем
иное дело. Ночи проходили чередой,
перспектива вступить в решающее
сражение таяла, а желание вернуться на
Калибан и удостовериться, что там все в
порядке, усиливалось. И все же Лев не мог
бросить войну ради возвращения на
Калибан, как того желал Ночной Призрак.

Пока эти мысли гонялись в голове, к
нему его меньших братьев явились в
назначенный час с докладом о сложившейся
ситуации.

Первым вошел Корсвейн, чемпион
девятого ордена, недавно назначенный
сенешалем притарха. С его плеч на спину
ниспадала белая шкура клыкастого
калибанского зверя, из-под нее свисали полы
белого стихаря с разрезом сзади, на груди
одежду украшала вышитая эмблема
крылатого теча. Шлем висел на поясе,
широкое лицо и коротко стриженные
белокурые волосы оставались открытыми.

Следом за Корсвейном прибыл
капитан Стений, командир «Непобедимого
разума». Его лицо выглядело, словно маска
из плоти, почти неподвижное из-за

поврежденных во время Великого крестового похода нервов. Дымчато-серебристые линзы, которыми заменили глаза, поблескивали в лучах светильников, такие же непроницаемые, как и общее выражение лица.

Последним из троицы явился капитан Траган из девятого ордена, которого приблизили к примарху после фиаско на Тсагуальсе. Мягкое выражение карих глаз капитана противоречило его строгому поведению, вьющиеся темно-каштановые волосы были обрезаны до плеч, металлический, покрытый черной эмалью обруч не позволял им падать на лицо с орлиными чертами.

Именно Траган заговорил первым:

— Повелители Ночи уклонились от битвы возле Партака, монсеньор, однако мы прибыли слишком поздно и не смогли предотвратить уничтожение главной орбитальной станции. Оставшиеся стыковочные средства не справятся с чем-то большим, чем фрегат. Я подозреваю, таковым и было намерение врага.

— За три прошедших месяца они

вывели из строя три главных дока, ---
вступил Стений. --- Очевидно, что они
лишают нас складов и ремонтных
станций.

--- Почему? Вот в этом-то и вопрос, ---
замечил Лев, поглаживая подбородок. ---
Крейсеры и боевые баржи Повелителей
Ночи нуждаются в таких станциях не
меньше, чем наши корабли. Я должен
сделать вывод: противники отбросили
амбиции, они больше не претендуют на
Мартак, Квестион и Буатер, а вместо
этого стремятся связать наш флот и
впредь затруднить ему маневрирование.

--- Могу предположить, что это
признак отчаяния, костический вариант
тактики выжженной земли, --- отозвался
Стений.

--- Не исключено, что Курц приказал
совершить эти последние атаки просто из
злости, --- добавил Корсвейн. --- Возможно,
глубокого смысла в них нет, разве что враг
хочет взбесить и запутать нас.

--- Все это может оказаться частью
какого-то более важного плана, --- сказал Лев. ---
Уже более двух лет глится наша звездная

гуэль. Ночной Призрак всегда стремился к некому завершению этой игры, но я еще не разгадал, к какому. Мне нужно обдумать последние события. У вас найдется, о чем еще доложить?

--- Стандартные перемещения флота и отчеты разведки находятся в моем последнем сообщении, монсеньор, --- сказал Траган. --- Ничего необычного, если бы ни одна вещь...

--- Был один отчет, который мне показался странным, монсеньор, --- начал Корсвейн. --- Слабое астронавтическое сообщение, едва отличимое от фонового шума. Самое обыкновенное, за исключением того, что в нем упоминается легион Гвардии Смерти.

--- Легион Мортариона в пределах Тратаса? --- Лев зарычал и впился взглядом в своих подчиненных. --- Полагаете, это не то дело, с которым следует явиться ко мне немедленно?

--- Не легион, монсеньор, --- возразил Траган. --- Горстка судов, самое большее тысяча воинов. Кажется, сообщение передали не с тратасского театра

военных действий, а из системы, которая находится в сотнях световых лет от Валаата.

--- В некоторых местах сообщения употинается также оперативная группа Железных Рук, она тоже там, поблизости, -- добавил Корсвейн. -- Думаю, небольшая стычка, но вряд ли она повлияет на наш конфликт.

--- Как называется эта система? -- с подозрением прищурившись, спросил Лев.

Траган, который держал информационный планшет, сверился с данными.

--- Пердитус, монсеньор, -- доложил капитан девятого ордена.

--- Система только заселяется, -- пояснил Стений. -- Там маленький экспериментальный комплекс Механикум, ничего примечательного.

--- Ты не прав, -- сказал Лев и встал. -- Я знаю Пердитус. Я сам вместе с воинами Гвардии Смерти покорил эту систему во имя Императора. Твои отчеты ничего не говорят о природе исследования, которое проводит там Механикум. Пердитус

имела свое предназначение, она была засекречена и стала запретной для всех легионов, однако у Гвардии Смерти, кажется, другие планы.

--- Запретным, монсеньор? --- Тразана ошеломило само понятие. --- Что могло оказаться настолько опасным?

--- Знание, мой маленький брат, --- ответил Лев. --- Знание технологии, которая ни при каких обстоятельствах не должна попасть в руки предателей. Нам следует собрать оперативную группу в Валаате. Силу, способную сокрушить войска Гвардии Смерти и Железных Рук в этом районе.

--- А что с Повелителями Ночи, монсеньор? --- спросил Корсвейн. --- Если уменьшить наше давление в этом секторе или слишком ослабить наши силы, Курц отлично порезвится в системах, которые мы не сумеет защитить.

--- Этот риск я обязан взять на себя, --- заявил примарх. --- Пердитус --- приз, которым мы должны завладеть, чтобы он не попал в руки предателей. Я почти забыл о ней, но теперь вспомнил, и мне

пришло в голову, что Пердитус может стать ключом к победе и в системе Тратас. Я лично возглавляю оперативную группу. «Непобедимый разум» будет моим флагманом, капитан Стений. Четвертый, шестой, девятый, шестнадцатый, семнадцатый и тридцатый орден собираются в Валаате.

--- Более тридцати тысяч воинов! --- забывшись, воскликнул Траган и тут же виновато склонил голову под острым и пронизательным взглядом Льва.

--- Когда же, монсеньор? --- спросил Корсвейн.

--- Как можно скорее, --- ответил Лев и шагнул к двери. --- Непростительно будет опоздать в систему Пердитус.

Почти такая же высокая, как Астармес, с которыми она путешествовала в варне, Тералин Фиана из Дома Не'Уоцен была на много более худощавой, грациозной, с тонкими пальцами. Ее волосы отливали медью, как и глаза, обычные, по крайней мере. В центре высокого лба, там, где волосы придерживал серебряный обруч, находился глаз навигатора. Впрочем, назвать нечто подобное глазом было все равно что сравнить стакан воды с целым океаном. Шар, белый и полупрозрачный, покрытый переливающимися пятнами, не воспринимал частоты светового спектра, однако позволял проникнуть сквозь барьеры варна и разглядеть первородное вещество имматериума.

Как раз сейчас варн-зрение использовалось, чтобы вывести «Непобедимый разум» из точки перехода возле Валаата. Подобные струящиеся нитям, потоки варна с трудом тащили

судно, заключенное в яйцевидный кокон
психополя, корабль плыл по волнам варпа
словно обломок, уносимый океанскими
течением. Фиана устроилась в башне
навигатора, высоко над надстройкой боевой
баржи. Инстинктивно она искала яркий
маяк Астрономикона, как уже делала это
года с половиной года, поняла, что не
находит его, и ощутила, как частица
души тускнеет. Светоч Терры больше не
сиял, став из-за этого причиной
бесконечных споров между навигаторами,
прикомандированными к легиону Темных
Ангелов. Фиана оказалась в обширном
лагере тех, кто полагал, что Императора
больше нет в живых, и это служило
единственным разумным объяснением
тому, что произошло. Точка зрения не
популярная и примархом не разделяемая,
однако с логикой не поспоришь.

Без Астрономикона, который прежде
охватывал всю Галактику, навигаторы
полагались на варп-маяки: крошечные
фонарики, созданные ретрансляторами в
материальном пространстве и сиявшие
психическим светом. По сравнению со

звездой Астрономикона маяки походили на
свечки, и лишь одна из десяти систем в
секторе обладала ими, однако
перемещаться вслепую было еще хуже; в
итоге, и Повелители Ночи, и Темные
Ангелы молча согласились считать маяки
неприкосновенными. Риск потерять в
варне собственные суда был слишком
велик, чтобы постыть разрушить хрупкие
орбитальные станции.

Пердитус не располагал маяком и
находился всего в ста четырнадцать
световых годах от Валаама, курс двести
тринадцать градусов, дифференциал — семь
единиц в направлении от маяка Дреббел,
который, в свою очередь, находился по
курсу в сто восемьдесят семь градусов,
склонение — минус восемь единиц, в трех
днях пути от системы Немо. Бросив
взгляд на нарисованную вручную и
подвешенную полукругом рядом с
вращающимся стулом карту, Фиана
убедилась в этом и проверила всплеск
поток за барьером окружавшего
«Непобедимый разум» поля Геллера.

Внешний вид варна не

соответствовал его истинному состоянию, даже с точки зрения Фуаны. Впрочем, ее варп-зрение позволяло приблизительно оценить силу и завихрения потоков империума. Систему Валаам назначили местом встречи из-за более или менее постоянного потока, который растянулся почти на три тысячи световых лет до самого Нураина. Ни в чем нельзя быть уверенным, когда дело касается варпа; его странные движения означали, что иногда поток Нураина двигался в обратном направлении или вообще исчезал, однако в восьми случаях из десяти на него можно было положиться при скоростных перемещениях в сторону галактического юго-запада, от края до края Эгиды и еще через два подсектора. Миры вдоль этого маршрута Повелители Ночи и Темные Ангелы оспаривали друг у друга наиболее яростно.

Фуана передала серию закодированных приказов пилотам на командную палубу. Спустя минуты полет Теллера образовало выпуклость по правому борту, его психическая гармоника

приноровилась к управляющему
воздействию экипажа таким образом, что
«Непобедимый разум» передвинулся с
текущего курса в наружные струи потока
Нураин. Психическая сила охватила
щиты, подобно волнам, которые, кружа,
уносят листок, и хотя по-настоящему
движение не ощущалось, Фиана мысленно
почувствовала боевую баржу, которая с
невероятной скоростью потчалась вперед
сквозь время и пространство.

По сторонам мелькнули огненные
точки, их мерцание означало присутствие
других кораблей флота. Потом на
полдюжины минут флотилия,
рассеявшаяся по четырем сторонам света
и разбросанная во времени
сверхъестественными волнами варпа,
сделалась невидимой.

Повернувшись, Фиана быстро
проверила штормовую активность. Весь
варп изобиловал бурями, однако поток
Нураин пока что выглядел достаточно
устойчивым. Здесь не было ни расстояния,
ни горизонта, ни перспективы. Фиана на
миг заколебалась на самом краю: ее

манила и грозила поглотить глубинная
природа варна. Навигатор заставила свой
разум вернуться на место, под сводами
черена, и опустила обруч так, чтобы его
пронизанный психосхематическими металлами
прикрыл третий глаз.

В тот самый последний миг, когда
дополнительное зрение не до конца
исчезло, Фуана вдруг поняла, что видит в
завихрениях энергии позади боевой баржи
еще один корабль. Вероятно,
«Непобедимый разум» по воле судьбы
оказался в общем потоке времени вместе с
другим судном Темных Ангелов. Она
внесла запись об этом в журнал и
просигналила единокровному брату
Ассарину Коудену, предлагая тому
подняться на пилеястр и взяться за работу.
Фуана была старшей в семье, поэтому
отвечала за безопасность корабля во время
переходов, однако выполнив задачу,
радовалась возможности передать
навигацию младшим родным братьям. С
тех пор как вспыхнуло восстание Хоруса и
начались постоянные штормы, ее тянуло в
тихий покой жилища. После каждого

часа, проведенного в Варне, лопило голову,
и усталость иссушала душу.

В семье непрерывно шли разговоры об
истинной сущности варна, после
путешествий шепотом передавались
истории о мельком увиденных странных
феноменах. На этот раз Фиана не
сомневалась: она заметила кое-что
особенное — не чужаков, обитающих там, и
о которых ее предупреждали, а нечто,
бывшее частью самого империума.

Россказни множились и становились
страшнее. Во все времена сюда без вести
пропадали в Варне, но теперь они терались
с пугающей частотой, как будто сам Варн
восставал против присутствия кораблей.
Ощущая темные водовороты и зловещие
отростки, которые норовят уцепиться за
край сознания, Фиана слишком хорошо
понимала, что Варн — далеко не
гостеприимное место.

Лев наградил главного навигатора
Тералин Фиану холодным взглядом.
Предоставленная ей аудиенция была
четвертой по счету за семь дней, вдобавок

он дважды получал от этой женщины сообщения через капитана Стения. Жалобы утомляли Льва, он не мог облегчить те трудности, которые испытывали сама Фиана и помогавшие ей навигаторы. Фиана присоединилась к команде «Непобедимого разума» в Валаате и пользовалась уважением как эксперт в вопросах, касающихся варп-потоков, однако Лев видел в ней лишь женщину с изможденным лицом, которая вечно находила оправдания медленному продвижению корабля.

На этот раз она явилась в компании капитана Стения и выглядела еще более возбужденной, чем прежде. Закованной в перчатку рукой Левмахнул в сторону Фианы, подавив при этом вздох раздражения. Навигатор остановилась в пяти метрах от трона припарха, капитан корабля — в нескольких шагах позади нее. Женщина носила струящееся сине-зеленое платье, при ходьбе переливавшееся, будто вода. Голые руки от плеч до локтей были разрисованы кольцами разного размера и цвета.

тыльную сторону рук покрывали
татуировки в виде сложных и
пересекающихся геометрических форм,
которые копировали связку кулонов,
свисавшую с шеи на тонкой цепочке.

Широкий серебряный обруч,
сдвинутый на брови, помогал скрыть
третий глаз Фуаны, однако ее взгляд все
равно покалывал тело Льва, словно искры.
Навигаторы и все прочие псайкеры
неизменно вызывали у примарха
замешательство. Он не испытывал к ним
расположения, они же смотрели на него
так, как не подобает нормальному
человеку. Лишь Императору допустимо
доверить такое знание.

--- В чем дело? --- спросил Лев.

Он махнул Корсвейну, который
только что явился к командиру, чтобы
докладать о последних разведданных,
касающихся Пердигуса.

--- Будьте кратки, навигатор, моего
внимания требуют иные дела. Если
желаете, чтобы я собственными руками
успокоил волнение в варпе, то, увы, мне
снова придется разочаровать вас.

--- Сейчас я по другому вопросу, он срочный, нам нужно переговорить, --- сказала Фиана, разгибаясь после поклона.

Она бросила взгляд на капитана Стения, который подбодрил ее кивком.

--- Прославленный примарх, на протяжении нескольких дней, с тех пор, как мы отправились в путь от Валаата, нас преследует судно, тому свидетелями я и мое семейство. Поначалу мы решили, что это совпадение, что это корабль сопровождения, курс которого случайно совпал с нашим курсом.

--- Но теперь вы полагаете, что это не так? --- спросил Лев, наклонившись вперед. --- По моему разумению, выследить корабль в варп-пространстве совершенно невозможно.

--- Мы тоже так полагали, прославленный примарх. Раньше навигаторы не раз пытались держаться поблизости, однако в девяносто девяти случаях из ста их корабли теряли друг друга через день, но прошествии двух дней это происходило всегда. Порой мы пользуемся аналогией между варпом и

морскими течениями, но это упрощенное сравнение. Варп течет не только в пределах иного пространства вокруг нас самих, но к тому же в разных потоках времени.

— Знаю, — оборвал ее Лев, чувствуя нарастающее нетерпение. — В варпе пройдет час, в реальном пространстве минуют дни. Если одно судно начнет переход на час раньше другого, то может опередить его на неделю. Вы еще не сказали, навигатор, отчего нельзя объяснить все это совпадением. За всю свою жизнь я проделал сотни скачков в варпе, не удивительно, что всего один раз другое судно попало в тот же самый поток.

— Нет, прославленный примарх, это объяснение не подходит, — возразила Фриана. Она поднялась в полный рост и встретила яркий взгляд Льва, хотя мгновением раньше сила этого взгляда вынудила навигатора отвести глаза.

— Примечательно, что за пять дней мы четырежды сменяли поток, отыскивая самый быстрый путь на Пердитус, однако чужое судно догоняло нас всего через час.

Оно следует за нами, прославленный примарх, и я понятия не имею, кто может обладать такой способностью.

Лев не зря тратил время на расспросы: решительный тон Фианы, ее твердый взгляд, направленный в глаза примарха, убедили его, что женщина говорит правду и убеждена в истинности своих слов. Он кивнул и жестом позвонил капитана Стения.

--- Сожалею о своей грубости, леди Фиана. Спасибо, что обратили мое внимание на эту проблему. Капитан, полагаю, вы заранее знали обо всем?

--- Леди Фиана рассказала мне о своих подозрениях вчера, монсеньор. Я попросил ее в течение дня проверить результаты, а потом решил, что они достойны быть доведенными до вашего сведения.

--- Случившееся невероятно, монсеньор, --- вмешалась Фиана. --- Ни один из навигаторов не может с подобной точностью отследить другое судно в варне. Мы полагаемся на догадки и инстинкты, чересчур туманные для этого.

«Ни один из навигаторов, --- подумал

Лев. — Однако все же такое возможно».

В раннем детстве, на Калибанае, взрослея во тьме и одиночестве, среди лесных чужовищ, он быстро понял, что некоторым тварям для охоты зрение не требуется. Кроме зрения, слуха и обоняния они обладали иными чувствами и могли преследовать жертву по следу ее души. Из всех созданий, с которыми столкнулся Лев, эти были самыми смертоносными и не вполне материальными. Рыцари Калибана называли их нефиллами. Нефиллу трудно убить, хотя Льву в юности удалось расправиться с несколькими.

Корабль словно преследовала нефилла, которая, рыская по темным лесам Калибана, способна была выследить другое существо через варп, но, как и Фиаана, Лев не доверял совпадениям. Визг вступили силы — силы, выпущенные на волю Хорусом и его союзниками, они оставались не вполне понятными, и пока не доказано обратное, Лев полагал, что его враги способны на все.

— Сейчас вполне разумным выглядит предположение, что наш таинственный

преследователь — сүдно Повелителей
Ночи, — сказал Лев после кратких
размышлений. — Как вы думаете, возможно
ли ускользнуть от врага, не затягивая
путешествие и без чрезмерного риска? Я
не хочу, чтобы противник выяснил
конечную точку нашего маршрута и узнал
о сокрытой в этом месте тайне.

— Я испытываю неуверенность и не
знаю, что делать, прославленный
примарх, — призналась Фиана. —
Навигаторов этому не учат.

— Разумеется, вы по опыту знаете,
что такое погоня за сүдном? —
поинтересовался Лев. — В варне есть
такие обитатели, которые, как известно,
преследуют корабли.

— Конечно, у меня есть кое-какие
навыки по части уклонения и
маневрирования, но обычной реакцией на
критическую ситуацию является переход в
материальное пространство.

— Это будет вторым вариантом.
Хотелось бы избежать задержки в пути. У
вас два дня, леги Фиана, попытайтесь
страхнуть со следа нашего охотника. Об

успехах докладывайте лично мне.

--- Как прикажете, прославленный примарх, --- низко поклонилась Фиана.

Когда капитан Стений и леги Фиана угдалились, Лев поздравал своего сенешаля, собираясь, наконец, уделить внимание и ему.

--- Знаешь, Кор, я с большим подозрением отношусь к сүднү, которое следует за нами, --- начал примарх. --- Прикажи орудийным командам спать возле своих пүшек и удвой количество часовых.

--- Как прикажете, монсеньор, --- отозвался Корсвейн. --- Если вы располагаете временем, то необходимо обсудить стратегию, которую мы используем, когда достигнем Пергитүса. В последних сводках говорилось, что Железные Рүки и Гвардия Смерти перешли к боевым действиям. Возможно, та или другая сторона с тех пор уже одержала верх.

Лев отодвинул в сторону мысли о призрачном сүдне и сконцентрировался на более широкой задаче.

--- Заранее не скажешь, ради чего

сражается чужая армия. Гвардия Смерти, Механикум, Железные Руки — всех следует воспринимать как врагов, пока я не отдам иной приказ.

На протяжении двух дней Фуана и три других навигатора на борту «Непобедимого разума» совершали разнообразные маневры, при нормальных обстоятельствах достаточные, чтобы оторваться от корабля-преследователя. Они часто меняли потоки внутри варпа, перемещая боевую баржу из течения Нураин в более спокойные струи, которые медленно текли вдоль его границ. Навигаторы заставляли судно нырять в крутящиеся водовороты — даже до начала нынешнего волнения в пространстве варпа такое считалось опасной затеей. Дважды они полностью разворачивали корабль и использовали противотоки, тем самым уходя с курса на Пердитус. Чужое судно всегда находило их, где бы они ни были, и безошибочно двигалось по следу боевой баржи, иногда отдалаясь, иногда исчезая, чтобы снова объявиться спустя пару часов.

Когда два дня, данные Львом, истекли, Фиана и Стений собрались по приказу притарха, чтобы обсудить новый план действий. После Льва находился призванный своим господином Корсвейн. На этот раз первым заговорил Стений.

— Какая бы сила ни вела нашего преследователя, способов страхнуть его и освободиться у нас нет, монсеньор, — заявил капитан корабля.

— Не совсем так, — возразила Фиана, тем самым заработав колючий взгляд Стения.

Взгляд выдавал предшествующие споры этой пары, хотя частичный паралич предотвратил появление на лице капитана более выразительной гримасы.

— Я не стану рисковать своим кораблем, — отрезал Стений.

— У вас есть альтернативное предложение? — поинтересовался Лев и пристально посмотрел на Фиану.

— В трех днях пути отсюда или, возможно, в четырех находится известная аномалия, которую мы называем заливом Морикан. В обычном костосе ей

приблизительно соответствует мертвая система, звезда Морикан. Это область похожа на разрыв в варпе, безбрежный залив, окруженный бурным водоворотом. Можно пересечь внешний край этого водоворота, шторм должен замаскировать наше отступление.

--- А риск? --- спросил Корсвейн.

--- Ноль-пространство, пустота в центре шторма, судно может попасть в штиль, очутиться на мели на дни, на долгие недели, иногда --- навсегда, --- сказал Стений, неодобрительно качая головой. --- Даже в лучшие времена такое не обсуждалось, а теперь наша миссия в Пердигтусе слишком важна, чтобы рисковать задержками или гибелью.

Лев в душе оценил и взвесил оба варианта: оторваться от преследования или в перспективе потерпеть бедствие. Он сбросил со счетов план навигатора, однако припомнил свой предыдущий разговор с Фианой.

--- Леди Фиана, раньше вы предлагали воспользоваться экстренным скачком в обычный костюм. Возможно ли сначала

обмануть огнем из ваших маневров чужое
судно, а потом так и поступить?

--- Да, возможно, прославленный
примарх.

--- Нет гарантии, что это наше
призрачное судно не оборудовано
подходящими к случаю средствами
обнаружения, --- возразил Корсвейн. --- Мы
понятия не имеем, на что они способны.
Насколько я понимаю, любое судно при
переходе создает рябь, эхо в потоках варпа.
Если у Повелителей Ночи есть псайкер
или иные средства слежения за нашими
обычными перемещениями, то и переход
они заметят не хуже, чем свет солнца
летним днем.

--- Экстренный скачок тем более
заметен, прославленный примарх, ---
добавила Фиана. --- Это все равно что
бросить в озеро валун. Даже неопытный
навигатор сумел бы обнаружить
отголосок.

--- Еще одна опасность заключается в
том, что выбросы нашего варп-двигателя
могут столкнуться с полем Теллера
другого корабля, --- предупредил Стений. ---

Какие бы методы преследования они не применяли, и все равно приходится держаться поблизости.

--- Интересно, --- заметил Лев, предупреждение капитана навело его на новые размышления.

Сначала примарх посмотрел на Корсвейна, потом остановил взгляд на Стении.

--- Маленькие братья, подготовьте судно к экстренному переходу, но оружейные расчеты пусть остаются на местах. Леди Фиана, я хочу, чтобы вы переместили корабль особым образом. Найдите быстрый варп-поток, из которого можно легко пересечь противоток.

--- Что вы собираетесь делать, прославленный примарх? --- спросила Фиана, от волнения нахмурив бледный лоб и опоясав серебряным обручем.

--- Наш враг будто тень, он держится близко, но все же не способен перемещаться мгновенно, --- объяснил Лев. --- Мы сами передвинемся так, чтобы подманить его вплотную, а затем активирuem варп-двигатели и выскочим в обычный космос.

Чужое судно попадет в наш след, его тоже вытянет из варна. Тогда наш враг станет уязвим для атаки.

--- Если оба корабля не разорвет на части, монсеньор! --- воскликнул Стений.

Он собирался продолжить пререкания, однако Лев остановил капитана взмахом руки.

--- Ты слышал, что я сказал. Этот план не обсуждается. Леги Фуана, ваше дело --- выбрать наилучший момент для перехода. Я уже слышал о ваших навыках, поэтому не сомневаюсь в успехе.

--- Конечно, прославленный примарх, --- согласилась навигатор, выражение ее лица переменилось.

На карту была поставлена репутация, с точки зрения Фуаны, жаждавшей стать следующим матриархом Дома, похвала примарха обладала наивысшей ценностью.

Лев внимательно посмотрел на Стения, наклонился вперед, его голос упал до шепота.

--- Ты понял мои приказы, капитан? --- спросил примарх.

--- Я выполню их, монсеньор, ---
спокойно отозвался Стений.

--- Тогда вы оба свободны, --- объявил
Лев.

Протянув руку, он остановил
Корсвейна.

--- Задержись на минуту, маленький
брат.

Когда капитан корабля и навигатор
удалились, Лев жестом позвал Корсвейна
ближе к трону.

--- Я волнуюсь по поводу Стения, ---
признался примарх. --- Сначала он медлит
и не сообщает мне о факте преследования,
теперь, кажется, сопротивляется
решению, которое выведет нас из
затруднительного положения.

--- Уверен, подозрения беспочвенны,
монсеньор, --- отозвался Корсвейн,
взволнованный строгой интонацией и
обеспокоенный тем, что затронута тема
лояльности Стения.

--- Уверен, маленький брат?
Бесспорно, на все сто процентов? Ты
поручился бы за Стения жизнью?

Корсвейн не решился принять вызов.

прозвучавший в голосе Льва. В следующий миг он опустился на одно колено и склонил голову.

--- Я не сомневаюсь по поводу капитана Стения, монсеньор. Однако чтобы развеять любые появившиеся у вас сомнения, пусть брат-искупитель Нетиил предоставит свой рапорт.

--- Делай, что считаешь нужным, братец, --- произнес Лев, одарив сенешалья улыбкой, а это случалось редко.

Тесная комната над навигационным
пилястром с трудом вмещала четырех
навигаторов. Чтобы выполнить просьбу
примарха, требовалось особое стечение
обстоятельств. Фиана и ее коллеги
изучали пространство варпа, отыскивая
слияние потоков, пригодное для сближения
«Непобедимого разума» с призрачным
судном. Все остальное уже было сделано.
Экипаж оповестили о возможно опасном
прыжке в обычный космос, Фиана тем
временем предупредила своих компаньонов
насчет потенциально вредоносного
влияния перехода на их разум.

— У меня тут кое-что есть, —
сообщил Ардал Анеис, младший брат
Фианы. — Смазанный туманный выступ по
левому борту.

Навигатор поняла, что именно
привлекло внимание Анеиса, как только
обратила свой сверхъестественный взор в
указанную сторону. Три варп-потока, один
очень сильный, два других слабее,

сближались друг с другом под острыми
углами и, объединившись, образовывали
трехтерный водоворот. Исходящий поток
отклонялся в сторону, противоположную
курсу боевой баржи, и пересекался с
мертвой зоной, медленно вытывая ее назад,
в русло течения Нураин.

--- Капитан Стений, пожалуйста,
переключите первичное навигационное
управление на мой пульт.

Коммуникатор загудел в руке Фианы,
она отвела взгляд, тщательно избегая
заинтересованных взглядов товарищей-
навигаторов. Пришло подтверждение от
Стения, и через несколько секунд экран по
левую руку от нее ожил и затерцал.

Строки подпрограммы диагностики
протелькнули на фоне бледно-зеленого
стекла, затем экран погас.

Фиана подготовилась к маневру,
собираясь ввести судно в самую сердцевину
выступя, в этот момент ее голос упал до
шепота:

--- Помните о чести Дома Не'Уоцен.

В варне звук не слышен. Тут нет
настоящего давления, металл и

феррокрит не обладают инерцией, однако
Фиана почувствовала, как тучительно
тяжело движется масса «Непобедимого
разума»: изменившееся поле Теллера
выталкивало боевую баржу из одного
вихревого потока варпа в другой.
Навигатор ощутила кратковременную
боль, потом ее качнуло и закружило,
психические потоки стыкались вокруг нее
и клцали друг о друга, словно челюсти
необъятного бестелесного чудовища.
Киафан, самый молодой из полнородных
братьев главного навигатора, рухнул возле
нее на колени и, задыхаясь в тисках боли,
изверг на пол содержимое желудка. Фиана
проигнорировала это и при помощи
ручного планшета ввела новые
инструкции. Корабль на несколько секунд
задержался в психической котловине, а
затем вырвался из нее толчком — так
летит песчинка, подхваченная взбитой
пенной, когда кит выпрыгивает из воды.

Стиснув зубы, Фиана окончательно
откорректировала направление, принудив
себя встопресться в раскручивающиеся
впереди энергетические струи. Она довела

до максимума поле Теллера и, отстранив
коллегу, рухнула на единственный стул в
комнате.

--- Капитан, у нас новый курс, ---
задыхаясь, передала она через
коммуникатор.

Собравшись с силами, навигатор
поискала маленький сгусток энергии,
пляшущую соринку, росчерк чужого сугна в
варпе. Она поняла, что он впереди и
быстро приближается. Времени не
оставалось. Даже сейчас, на холостом
ходу, на разгон варп-двигателей до полной
мощности ушли бы минуты. Стоит лишь
немного промедлить, и боевая баржа
покажется прямо над призрачным сугном,
их поля Теллера сольются, и эффект от
перехода в такой тесной близости
уничтожит оба корабля.

--- Переходите прямо сейчас, капитан!
Активируйте варп-двигатели!

Подражая притарху, Корсвейн
неподвижно стоял на галерее, которая
нависала над стратегическим
«Непобедимого разума», только

расположился он позади и чуть левее
величественного Льва. По другую руку от
притарха находился брат-искупитель
Немиил. Капеллан носил череполикий
шлем, и потому на его собственном лице
никто не видел ни беспокойства, ни иных
проявлений эмоций.

Путанные команды леги фианы не
улучшали настроения Корсвейна и
заставляли экипаж внизу неистово
суетиться. Чтобы варп-двигатели могли
перейти в активное состояние,
плазменные реакторы боевой баржи
повысили свою мощность на сто
процентов, теперь навигаторам-
помощникам, которые контролировали
выброс энергии и пороги безопасности,
приходилось быстро переходить с места
на место в ярком свете экранов.

Корсвейн стиснул зубы, чувствуя
неясного рода давление под сводом черепа.
Оно не походило на воздействие ударной
волны или напряжение, которое ощущаешь
в десантной капсуле; скорее это
напоминало медленно наполняющийся
сосуд, в котором содержимое занимает

весь объем, но все же не может разорвать
вместилище. Боль сосредоточилась позади
глаз, умственная, не физическая. Если не
считать вызванного телепортацией
ощущения, походившего на сотрясение
мозга, это было самое неприятное
состояние, с которым Корсвейн
сталкивался за долгие годы службы в
легионе.

Примарх, даже если и испытывал
тот же самый дискомфорт, который
ощущали его маленькие братья, то не
подавал виду. Командир Первого легиона
стоял, широко расставив ноги и скрестив
на груди руки, его взгляд был обращен к
многочисленным экранам, из которых
состояла главная индикаторная панель
стратегии. Занятые внизу помощники
взаимодействовали подобно органическим
составляющим сложной машины, ее
центром служил капитан Стений,
восседавший на командирском троне.
Запросы и ответы, донесения и команды
потокот шли через капитана корабля,
который дирижировал общими усилиями с
помощью кратких откликов и

отрывистых распоряжений.

Корсвейн мог только догадываться о мыслях, которые сейчас занимали Стения. Барн-переход довольно труден даже в идеальных условиях, а нынешнее положение было далеко не идеальным. По одному из брошенных Львом взглядов сенешаль понял, что примарх отвлекся от серых пустых экранов и тоже переключил свое внимание на Стения.

Невозможно было разгадать истинные намерения Льва по яркому взгляду его непостижимых глаз, но это не мешало Корсвейну строить предположения, чтобы чем-то занять свой разум, пока реальность и иллюзии сталкиваются, угрожая стереть в порошок всех собравшихся.

Замечания Льва по поводу Стения интересовали Корсвейна сразу с двух точек зрения. В первую очередь сенешаль задавался вопросом, каким образом он сам не заметил нечто, обнаруженное проницательным примархом. Корсвейн был правой рукой Льва, по крайней мере, в отсутствие Лютера, который с частью

легиона оставался на Калибане. В обязанности сенешаля входило предвигать приказы повелителя и действовать прежде, чем обстоятельства привлекут внимание самого примарха. Таким образом, он, Корсвейн, не выполнил свой долг как положено, если упустил странности в поведении Стения.

Вопреки этому, Корсвейна терзало еще одно опасение — что, если в поведении Стения нет ничего дурного, и подозрения беспочвенны? Духовное состояние Льва в этом случае не предвещало ничего хорошего. После событий на Тсагуальсе примарх предавался тяжелым раздумьям даже чаще, чем к тому привык Корсвейн. Его господин не делился своими мыслями и вел беседы только о долгой кампании против Повелителей Ночи, но даже эти разговоры были проникнуты новым стремлением, которое граничило с такой неистовой жаждой победы, какую Корсвейн не замечал у Льва с самого начала Крестового похода. Прикосновение смерти, которое пришлось пережить сенешалю, заставило его признать свои недостатки

и впредь относиться к обязанностям с большим рвением; возможно, нечто подобное испытывал и сам примарх.

--- Варп-переход через десять секунд...
--- монотонным голосом предупредил Стений, и погружившийся в размышления Корсвейн очнулся.

Он стиснул кулаки, понимая, что сейчас должно произойти. Лев шагнул вперед, обеими руками вцепился в ограждение галереи, прищурился и устремил взгляд на Стения. Примарх приоткрыл рот, будто собираясь заговорить, однако, ничего не сказав, лишь слегка покачал головой и поджал губы.

--- Начинаем переход в обычный космос.

Это был этап, наиболее ненавидимый Корсвейном, ощущение очень близкое к бестелесному рывку телепортации.

На бесконечно долгое мгновение «Непобедимый разум» запер между измерениями, в опасном положении на грани между материальным миром и нематериальным, будто странник на перекрестке судьбы. Мгновению назад судно

грейфовало в варп-потоке, заключенное, как в кокон, в пузырек реальности и хранимое от повреждений полем Теллера. Теперь оно находилось в истинной Вселенной, освобожденное от противоестественных потоков. Созданная полем Теллера реальность исчезла, как только материальное пространство приняло корабль.

У Корсвейна на несколько секунд закружилась голова. Он был потрясен ощущением нереальности: в окружающем мире, казалось, что-то разладилось, он распался на части и стал уязвимым.

Ощущение прошло, оставив слабую пульсацию позади глаз.

Лев уже отрывисто приказывал привести в готовность сканеры ближнего действия, ему не терпелось узнать, сработал ли план, удалось ли опасным маневром вытянуть призрачное судно из варпа.

— Всю мощность на локальные авгурь и широкополосные аусники, — распорядился притарх, шагнув к глинному пролету лестницы, которая вела вниз, в главный

зал стратегиума. --- Перенаправьте
сигналы дальнего радиуса и данные
сенсоров в коммуникационную сеть.
Найдите мне этот корабль!

Системы «Непобедимого разума» семь
минут обыскивали окружающее
пространство. Корсвейн и Нетиил
проследовали за примархом на главную
палубу и присоединились к капитану
Стению, который передал командование
Льву. В течение этих семи минут, пока
технический персонал сканера
лихорадочно пытался определить,
сработал план или нет, никто не произнес
ни слова.

--- Опознавательный сигнал Легис
Астартес, монсеньор, --- объявил один из
операторов стратегиума. --- В двадцати
двух тысячах километров, впереди по
правому борту. Легкий крейсер типа
«Затмение». Повелители Ночи.
Радиопозывные «Караящая тень».

--- Проверяю флюктуации варпа,
монсеньор, --- добавил другой. --- Передаю на
главный экран.

Самый большой экран стратегиума ожил, его заполнила панорамная звездного пространства. В нижнем правом углу вырисовывался вражеский корабль, окруженный светящимся ореолом: воронка между варпом и обычным костюмом оказалась для него ловушкой.

— Право руля, тридцать градусов, отклонение двенадцать градусов, — приказал Лев, выполнив навигационные вычисления всего за пару секунд.

Даже при помощи тригонометрического когитатора Стений потратил бы на вычисление курса по крайней мере две минуты.

— Приготовить торпеды, установки третья и четвертая. Летным экипажам — занять места в «Грозовых ястребах» и «Грозовых птицах».

Приказы примарха прозвенели в пространстве стратегиума, заставив командующих офицеров и ответственных работников прийти в движение. Как только они засуетились, Лев перебрался к пультам управления оружием. Стений последовал за ним.

--- Монсеньор, сокрушить врага
массированным торпедным залпом гораздо
больше шансов.

--- Я не желаю разрушать их корабль,
капитан. Мы захватим судно и завладеем
технологией, которую они использовали,
отслеживая нас. Я ввожу коды управления
торпедатами, мы ничего не потеряем.

--- Конечно, нет, монсеньор, ---
ответил Стений, отстраняясь, однако тон
его голоса выдавал огорчение.

--- Прошу разрешения повести
абордажные группы, монсеньор, --- сказал
Корсвейн.

--- В просьбе отказано, братец. ---
Примарх даже не обернулся, его пальцы
танцевали над рунической клавиатурой
оружейного пульта. --- Мы выведем из
строя их корабль, и я сам возглавлю атаку.

--- Не очень хорошая идея, монсеньор, ---
возразил Корсвейн, рискуя вызвать
неудовольствие повелителя. ---

Интерференция варпа вокруг вражеского
судна очень нестабильна. Судно может
затянуть назад в варп, когда вы будете на
борту.

Пальцы Льва на мгновение прекратили постукивать по клавишам, притарх выпрямился. Корсвейн приготовился получить разнос.

--- Отказано, братец, --- повторил Лев и возобновил работу. --- Ты мне нужен на борту «Непобедимого разума».

Корсвейн машинально бросил взгляд на Стения, угадав намерение притарха. Недоверие Льва не исчезло.

--- Брат-искупитель Не...

--- Он не офицер и не из командного звена, маленький брат.

Лев ответил коротко, но не грубо. Он закончил работу и повернулся к Корсвейну, взгляд темно-зеленых глаз притарха уперся в зрачки сенешаля.

--- Ты останешься на борту, Кор. Есть какие-то возражения?

--- Торпеды нацелены, монсеньор, --- положил оружейный техник, тем самым помешав Корсвейну подыскать хоть какой-нибудь ответ. Сенешаль просто не стал отвечать. --- Подготовка к стрельбе выполнена по вашим расчетам.

--- Запускай, когда окажется под

оптимальным углом, — приказал Лев. —

Полный вперед на врага.

— Есть, монсеньор, — отозвался Стений.

Он включил внутреннюю систему связи и повторил приказ для технодесантников в реакторном зале.

— Торнега «три» к запуску готова. Торнега «три» запущена. Торнега «четыре» готова. Торнега «четыре» запущена.

Слова механически сыпались из прикрытого сеткой рта получеловека-сервитора, связанного с оружийным модулем паутиной проводов. Изможденная фигура состояла из туловища и головы, которые торчали из цилиндрической консоли, глаза были закрыты, вместо ушей торчали антенны вокс-приемников.

На главном экране появилось изображение заблокированного корабля Повелителей Ночи: он находился прямо по курсу, пара торнег приближалась к вражескому судну, оставляя за собою след.

— Двадцать три секунды до разделения торнег. Двадцать семь секунд

до ударного воздействия, --- проскрипел оружейный сервитор.

Огни торпедных двигателей по мере увеличения расстояния уменьшались в размерах, и теперь на фоне Галактики выглядели подобно паре звезд.

--- Монсеньор, леги Фуана просит сессансе внутренней связи, --- сообщил помощник.

--- Направьте сигнал на динамики, --- велел Лев, который широкими шагами пересек стратегиум и остановился возле командного трона.

--- Судно Повелителей Ночи делает со своими варп-двигателями нечто странное, --- доложила навигатор при помощи внутренней агрегации в системе связи.

Корсвейн заметил, как нахмурился его примарх, услышав эту неопределенную фразу.

--- Будьте конкретнее, леги Фуана, --- сказал Лев. --- Что вы сумели разглядеть?

--- Простите мне эту неопределенность, прославленный примарх.

Срудно описать то, что не обладает нормальным обликом. Нечто -- какие-то предметы -- перемещаются в поле Геллера вокруг вражеского корабля. Похоже, фрагменты варп-пространства находятся прямо внутри судна, хотя такое невозможно.

-- Я уже наслышался подобного, -- зарычал примарх. -- Что все это значит для нас?

Прежде чем Фиана успела ответить, еще одно обстоятельство привлекло внимание Льва.

-- Монсеньор, вражеский корабль поворачивается, пытается высвободиться из разрыва в варпе. Он движется к нашей позиции и быстро сокращает расстояние.

-- Кажется, нас приветствуют, -- монсеньор.

Два сообщения пришли почти одновременно, впервые с момента появления в стратегиуме Лев испытал замешательство, не зная, кому отвечать. Заминка оказалась короче, чем удар сердца: он принял решение.

-- Подкорректируйте курс на два

румба по левому борту и готовыте по
правому борту батареи, -- приказал
примарх. -- Дешифруйте сигнал,
передайте его на главные динамики.

На несколько секунд воздух наполнился
шипением статических помех, тем
временем системы автоматической
дешифровки обрабатывали поступившую
передачу. Раздавшийся из динамиков звук
походил на искаженное шипение змеи,
каждый слог сочился насмешкой. Лицо
Льва перекосила кривая ухмылка, он бросил
взгляд на Корсвейна.

-- Я никогда особо не интересовался
Нострато, Кор. Знаю, ты все это изучал.
Переведи мне, что они говорят.
Сомневаюсь, впрочем, что это мольба о
помощи.

-- Они говорят, что их вытащили на
свет, и хвалят вашу ловку, а дальше
просто тупые угрозы. Говорят, мол,
посчитаются с нами в Слафиссине, и мы
все погибнем.

-- Не припомню такую систему --
Слафиссин. Ее нет ни в секторе Тратас,
ни где-либо еще, -- заметил Лев.

--- Напоминание об их варварском прошлом, монсеньор, --- объяснил Корсвейн. --- Слафиссин --- глубочайший из кругов их ада, в котором души навших мстят обидчикам. В общем, это место, отведенное для предателей, отцеубийц и злодеев.

--- Такого места нет, и их угрозы пусты, --- вмешался Нетиил, впервые подавив голос с момента появления в стратегии. Капеллан взглянул на Корсвейна сквозь линзы череполикого шлема, скрывавшего выражение лица. --- Ада не существует, не существует и таких предметов, как души.

Спустя несколько секунд по связи раздался стех, исполненный безумия.

--- Ты неправ, сын Калибана. Как же ты не прав... И очень скоро убедишься в этом. Слафиссин открывает для вас свои ворота.

--- Я не отдавал приказа транслировать это, --- заметил примарх. --- Немедленно прервите передачу.

--- Тем не менее у нас есть уши, гордый Лев.

--- Мы не передает никакого сигнала, ---

подтвердил один из операторов связи.

--- Мой клинок скучает по твоему горлу, неверный. Я --- Нуас Корвали, и в эту полночь вас ждет кровавая месть.

Кто-то из техников, наблюдавших за сканирующей антенной, вскрикнул, через несколько секунд пространство стратегипута наполнил рев автоматической сирены.

--- Вражеское судно активизирует пустотные щиты и варп-двигатели, монсеньор! --- раздался испуганный вопль.

--- Безумие, --- пробормотал Нетиил. --- Реакция пустотных щитов порвет их в клочья.

--- Прекратить огонь! Разворот по левому борту! --- прорычал Лев. --- Та же самая реакция создаст колебания в разрыве варпа и уничтожит его. Активировать поле Теллера, приготовиться к незапланированному переходу!

--- Торпеды разделились, --- прерывая разговоры, пробубнил сервитор.

Корсвейн посмотрел на главный экран. Взгляды Льва, Стения и всех остальных обратились в ту же сторону.

Коротко полыхнул выброс двигателей, торпеды выпустили разделяющиеся боеголовки в сторону судна Повелителей Ночи. Словно в ответ, реальность вокруг корабля-цели неустово затерцала разноцветными бликами, волны силы, пестрые как в калейдоскопе, переливаясь радугой, хлынули из разрыва в варпе.

Легкий крейсер, казалось, сворачивался, проваливаясь внутрь себя и позволяя энергии варпа вырваться на волю, в то время как пустотные щиты пытались отправить грубую психическую энергию обратно в варп, тем самым создавая мертвую петлю в брешу между вселенными. Корсвейн бросил безлый взгляд на вражеское судно, в самую сердцевину круглой, непрерывно вращающейся радуги, затем весь экран зарябил линиями и спиралями пульсирующей энергии, а еще немного погодя Корсвейн понял, что энергия варпа вовсе не отображается на экране, а собирается в воздухе вокруг него.

--- Сохраняйте спокойствие, ---
 неспешно произнес Лев.

Он ощутил, как паника охватывает
 экипаж стратегиума и постарался
 вложить в слова уверенность и силу. Люди
 из корабельной команды уже не раз
 переживали близость смерти, но
 очутиться в разрыве варпа --- с таким
 испытанием они до сих пор не
 сталкивались.

Притарх нажатием пальца
 активировал систему внутренней связи.

--- Всем капитанам и прочим
 офицерам, приказываю поддерживать
 дисциплину в отсеках. Это временная
 проблема, она скоро разрешится.
 Действуйте согласно инструкциям.

Лев почувствовал, что сердце бьется
 немного чаще, но это была лишь
 предсказуемая в критическом положении
 реакция. Он сделал паузу, пытаясь понять,
 что происходит.

«Непобедимый разум» попал в ловушку

между варпом и материальным пространством, застрял в щели, которая образовалась из-за детонации двигателей на корабле Повелителей Ночи. Лев чувствовал, как пульсирует вокруг энергия варпа, как она проходит сквозь тело, воздух и наполняет вещество корабля. Поток варпа захлестнул судно всего несколько секунд назад, но все вокруг уже выглядело слегка искаженным, словно выдвинутым из друтого места и под углом.

Индикаторы на экране корабельного пультa странно подмигивали, трепетали, откликаясь на извращенный беспорядочный ритм. Приглушенные голоса членов экипажа доносились не с той стороны и будто бы издалека. Обзорные экраны, неспособные отобразить вихрь силы вокруг корабля, погасли. Капитан Стений подошел к притарху, оставив за собой слабо светящийся след из мерцающих искр, которые сыпались с поверхности его брони.

— Доложи о состоянии, — приказал Лев. — Пустотные щиты. Поле Теллера. Варп-двигатели.

— Слушаюсь, монсеньор, — ответил

Стений, его голос на миг отозвался эхом в голове у Льва.

В воздухе взметнулся еще более густой искристый след, когда капитан, салютуя, ударил себя кулаком в грудь.

— Нам докладывают, что идет сражение! — сообщил Корсвейн, который перебрался к главной контрольной радиостанции. Голос сенешаля походил на крик издалека, хотя сам сенешаль отошел едва ли на десять метров. — Орудийная пальба правого борта, уровни восемь и девять.

— Враз? — резко спросил Лев. — Атака Повелителей Ночи через телепорт?

— В докладах нет ясности, монсеньор. Они путанные.

— Отправляйся туда и наведи кое-какой порядок, братец. Здравомыслие, дисциплина и отвага.

Корсвейн кивнул и направился к двери. Лев тем временем переключился на Стения и вопросительно вскинул бровь.

— Из-за воздействия варпа нельзя установить пустотные щиты. Иначе мы

может разделить судьбу Повелителей
Ночи. То же самое касается и поля
Теллера. Мы не полностью перешли,
активация опасна, может возникнуть
мощная обратная связь. Варп-двигатели
зациклились, работают на энергии нашего
перехода. -- Лицо капитана оставалось
неподвижным, но плечи поникли. -- Мы
попали в ловушку, монсеньор. Здесь и
сейчас.

Лев промолчал, не комментируя --
сама реальность подтверждала суровые
слова капитала. Следовало выработать
план действий.

-- Мы не можем вырваться из этого
шторма, поэтому должны пройти его до
конца, до самого сердца. Подготовьте варп-
двигатели к работе как можно скорее. Мы
полностью перейдем назад в варп и
активирuem поле Теллера, после этого все
нормализуется и стабилизируется. Пусть
леди Фиана свяжется со мной немедленно.
Ты все понял?

-- Да, монсеньор.

Главные двери с шипением
отворились, пропуская пятнадцать

Селных Ангелов, готовых к бою, в терминаторской броне, вооруженных комби-болтерами и силовыми кулаками. Их огромные доспехи были черны как сталь и отделаны серебром. Эту черноту нарушали лишь символика легиона на наплечниках и алая эмблема в виде черепа на громадном нагруднике — личный герб брата-искупителя Нетила, который должен был встретить отряд.

— Поддерживайте порядок, братья, — сказал капеллан своим телохранителям. — Будьте бдительны и действуйте без колебаний.

Корсвейн сошел с транспорта на девятой оружейной палубе, десять легионеров сопровождения следовали за ним вплотную. Он все еще понятия не имел, что происходит и кто атакует судно. На коммуникатор в изобилии приходили сообщения о том, что неопознанный противник сметает на своем пути все укрепления. До сенешалья долетал грохот болтерной стрельбы, где-то вели огонь и из более тяжелого оружия.

Все эти звуки эхом отражались от стен коридора, который тянулся от оружейных платформ до самого носа корабля. Возможно, хотя и маловероятно, Повелители Ночи организовали подобие теленортатора дальнего действия прежде, чем их корабль развалился. Если принять во внимание другие их деяния, это не выглядело чересчур странным.

Оружейная палуба состояла из главного, почти километрового, коридора и проходов, которые вели к оружейным башням и располагались через каждые двести метров. Эти башни были независимыми укреплениями, в них находились макрорыски и ракетные установки ближнего боя. Башни предназначались для отражения abordажных атак. Корсвейн видел, что защитные переборки ближних платформ опущены и изолируют их от прочих помещений корабля. В его голове не укладывалось, каким образом атакующие сумели разрушить такое количество платформ за такой короткий срок.

Невооруженные члены экипажа,

одежды в простую черную форму, числом
до нескольких дюжин, пронеслись мимо в
сторону корты — эти люди явно спасались
от сражения. Дикий ужас стыл во взглядах
беглецов, они не обращали внимания на
призывы сенешаля остановиться и
объяснить происходящее. Корсвейну еще не
приходилось видеть закаленных мужчин с
таким страхом в глазах.

Раздался еще один яростный
пушечный залп, сенешаль и его
телохранители тяжелыми шагами
бросились навстречу битве вдоль по
коридору. Палубный капитан Усаасс,
должно быть, отвечал здесь за все, но его
коммуникатор молчал, не откликаясь на
вызовы Корсвейна. Вполне вероятно,
капитан был мертв.

Под грохот рвущихся гранат горстка
Темных Ангелов отступала в главный
коридор. В пятидесяти метрах вдоль по
проходу, в сверном проеме четвертой
орудийной башни, ярко вспыхивали
болтеры, два огнемета поливали брешь
горящим прометием.

В проломе ярко полыхнуло.

автоматическая Корсвейна сработала, мир
ненадолго потускнел, розовое и синее
пламя ворвалось в проход, заодно швырнув
туда же горящие тела двух Темных
Ангелов. Сенешаль никогда не видел
подобного оружия. Он бросился вперед, на
ходу вынимая пистолет и силовой меч, но
тут же наткнулся на группу легионеров.
Атакующие воины катались по полу,
разноцветный огонь плясал на их броне,
которая таяла словно под воздействием
плазмы.

Вопросы и приказы затерли у
сенешаля на губах, как только он добрался
до дверного проема башни и увидел, что
находится внутри. На мгновение всякое
здравомыслие его покинуло.

В помещении оружейной башни пылал
разноцветный огонь, в самом сердце
слепящего ада прыгали и кудыркались
странные силуэты. За годы службы в
Первом легионе Корсвейну довелось
встретиться со многими странными
противниками, но эти чужаки на них не
походили. Они, казалось, сами состояли из
пламени — безголовые, безногие тела с

лицами на груди, с глиняными нескладными
руками. Обильный огонь извергался из
похожих на глотки отверстий на концах
этих рук. Түловища заканчивались
волнистой кроткой тат, где должны были
находиться ноги. Существа скакали туда-
сюда, извивались, скручивались, рьяно
поджигали все вокруг под треск пожара и с
нечеловеческим визгом и хохотом.

Корсвейн ощутил, как вскинутый для
стрельбы пистолет тяжелеет; сенешаль
прицелился, и впервые в жизни оружие
загрохотало в его руке. Глаза, созданные из
ослепительно-белого огня, внимательно и
злобно взирали из самого сердца
преисподней, прожигали душу сенешалья
насквозь точно так же, как огонь плавил
броню Темных Ангелов. Корсвейн словно
заглянул в безграничную платенную бездну,
и в его памяти остался след раскаленного
клея.

Сенешаль стрелял, но в огне болты
взрывались прежде, чем достигали цели.
Существа уже добрались до дверного
проема, языки пламени лизали пол
главного коридора. Корсвейн прицелился и

двѣтя болтами разворотил устройство аварийного управления. Переборка с грохотом опустилась вниз прямо перед безумными чужаками, отсекая адский огонь, после чего наступила жуткая тишина.

Пока Корсвейн пытался понять, что же он увидал, переборка в самом центре раскалилась добела. Атакующие использовали свой противоестественный огонь, пытаясь прожечь насквозь двѣрѣ метровоѣй толщины. Пласталь на глазах сенишала сочилась каплями сплава, будто источала пот, по лбу самого Корсвейна тоже струился пот. Не оставалось сомнений, что всего через пару минут существа вырвутся на волю.

В наступившей тишине Корсвейн смотрел на гружих Темных Ангелов, подобно или ошеломленный странностью происходящего, и не знал, что сказать, не мог вымолвить слова приказа.

--- Сенишаль! --- раздался предостерегающий крик брата Алартеса, одного из телохранителей Корсвейна.

Корсвейн обернулся в сторону кормы и

увидел мощный воздушный вихрь, похожий на те явления, которые уже происходили, когда корабль попал в разрыв варпа. В ядовитых испарениях формировались фигуры: чудовищные красные собаки с чешуйчатой плотью и клыками из железа, хвосты заканчивались ядовитыми шипами, броня защищала головы до самой шеи. Агские псы уже полностью сформились, их ворчание и рык разносились по коридору. В мгновение ока твари очутились перед костодесантниками.

Сенешаль вспомнил старинные легенды Калибана, страх и ненависть схватили его, подходящее слово само пришло на ум: нефилла. Корсвейн внезапно понял, что инстинктивно выкрикивает, казалось бы, совершенно невозможный для Темного Ангела приказ:

— Всем отступить! Отступить и запечатать оружейную палубу!

Он попятился к ближнетранспортеру, стреляя из пистолета по чудовищным собакам, хотя понимал, что болты не возымеют большого эффекта.

Другие Темные Ангелы были с ним, наполняя коридор вспышками болтерных выстрелов. Свистящий звук открывшихся за спиной дверей наполнил сенешаля таким чувством облегчения, на которое он не считал себя способным. Корсвейн с благодарностью в душе отступил в другое помещение корабля, в то время как громадные бестелесные собаки скачками неслись к нему по коридору. Остатся значило умереть.

Стены зала навигаторов мерцали, предвосхищая то, что вскоре должно было появиться. Фиана заранее видела образы чудовищных существ, которые скребли и хватили лапами естество корабля, ее третий глаз позволял наблюдать, как это происходит. Коуден стоял возле выхода, в левой опущенной руке он держал бесполезный лазерный пистолет, правой рукой опирался о косяк открытой двери, изучая пространство татбура не столько глазами, сколько иными чувствами.

— Тут чисто, — сообщил Коуден, обернулся и взглянул на Фиану поверх

высокого воротника ярко-красного кителя.

--- Куафа, следуя за Куденом. Анеис, останься со мной.

Фуана проводила родных братьев последним взглядом, поднимаясь по закрученной по спирали дорожке, которая вела к навигационному пилестру. Нечто большое и похожее на слизняка волоклось своей массивной плотью по ступеням эскалатора, становясь все более плотным по мере продвижения из варна.

Фуана сдвинула металлический обруч, под которым прятался третий глаз, и подняла кожистое веко, покрывавшее шар. Она сосредоточилась на привидении, становившемся все плотнее, и направила на него тот самый поток энергии, который позволял проникать сквозь завесы варна. Здесь, в материальном пространстве, он вырвался подобно черному лучу и хлестнул бестию между колышущимися отростками на зубастой утробе. Сущность сторзилась и увала под психическим взглядом. Иллюзорная форма превратилась в рваные клочья тумана, как только энергия, которая связывала

чужовище с материальным миром, была
отправлена назад в варп-пространство.

Крик Куафы прозвучал будто сигнал
тревоги. Заметив, что существа во
множестве собрались в коридоре снаружи,
Фиана поспешила присоединиться к
другим навигаторам. Крылатые призраки
с когтями-крючьями висели, зацепившись
за вентиляционные отверстия в потоке,
твари тащили Куафу вверх, уцепившись
за капюшон его балахона. Нормальным
зрением Фиана могла разглядеть некое
неясное пятно еще выше, отчаянный
навигатор тем временем пытался
развернуться и взглянуть третьим глазом
на поймавших его тварей. Третий глаз
самой Фианы видел двух существ, похожих
на горгулий, с глиняными когтями и
катнеподобной плотью.

Когден и Анеис, действуя сообща
взглядом, словно потоком воздуха, выдули
отрачительных тварей назад в
материум, из-за чего освободившийся
Куафа тяжело рухнул на пол. Он
схватился за лодыжку и искал Фиану
глазами, в которых стояли слезы.

--- По-моему, у меня нога сломана, ---
простонал он.

--- Они проникают сквозь стены, ---
сказал Анеис.

Силуэты, подобные человеческим, но вместе с тем совершенно иные, текли сквозь ничем не прикрытые переборки из пластали и собирались вокруг навигаторов, слишком многочисленные, чтобы их уничтожить.

--- Подбери своего, брата, --- велела Фиана Кудену.

Она ухватила Анеиса за плечо, потащила его прочь и толкнула в сторону двери, устроенной в ближней переборке. Нечто пухатое и одноглазое уже оформлялось в темной, слизкой и ржавой луже, которая растеклась на полу поперек коридора.

--- Надо расчистить путь, --- сказала Фиана.

--- Путь --- куда? --- спросил Анеис, его юное лицо от страха стало бледным, почти белоснежным.

--- К стратегии. Мы должны добраться туда и защищать Льва.

Восстановив душевное равновесие, Корсвейн сделал все, что мог, и постарался организовать оборону оружейной палубы, но противостоять таинственным захватчикам оказалось почти невозможно. Было ясно, что разрозненные попытки вторжения происходят не только на оружейной палубе «Непобедимого разума» и даже не только на палубах по правому борту. Многочисленные вражеские очаги сопротивления, явно нацеленные на захват отсека варп-сердечника, расползлись по всему пространству корабля. Противники материализовывались позади линии обороны, словно настехаясь над любыми физическими преградами, и тогда Корсвейн мобилизовал команду судна, создав патрули численностью до сотни.

Близ стратегического сенешаль и его телохранители столкнулись с леди Фрианой и ее семьей. Навигаторы, которых охранял сержант Алмаил со своим отделением, находились в стянении и выглядели измученными, но ни один из них, кажется, не получил серьезных ранений.

Сенешаль освободил Алмаила от обязательств и отправил его на машинную палубу, где шел затяжной бой.

Как только группа достигла стратегиума, взглядом Темных Ангелов открылась неожиданная картина. Тут не было признаков борьбы, техники спокойно и четко выполняли свои обязанности, старательно игнорируя разыгравшуюся рядом сцену.

Лев находился в центре помещения, перед ним на коленях, низко опустив голову, стоял Темный Ангел в белом стихаре поверх черной брони. Брат-искупитель Нетиил, с пистолетом и кроутиком, окруженный охраной, навис над коленопреклоненным легионером.

--- Подождите здесь, --- тихо сказал Корсвейн навигаторам и жестом показал, что следует держаться в стороне.

Лев услышал шепот и перевел взгляд на сенешаля.

--- Ты нечаянно явился как раз вовремя, маленький брат, --- сказал примарх. --- Я столкнулся с дилеммой.

--- Мой лорд, я не знаю, что тут

происходит, но, думаю, с этим можно
повременить. Мы нуждаемся в ваших
приказах. Корабль упорно атакуют
существа, практически неуязвимые для
нашего оружия.

--- Клятвopеступника следует
покаратъ немедленно, --- сказал Нетиил.

Приблизившись, Корсвейн узнал
легионера, который стоял на коленях. Свой
шлем Темный Ангел держал в руке, лицо
наполовину скрывала волна черных волос.
Это был брат Асмодей, бывший библиарий.

--- Клятвopеступник? --- переспросил
Корсвейн. --- Я не понимаю.

--- Мой маленький брат нарушил
эдикт, --- сообщил Лев, хотя и без гнева в
голосе. --- Когда началась атака, он
нарушил Никейский эдикт и развязал силы
своего разума.

--- Он совершил колдовство! ---
прорычал Нетиил. --- Ты же самую
терзость творили Повелители Ночи,
которые как раз сейчас угрожают нашей
суднѣ!

--- Это надо обдумать, брат-
искупитель, --- сказал Лев. --- Я еще не

огласил свой приговор.

--- Никейский эдикт подлежит безоговорочному выполнению, мой лорд, --- возразил Нетиил. --- Воины-библиарии должны были укротить свою силу. Асмогей нарушил присягу, а ведь он клялся...

--- Разве это работает? --- поинтересовался Корсвейн.

--- Что? --- удивился Нетиил, обратив череполикий шлем в сторону сенешаля.

--- Асмогей, разве твои способности помогают уничтожать врага?

Бывший библиарий ничего не ответил, но посмотрел на притарха и кивнул.

--- Интересно, --- произнес притарх, взгляд его зеленых глаз остановился на Корсвейне, как будто Лев попытался заглянуть в мысли своего сенешаля.

--- Я видел, сам, лично, что там было. Они... --- Корсвейн затолчал, не решаясь произнести подходящее слово. Потом он вздохнул и продолжил: --- Мы столкнулись с нефиллати, монсеньор, или с чем-то на них похожим. Они не являются полностью материальными, и их неестественной

плоти наше оружие причиняет слишком много вреда.

--- Это создания варна, прославленный примарх. --- Леги Фуана подошла ближе, и Темные Ангелы обернулись. --- Они созданы из вещества самого варна, к тому же разрыв позволил им явиться в наш мир. Их нельзя уничтожить, можно только отправить обратно. Взгляд нашего третьего глаза способен причинить им вред.

--- Это правда? --- спросил Лев и положил руку на плечо Асмодея. --- Ты своей силой сумел причинить вред атакующим?

--- Из варна они приходят, и силою в варн могут быть изгнаны опять, --- ответил библиарий.

Лев наклонился и поднял легионера на ноги, тот встал, на миг встретился взглядом с примархом и тут же отвернулся.

--- Брат-искупитель прав, монсеньор. Я клялся, и я нарушил клятву.

--- Тяжкое преступление, и оно, без сомнения, должным образом подлежит суду... Как только нынешняя проблема

разрешится, -- сказал Лев. Он посмотрел на Нетила: -- Есть еще два библиария на борту -- это Хасваил и Альберин. Доставьте их сюда.

-- Это ошибка, монсеньор, -- качая головой, произнес Нетиил. -- Мерзости, что атакуют нас, эти самые нефиллы. К тому же я поклялся блюсти Никейский эдикт. Если развязать ответное колдовство, оно с новой силой против нас же и обернется. Подумайте еще раз, монсеньор!

-- Я отдал приказ, брат-искупитель, -- сказал Лев, выпрямляясь во весь рост.

-- Которому я не могу последовать, -- твердо возразил Нетиил, хотя Корсвейн выгел, как руки капеллана, воспротивившегося воле своего примарха, трясущаяся от напряжения.

-- Моя власть абсолютна, -- напоянил Лев и сжал кулаки, его губы раздвинулись, обнажив блестящие зубы.

-- Никейский эдикт издан Императором, монсеньор, -- произнес Нетиил. -- Нет власти выше.

-- Хватит! -- Львиный рык оказался

настолько громким, что авточужества Корсвейна приглушили звук, будто рядом грянул взрыв.

Сенешаль так до конца и не понял, что случилось дальше. Лев шевельнулся, и через долю секунды расколотый череполикий шлем уже летел, вращаясь, в свете тусклых огней стратегического, оставляя в воздухе кровавую дугу. Обезглавленный трун Нетила с грохотом рухнул на пол. Лев вскинул и показал руку в окровавленной и утыканной осколками перчатке.

Корсвейн, в ужасе от случившегося, поглядел своему примарху в лицо. На мгновение он увидел выражение удовольствия, глаза Льва блестели, когда он наблюдал дело своих рук. Через секунду все исчезло. Лев, казалось, понял, что он совершил, лицо его исказилось от боли, когда он опустился на колени рядом с останками брата-искупителя.

— Мой лорд?

У Корсвейна не было слов, но, как сенешаль, он понимал, что нужно действовать.

--- Мы позже оплачем его, --- отозвался Лев.

Примарх встал, продолжая рассматривать тело Нетиила. Наконец он оторвал взгляд и перевел его на легиону Фуану, которая вздрогнула, будто от удара. Бледную плоть ее правой щеки пятнали три капли брызнувшей крови.

--- Передай библиариям, они освобождаются от Никейской клятвы. А вы, леги Фуана, вместе с членами вашей семьи, поведете моих воинов. Кор, собери восемь отрядов для контратаки.

--- Восемь, монсеньор? Три отряда для библиариев, а также по одному для каждого навигатора, я так понимаю. Остальных поведу я?

--- Нет, я сам, --- возразил Лев. --- Ни одна тварь, нефилла она или не нефилла, не может просто так атаковать мой корабль. За это ее ждет неминуемое возмездие.

Пока сенешаль собирал силы Темных Ангелов, Лев отправился в свою личную оружейную комнату. Внутри этой украшенной камнем палаты примаршалы ждали слуги легиона. Все пятеро были облачены в темно-зеленые стихари, обуты в тяжелые ботинки, а на руках носили перчатки. По пути Лев не столкнулся ни с одним врагом, и обстановка оставалась спокойной, однако, на всякий случай, у каждого человека на поясе висел пистолет.

Сообщения о нападениях приходили все чаще, но мере того как нефилла или иной нематериальный противник, казалось, расширяли разрыв в варпе, позволяя сородичам во множестве появляться на корабле.

Стены палаты сплошь покрывало развешанное оружие, великодушное в своем разнообразии, сделанное специально для примаршалы или взятое в качестве трофея. То, что осталось от культур сотен миров, завоеванных во время Великого крестового

похода, теперь находилось здесь. Главным
был калибанский короткий меч,
подаренный Льву Лютером в тот день,
когда его приняли в рыцарский орден.
Этот простой клинок занимал почетное
место в самом центре.

Коллекционирование оружия было
единственным проявлением
претенциозности Льва. Он подолгу
оставался в этой комнате, размышляя о
том, как много способов убийства врага
изобрело человечество. Впрочем, в
последнее время он чаще находил себе
приют в тронном зале. Примарх потеглил
в раздумье, прошел вдоль стен, то и дело
касаясь любимых вещей, проводя пальцами,
закованными в броню перчатки, по лезвиям
и шипам, оценивая искусную работу
оружейников. К войне, как и к другим своим
занятиям, человечество подходило
творчески, вникая в суть дела и являя
гений даже там, где технологии
оставались на варварском уровне.

Многие предметы были слишком
малы для примарха. Они находились в
коллекции оружия только по причине

красоты, в то время как некоторые могли
и послужить: мечи обычных мужчин в руке
Льва становились ножами. Кое-какие были
уже устаревшими, древними изделиями, в
то время как при создании других
использовались технологические
усовершенствования — мономолекулярная
крошка, генераторы силового поля или
гальванопластика.

Здесь были спаты, глинные мечи,
полторные мечи, мечи с корзинчатой
гардой, фламберги, рапиры, обычные сабли,
скимитары, хопеши, колишештарды,
тальвары, двухлезвийные шотели,
фальчионы, тизерекорди и абордажные
тесаки, шипованные перчатки-тирмексы,
цесты, кастеты, басселарды, стилеты,
дирки и гаги, секачи, боевые серпы и
кописы, боевые томыги, палицы, клевцы,
бұлавы, кистени, торгенштерны, боевые
кұвалды и молоты, топоры и
томагавки, секиры и топоры с
двусторонним лезвием, бородавидные
топоры, и теслы, пики, протазаны,
фаучхарды, сариссы, вұлжи, топоры-
мочаберы, кабаны копыа, копыа-трэзұбцы,

алебарды, косы, короткие пики и хасты.

Примарх не торопился. Он дал себе время поразмыслить о враге, с которым сегодня предстояло встретиться. В юности Льву приходилось убивать нефиллы голыми руками, хотя все они были почти неуязвимы для любого мыслимого оружия. Это было его наследие, наследие примарха. Сегодня он решил вооружиться, выбрав два клинка. С точки зрения обычного мечоводства, они были тяжелыми палашами-полторниками, но примарх легко удерживал каждый такой палаш в гигантском кулаке. Великоленные мечи изготовил калибанский мастер, имя которого история не сохранила. Имена самих мечей были причудливой вязью начертаны по краю каждого клинка: Надежда и Отчаяние. С целью уменьшения веса каждый клинок имел желоб. Лезвия, более острые, чем из любого металла, невероятно прочные и не нуждающиеся в заточке, мастер изготовил из кристаллического соединения. Когда-то один из магистров орденов использовал эти мечи как церемониальные. Лев,

обнаружив их, был очарован блеском
лезвий. Он настоял на сделке, отдав
взятен безукоризненную вороненую саблю,
сделанную собственноручно.

Вооружившись гвүтя клинками,
примарх присоединился к своему отряду,
который как раз собрался возле главного
шлюза над реакторным отсеком и варп-
ядром. Здесь шла самая ожесточенная
борьба. Несколько раненых легионеров
вытащили на пандус, их многочисленные
раны ужасали: ожоги и порезы, полученные,
несмотря на броню, и доходящие до самых
костей.

--- Сражайтесь с гордостью, умрите с
честью! --- воскликнул Лев и поднял меч,
приветствуя маленьких братьев.

Они, исполненные решимости,
выстроились позади примарха в пять
шеренг по пятьдесят воинов в каждой.

Коридоры были завалены
мертвецами, погибли в основном
незащищенные броней слуги и люди из
экипажа корабля. Их разогранные трупы
грохотались кровавыми кучами в
проходах. У одних не хватало голов или

ных частей тела, другие походили на
глыбы обугленной плоти. Некоторые
мертвые тела специально разместили
рядом друг с другом и придали им
непристойные позы. Примарх зарычал от
отвращения.

Тут и там мухи и личинки уже
ползали по убитым, проникая им под кожу
и пируя в безжизненных глазах. Лев слышал
приглушенную брань своих воинов и не
прерывал ее, он испытывал желание
произносить такие же проклятия.

Наткнувшись на двух мертвых
Темных Ангелов, примарх остановился и
опустился перед ними на колени. Броня
воинов была расплавлена словно под
воздействием кислоты, кожа выглядела
рябой из-за пузырей и бубонов. Калибан
иногда подвергался странным эпидемиям,
и скопления тройных гнойников,
изуродовавшие кожу погибших
костодесантников, показались Льву
знакомыми.

— Мы должны сжечь мертвых, чтобы
инфекция не распространилась, — сказал

он трачно, поднимаясь на ноги.

Полоса слизи, словно оставленная
улиткой, но только метровой ширины,
удаляясь от тел, исчезала в одном из
проходов, притыкавших к главному
коридору. Примарх выделил отряд и
поручил ему поиски существа,
оставившего след. Оно, скорее всего,
отправилось к отсекам главного
двигателя, которые находились впереди на
расстоянии в несколько сотен метров.

Восемь нефилл выпрыгнули, словно
ниоткуда, и очутились перед примархом.
Разрыв в варне настолько увеличился, что
атакующие материализовались почти
мгновенно. Они ступно походили на
гуманоидов с тощими, ступлыми телами
и крепкими руками. Ноги спахивали на
собачьи лапы, плоть кровавого цвета
слегка шелушилась. На удлиненных головах
росли черные ветвистые рога. В
когтистых руках твари держали
треугольные мечи из блестящей бронзы.
Ярко-белые огненные глаза оценивающе
оглядели Льва — на это ушло мгновение.
Чудовища облизнулись, проведя по

излоподобным зубам раздвоенными
языками.

После этого, издав боевой рык, нефиллы разом подняли мечи и устремились к Льву, чтобы атаковать. Он не стал ждать их приближения, а вместо этого прыгнул навстречу врагу. Надежда в левой руке притарха парировала взмахи двух клинков, направленные ему в пах, в то время как Отчаяние пронзило шею одной из тварей, легко войдя в нематериальное тело.

Когда тварь взорвалась фонтаном крови, обливая пол и броню Льва темнокрасным, он ощутил удар и дрожь от прошедшей по руке энергии. Оставшиеся существа, ничуть не пораженные странной смертью собрата, попытались окружить притарха.

Взвыли и затрещали болтеры, остальные Темные Ангелы из всех сил старались помочь командирю. Взрывы болтов мало подействовали на нефилл, зато отвлекли их. Описав Надеждой широкую дугу, Лев отразил занесенный клинок и рассек тела еще двох

атакующих, одновременно ударив
Отчаянием в лицо третьей твари.
Клинки врагов били по черно-золотой
бронь, врезались в покрытые эмалью
пластины так глубоко, как прежде не
врезалось ни одно оружие, хотя плоть Льва
оставалась не задетой.

Нарирүя еще один выстрел агского
лезвия, Лев нанес косою удар и опустил
Отчаяние на голову нефиллы,
попытавшейся зайти сзади. Палаш
расколол черный рог и рассек красную кожу
под плотью не оказалось черепа. Существо
свалилось поверх багровой кучи своих уже
мертвых собратьев. Через пару секунд,
проведя серию ударов, Лев истребил
уцелевших противников, и его броня
оказалась залита липкой красной жижей.
Невероятно, но эта жижа пахла кровью,
хотя у тварей не было ни вен, ни артерий,
ни сердец, способных ее перекачивать.

Встревоженный открытием, Лев
кликнул охрану и приказал ей без
промедления двигаться следом. Сам он
пошел вперед, расплескивая кровавые лужи.
По дороге примарх связался со Стением.

который оставался в стратегиуме.

— Сколько времени уйдет на то, чтобы запустить двигатель, капитан?

Спустя несколько секунд пришел ответ:

— Менее двадцати минут, монсеньор. У нас возникли некоторые проблемы. Враг преследует инженеров варп-сердечника и врвется в реакторный отсек. Лорд Корсвейн и леги фиана пытаются пробиться туда через кормовую палубу.

— Я встречу их в главном отсеке сердечника, капитан.

Лев перешел на бег и быстро оставил позади свой отряд Темных Ангелов.

Корсвейну было лишь чуть лучше от присутствия леги фианы. Взгляд третьего глаза навигатора подавлял врага, однако сама она быстро уставала и между атаками несколько минут отдыхала. В такие моменты Темными Ангелам приходилось защищать женщину при помощи обычного оружия: массированный огонь и, особенно, мощный выстрел из лазерной пушки могли

уничтожить нефиллу. Впрочем, это было нелегко, отряд расходовал боеприпасы и энергетически модули с потрясающей скоростью. Добираясь до транспортеров и лестничных пролетов, которые вели к отсеку варп-сердечника, космогосантники потратили более половины обойм.

На своем двукилометровом пути они сталкивались со все более многочисленными и ужасными противниками. Тут были парящие, подобные дискам, бестии, покрытые бритвенно-острыми когтями и с жадными ртами, которые могли в несколько мгновений прогрызть броню легионера. Встречались и шестиногие сущности с гигантскими, как у отаров, клешнями и сочащимися ядом языками, похожими на бичи. Постоянно меняющиеся призраки со зловеще ухмыляющимися рождами на груди прыгали, крутились и испускали из кончиков пальцев колдовской огонь. Отряд Корсвейна, первоначально состоявший из двухсот Темных Ангелов, теперь сократился вдвое. Двадцать восемь воинов погибли или были отправлены в

апотекарион, остальные перешли в
арьергард, чтобы держать оборону против
врага, способного материализоваться где
угодно.

Сенешаль в сопровождении личной
охраны спускался по главному трапу в
недра машинных палуб, другие отряды
тем временем разделились, чтобы
зачистить второстепенные пути
проникновения. На каждом шагу во
множестве попадались убитые люди из
экипажа корабля. Среди обезглавленных и
выпотрошенных трупов были и легионеры.
В их черной броне зияли дыры, ужасно
изуродованная плоть мертвецов
скорчилась. Корсвейн не понимал, чем
нанесены такие страшные раны.
Очувшившись на нижней палубе, он в
стыжении еще крепче сжал рукоять болт-
пистолета и силовой меч.

Здесь было пусто, если не считать
распухших останков инженеров и слуг, их
тела испускали зловоние мертвечины.
Водоводы высокого давления, кабели и
трубы, проложенные вдоль стен коридора,
оказались затронуты разрушением и

гнилью, отмечены пятнами ржавчины, местами покрыты мхом и даже водорослями. Стений ни за что не допустил бы подобного убожества на своем корабле. Волей-неволей, но напрашивался вывод: обветшание стало побочным результатом присутствия нефиллы.

Нечто похожее творилось уровнем ниже, враг не обнаружился и там. Собранные шестьдесят Темных Ангелов, Корсвейн приготовился к спуску на палубу варп-сердечника. Коридор и лестничные площадки, казалось, гудели от переполнявшей их энергии, но не только из-за реактора, питание которого обеспечивала эта зона корабля. Напряжение пронизывало даже воздух, мысли отрачала невидимая тень.

--- Присутствие варпа тут почти абсолютное, --- предупредила Фуана.

От усилий ее лицо застыло в напряженной гримасе, пот стекал по лбу и щекам, губы дрожали.

--- Сигнала тревоги нет, иначе я подумала бы, что варп-сердечник разрушен.

--- Сохранять бдительность, ---

приказал Корсвейн воинам и тут же понял, что это излишне, все и так находились на взводе. -- Не расслабляйтесь, убивайте все, что движется.

Он повел отряд вниз, к сектору варп-сердечника. Стены здесь были покрыты металлом -- толстым феррокрытом с прослойками агатантия. Палуба имела овальную форму, главный коридор шел по периметру вокруг отсека сердечника, боковые коридоры вели к контрольным станциям и караульным помещениям.

Покойники лежали повсюду. Некоторые были страшно, до неузнаваемости искалечены и больше не походили на людей. Прогвинувшись на сто метров, Корсвейн насчитал семь мертвых Темных Ангелов: судя по цвету брони, двое были технодесантниками. Ближняя дверь, через которую можно было добраться до варп-сердечника, теперь находилась на расстоянии пятидесяти метров. Вблизи нее груды мертвых тел оказались еще выше.

Позади прогремели выстрелы, в тот же миг из дверей отсека варп-сердечника хлынула волна нефилл. Они были

одинаковыми, маленькие твари с лицами на груди, их противоестественная плоть сияла розовым светом. Существа прыгали и катились кувырком вдоль по коридору, искры и струйки пламени вырывались из кончиков растопыренных пальцев.

Темные Ангелы открыли огонь, град болтов встретил нефила на пятидесятиметровой дистанции. Корсвейн несколько раз выстрелил из пистолета, поражая одну и ту же цель, пока, наконец, существо не треснуло, исторгнув из ран облако розового тумана. Вместо того чтобы упасть, нефила принялась дрожать и бешено крутиться, вибрирующий крик вырвался из ее беззубого рта.

Корсвейн прекратил стрельбу, пораженный тем, что произошло дальше.

Розовая нефила видоизменилась, отрастила дополнительную голову и разделилась надвое. Розовый окрас сменился фиолетовым, затем темно-синим, и два уменьшенных варианта прежнего существа с различным треском

получили самостоятельную жизнь. Угрожающе согнув пальцы, синие существа зарычали и, нахмурившись, уставились на атакующих костюмодесантников. То же самое произошло и с другими созданиями, упавшими под огонь. Они лишь разделились, чтобы возродиться в новых формах, розовый поток тварей стал розово-синим.

Стреляя в полуавтоматическом режиме, Корсвейн двинулся вперед с поднятым мечом. До синей массы врагов оставалось лишь несколько шагов, когда черный, иссушающий луч прошел мимо сенешаля. Это был взгляд третьего глаза леги Фуаны. Он расчистил проход, прогелав брешь в массе нефилл, и превратил их в синие и розовые искры, которые тут же рассеялись.

В пистолете Корсвейна закончились патроны, он взмахнул мечом и ударом силового клинка отсек протянутую руку ближайшей твари. Эффект получился странным. Движение меча не замедлилось, как это бывает, когда он попадает в плоть, не произошло и внезапного

сотрясения, которое возникает от удара по броне. Ощущение походило на удар по воображаемой резине, которая под напором прогнулась, а затем обрела прежнюю форму.

Третий глаз Фианы снова сверкнул, расчистив дорогу Темным Ангелам и позволив им врезаться в строй противника. Ревели болтеры, раздавался визг ценных мечей, принадлежавших сержантам, и треск от ударов силовых кулаков. Огонь подступил со всех сторон, он потрескивал вдоль края брони, проникая сквозь щели и стыки. Пламя охватило правый наколенник Корсвейна, краска лущилась, обнажая кератин, который тоже начал отслаиваться. Разрубив ударом меча хищное лицо нефили, сенешаль бесстрастно отметил, что огонь не дает дыма, это сбивало с толку больше, чем охватившее его ногу пламя.

Край шкуры, висевшей на спине Корсвейна, загорелся, но, прежде чем пламя распространилось, нефили рассеялись так же поспешно, как до этого материализовались. Обернувшись к

противнику, сенешаль понял, что все они уничтожены. Разноцветный туман завис в воздухе, будто капли краски в невесомости.

Перед тем как перезарядить пистолет, Корсвейн связался с примархом по прямому каналу:

— Монсеньор, мы собираемся войти в отсек Варп-сердечника. Насколько близко от нас вы находитесь?

— Двумя пальцами ниже, маленький брат.

В голосе Льва не было напряжения, хотя последующие его слова выдали то жестокое сопротивление, которое приходилось преодолевать примарху. Фоновые звуки радиопередачи состояли из гудящего воя и нечеловеческого визга. Внезапно шум оборвался.

— Я сейчас столкнулся с парой десятков врагов. Понадобится некоторое время, чтобы с ними разделаться. Мой отряд выдвигается вверх, он примерно в трехстах метрах позади меня. Обороняйтесь, отсек сердечника, я в самом скором времени буду у тебя.

Подтвердив получение ответа от

примарха, Корсвейн перезарядил пистолет и собрал своих воинов, не досчитавшись на этот раз семерых, погибших. После этого он направился ко входу в отсек сердечника.

Высота портала достигала нескольких метров. Сама дверь, хотя и оставалась на своем месте, оказалась пробитой взрывом и насквозь расплавленной, достаточного размера отверстия позволяли проникнуть внутрь.

Корсвейн ожидая, что вход будут оборонять, но ни одна нефилла не выступила против появившихся в проеме Темных Ангелов. Из отсека наружу рвались визги и вопли — это были очень высокие, невозможные для человека звуки. Пробравшись сквозь пролом с оружием наизготовку, Корсвейн очутился внутри отсека.

Здесь, в центре высокого помещения с куполообразным потолком, находилась хорошо экранированная восьмиугольная конструкция с заключенным внутри и покрытым многочисленными защитными оболочками варп-сердечником. Выгравированные на корпусе знаки

Механикум образывали сложное переплетение линий и форм, залитых сверкающим металлом, особенно ярким на фоне самого сердечника, черного, как обсидиан.

Десятки нефилл — розовых и синих тварей, с которыми космогесантники только что воевали, иступленно бросались к сердечнику, царапали его когтями, пытались прожечь себе путь струями розового огня. Их крики были исполнены разочарования и гнева. Другие твари вились вокруг конструкции, то падая, то карабкаясь вверх, подобно гаганским летающим акулам. Поглощенные своим стремлением разрушить варп-сердечник, нефиллы не обращали никакого внимания на появившихся в отсеке Темных Ангелов.

— Уничтожить их всех! — рявкнул Корсвейн, открыв огонь из пушолета.

Залп Темных Ангелов, которые стреляли из болтеров, обычных и тяжелых, из лазерного оружия и ракетных установок, врезался в скопище тварей, собравшихся вокруг сердечника.

Рассредоточившись в проходах, легионеры вели плотный, убийственный огонь. Некоторые из них целились в сторону купола, поражая бестий, которые, молотя хвостами, падали вниз с пронзительными криками. Тела нефилл, покрытые шипами и зубьями, подобные телам скатов, волнообразно подергивались при падении.

Из-за рассеивающейся энергии котната наполнилась завихрениями тизмов. Темные Ангелы продолжали стрелять так яростно, что вверх вздымались целые облака энергии варпала. Сквозь туман Корсвейн увидел, как шевельнулось нечто, возникшее из разрозненных фрагментов, дрейфовавших в котнате, подобно искрам огня. Оно превосходило размерами все, ранее виденное сенешалем, и было выше самого высокого костодесантника, даже выше Льва, хотя и не такое массивное.

Длинная красная молния, вспыхнув, вылетела из тумана. С неистовой силой прошла она сквозь ряды отделения сержанта Ленниана, раскалывая броню и поджаривая плоть Темных Ангелов.

Дымящиеся тела, подброшенные взрывом, вдребезги разбились о феррокрытые стены.

То, что появилось из крутящегося вихореворота утирающих нефилл, походило на гигантскую, кошмарную четырехметровую птицу. Птица держалась прямо, будто человек, хотя ее тощее, искривленное тело опиралось на лапы, схожие с лапами ястреба или орла, когти на ходу царапали металлический пол и высекали из него искры. Огненное одеяние ниспадало с торса и колыхалось, словно под порывами противоестественного ветра. Руки твари были глиняными и жилистыми, в когтях она сжимала огненный посох, который постоянно менял свой цвет. Распростертые крылья занимали почти весь отсек, переливающиеся перья волочились по полу.

У бестии было две головы, каждая на длинной чешуйчатой шее: одна --- гротескная, как у стервятника, другая --- наподобие змеиной. Гребни из глиняных разноцветных перьев украшали эти

головы, с перьев каплями стекал красный и синий огонь. А глаза... Корсвейн быстро пожалел, что встретился с пристальным взглядом твари, но уже не сумел отвернуться. Глаза нефиллы были черными: черными, как бездна межзвездного пространства, чернее самой мрачной пещеры Калибана. Сенешаль увидел собственное отражение в глазных яблоках эбенового цвета. Это была крошечная фигурка, затерявшаяся в необъятном пространстве Вселенной, мелкая, незначительная пылинка в окружении всех гнущестей мироздания.

Нефилла взмахнула посохом, и снова многочисленные молнии заполнили отсек, разорвав в клочья еще полдюжины легионеров. Болтерные снаряды взрывались без видимого эффекта, лучи лазганов отражались от крыльев твари, не причиняя ей вреда.

Леги Фуана выступила вперед, шагнув мимо Корсвейна. Она дрожала, но все же сдвинула обруч, который прикрывал третий глаз. Сенешаль, отводя взгляд от нефиллы, успел заметить, как варп-глаз

навигатора метнул черный луч. Этот луч ударил существо в грудь и взорвался вспышкой темной энергии, заставил нефиллу отступить на шаг, но не более того.

В испуге, судорожно хватая ртом воздух, Фиана снова использовала свой варп-взгляд. На этот раз нефилла, оставив посох в одной руке, протянула вторую и остановила луч пальцами. Энергия прилипла к руке твари и заиграла между пальцами, как миниатюрный, но бурный поток. Чешуйчатая голова склонилась, исследуя сияющий сгусток силы. Змеиные глаза сузились и устремились на Фиану, рука метнула энергию назад в навигатора.

Тело Фианы окутала чернота. Женщина испустила пронзительный вопль, ее сосуды запульсировали под кожей, из глаз, ушей и носа потекла кровь. Фиана упала и осталась лежать без движения.

Корсвейн вновь попытался сосредоточиться на нефилле и вскинул пистолет. Обе пары глаз существа оглядели отсек, шеи вытянулись, чтобы в поле зрения попали все Темные Ангелы.

Нефилла размахистым жестом послала волну энергии, которая прокатилась по отсек, сбивая легионеров с ног. Отброшенный, как и другие, Корсвейн рухнул на спину рядом с порталом.

Вытянувшись во весь рост, нефилла повернула к сенешалю обе головы. Она выглядела расслабленной, и, удерживая посох одной рукой, другой поглаживала свою огненную одежду.

Когда все четыре глаза установились на Корсвейна, нечто странное проникло в его мозг. Подобное происходило при варп-переходе, но сейчас ощущение было острее и поразило самую сердцевину разума. Казалось, чужие пальцы копаются в мыслях и воспоминаниях, перебирая их по очереди.

Сенешаль пытался сопротивляться, но не сумел отразить ментальную атаку существа.

Внезапно его конечности онемели. Он встал, но не по своей воле, а потому, что его заставили. Темные Ангелы вокруг него едва-едва оправились от воздействия ударной волны, которую послала тварь во время предыдущей атаки.

Корсвейн попытался стириться с близкой смертью, но это было так трудно... Прежде он ни за что не поверил бы, что закончит свою жизнь подобным образом — беспомощный, будто новорожденный, перед лицом непостижимого врага. Он хотел выругаться или посвятить свое последнеедыхание примарху и Императору, но сенешалю отказали даже в такой чести.

Тело больше не принадлежало ему.

Нефилла выставила костлявый палец и поманила Корсвейна к себе.

Лев бронированным ботинком отшвырнул собакоподобное существо, и оно покатилося вдоль по коридору. Сделав полдесятка шагов, примарх обрушил удар мечей на спину пытавшегося восстановить равновесие противника. Существо развалилось натрое, оросив кровью полубный настил.

Примарх остановился на мгновение, чтобы оценить ситуацию. Пятидесятиметровый трап, который вел вниз к отсеку варн-сердечника, был

свободен от врагов. Лев слышал, как его собственный отряд сражается где-то позади, эхо болтерной стрельбы отражалось от стен только что покинутой лестничной клетки. Он знал, что его маленькие братья находятся в ужасном положении, но должен был сосредоточиться на собственной цели: восстановить управление сердечником так, чтобы двигатели и поле Теллера заработали.

Примарх уже шагнул вперед, но в этот момент его коммуникатор загудел, и раздался голос Корсвейна. Сенешаль будто находился в напряжении и говорил сквозь стиснутые зубы.

--- Монсеньор, путь к варп-сердечнику защищен. Приходите немедленно. Здесь есть кое-что, не поддающееся уничтожению. --- В коммуникаторе раздалось шипение. --- Оно... оно хочет поговорить с вами...

Всего через несколько мгновений Лев с разбега ворвался в отсек варп-сердечника. Темных Ангелов там было несколько

южин, они стояли вокруг чудовищной, птицеподобной нефиллы, направив на нее оружие, но не стреляли. Рядом с тварью находился Корсвейн, тоже неподвижный, на расстоянии всего нескольких метров, бессильно свесив руки.

«Прекрати атаку, иначе он будет уничтожен».

Эти слова проникли в сознание Льва, напряжя слух. Голос был мягким, мелодичным и контрастировал со свирепым, грубым обликом существа, хотя, без сомнения, говорило оно. Намерения нефиллы были ясны. Притарх остановился и приготовил мечи, чтобы защищаться. Его воины не реагировали на происходящее, очевидно, слова предназначались ему одному. Лев не знал, была ли пассивность костогесантников добровольной или вынужденной, но, в любом случае, сейчас они находились в серьезной опасности.

— Не я атаковал первым, — сказал Лев, подходя к призраку ближе. — А теперь тебе следует уйти.

«И впустую потратить столько усилий? А ведь они потребовались, чтобы

попасть сюда. Я долгое время искал тебя, Лев Калибана».

Голос существа казался знакомым, словно пришел из полубытого сна. Лев не знал, где и когда слышал его прежде, но понимал, что это происходит не впервые. На дне разума шевельнулись неопределенные воспоминания о просьбе и мольбе.

«Да, это верно. Я прежде приходил к тебе».

— Убирайся из моих мыслей.

Лев сделал шаг влево и сосредоточился, пытаясь вытеснить существо из своего разума. Он представил себе поднятый, будто для отражения физического нападения, щит. Это была ловка, которую он освоил, выслеживая нефили на Калибане. Одна голова птицеподобной бестии повернулась, чтобы следить за припарком своим неистижимым взглядом, другая, неподвижная, продолжала наблюдать за Корсвейном.

«Такое могло бы сработать в материальной вселенной, но не здесь. Ты в

моем мире, или, в крайнем случае, балансируешь на его грани. На сей раз тебе не удастся меня игнорировать».

--- Я не веду переговоров с чужаками, --- заявил Лев и сделал еще несколько шагов влево, сокращая расстояние между собой и нефиллой.

«Чужак? Я --- чужак? --- В голосе появилось отчаяние. --- Я не какое-нибудь простое создание из твоей Вселенной, а нечто куда большее. Я --- дающий и принимающий, перекресток судеб, мастер параллелей. Передо мною лежит прошлое и будущее. Не принимай меня за тупого противника, которого можно победить силой рук».

--- Ты не сумеешь предложить мне нечто такое, что я принял бы.

Теперь Лев находился позади твари, змеиная голова все еще глядела на него, не мигая, стервятник тем временем продолжал пронизывать Корсвейна взглядом.

«Неправда. Ты не желаешь власти, это понятно. Твои амбиции прискорбно недоразвиты по сравнению с одной из

твоих способностей. Ты счастлив тем, что позволяешь своим братьям жить в свете величия вашего отца. Ты даже готов пожертвовать собой, лишь бы сохранить верность воспоминаниям о том, что было однажды».

Лев продолжал двигаться по кругу, и шее нефиллы скрестились. Он противился притягательной силе, скрытой в словах существа, эти слова, словно эхо, перекликались с ядовитой насмешкой Ночного Призрака.

«Свобода, Лев Калибана. Я могу дать тебе свободу. Ты сам знаешь, что эти маленькие существа тебя не заботят. Они только отвлекают тебя. Их слабости, их мелкие ссоры — все это ненужные пустяки, которых следует избегать. Даже война, которую ты ведешь, не имеет значения».

— Нельзя отдавать Хорусу победу.

«Победа Хоруса — не твоя забота. Все вокруг бренно, даже жизнь великого магистра войны. Я был свидетелем взлетов и падений каждой цивилизации во Вселенной. Ни одна не устояла, все поглотил Хаос».

Это слово --- «Хаос» --- нашло болезненный отклик в мыслях самого Льва. Он мельком увидел вечность, энтропию постоянно меняющейся Вселенной, новые жизни, рождающиеся из смерти, звезды, гаснущие ради создания новых миров, миры, которые умирали, чтобы сформировались новые звезды, и все это в постоянном движении.

--- Император указал нам новый путь. Правда Императора переживет вечность.

Стех раздался под сводом черепашьего припарка.

«Глупец! Ваш Император --- не кто-то иной, как мошенник с большими амбициями. Его империя всего лишь одна из доктрин человечества, она падет так же легко, как и остальные».

Слова были произнесены с презрением, и все же они заронили искру надежды в сердце Льва: тварь говорила об Императоре в настоящем времени. Это означало, что Повелитель Человечества все еще жив.

Нефилла больше не могла следить за Львом змеиными глазами и на миготорвала пристальный взгляд от

Корсвейна. Элеиная голова качнулась к сенешалю, в то время как личина стервятника переместилась к примарху.

Это была та самая доля секунды, необходимая Льву.

Прежде чем пристальный взор вновь обратился к Корсвейну, Лев ринулся к нефилле с мечом в вытянутой руке. Она отреагировала поразительно быстро, развернувшись в его сторону, посох поднялся, чтобы извергнуть пучок ветвистых молний.

— Убей эту тварь, Кор! — прорычал Лев, когда гирлянда потрескивающей энергии окутала его, наполняя болью руки и ноги, голову и грудь.

С ревом примарх вырвался на волю из окружившей его сети молний, все еще стараясь поразить тело нефиеллы мечом. Собравшиеся вокруг Темные Ангелы открыли огонь, и существо оказалось под градом их выстрелов. Корсвейн отпрыгнул подальше, болт-пистолет сенешалья выстрелил очередью.

«Предсказуемый дурак».

Посох нефиеллы взметнулся, парировав

первый удар Льва. Существо свернуло крылья и крутанулось, уйдя с линии атаки примарха, змеиная голова обнажила клыки и попыталась вцепиться ему в горло.

Лев сделал полшага и бросил Надежду, удар которой отклонила нефилла. Его пальцы, закованные в латную перчатку, сжали тонкую змеиную шею. Примарх намеренно рухнул на пол и, не размыкая хватки, потащил нефиλλу за собой, ее грудь напоролась на приготовленное для этого острие Отчаяния.

Поврежденная, но не убитая --- нефилла пришла в ярость и вырвала рукоять меча из руки примарха, крылья снова распрямились. Теперь они были как у летучей мыши и сияли золотом. Клюв стервятника ударил в шлем Льва, в то время как другая голова попыталась освободиться от его захвата. Отчаянно толоча крыльями, тварь хотела подняться и отстраниться, но Лев, не ослабляя хватки, потянул ее назад.

--- Видишь, как это бывает?! --- прорычал Лев и снова взялся за рукоять

меча, лезвие которого оказалось полностью погруженным в нефиллу. Он ощутил момент контакта, нечто глубоко спрятанное в нем самом соединилось с сущностью нефиллы. Его гнев бұшевал, прокладывая себе путь сквозь руку, через кулак, вдоль погруженного в существо лезвия. Этот гнев походил на белый огонь, который, пульсируя, вырывался из сердца Льва.

Вопли пронзенной твари ворвались в разум притарха. Ее тело взорвалось и превратилось в комок энергии, который, расширившись, наполнил отсек огнем. Это плата лишило Льва равновесия, капли расплавившегося меча забарабанили по броне.

Наступила тишина. Черная броня притарха оказалась покрыта слоем запекшейся крови, его разум все еще трепетал от предсмертного крика нефиллы. Лев встал, подобрал Надежду, которая лежала на полу, и подошел к пульту управления варп-сердечником. Большая часть устройства оказалась опаленной и сломанной. Лев принялся

убирать треснувшие панели, чтобы
добратся до скрытых под ними схем.
Затем он наскоро оценил повреждения и
активировал коммуникатор.

--- Капитан Стений, варп-двигатели
заработают через семь минут. Готовыте
поле Геллера и сами готовьтес к
переходу.

Стоило «Непобедимому разуму» полностью перейти в варп, и поле Теллера защитило его от воговорота энергии, а Темные Ангелы начали наступление. Как и предполагала леги Фиаана, нефилины лишились силы, которую получали из своего мира, и сделались уязвимыми для оружия костодекантников. Вновь восстановленные в своем статусе библиарики участвовали в зачистке, а Лев возглавлял ее. Боевую баржу прочесали, уцелевших врагов выгнали из укромных мест и пристрелили. Два дня продолжалась эта экзекуция, коридоры и оружейная палуба, отсеки двигателей и победенные залы, спальни и помещения для тренировок оглашались ревом болтеров и боевым кличем Первого легиона, который вершил свою месть.

Почти триста Темных Ангелов пали во время сражения, многие из них — в первые часы штурма. Еще вдвое больше погибло слуг легиона и членов экипажа

корабля. Апотекарион был переполнен
выжившими легионерами. Многие из них
страдали от ужасных, уродливых ран,
которые противоестественно сильно
гноились или продолжали покрываться
волдырями и кровоточить, несмотря на
усилия апотекариев.

Среди находившихся на излечении
была и Фиана, которая еле-еле выжила
после удара, нанесенного энергией ее же
собственного третьего глаза. Женщина на
койке походила на иссохшую старуху, и,
хотя тело осталось неповрежденным,
разум расстроился после психической
атаки, которую каприза ради устроила
нефилла. Несмотря на это, Фиана и ее
коллеги делали все возможное, чтобы
помочь легионерам. Отделенные от варна
полем Теллера, нефиллы стали
заметными для навигаторов, которые
сопровождали каждый отряд Темных
Ангелов. Эти отряды сеяли смерть и
находили свои цели даже в самых темных
и укромных уголках. Поэтому прочего,
навигаторам пришлось вести
«Непобедимый разум» к Пердигтусу.

добиваясь максимальной скорости, так как на этом настаивал примарх.

Спустя восемь дней навигаторы наконец объявили, что корабль находится в непосредственной близости от системы Пердитус. Леги Фуана уже в достаточной мере оправилась после испытания, сумела занять свое место и управляла кораблем, следуя обычному распорядку. Как только «Непобедимый разум» достиг цели, но еще до перехода в обычный костюм, она попросила аудиенции у Льва. Как и прежде, Лев принял ее в тронном зале в присутствии Стения и Корсвейна. Сенешаль не раз посещал Фуану в библиотеке, они виделись, но обсудить случившееся не получалось. На этот раз момент снова выдался неподходящим: переход в материальное пространство откладывался, и это явно раздражало примарха.

— Происходит что-то неправильное, прославленный примарх, — объяснила Фуана, подчиняясь Льву, который приказал назвать причину сомнений.

Женщине приходилось опираться на простоту, сделанную техногесантником из глиняной гофрированной трубки. Навершием служил черный как стальной камень, наконечник старательно вырезали из куска материала, который обычно использовался в сочленениях силовой брони. Говорила Фиана хриплым шепотом, тяжелые вздохи прерывали ее речь.

--- По наблюдениям и расчетам, мы достигли Пердигуса, но за последние три часа нам не удалось обнаружить ни одного варп-маяка, который подтвердил бы это однозначно.

--- Бүри? --- предположил Корсвейн.

--- Напротив, варп тут невероятно спокоен, что и вызывает тревогу. Никакого движения, потоки как будто затихают и сходят на нет. Думаю, именно этот негативный эффект мешает сигналам маяка.

--- Тут нет никакой тайны, --- сказал Лев, и возбужденное выражение на его лице стихчилось. --- Мы наблюдали то же самое, когда впервые явились сюда. Это феномен заводи, Механикум уверили меня, что он

является побочным эффектом их работы на Пердигтусе. Значит, мы на месте. Капитан Стений, прижмите меры, чтобы как можно скорее осуществить переход.

--- Нечто в самом варпе является причиной этой странности, прославленный примарх, --- настойчиво повторила Фиана, с трудом делая шаг в сторону Льва. --- У я... и другие навигаторы --- все мы ощущаем, что оно здесь есть. За этим спокойствием кроется подводное течение.

--- Ваши наблюдения приняты во внимание, леди Фиана. --- Примарх встал, дав тем самым понять, что беседа окончена. --- Пожалуйста, впредь по этому вопросу обращайтесь к капитану Стению.

Фиана в душе посетовала на столь небрежно данную ей отставку. Навигатор не могла подавить беспокойство, вызванное злобещим открытием, хотя и понимала, что больше не может обсуждать этот вопрос с примархом. Тот уже перенес свое внимание на Корсвейна. Фиана покорно склонила голову, решив, что тайна все равно в скором времени раскроется.

После того как «Непобедимый разум» ворвался в материальное пространство и вышел на связь, оказалось, что некоторые корабли Темных Ангелов уже находятся в системе Пердигтус, хотя другие суда, числом около дюжины, до сих пор прокладывали путь через варп. Движение флота в варп-пространстве всегда было делом нелегким, а теперь еще и штормы создавали дополнительные проблемы. В основном по этой причине Темные Ангелы никак не могли вступить в решающий бой с Повелителями Ночи в Тратасе. Пока суда готовились противостоять противнику и собирались в достаточном количестве в какой-нибудь системе, неуловимые враги успевали уйти от прямого столкновения.

Лев взвесил оба варианта: продолжать дожидаться отставших кораблей флотилии или начать наступление на станцию Механикум, расположенную на планете Пердигтус Ультима. Примарх предполагал, что Железные Руки и Гвардия Смерти уже осведомлены о его прибытии, и не видел

причины медлить, поэтому на полной скорости повел пять своих кораблей вглубь системы.

Оставив без внимания непригодные для жизни газовые гиганты на краю системы, Темные Ангелы сняли показания с датчиков наблюдения и обнаружили, что два флота выполняют затяжное маневрирование вокруг Пердигус Ультимы, планеты, ближайшей к звезде и находившейся на самом краю пригодной для обитания зоны. Идентификационные коды и сигналы внутренней связи указывали на то, что сюда принадлежат легионам Железных Рук и Гвардии Смерти. Каждая флотилия состояла не более чем из полудюжины судов, и, даже объединившись, эти корабли не могли противостоять мощи появившихся в системе Темных Ангелов. Оба флота на вызовы не отвечали. Ни с ними, ни с наземной станцией на Ультиме связь установить не удалось.

До цели оставалось пять дней пути, когда, в момент пересечения орбиты Пердигус Секундус, воины Первого легиона

оказались на достаточном близком расстоянии от Пердигус Ультимы и сумели обнаружить развернутые на ней силы. Судя по данным радиоперехвата, стороны находились в патовой ситуации не только в космосе, но и на планете. Корабли Железных Рук и Гвардии Смерти, словно в танце, кружились на высокой орбите. Каждый пытался занять подходящую позицию и поддержать наступление собственных войск. Враждующие стороны не могли получить преимущество без решающего космического сражения, которое могло закончиться в том числе и разгромом. В результате они вошли в клинч, и никто не хотел рискнуть поражением ради победы.

Созвав совет капитанов, Лев определил план действий для Темных Ангелов.

— Мы расположим наш флот между кораблями Железных Рук и Гвардии Смерти, а потом потребуем прекратить военные действия, — объявил примарх офицером, собравшимся в тронном зале на борту «Непобедимого разума». — Раз ни

одна из сторон не хочет рисковать схваткой, едва ли они сильно захотят получить нового врага.

--- Опасный план, монсеньор, --- заявил капитан Масурбаил, который командовал фрегатом «Интервенция». --- Мы лишь окажемся в рискованном положении, и что с того? О факте нашего прибытия и о нашей численности уже знают и те, и другие, так что ни к чему подвергать себя опасности прямой атаки.

--- Проявление воли и угроза, --- ответил Лев, холодно устехнувшись. --- Наши намерения и наша решимость должны быть кристально ясны с самого начала, чтобы противники не вообразили, будто наши требования беспочвенны. Пердигитус теперь под эгидой Темных Ангелов, и чем скорее мы сделаем этот факт явным, тем быстрее завершим свои дела здесь и сможем продолжить операцию против Повелителей Ночи.

--- А Гвардия Смерти, монсеньор? --- спросил Корсвейн. --- Почему бы нам их не атаковать с помощью Железных Рук? Всем известно, что

Гвардия Смерти присоединилась к Хорусу с первых же дней мятежа.

— Пока мы не уверены ни в чьей лояльности, Механикум это тоже касается, поэтому не стоит ждать помощи ни от кого. После того, как Мануса убили на Усстваане, Железные Руки остались без лидера. Кто знает, кому теперь они на самом деле хранят верность? К тому же стало известно, что некоторые легионы перешли на сторону Хоруса не в полном составе. Отряды и корабли рассеялись по Галактике, да и варп-шторма привели к изоляции многих секторов, так что братец, о данной ситуации не стоит судить столь поспешно. Может оказаться, что в Пердитусе лояльна Гвардия Смерти, а Железные Руки поднялись против власти Императора.

Корсвейн с поклоном принял мудрость примарха. Тем временем слово взял капитан Стений:

— Желаете ли вы, монсеньор, разместить войска на Пердитусе Ультима? Должны ли мы прорваться на

низкую орбиту сквозь оцепление Железных
Рук и Гвардии Смерти?

— Именно таково мое намерение,
капитан Стений, — ответил Лев. —
«Непобедимый разум» возглавит прорыв к
Пердигтус Ультиме, пройдя сквозь
переговорные части двух вражеских флотов.
Мы должны предупредить их по
радиосвязи, что на любые враждебные
действия будем реагировать немедленно,
решиительно и ударим превосходящими
силами. Я проинструктирую наш флот,
как только мы закончим совещание. Еще
вопросы есть?

В интонации Льва сквозил намек на
то, что дебаты уже закончены, и
собравшиеся капитаны преклонили колени
в знак того, что подчиняются приказу
примарха. Они угалились, но Корсвейн
задержался в зале для аудиенций, желая
поговорить с повелителем наедине. Лев
взмахом руки разрешил ему высказать свое
мнение.

— Вполне возможно, что ваши слова
верны, монсеньор. Но остается
вероятность, что в этой ситуации

Железные Руки верны Терре, а Гвардия Смерти присягнула Хорусу, — сказал сенешаль. — Мы должны подготовить наше продвижение таким образом, чтобы защититься от атак Гвардии Смерти.

— Как скажешь, братец. Тем не менее, не будь так уж уверен в лояльности Железных Рук. Мы живем в сложное время, и не так просто отличить тех, кто сражается на нашей стороне, от тех, кто сражается против нас. Враждебность по отношению к Хорусу не гарантирует верности Императору. Существуют и другие силы, которые реализуют право на господство в своих владениях.

— Я не понимаю, монсеньор, — признался Корсвейн. — Кому еще можно присягнуть, кроме Хоруса и Императора?

— А кому служишь ты? — ответил Лев вопросом на вопрос.

— Терре, монсеньор, и делу Императора, — мгновенно отозвался Корсвейн, вытянувшись, словно подсудимый на допросе.

— А как же твоя клятва мне, маленький брат? — Голос Льва прозвучал

тихо и загадочно. -- Разве ты не лоялен к Темным Ангелам?

-- Конечно лоялен, монсеньор! -- Корсвейна ошеломило предположение, что он мог бы считать иначе.

-- Есть и другие силы, для которых на первом месте -- их примарх и легион, -- объяснил Лев. -- Если бы я велел тебе отказаться от любых попыток защитить Терру, что ты ответил бы?

-- Пожалуйста, не шутите так, монсеньор. -- Корсвейн покачал головой. -- Мы не можем позволить Хорусу победить в этой войне.

-- А кто тут говорит о Хорусе? -- уточнил примарх.

Он закрыл глаза и несколько мгновений тер лоб, а затем оглядел Корсвейна, оценивая его.

-- Это не твоя проблема, братец. Подготовь силы к нападению, а главное бремя пусть останется на моих плечах.

Устроившись возле бронированных окон главной цитадели станции Магелликс, капитан Ласко Mugo

непрерывно следил за комплексом
Механикум. Его внимание было направлено
на юг и на восток, в сторону седьмого,
восьмого и девятого форпостов,
захваченных Гвардией Смерти. За
пределами низкой восьмиугольной
конструкции находились зеркальные
экраны, которые окружали по периметру
весь объект и создавали микроклимат за
счет восходящих тепловых потоков. Эти
потоки позволяли более или менее
охлаждать Магелликс и поддерживать в
нем температуру, если не сносную, то
хотя бы пригодную для жизни. Платформы
противника был закрыт не только
вздымающимися горами Пердигтус
Ультимы, но и покровом плотного
зеленоватого тумана, который
простирался на тысячи километров. На
высоте многих километров над уровнем
равнины эта пелена искрилась под лучами
солнца, которые отражались от
золотистого зеркального покрытия на
катне.

Слой вездесущего тумана искажал
дистанцию. Несмотря на то, что

отдаленные сооружения находились в нескольких километрах, они выглядели крупнее и, казалось, располагались на расстоянии болтерного выстрела. Тепловое мерцание, исходявшее от зеркальной стены, только усугубляло проблему. Все это мешало чувству перспективы и не помогало решению стоящей перед капитаном задачи: обнаружить врагов, если они проникнут внутрь приземистой крепости с намерением атаковать.

Рядом с Мугоа стоял капитан Казалир Лорратех, командир Девяносто восьмой роты. Оба офицера легиона Железных Рук прибыли на Пердитус Ультиму около сорока дней назад и все это время носили полное боевое снаряжение. Теперь они сняли шлемы, поскольку искусственная атмосфера внутри Магелликса позволяла это сделать. Оба костодесантника выглядели практически одинаково: коротко стриженные седые волосы, широкие лица и грубая кожа. Лишь две приметы позволяли различить их: глаза Лорратеха были голубыми от

природы, в то время как глаза Мугоа представляли собой имплантированные серебристые линзы. Вставленный в трахею Мугоа респиратор затенял нижнюю челюсть и горло и ритмично шипел в такт дыханию. При разговоре голос капитана раздавался из небольшого динамика, встроенного в правую скулу. Устройство превращало слова Мугоа в напевный речитатив, который не вязался с механическим обликом костогесантника.

— А ты уверен, что они направляются прямо на орбиту? — спросил Мугоа, когда Порратех сообщил, что Темные Ангелы идут к Ультиме на полной скорости.

— Да, железный отец, — отозвался Порратех низким и грубым голосом. Каждое слово он произносил сквозь стиснутые зубы, едва шевеля губами.

Мугоа, которого соратники-капитаны избрали командиром экспедиции, был лишен возможности улыбаться, поэтому он и не улыбался, когда кто-нибудь использовал это древнее почтительное обращение, предмет его гордости.

--- Курс и скорость у них соответствуют орбитальным, так что они окажутся на высокой орбите менее чем через три часа.

--- Оболочку подавления связи они еще не пересекали?

--- Прямой связи с Темными Ангелами пока нет.

--- А что с этими? --- спросил Мугоа, указав через стекло окна на позиции Гвардии Смерти. --- Что они делают?

--- Враг, похоже, идет наперехват. Своего разрешения, я просигналю флоту, чтобы они начали контрманевр. Мы займется кораблями Гвардии Смерти и прикроем прибывающих Темных Ангелов. У них во флотилии две боевые баржи, а такая орбитальная поддержка придется очень кстати.

--- Разрешаю, --- подтвердил Мугоа. --- Сейчас мы получаем неожиданную возможность, Казалир. Сними с патрулирования и заberi из гарнизона девять из десяти отрядов. Пусть соберутся в главном транспортном ангаре. Оттуда и начнет атаку.

— Бюджет сделано, железный отец. С помощью Темных Ангелов мы выбьем Гвардию Смерти с Пердигутса и обеспечим сохранность механизма Тухули.

В течение следующего часа Мидо собирал силы, необходимые для контрнаступления. Отделения и роты снимали с их позиций вокруг Магеллика и окружающего его скалистого плато и переправляли по секретной подземной дорожке. Дорога была проложена по поверхности Пердигутс Ультимы еще до приведения планеты к Согласию Имперским флотом.

Железные Руки выехали через главные ворота второй цитадели. Боевые танки «Хищник» и «Лендрейдеры» возглавили удар, БТРы «Рино» и более крупные «Мастодонты» шли следом под прикрытием машин, оснащенных тяжелым вооружением.

Почти мгновенно заградительный огонь восьмой цитадели пронзил сумрачную атмосферу Пердигутса: ударили лазеры, сверкнули вспышки тяжелых орудий. Авангард колонны развернулся и

выехал на защищенные позиции, танки заняли станцию, окруженную разбросанными тут и там валунами. Их гусеницы кромали скаты и плоские феррокрытые блоки, предназначенные для защиты системы очистки воздуха. Вскоре ответный огонь Железных Рук ударил в стены отдаленных башен, оставляя следы на феррокрыте и отламывая массивные куски от обзорной площадки.

Вслед за этим шквалом огня вперед продвигалась еще одна волна наступающих. Их «Рино» с заграенными люками, под рев моторов, на полной скорости мчались по каменистому грунту. Мидоа находился на головном транспорте, подавая воинам пример. Более медленные и крупные «Мастодонты», каждый с четырьмя гусеницами, возвышались над «Лендрейдерами» и двигались сквозь пыль и туман так быстро, как могли. Их тяжелые гусеницы прорезали колеи в прокаленной поверхности Пердигуса Ультимы.

Прежде чем Железные Рук

добрались до восьмой цитадели, но нит
ударили пушки девятой. Мугоа понимал,
что от усиливающегося перекрестного
огня атакующих надежнее всего защитит
скорость. Стоило миновать
трехсотметровую полосу земли,
интенсивно поливаемую этим огнем, и
грозда восьмой цитадели перекрыла бы
соседним сооружением сектор обстрела.

Пересекавшие зону поражения,
первыми получали преимущество.
Артиллеристы не успели прицелиться и
поразить «Рино» Мугоа, однако
транспорт сержанта Холтиза, шедший
сзади на расстоянии десяти метров, попал
под огонь лазерной пушки. Двигатель
начал дымиться, разбитый «Рино»
занесло, воины в серебристо-черной броне
посыпались на пыльный каменистый грунт.
Уцелевшие БТРы мчались мимо них.
Приказ Мугоа был прост и ясен: ни в коем
случае не останавливаться. Легионеры,
которые на своих транспортах
проносились мимо попавших в беду
братьев, знали, что самый верный способ
помочь отставшим — это атаковать

пушки на позициях Гвардии Смерти.

Чтобы миновать смертельно опасную зону, потребовалось пятнадцать секунд, и эти пятнадцать секунд были самыми долгими в жизни Мидоа. Он, скорчившись, сидел в заднем грузовом отсеке вместе с другими легионерами отряда, готовыми выскочить наружу, если их транспорт подожьют на ходу. Но комм-связи прошло сообщение, что еще один «Рино» поврежден, потом подбили третий, но к этому времени первые транспорты уже почти достигли вспомогательных ворот восьмой цитадели -- до прохода оставалось всего сто метров. Семь «Рино» и три «Лендрейдера» проникли за линию огня. В отдалении за ними двигались восемь «Мастодонтов», каждый вез сорок воинов легиона Железных Руки, силовые щиты машин, поглощая удары автоматических и лазерных пушек, полыхали фиолетовым светом.

«Рино», развернувшись, остановились так, что оказались ниже прицела пушек. Отряд под командованием капитана Тагерига спешно выгрузился и встретился

к стене цитадели, легионеры несли с собой генератор поля. С самого своего прибытия на Пердитус Мугоа курировал создание этого устройства при содействии союзников-Механикум. Всего за несколько секунд платформа на четырех подпорках оказалась собранной, генератор поля установили на нее. Основной объем корпуса машины занимал параболоидный концентратор энергии, в центре которого находились тысячи катушек индуктивности, предназначенных для передачи силового поля.

Мугоа присоединился к своим воинам. Он еще раз отрегулировал машину, которую сам кропотливо собрал и подготовил, используя старые туннельные передатчики и другие фрагменты варп-техники, оставленные прежними жителями Пердитуса. Они, к сильному удивлению Мугоа, применяли энергию варпа так же свободно, как Империя применяла плазму и электричество.

Мугоа потянул за рычаг активации и отступил на шаг, раздался треск

заработавшего электромагнитного привода. Устройство осталось непроверенным — не хватило времени, машину планировали использовать лишь через несколько дней для тайной атаки на девятую цитадель, но Мугоа знал, что теоретически она должна заработать. Невнятно пробормотав старую медузскую поговорку, он выждал, пока конденсаторы полностью зарядятся, а потом включил катушки индуктивности.

Силовое поле ожило, оно походило на конус переливающейся энергии. Все, что оказалось в пределах этого поля, исчезло, включая окружность стен восьмой цитадели, хотя в толщину они достигали трех метров. Спустя секунды Мугоа отключил машину и шагнул в только что проделанную брешь, его отряд следовал за ним по пятам.

Комнаты внутри цитадели под воздействием силового поля исчезли, то же самое произошло с перекрытиями и внутренними стенами цитадели в радиусе двадцати метров. Взгляду открылся настил верхнего уровня и нижний

цокольный этаж. Аккуратно рассеченные кабели искрились, из труб, предназначенных для рециркуляции воздуха и теперь перерезанных, вырывался грязный пар. Темноту нарушал свет фонарей, прикрепленных к броне — Железные Руки двинулись вперед, держа оружие наготове.

— Что значит — восьмая цитадель разрушена?!

Калас Тифон, первый капитан легиона Гвардии Смерти, командир Хранителей Могил, и так находился в плохом настроении, а известие о победе Железных Рук тем более его не порадовало.

— У них генератор силового поля, командующий, — отозвался его помощник, капитан Вайосс, и поневоле отступил на шаг, когда его начальник обернулся. Из-за Тифона, который носил массивную броню терминатора, в командном пункте седьмой цитадели почти не оставалось места. Голос Вайосса был низким и сдержанным, с нечленораздельным шипением, говорить мешала уродливая

гноющаяся рана справа на челюсти.

--- Саррин чересчур увлекся защитой
ворот, вот по нему и ударили с фланга,
проломив стену.

--- Почему именно сейчас? --- не
унимался Тифон. Он раздраженно потнул
головой, собранные в пучок темные волосы
хлестнули, будто конский хвост. --- Они
связались с Темными Ангелами?

--- Это невозможно, командующий.
Подавляющее поле «Терминус Эст» все еще
работает, ни одно сообщение с
поверхности планеты не дойдет до высокой
орбиты.

--- Но Темные Ангелы все-таки
держат курс прямо на Пердитус Ультимус?

Вайосс кивнул. Его болезненные
черты исказила мрачная гримаса.

--- Да, они выйдут на орбиту самое
большее через два часа, командующий.

--- Тогда в запасе не более двух часов,
чтобы наказать нашего слабоумного врага
за его безрассудную храбрость. Противнику
следовало бы дождаться гарантированного
превосходства на орбите. Свяжись с
флотом, прикажи подольше избегать

столкновения. Пока Темные Ангелы будут
взвешивать возможности, мы выиграем
еще один час.

--- Вы планируете атаку,
командующий?

--- Да, и прямо сейчас. Отец что ---
твои глаза вынут?

Тифон ударил кулаком в плечо
Вайосса, заставив того потерять
равновесие и врезаться в гласситовую
поверхность купола, который заменял
помещению и стены, и потолок. От
пораженного коррозией доспеха Вайосса
отделились и поднялись в воздух мелкие
частицы ржавчины.

--- Пока у нас есть шанс, мы должны
освободить Түхүлхү. От нашего успеха
многое зависит. Передай Гүзүлү, пусть
атакует со стороны девятой цитадели.
Мы заманим врага в ловушку, он попадет в
клещи, а мы продвинемся в сторону
главного комплекса.

--- За Отца! --- воскликнул Вайосс,
склонив голову. --- Хранители Могил не
проигрывают.

Подземный ход, пятиметровый в высоту и вдвое более широкий, освещался узкими, пыльными и желтоватыми световыми полосами на полу и на потолке. Ржавые рельсы древней железной дороги пролегли вдоль туннелей и посадочных платформ. В обычное время место было довольно мрачным, но Железные Руки и Гвардия Смерти, появившись, озарили его красочным фейерверком.

Эхо болтерной стрельбы отражалось от стен пятиметрового перегонного зала. Снаряды с грохотом извергались в обе стороны, в ярких вспышках перекрестного огня. Время от времени в проломе раздавался визгливый звук, и вспыхивала миниатюрная звезда плазменного выстрела, или след ракеты красным полыханием разгонял трамвай. Взрывы ракетных снарядов расцвели, подобно огненным цветам, прямо посреди шеренги появившихся в восьмой цитадели терминаторов Гвардии Смерти.

Командующий Тифон, который шел первым, равнялся на своих легионеров, приказывая им двигаться вперед. Его, как

и остальных воинов, защищала массивная
модифицированная броня катафракта,
окрашенная в белый цвет Гвардии Смерти.

Закругленные пластины возвышались
над макушкой его рыцарского шлема,
сегменты керамики прикрывали плечи,
грудь и упакованное в доспехи брюхо,
мощные наручи и наголенники
обеспечивали защиту рук и ног. Поверх
стыков брони свисала кольчуга из
адамантия. К левому рукаву доспеха
крепилась массивная и скорострельная
автоматическая пушка. Ее двойной ствол
осыпал легионеров Железных Рукав градом
снарядов, одновременно пережевывая ленты
с боеприпасами, будто голодная собака —
кусочек сухожилия. В правой руке Тифон
держал Жнеца Смерти, нечестивый
клинок, силовую косу. Это был символ
положения самого Тифона и к тому же
уменьшенная копия оружия притарха
Мортариона. Силовое поле клинка озаряло
желтоватым светом белую броню
окружавших командира терминаторов.

Авангард из двадцати воинов
поддерживали тяжелооруженные

терминаторы, они вели ураганный ракетный огонь поверх голов боевых братьев. Взрывы швыряли в воздух вражеских легионеров в серебристо-черной броне, одновременно сдирая пластиковую облицовку со стен туннеля. В ответ ревели скорострельные болтеры, но невредимые Хранители Могил продолжали идти под яростным огнем противника. Железные Руки, которые не могли на равных сражаться с тяжеловооруженными и закованными в мощную броню врагами, отступили. Впрочем, сами Хранители Могил продвигались медленно. Двадцать минут назад Грүзүл передал, что уже добрался до восьмой цитадели, и все-таки Тифону оставалось миновать две развязки, чтобы пробиться к нижней брешии в стене. В любую минуту Вайосс мог сообщить о появлении на орбите Темных Ангелов, но пока что этого не произошло, и командующий был полон решимости продолжать атаку.

Переговые отряды Хранителей Могил находились всего в пятидесяти

метрах от позиций Железных Рук в конце
перезона, когда в шлеме раздался щелчок и
заработала связь. Вместо свистящего
шепота Вайосса Тифон услышал низкий
властный голос, который поневоле
заставил его остановиться и затереть на
месте. Воины Гвардии Смерти рядом с
ним тоже затерли, огонь Железных Рук
на секунды утих.

--- Мир Пердитус Ультима находится
под защитой Льва Эль Джонсона и Первого
легиона, --- пророкотал голос. ---
Немедленно прекратите боевые действия
и покиньте планету. Любое сопротивление
мы подавим с применением максимальной
силы, пленных братья не станем. Тот, кто
откажется выполнить эти требования,
будет немедленно уничтожен.

Словно освобождаясь от состояния
гипнотического транса, Тифон неловко
шагнул вперед и едва не потерял
равновесие. Такое ощущение он испытывал
лишь в присутствии Мортариона. Темные
Ангелы, очевидно, явились не одни, а с
притархом. Тифон ощущал тревогу
собственных воинов, которые пришли к

тем же самым выводом. Атака, захлебнувшись, понемногу превращалась в отступление. Там, впереди, Железные Руки отходили со своих позиций, напуганные тем же самым властным голосом, который проник в сознание легионеров Гвардии Смерти.

Звук этого голоса напоминал музыкальную фугу. Тифон стиснул зубы и тряхнул головой, пытаясь избавиться от эффекта, произведенного заявлением Льва. Очевидно, там было задействовано нечто такое, что не сводилось к врожденным способностям примарха отдавать приказы. Тифон открыл свой разум и впустил в него варн, чувствуя волны энергии, которые были отделены от материальной вселенной и одновременно являлись ее частью. Когда-то он был членом библиариума и обладал немалой мощью. Позже Сутеречные Рейдеры стали Гвардией Смерти, и ненависть Мортариона к силам варна положила конец исследованиям Тифона, касавшимся его собственной второй натуры. Тифон дал себе слово стать первым капитаном.

Однако впоследствии, пользуясь поддержкой Темных покровителей, он в очередной раз прибегнул к той части своей силы, которую породил Варн. Прежде Тифон и не надеялся, что сумеет так хорошо познать Вселенную и ее таинственные пути.

Именно эти способности позволили ему впервые вступить в контакт с Отцом, теперь же Варн-половина сущности Тифона позволяла ощутить тонкие взаимодействия энергий на поверхности Пердигтус Ультимы. Видимо, Лев в равной мере пренебрег решением Совета Никей и вернул своим библиариям их неотъемлемые права.

Владея этим знанием, Тифон слегка расширил радиус воздействия собственной воли в поисках возможности блокировать библиариев Темных Ангелов, которые тем временем стремились ослабить решимость противника. Тифон обладал навыками и доблестью, но ему приходилось противостоять воздействию сразу нескольких натренированных умов, поэтому он обратился к той темной силе,

что сопровождала его все последние годы. Он попросил Отца о помощи и получил ее.

Всплеск психической энергии с жужжанием пронизал его, под сводом черепя словно закопошились тысячи крошечных насекомых. Тифон прикрыл своих Хранителей Могила пленной тени, защищая их от атаки псайкеров Темных Ангелов. Почти сразу же воины прекратили отступление и обернулись к командиру, ожидая приказов.

— Дурни! — выругался он, ткнув Жнецам в сторону Железных Рукавиц, которые как раз пытались ретироваться. — Сейчас не время отступать, сейчас время нападать! Убейте их всех до единого!

В темном зале в недрах «Непобедимого разума», в окружении четырех своих псайкеров, неподвижно стоял Лев. Он слушал их бормотание. Библиари облачились в прежние церемониальные одежды синего цвета и спрятали лица в тени надвинутых капюшонов. Так было лучше, ибо обычным

боевым братьям не следовало смотреть на библиариев: всеобщее замешательство и слухи могли распространиться очень быстро, сделав любые разъяснения бессильными.

Корсвейн стоял в стороне и заметно волновался, перетинаясь с ноги на ногу, броня при каждом движении поскрипывала. Лев проигнорировал душевное состояние своего сенешаля. Избранный им путь был правильнее и чище прочих. Принуждение легионеров Гвардии Смерти и Железных Рук к переговорам без боя наилучшим образом послужило бы интересам Темных Ангелов.

Корсвейн выпрямился, Лев почувствовал это движение и обратил свой взор на сенешаля.

--- План не сработал, монсеньор, --- заметил Корсвейн, который, казалось, испытывал от этого факта облегчение. --- Судя по показаниям сенсоров, Железные Рук отходят, а Гвардия Смерти снова атакует. Железных Рук загоняют обратно на главный объект.

--- Я предупреждал их! --- прорычал

Лев. --- Никто не поставит под сомнение мою власть.

--- Должен ли я отправить сигнал капитану Стению, монсеньор?

--- Да. Действия Гвардии Смерти идут вразрез с моей волей, поэтому станция Магелликс будет уничтожена. Прикажи Стению выпустить торпеду.

Сияющее желтоватым светом лезвие Жнеца Смерти пронзило грудь сержанта Железных Рук и разрубил его тело. Тифон вломился в двери, за которыми открылся внутренний двор восьмой цитадели. Восемь громадных «Настогонтов» окутали его своею тенью, орудия машин молчали, кабины уже были зачищены Хранителями Моги, которые прямо сейчас продолжали наступление на третью цитадель. Оттуда до главных ворот Магелликса было рукой подать.

— Командующий, флот прислал нам сообщение. — Голос Вайосса выдавал тревогу капитана.

— Почему флот не атаковал Темных Ангелов? — резко спросил Тифон, неуклюже двигаясь по пологому склону двора вслеп за ширеной опередивших его воинов.

— Темные Ангелы заняли позицию между нашими кораблями и кораблями врага. Нападение на них позволило бы Железным Рукам обойти флотилию с

фланга. У нас есть более серьезные проблемы, командующий. Боевая баржа Льва запустила в сторону Магелликса торпеду.

--- Блеф, --- отозвался Тифон без промедления. --- Лев разрушит Магелликс не раньше, чем это сделаю я, или это сделают наши враги-двойники, Железные Руки. Содержимое объекта слишком ценно, чтобы рисковать его уничтожением. Продолжайте атаку!

--- Вы уверены, командующий? Мы засекли циклотронную боеголовку. Она уничтожит все, что находится на Магелликсе и в радиусе ста километров вокруг него. Флот докладывает, что замечено еще семь кораблей Темных Ангелов, они входят в систему.

Тифон помедлил, оценивая происходящее. Он сомневался и решил сообщить Вайоссу о своих сомнениях.

--- Что, если Лев не хочет Тухүлхү для себя, а собирается попросту не отдать его нам?

--- Командующий, не стоит рисковать, угадывая желания Льва. Нужно отступить.

Мы ничего не получили, если нас самих истребят.

Зарывав себе под нос, Тифон активировал комп-связь с ротой и отрывисто приказал отойти назад и прекратить штурм главных ворот. Взамен он разместил воинов на позициях, с которых хорошо просматривалась главная цитадель Магелликса, и выставил охрану возле системы подземных туннелей. Затем, отдав все необходимые распоряжения, переключил свой коммуникатор на общую передачу.

— Ну как, теперь ты доволен, Лев Первого легиона?! — равкнул он. — Если враг будет соблюдать перемирие, я тоже буду его соблюдать. Однако помни — ты полез в дела Гвардии Смерти, и это может плохо для тебя закончиться.

Удивительно, но Тифон, который не ожидал ответа на свой вызов, все-таки его получил: коммуникатор щелкнул и появился сигнал. Это был все тот же звучный голос примарха Темных Ангелов. Отказываться от пренебрежительных слов было слишком поздно, исполненный

презрения Тифон не стал бы извиняться, даже если бы Лев потребовал таких извинений.

--- Посмотри на небо с западной стороны.

Тифон перевел взгляд, куда велели, и увидел вспышку света в верхних слоях атмосферы. Казалось, внезапно разразившаяся гроза взбалтнула облака нефритового цвета. Прежде чем треск детонирующей торпеды достиг слуха командующего, миновали секунды.

--- Все твои силы должны отступить от станции Магелликс. Я предоставляю им безопасный проход к кораблям. Ты, капитан Тифон, задержишься и примешь участие в переговорах под моей эгидой, можешь оставить себе воинов-телохранителей, но не более сотни. Остальные твои силы пусть уберутся на расстояние двухсот тысяч километров от орбиты. Неподчинение приведет к вашей гибели. Те же условия предъявлены капитану Мидоа из легиона Железных Рук.

Связь прервалась прежде, чем Тифон

успел отозваться, он не нашел слов, чтобы ответить на такой неприкрытый ультиматум. Командующий видел темные облака из перегретого газа, которые растекались на западе, пятная небо, и понимал, что угрозы Льва — не пустые. Сейчас миссия самого Тифона оказалась под угрозой, но это не значило, что от нее придется отказаться полностью. У него были возможности, о которых не знали Темные Ангелы.

— Вайосс, собери сто Хранителей. Могила для моего почетного эскорта. Остальным силам приказываю вернуться на орбиту. Пусть они погружатся на «Терминус Эст», я также хочу, чтобы ты взял на себя управление полем подавления связи. Позволим Льву думать, что он овладел Пердигусом.

— Так точно, командующий. Хранители Могила займутся ремонтом и перевооружатся, чтобы приготовиться к новому наступлению. Мы не можем потерпеть поражение.

Туман во внутреннем дворе станции

Магелликс рассеялся под воздействием плазмы и парозага, выпущенных приземлившейся «Грозовой птицей». Воздушное судно упало с неба подобно орлу, опорки приняли на себя его вес, потом пыль улеглась, и мгла снова начала просачиваться между башнями периметра.

Уже тысяча Темных Ангелов выстроилась поротно между приземлившимся судном и главными воротами Магелликса. По одну сторону корабля затерли в ожидании войны Гвардии Смерти.

Железные Руки оставались тем временем позади оцепления по другую сторону открытого пространства. Только Тифону и Мидоа позволили приблизиться к десантному судну Льва. Бронированных гигантов окружила стая из дюжины аколитов Механикум, одетых в красное. Почти все аколиты носили шлемы дыхательных аппаратов, лишь у двоих в лицо и грудь были встроены регенеративные кислородные системы, которые позволяли обходиться без иных приспособлений даже в плотной атмосфере

Пергитуса.

Лев спустился по трапу «Грозовой птицы», по правую руку от него шел Корсвейн, по левую — недавно прибывший капитан Траган. За ними спустились знаменосцы и сопровождавшая притарха обслуга с реликвиями Калибана — почетными знаками, кубками, коронами, щитами и гругими предметами, олицетворявшими многочисленные звания и обязанности Льва. Следом появилась кучка библиариев. Во флоте, собравшемся на орбите, их оказалось шестеро. Синие одеяния хлопали на ветру, сильным из-за высокого атмосферного давления — даже легкий порыв мог сбить с ног обыкновенного человека. Темные Ангелы, все как один, подняли болтеры, тяжелое оружие и течи, молча салютуя своему главнокомандующему.

Лев не нуждался в шлеме, хотя воздух жег горло и вызывал тяжесть в легких. Он был притархот, командовал легионом, и не каким-нибудь, а Первым — Темными Ангелами, а потому хотел произвести подобающее впечатление. Знаменосцы

выстроились по сторонам, оставляя свободным проход к главным воротам, многочисленные титулы Льва огласили через внешнюю систему оповещения.

Отполированная до глянца, броня Льва была черной как смоль и одновременно сверкала алмазным блеском, золото на ней горело, будто сердце звезды. Алая пятиметровая мантия ниспадала с плеч, ее придерживали устройства, созданные в домашнем мире примарха — десять сенсоров в форме коротких клинков с вытравленными на них названиями рыцарских орденов Калибана. Возле левого бедра Лев носил свой двуручный меч, Агамант, с навершием, инкрустированным рубинами, с рукоятью, украшенной золотом, и крестовиной, которая сверкала так же ярко, как и броня. Ниже нагрудника, на поясе примарха справа, висели цилиндры, их было шесть — каждый размером с предплечье человека. Внутри обрамленных платиной тускло-красных кожаных футляров хранились первые законы Льва. Примарх провозгласил их и, приняв под командование легион

Семных Ангелов поклялся, что Калибан
будет вечно служить Императору.

Спустившись по трапу в
сопровождении свиты, которая старалась
сдвигаться с ним в ногу, Лев приблизился к
замершим в ожидании сановникам
Механикум. Это были иссохшие мужчины
и женщины, полуташины-полүлюги.
Одиннадцать первых не вызвали у Льва
интереса, он сосредоточил свое пугающее
внимание на последнем: на старшем
магосе Хире ДозЦэксисе, смотрителе
Магелликса и кустодии Түхүлхи -- именно
так магоса представили герольды.

Цэксис оказался маленьким
человечком, возможно, всего-навсего
метравого роста, рядом со Львом он
походил на ребенка, пока не откинул свой
капюшон и не обнажил почти коническую
голову и старческое осунувшееся лицо.
Затылок магоса был удлинен при помощи
набора сегментированных пластин,
расположенных по кругу. Пластины
перемещались по желанию, сдвигались и
раздвигались, возможно, их движение
зависело от настроения жреца Механикум.

и занимавших его трюгов. Цэксис потирал
и переплетал тонкие костлявые пальцы
жилистых рук, утопавших в тяжелых
рукавах, худые плечи были не шире, чем
наголенник Льва.

Казалось, придвинувшийся гигант
представлял опасность для миниатюрного
техножреца, ведь Лев, будто легендарный
титан, мог легко растоптать его ногой.
Однако магос держался уверенно. Его
тонкий пронзительный голос едва
доносился из-под шлема дыхательного
аппарата, прикрывавшего таленькую
голову, хотя слова магос выговаривал
отчетливо и властно.

— Мы рады вновь приветствовать вас
на Пердигтус Ультиме, Лев Калибана, —
произнес Цэксис, кивнув внутри пузыря
воздуха. — Пожалуйста, следуйте за мной.

Лев на миг ощутил нетерпение,
опасаясь, что в компании крохотного
Цэксиса ему придется сдерживать шаг, но
опасения оказались напрасными. Свита
магоса расступилась, и стал виден
комплект механических ног. Цэксис
поспешно вскарабкался на них сзади, по

узкой лестнице. Свои собственные ноги он сунул внутрь распорок в «тазовой» части приспособления, одежда ненадолго задралась, обнажив бледные жилистые конечности, соединенные с артированной опорой, и устроился внутри шагающего механизма. Зашипев приводами, ноги выпрямились и вознесли Цэксиса почти до высоты плеча Льва. Окруженный фаворитами техножрец оказался более рослым, чем они все, но примарх все равно возвышался над тагосом, которого поддерживал механизм.

Шагая к главным воротам, Лев идентифицировал серебристо-черную тень, болтавшуюся близ плеча Корсвейна. Это был капитан Мидоа. Слева от себя Лев заметил Тифона, который шел с Траганом плечом к плечу. Лев игнорировал обоих капитанов, пока компания не очутилась во внутреннем помещении сразу за воротами главной цитадели. Только тогда Лев повернулся и обратился к своим «гостям».

--- Капитан Тифон, капитан Мидоа...

Лев не испытывал уверенности по

поводу предстоящего разговора, сейчас оба капитана лишь причиняли ему неудобство. Впрочем, на борту «Непобедимого разума» он уже объяснял Корсвейну, что не следует поспешно судить ни о чужой лояльности, ни о чужих намерениях. Именно поэтому Лев сказал Цэксису:

— Магос, пожалуйста, проводите гостей в подходящую часть комплекса, чтобы они дождались моего возвращения. Маленькие братья, присмотрите за ними ради меня. Капитаны, напоминаю, Магелликс находится под нашей защитой, не вздумайте оскорбить меня своими действиями.

Небрежно разрешив этот вопрос, Лев повернулся спиной к этим двоим и двинулся через зал. Пол помещения шел немого под уклон, дальний конец зала был разделен на прое арками: они служили проходами к транспортам, при помощи которых можно было спуститься глубже в недра Магелликса.

— Правая дверь, припарх, — подсказал Цэксис. — Позвольте показать вам, чем вызвана вся эта суета.

Во время прошлого визита Льва на Пердитус большая часть станции Механикум еще оставалась недостроенной, но нижние туннели существовали уже тогда и были знакомы примарху. Эти извилистые коридоры прочно запечатлелись в его памяти, хотя сейчас в них появились распорки из пластика и пластиковые панели. Поэтому, сойдя с четвертого внутреннего транспортера в полкилометре под землей, Лев безошибочно отыскал устроенный в пещере зал, в котором держали машину.

В тот, прежний раз, когда примарх двигался по этим туннелям, бешеные культисты гибли от его рук. Это были обитатели Пердитуса, поработанные машиной, которые массово гибли под орудийным огнем Темных Ангелов и недавно переименованной Гвардии Смерти. За три месяца до тех событий произошла первая стычка между Львом и Мортарионом, после которой примархи не испытывали друг к другу симпатии, но,

встретившись вновь, оба легиона
сражались бок о бок, чтобы
продемонстрировать единение во имя
Императора. Жители Пердигуса перед
смертью зачехленно молились своему
неодушевленному повелителю. Теперь же в
туннелях раздавался только топот
ботинок примарха и стук механических
ног Цэксиса.

Близ главной пещеры путь Льва
преградили огромные двери, украшенные
символом Механикум. Цэксис прошел
вперед и прижал руку к встроенному в
металл портала считывающему
устройству. Острый взор Льва отметил
узор на запястье техножреца, бледные
линии почти не выделялись на фоне кожи.
Примарх знал, что это такое ---
электротату, скрытая метка, которая
проявлялась под воздействием
биоэлектрического импульса. У
Механикум, и самые тайные органы
Калибана, и многие другие сообщества
Империи широко использовали подобные
метки, однако такого рисунка, как на руке
Цэксиса, Лев раньше не видел. Это был

стилизованный дракон, который, укутав себя сложенными крыльями, свернулся кольцом и опустил голову рядом с хвостом.

— Ваше электротату — что оно означает? — спросил Лев, когда в стене загорелся замок, и тяжелый лязг раздался внутри самой двери. — Я считал себя сведущим в обычаях Механикум, но эта эмблема мне не знакома.

Цэксис резко вдохнул и словно укоризненно посмотрел на собственное запястье. Через миг выражение его лица смягчилось, потрясение сменилось смущением, и магос поднял на примарха внимательный взгляд желтоватых глаз.

— Детский тотем, Лев, и ничего более, — ответил Цэксис.

Он сделал паузу, мгновение спустя дракон, пылая темно-красным, проступил на его иссохшей плоти.

— Орган Дракона, что-то наподобие уже несуществующей, к счастью, секты. Поразительно, вы сумели заметить у меня пигмент, о котором я совершенно забыл.

Дверь отворилась под шипение пневматики, отошла внутрь, открыв запечатлевшуюся в памяти Льва пещеру. Многое изменилось, но место явно было то же самое. В окаймленный пластинами разноцветного камня сводчатый потолок на высоте почти семидесяти метров вкрутили кольца, к ним крепились тяжелые цепи, с которых свисали яркие газовые светильники. Стены в самом широком месте отстояли друг от друга почти на двести метров, их загораживали приборные панели машин Механикум. Нагромождение циферблатов и рычагов, мигающих индикаторов, катушек кабеля и трубопроводов почти скрывало голый камень.

Варп-устройство окружали опоры, рабочие платформы, лифты и лестницы, а самую сердцевину его опутывали сенсорные датчики, антенны слежения и мостки. Ускокый предмет до сих пор находился на месте: разумная или полуразумная сущность, поработившая целую звездную систему, висела в воздухе и напотинала планету на небосклоне. Это

была прекрасная сфера мраморной раскраски, местами черная, местами темно-серая, с вкраплениями золота, которое медленно перемещалось по поверхности. Вес десять пунктов, размер шесть целых семь десятых метра в диаметре — Лев в точности запомнил первые измерения. Сфера была сделана из неизвестного материала, непроницаемого для любых датчиков, устройств и буров, принесенных Механикум.

Лев понимал, что чуждое сознание изучает его. Он не был уверен ни в собственном восприятии, ни в ответных ощущениях варп-устройства, но факт оставался фактом: и сейчас, и в предыдущее посещение зала это устройство смотрело на примарха. В тот раз сотни одетых в лохмотья жителей Пердигутса умерли всего за несколько минут, они поневоле защищали полубога до последней капли крови и не желали сложить свое примитивное оружие.

Было кое-что еще, то, что среди беспорядка, устроенного Механикум, поначалу осталось незамеченным. На

полюсах сферы теперь находились две выпуклости, каждая размером в несколько сантиметров. Эти округлые узлы касались покрытых схематическими пластинок, размещенных выше и ниже устройства, тем самым, в свою очередь, были связаны с другими механизмами замысловатой системой кабелей и проводов. На циновке перед шаром лежал мальчуган, по меркам Терры — семи- или восьмилетний.

Он лежал неподвижно на боку, не шевелясь, жесткий, как трүн, и отличался от мертвеца только легким, вверх-вниз, движением груди. Лев мог слышать сердцебиение мальчика, ощущал в воздухе запахи его пота и мочи.

Из спины мальчика торчала трубка, еще одна шла от основания черепа, обе они соединялись с механизмами, окружавшими шар-устройство. Как только взгляд Льва упал на мальчика, тот порывисто сел, двигаясь, словно неумело управляемая марионетка. Руки и ноги неуклюже дергались, глаза остекленели. Взглянув на поверхность шарообразного чужака, примарх заметил, что золотые

вкрапления перемещаются быстрее, чем прежде, ненадолго складываясь в рисунки на фоне темного водоворота.

--- Ты вернулся.

В ровном голосе мальчика не было эмоций, лицо ничего не выражало. Рука приподнялась и бесцельно упала.

--- Оно теперь говорит?! --- рыкнул Лев, обернувшись к Цэксису.

Техножрец пожал плечами:

--- Мы не смогли обнаружить ни конструкций, ни внутренних механизмов, но, вероятно, прежде у него были средства общения с жителями Пердигуса. Потом нам пришлось уничтожить их общество, и почти тридцать лет понадобилось, чтобы разработать вот этот грубый интерфейс. Мы многое узнали от Түхүлхи. Он очень отзывчивый, немного загадочный, ну и, в общем-то, чужой.

--- Я все слышу, --- сказал мальчик. --- Кажется, ты разгневан.

--- Ты меня помнишь, --- произнес Лев прежде, чем сумел удержаться от ответа. Он впился взглядом в Цэксиса. --- Зачем здесь мальчик? Мы сражались, чтобы

избавить Пердугус от рабства, а вы
вернули это рабство.

--- Ах, этот... --- отмахнулся Цэксис. ---
Он просто сервитор. Мы перепробовали все
варианты компьютерных и
алгоритмических языков, а также все
шифры, но ни один из них не сработал. Но,
получив сервитора в подарок, мы сумели
наладить стабильный нейроинтерфейс
всего за несколько дней.

--- Какое совпадение, --- заметил Лев.

--- Никакого совпадения. Меня
разработали, чтобы я ассимилировал
человеческую форму жизни, Лев. Можно
называть тебя Львом? Я послушал, что
именно так говорит тагос. Это ведь
правильное обращение к такому, как ты?

Примарх собирался проигнорировать
вопросы устройства, но голос мальчика
засел в его сознании.

--- Что ты такое? --- спросил он и
подождал ближе, ощутившись на расстоянии
вытянутой руки от сервитора-
марионетки.

--- Я Түхүлха, Лев. Я --- все. Я доверяю
тагосу, мы с ним друзья, хотя он иногда и

сердится. Во время вспышек его раздражения я стараюсь сохранять терпение.

— Я спросил, что ты такое, а не кто ты такой. Будь ты проклят! Что я несу? Ты же машина, сложная машина, и ничего более.

— Я все, Лев. И всюду. Однажды я был слугой Смертоносных Морей. Теперь я друг Механикум.

— Ты опасен. За обладание тобой идет война. Я должен уничтожить тебя, это избавит нас от беспокойства и кровопролития.

— Ты не сможешь уничтожить меня, Лев. Не в физическом смысле, а просто не захочешь уничтожать. Все желают обладать мною. Тот, кого называют Тифоном, необычайно сильно мечтает обо мне. Разум второго, которого зовут Мидоа, закрыт. На мой вкус, в нем слишком много железа. А ты... Ты не открыт и не закрыт. Ты пугаешь меня,

Лев. Когда ты прибыл, я узнал, что такое страх. Твое возвращение вызвало у меня панику, Лев. Я не хочу, чтобы меня

уничтожали.

В то, что эти слова произносит не мальчик, верилось с трудом, но Лев принудил себя сконцентрироваться на блестящем шаре, а не на его живом воплощении.

--- Цэксис, моей марионетке нужно дополнительное питание, --- заявил Түхүлха.

Мальчик тем временем опорожнил точечной пучок, струя потекла по ноге и образовала лужу на полу из пластали.

--- Мои извинения, Лев. Я еще не научился управлять основными функциями этой формы жизни. Его нервные связи недоразвиты.

--- Нам пришлось приставить к нему уже третьего сервитора, --- объяснил техножрец. --- Прежние противоестественно быстро состарились, следовательно, мы выбрали юный образец. Надеется, он проживет дольше, чем прежние интерфейсы, хотя бы на несколько лет.

--- Кажется, ты неплохо осведомлен насчет происходящего на поверхности, ---

сказал Лев, подавив отвращение, вызванное
бессердечным отношением Цэксиса к
человеческим издержкам, пусть даже это
касалось только бездумных сервиторов.

--- Я просеиваю людей сквозь самого
себя, --- заметил Түхүлха, --- их ұты
прикасаются к моему разуму. Твой делает
то же самое, но это слишком тяжело,
просто невыносимо. Как ты справляешься с
таким бременем?

--- Ты про мой интеллект?

--- Про твою вину.

Лев потеделил с ответом, не доверяя
себе, опасаясь раскрыться в присутствии
Цэксиса и выдать мысли, о которых
никому знать не следовало.

--- Как его используют? ---
требовательно спросил он у магоса,
отвернувшись от мальчика-марионетки. ---
Вы сочли, что его можно приспособить
для нужд Империи, только поэтому
планету и устройство по договоренности с
Механикум пощадили.

--- И это сработало, сработало! ---
Цэксис, казалось, воодушевился. --- Түхүлха,
покажи притарху, на что ты способен.

Прежде, чем Лев успел возразить, его разум и тело дрогнули, ощущение напятинало одновременно варп-переход и быструю телепортацию. Там на мгновение закрыла глаза, а когда зрение прояснилось, примарх понял, что находится вовсе не в пещере под поверхностью Пердигутс Ультимы.

Он был в тронном зале на борту «Непобедимого разума». Позади трона в воздухе висел Тухулха вместе со своим воплощением, однако без большей части следящего оборудования. Цэксис по-прежнему стоял в паре метров от примарха. Были сирены, в динамиках внутренней связи ревел голос капитана Стения:

--- Всем боевым постам! Экипажи боевых постов, доложите о ситуации. Сейчас будет включено поле Геллера. Пять минут до полной установки поля. Повторяю, у нас неожиданный переход в варп, поле Геллера будет включено, приготовьтесь к атаке.

Лев был ошеломлен, он не понимал, что именно произошло за эти секунды. В

конце концов он догадался, что, должно
быть, Түхүлха перенес боевую баржу в варн,
а через мгновение перенес на корабль
самого себя, примарха и техножреца.
Отчасти Льва потрясла опасность всей
ситуации и наивность Цэксиса, который
допускает нечто подобное, но в большей
мере его поразила продемонстрированная
ему невиданная мощь.

--- Түхүлха, --- позвал Лев без спешки,
решив, что с этой непредсказуемой
машиной лучше держаться как «груг». ---
Где мы сейчас?

--- Мы близ того места, которое ты
зовешь Пергитүсом, Лев.

Нахтүрившись, примарх обратился к
Цэксису:

--- Близ Пергитүса? Но мы находимся
в варне. Как такое возможно? Тут нельзя
перейти --- мы слишком близко к планете
и звезде.

--- Поверьте, Лев, Түхүлху такие
проблемы не заботят, --- үстехнүлся
техножрец, открыв беззубые десны. --- Он
может нырнуть из реального
пространства прямо в варн, без обратного

течения или гравитетрического сдвига.

--- Почему я раньше не знал об этом? ---
- настойчиво спросил Лев.

--- Наши исследования далеки от завершения, --- признался Цэксис. --- Сейчас мы зависим от прихоти Түхүлхи, и, как вы уже заметили, он немного, ну, темперamentalный.

--- Түхүлха, я хочу, чтобы ты вернул нас, и корабль к Пердигүс Ультите.

Лев произнес это спокойно, с дружелюбной интонацией, внезапно осознав, в каком сомнительном положении оказался.

--- Конечно, Лев. --- Тонкие, бескровные губы мальчика скривились в отвратительном подобию улыбки. --- А что я должен сделать с другими твоими кораблями?

В тихом и безлюдном зале для аудиенций находились только сам примарх и его сенешаль. Лев сидел на троне, ничем не выдавая своего настроения, бесстрастный, будто статуя. Корсвейн, стоя по правую руку от примарха, из всех сил старался скрыть свои опасения насчет сложившейся ситуации. Однако время уходило, и он уже не мог держать язык за зубами.

— Монсеньор, я не ставлю под сомнение ваше решение по этому делу, но поневоле признаю свое невежество. Мы обезопасили Пердитус Ультиму, у нас хватит сил, чтобы уничтожить Гвардию Смерти в открытом бою, но при этом вы приглашаете их командующего на переговоры. Я чувствую себя так, будто меня подставили. А тут еще капитан Железных Рукав явится в пригачу, и толку от этого не будет.

Лев повернул голову и оценивающе взглядел на Корсвейна, это продолжалось всего

мгновение, лицо примарха приняло суровое выражение.

--- На мой взгляд, ты не прав, Кор. ---
На губах примарха появилась тонкая улыбка, которая лишь слегка стянула его манеру держаться. --- Тем не менее причина этой встречи очень проста. Прежде чем решить, что же нам делать дальше, я должен выяснить, насколько разглашены тайны Пердитуса. Капитан Тифон, видимо, об этом не догадывается, но я-то помню, что он принимал участие в самой первой экспедиции на планету. Припоминая, он тогда был всего лишь капитаном роты. Странно, что Тифон знает о существовании Тухулхи, его планы только на первый взгляд прозрачны.

--- А капитан Мугоа, монсеньор?

--- Его присутствие, братец, ни в какие рамки не лезет. Возможно, он лишь случайно пресек атаку Гвардии Смерти, но меня не устраивает, когда такие вещи объясняют совпадением. Нужно узнать, зачем он явился на Пердитус, чей приказ толкнул его на это. У Железных больше нет лидера, мой брат Феррус убит на

Усстваане, и я думал, что его легион
выбыл из игры. Похоже, я оказался неправ,
это болезненные вопросы, и мне нужны
ответы на них.

Наушник коммуникатора звякнул в
ухе Корсвейна, приняв сообщение от
капитана Трагана.

--- Наши гости вот-вот появятся,
монсеньор.

--- Хорошо, --- отозвался Лев и обратил
пристальный взгляд к двусторчатой
двери.

Спустя короткое время она с
шипением отворилась, и появился Траган в
сопровождении конвоя из тридцати
Темных Ангелов. Они со всех сторон
обступили капитанов Тифона и Мидоа.
Первый выделялся своей терминаторской
броней и на голову превосходил ростом
окруживших его воинов. На первый взгляд
броня Тифона нуждалась в основательном
ремонте, положенную Гвардии Смерти
белизну портили маслянистые пятна и
полученные в бою повреждения. Однако,
пристотревшись внимательнее, Корсвейн
понял, что это лишь незначительные

внешние дефекты терминаторского доспеха. Тифон двигался свободно, каждый его шаг сопровождался хрипотой сервомоторов и поскрипыванием волокон искусственных мышц. Короткий клинок висел на поясе, в руках капитан держал Жнец Смерти, свое похожее на косу оружие.

Мугоа шел следом за командиром Гвардии Смерти, его серебристо-черную броню, судя по всему, недавно покрасили и отполировали. Черный плащ был изогран по краю, на лбу заживал свежий рубец. Корсвейн ожидал увидеть кого-нибудь постарше, довольно свежие черты лица Мугоа контрастировали с его полномочиями и знаками отличия на груди и наплечниках доспеха. Подобно Тифону, Мугоа носил на поясе силовой меч, а через плечо на ремне — гравитационный комбидолтер.

— Спасибо, капитан Траган, — сказал Лев. — А теперь оставьте нас.

Удивленный Корсвейн повернулся к примарху, но внимание Льва уже переключилось на двух явившихся.

--- Монсеньор? --- Вопрос вырвался у Трагана прежде, чем у сенешаля.

--- Пожалуйста, вернись к своим обязанностям, капитан, --- сказал Лев все тем же приветливым тоном. --- Я уверен, наши гости отказались сдать оружие лишь из принципа. Ничего другого от офицеров Легио Астартес и ждать не приходится. Они не настолько глупы, чтобы испытывать мое терпение на моем же собственном корабле.

Траган, бросив взгляд на Тифона, кивнул. Темные Ангелы построились и вышли вслед за командиром. Лев жестом велел Тифону и Мугоа приблизиться.

--- Я твой пленник, можно так считать? --- проскрежетал Тифон через внешние динамики брони. --- Если ты собираешься меня казнить своими руками, то казни, и покончим с этим.

--- Обращаясь ко мне подобающим образом, командующий, --- отозвался Лев, не выказывая ответного гнева. --- Я все-таки должен решить твою судьбу. Не создавай повод для ссоры.

Тифон затолчал и в течение

нескольких секунд, не мигая, рассматривал примарха. Под воздействием пристального взгляда Льва он, в конце концов, кивнул и преклонил колени.

--- Лорд Джонсон, примарх Первого легиона, --- произнес он. --- Простите мне мою дерзость.

--- Возможно, и прощу, --- пообещал Лев и махнул рукой, дозволяя Тифону подняться. --- С какой целью ты явился на Пердитус, командующий?

--- Уверен, вы и так о ней знаете, лорд Джонсон.

--- И, тем не менее, хотелось бы услышать это от тебя.

--- Варп-устройство, лорд Джонсон, --- ответил Тифон, бросив взгляд на капитана Мидоа. --- Я прибыл на Пердитус, чтобы потребовать эту вещь в собственность.

--- Очень интересно.

--- Магистр войны желает получить это устройство, вы отлично понимаете, почему. Не стоит даже пытаться его останавливать. Он все равно возьмет свое силой.

--- Хорус возьмет свое силой?! ---
зарычал Корсвейн и шагнул вперед. ---
Темные Ангелы не отчитываются перед
Хорусом.

--- Со временем будут, не сомневаюсь,
--- спокойно заявил Тифон; он кинул
короткий взгляд на сенешала, после чего
переключил все внимание на Льва. --- Вы
противостоите Повелителям Ночи, как и
следовало ожидать, но это
противостояние излишне. Оно неуместно и
происходит от личной неприязни. Что
такое Тратас для Темных Ангелов?

--- Один из миров Императора, и мы
будем защищать его, --- откликнулся
Корсвейн и положил руку на рукоять
меча. --- Предательство не останется
безнаказанным.

--- Помолчи, братец, --- вмешался Лев;
он переменил позу, опустил локти на
резные подлокотники трона и подпер
подбородок кулаком, одновременно
устрепив взгляд на Тифона. --- Пусть
командующий говорит свободно.

--- Мне нечего больше добавить, лорд
Джонсон, --- сказал Гвардеец Смерти.

— Твои угрозы бессмысленны, командующий. Сказанное тобой к делу не относится, и не кричи так громко, а то в ушах звенит.

Тифон попытался заговорить, но примарх прервал его, вскинув руку.

— Ты не упомянул о моем брате Мортарионе, о твоём примархе. Ты ведь по-прежнему сражаешься за Гвардию Смерти, командующий? Или твои цели расходятся с целями твоего повелителя? Если Мортарион хочет устройство, о котором идет речь, то у него целый легион в распоряжении. Зачем же отправлять такую небольшую флотилию за столь ценным призом? Нет, не рука Мортариона направляла тебя, командующий.

Выпрямившись, Лев опустил руки на колени, а потом подался вперед.

— Это еще не все. Хотя ты и упомянул магистра войны, но не его волей ты был отправлен на Пердитус. Возможно, как ты говоришь, я неуместен и создаю неудобства моему брату-предателю, но не думаю, что Хорус хочет

В открытом конфликте столкнѹть своих сынов с моими сынами. Он уничтожил три легиона на Усстваане, но моих Темных Ангелов там не было. Күрц, Мортарион, Хорүс — никто из них не хочет полномасштабной войны с моим легионом, и не случайно.

Тифон протолчал в ответ, возможно, сожалея о сказанном и опасаясь, что новые споры еще сильнее его выгадѹт. Лев тем временем перевел мрачный взгляд на командира Железных Рүк.

— А ты, капитан Мугоа, с какой целью ты сюда явился?

— Чтобы защитить Пердигүс Ультимү от предателей, лорд Джонсон, — ответил капитан, окинув Тифона взглядом с ног до головы. — Кажется, мы прибыли как раз вовремя.

— А кто поставил перед вами такую задачу, капитан?

— Мы входили в состав Четыреста шестой экспедиционной флотилии, мой лорд, и были далеко от Усстваана, когда объявили сбор по тревоге. Узнав о трагедии, постигшей наш легион, мы

сделали все возможное, чтобы защитить
тиры, только что приведенные к
Согласию, и боролись с силами предателей,
которые нам попадались. Шесть месяцев
назад возле Оянуса нас перехватил флот
Ультратаринов, мы получили сообщение,
что лорд Жиллиман собирает все
лояльные силы в Ультратаре. Мы
откликнулись, а затем примарх отправил
нас на Пердитус, опасаясь, что предатели
могут захватить оберегаемое Механикум
устройство.

Лев, который сидел в глубокой
задумчивости, кивнул в знак согласия.

--- Теперь, когда секреты Пердитуса
тебе известны, что ты собираешься
сделать? --- спросил примарх.

--- Небезопасно оставлять здесь
устройство, мой лорд. Оно обладает
слишком большой мощью, и есть риск, что
эту мощь используют во зло. Думаю,
лучше всего переместить его в безопасное
место, на Макрагг.

--- Без сомнения, --- ответил Лев,
вскинув брови. --- И ты принял это решение
самостоятельно?

--- Лорд Жиллиман натекнул, что такое решение может оказаться неизбежным, мой лорд.

Пальцы Льва забарабанили по подлокотнику трона, припарх перевел взгляд на второго командира, потом опять посмотрел на Мугоа, и, наконец, обратился к Корсвейну:

--- Как только переговоры закончатся, передай мой приказ капитанам, маленький брат. Пусть флот перестроится для бомбардировки Пердигутс Ультимы.

Эмоциональные вспышки Тифона и Мугоа припарх пропустил мимо ушей.

--- Как прикажете, монсеньор, --- сказал Корсвейн.

--- Вы не можете уничтожить варп-устройство! --- воскликнул Мугоа, сделав шаг вперед. --- Если удастся использовать его силу, она станет оружием, которое мы повернем против предателей!

--- Вы слишком многое предполагаете, капитан, --- резко возразил Лев. --- Я тоже получил вызов от Жиллимана. Я не согласен с его планами, и в истории с этой машиной доверяю ему не более, чем любому

слуге Хоруса. Полагаю, Ультратар --- не самое безопасное место для этой машины, даже если Жиллиман не использует ее в своих целях. Я не допущу, чтобы устройство попало в руки врагов Императора.

Пока Мугоа продолжал протестовать, Тифон смеялся так, что его хохот разносился по залу.

--- Твое хорошее настроение неуместно, командующий, --- резко заметил Лев, его голос заглушил и возражения Мугоа, и радостный хохот Тифона. --- Я собирался позволить тебе обратиться с Пердитуса. Без устройства, конечно, зато с возможностью сообщить о его уничтожении твоим повелителям, любому из них, какому пожелаешь. Но только попробуй еще раз проявить неуважение или оскорбить присутствующих... Я буду рад предоставить ту же самую возможность твоим лейтенантам, но уже без тебя.

За этим заявлением Льва последовало молчание. Он встал, давая понять, что прием окончен.

--- Пердитус Ультима и приз,
который на ней находится, будут
уничтожены в течение нескольких часов.
Передайте моим братьям -- им тут
больше нечего делать.

Шаттл капитана Мугоа на экране походил на маленькое светлое пятно, потом он исчез в тени тяжелого крейсера «Придирчивый обвинитель». На второстепенном экране Лев разглядел уходящее судно Гвардии Смерти «Терминус Эст», сияние его плазменных двигателей терялось на фоне света, отраженного поверхностью Пердитус Ультимы. И Тифон, и Мугоа возвращались на свои корабли. Примарх уже собирался отвернуться от экранов, когда дежурный связист передал ему сообщение от леги Фуаны.

-- Переключи связь на динамики, -- потребовал Лев, указав пальцем на слугу легиона, который от удивления широко раскрыл глаза и тут же подчинился.

-- Прославленный примарх, я и моя семья обнаружили искажение в варпе вокруг Пердитус Ультимы, -- снова повторила Фуана, ее голос исходил из громкоговорителей, размещенных по

периметру стратегии.

--- Түхүлха? --- спросил примарх.

--- Нет, тут кое-что иное. Похоже на миниатюрный вихрь, на дыру, проделанную в варне.

--- Откуда дыра? Куда она ведет?

--- Дайте нам немного времени, прославленный примарх. Аргал поднимается на пилестр, чтобы точнее определить, где находится искажение.

--- Установить пустотные щиты, --- приказал капитан Стений. --- Привести оружейные батареи в боевую готовность. Все по местам!

Лев охотно позволил подчиненному принимать оборонительные меры. Сам он ждал, скрестив руки на груди и бросая взгляды то на главный экран, то на вспомогательный, который показывал «Терминус Эст», то на громкоговоритель справа от индикаторной решетки. Примарх словно видел при этом леди Фиану.

--- Обнаружен скачок мощности на «Терминус Эст», --- сообщил слуга, занятый на пульте управления сканера.

--- Только что установлены
пустотные щиты, капитан, --- почти сразу
же добавил другой слуга.

--- Волнение в варпе локальное,
незначительное, --- сообщил навигатор
Аргал по внутренней связи, его голос
звучал пронзительно. --- Не знаю, каким
образом, но кажется, его создали на
флагмане Гвардии Смерти.

--- Где создали? Куда оно нацелено?

--- На Пердигутс Ультимус,
прославленный примарх. Это что-то вроде
варп-туннеля, он ведет прямо в сердце
станции. Я раньше не видел ничего
подобного.

--- Корсвейн!

Как только Лев произнес имя
сенешаля, системы боевой баржи
автоматически переключились на прямой
канал связи. Крохотный, малозаметный
символ моргнул на вспомогательном
экране, отмечая Корсвейна на схеме
«Непобедимого разума». Сенешаль после
проводов Тифона и Мидоа находился в
транзитном коридоре за пределами
тесных отсеков правого борта.

--- Да, монсеньор?

--- Собери свою охрану и библиариев во втором отсеке телепортации, там и встретимся.

--- Куда после этого переместимся?

--- Курс на станцию Магелликс. Гвардия Смерти пытается украсть варп-устройство.

Жнец Смерти в руках Тифона рассек техноагента от пояса до шеи, силовое поле косы шипело и потрескивало, испаряя кровь. Ускромленные останки шлепнулись на голый каменный пол. Впереди появилось отделение скитариев, ворвавшееся через двери. Воины-Механикум, измененные при помощи бионической аугментики, щеголяли разнообразным лазерным оружием и гранатометами. Автоматическая пушка Тифона грохотала в его руке, встречный шквал ракет и болтов молотил по полумеханическим защитникам Пердигус Ультимы.

Терминаторы продолжали непреклонно наступать, они перешагивали

через искрящиеся и окровавленные останки
скиитариев и проникали в коридор, который
вел к темнице Түхүлхи. Скиитарии
появились в еще большем количестве и
снова были разбиты неуязвимыми для их
оружия Хранителями Могил.

Тифон, возглавлявший колонну, до сих
пор пытался преодолеть побочные
эффекты той самой варп-телепортации,
которая перенесла его воинов внутрь
станции. Отец на этот раз оказался не
очень щедрым по части подарков, и кожа
Тифона сильно болела под броней.
Затраченные раги создания дыры в
реальности усилия не прошли даром,
поэтому тело чесалось, время от времени
кружилась голова.

--- Почему мы сразу, как только
прибыли, не поступили точно так же? ---
прохрипел Байосс, шагая слева от
Тифона. --- Мы получили бы это
устройство задолго до появления Темных
Ангелов.

--- Кто же знал, что Түхүлха
проснется, --- ответил Тифон. --- Я не в
силах доставить его на «Терминус Эст».

но теперь он сам себя доставит. Он гораздо тяжелее, чем кажется, просто основная часть конструкции существует только в варп-пространстве.

--- Триумф инженерной мысли, --- заявил Вайосс с заметным сарказмом.

--- Чудо Отца, --- поправил его Тифон и направился в комнату Тухулхи.

Командующий Гвардии Смерти остановился из-за внезапного приступа, скрутившего живот. Тифон стиснул зубы, в утробе что-то ерзало, или, по крайней мере, ощущение получилось похожее --- словно адские грызуны засели в кишечнике. Спустя короткое время боль прошла, и он встретился к следующему дверному блоку.

Шар, который оказался Тухулхой, висел в центре зала, окруженный захватами и оборудованием Механикум. Тифона поразила красота узоров на поверхности машины. Жирные цветные пятна стешивались и разделялись, создавая гипнотический эффект. Предводитель Гвардии Смерти с усилием оторвал взгляд от парящего шара и увидел облаченную в красное фигурку, затершуюся

на коленях перед устройством, голову и
лицо человека прикрывал капюшон.

Тифон нацелил свою
автоматическую пушку, но не успел он
нажать на спусковой крючок, как тишину
нарушил детский голос:

--- Остановись! Не причиняй ему вреда!

Мальчик с пожелтевшей кожей,
соединенный с аппаратурой плененного
устройства, выбрался из спутанного
клубка кабелей. Тифон не сразу понял, что
телом сервитора манипулирует машина.

--- Он бесполезен, --- сказал
командующий. --- Он был вашим
тюремщиком и должен понести наказание.

Тифон догадался, что булькающее
тяжелое дыхание мальчика-сервитора
означает смех.

--- Меня нельзя заключить в тюрьму,
по крайней мере, существа вроде него на
такое не способны, --- сказал Тухулха.

--- Хорошо, тогда вы можете уйти
вместе с нами.

Мальчик не ответил, вместо этого
отвернулся и запрокинул голову, словно
рассматривая что-то сквозь каменный

потолок зала.

--- У тебя мало времени, Тифон из
Сүтеречных Рейдеров, --- сказал Түхүлха. ---
Приближается Лев, он хочет лишить тебя
головы. Твои воины уже гибнут.

Словно в подтверждение этого в
коммуникаторе раздался треск, и
появились первые сообщения. Три отряда в
арьергарде Хранителей Могил находились
под угрозой. Их доклад был недолгим,
исчезли с экрана сверкающий меч примарха
Темных Ангелов и кошмарные существа в
капюшонах, с глазами из пламени и
когтями из стали. Спустился десять секунд
все столкло, и Тифон больше не слышал
своих воинов.

--- Он привел с собой псайкеров, ---
сообщил он Вайоссу. --- Я не могу бороться
против их объединенных способностей.
Предупреди Чарфүна и вторую линию
обороны, они должны отступить к нашей
позиции.

--- Так точно, командующий, ---
отозвался Вайосс.

--- Мы сейчас Гвардия Смерти, ---
поправил Тифон Түхүлху. --- Я не могу

лично доставить вас на корабль, но вы должны пойти со мной, если желаете освободиться.

--- Освободиться? --- Мальчик-марионетка снова растеялся сдавленным булькающим стехом. --- Я долго ждал возвращения Льва. Когда он впервые пришел ко мне, я увидел его и понял, что это мой спаситель. Жители Пердигуса поймали меня в ловушку, но с помощью Цэксиса эти оковы удалось сбросить. Я знал, что Лев вернется ко мне, и только поэтому остался.

--- Он стремится уничтожить вас.

--- Как и все прочие, он стремится обладать мною, --- возразил Түхүлха. --- Не бойся за меня, храбрый Тифон. Ты должен следовать собственной судьбе. Твой примарх ждет тебя, зачем погибать напрасну? Позволь, я помогу...

Слова протеста застряли в гортани Тифона --- судя по ощущениям, началось перемещение. Через миг он очутился в стратегиуме на «Терминус Эст», уцелевшие Хранители Могил стояли рядом.

— Что это было? — спросил Вайосс и помотал головой.

Персонал на мостике замер в изумлении, капитан обернулся и отдал приказ:

— Курс к ближайшей точке перехода. Очень скоро за нами последуют Темные Ангелы.

— Не нужно, — сказал Тифон, в душе что-то сжалось, это было знакомое ощущение. — Түхүлха уже отправил нас от греха подальше.

Отпустив рабов, Тифон остался в одиночестве в своей каюте, голые металлические переборки пятнала ржавчина, на потолке ярко сияли световые полосы. Он стащил с себя последний слой поддоспешника и бросил мокрую сетку на пол, обнажив белесое тело. Он никак не мог осознать, что случилось. Отец отправил его, Тифона, в систему Пердигитус, чтобы спасти Түхүлху из лап Механикум, но ничего не вышло.

В кишечнике все еще побаливало, и командующий Гвардии Смерти осмотрел

своей живот. Под слоем кожи и мышц находились жесткие пластины черного панциря. Кое-что пятнало кожу ниже нагрудной пластины. Изгиб мускулистой груди мешал разглядеть это как следует, и Тифон повернулся к собственному отражению в полированном бронзовом зеркале.

Пониже солнечного сплетения он обнаружил три волдыря, каждый размером с подушечку большого пальца. Волдыри располагались треугольником и касались друг друга, темно-красные, окаймленные черным ободком, они источали прозрачную жидкость. Тифон осторожно ткнул в бубон пальцем и не ощутил боли. Напротив — трепет удовольствия пробежал по телу.

Тифон понял все. Он уже освободил Тухулху. Отправившись на Пердитус, он привлек к этому миру внимание Льва и, не зная конечной цели, привел в движение цепочку событий, которая входила в великий план Отца. Три бубона на теле стали ему наградой: Отец обратил внимание на верность Тифона и дал ему знак. Отныне и навеки, он, Тифон, будет

носить эту метку, метку любви Отца.

Конечно, это только начало. Хранители Могил были первыми, но Отцу нужна вся Гвардия Смерти, любовь и верность каждого воина, а превыше всего — любовь и преданность Мортариона.

— Ты уверен, что это все? Он больше ничего не сказал? — Капитан Лорратех, уставившись на Мугоа, покачал головой.

Они вдвоем возвращались в стратегиум, транспортер только что доставил капитанов из стыковочного отсека.

— Это все, что сказал Лев. Именно это он велел передать, — подтвердил Мугоа. — Он выразился совершенно конкретно: передай Жиллитану, что у меня есть для него ответ. И еще добавил: передай ему, пусть, мол, ждет, я приду. Все так и было.

Повелитель Первого легиона сидел именно так, как он в последнее время часто сидел по ночам: откинувшись на спинку украшенного слоновой костью и

обсидианом трона. Локти упирались в резные подлокотники, сцепленные возле самого лица пальцы почти касались губ. Немигающим жестким взглядом зеленых, как леса Калибана, глаз примарх безучастно наблюдал за мерцающим гололитическим изображением воюющих звездных систем.

Цаксиса и его устройство благополучно упрятали в самый глубокий грузовой отсек «Непобедимого разума». Станция Магеллик за несколько часов превратилась в груды щебня и расплавленного шлака. Другим легионам не оставили ничего.

Губы Льва слегка шевелились, это легкое движение не мог заметить случайный наблюдатель. Лишь тот, кто обладал сверхчеловеческим слухом, присущим примархам, сумел бы разобрать слова, которые срывались с почти неподвижных губ.

— Теперь я заполучу Курца, — произнес Лев, хотя слушали его лишь тени.

Через короткое время примарх приостановил свой монолог, словно

позволяя кому-то ответить.

--- С Түхүлхой мы сможем заманить Ночного Призрака в ловушку, но следует соблюдать осторожность и не торопиться. Да, будем действовать, когда наступит время, но не раньше. Если Күрц заметит радикальные изменения в нашей стратегии, в ответ он, возможно, покинет Тратас. Ты прав, это не пошло бы нам на пользу.

Лев сделал паузу и вытер пальцем лоб.

--- Жиллитан в лучшем случае заблуждающийся дурак, в худшем --- вероломный пес.

Примарх глубоко вздохнул.

--- Да, я это знаю, но преклоню перед ним колени не прежде, чем перед Хорүсом. Күрц был кое в чем прав, но меня ослепил той гнев. На меня ложится миссия --- уравновесить историю. У каждого события свой отсчет, братья не уступают друг другу. Күрц пытался сломить той дух бесконечной войной. Темные Ангелы возьмут на себя сходную обязанность. Да, они будут готовы выполнить эту задачу.

Нового Императора не будет, будет только бесконечная война. Мои братья обескровят друг друга, соревнуясь до бесконечности, и в итоге победителя не окажется. Нет, он тоже ум не станет. Есть только один Император, никто не достоин наследовать его полномочия. Я сделаю так, что легионы Астартес уничтожат друг друга прежде, чем кто-нибудь сумеет на равных помериться силами с Террой. Это правда. Столкнувшись с перспективой взаимного истребления, мои братья придут к соглашению. Хорусу придется снова признать Императора, и Жиллитан, и другие не узурпируют права своего истинного повелителя.

Лев опять остановился и слегка покачал головой. Он перевел взгляд на свою левую руку, из тени показалась миниатюрная, ростом по колено человеку, фигурка в черном как смоль плаще. Руки в темных перчатках, крошечные и проворные, оставались на виду, но полумрак скрывал прочие части тела и лицо. Миниатюрное существо посмотрело

на Льва, коротко сверкнув из-под капюшона
похожими на угли глазами.

--- Нет, это слишком важно, ---
возразил примарх. --- Даже если сказанное
тобою --- правда, вернуться на Калибан
пока не получится. Будь что будет, я
должен остановить Хоруса и Жиллимана.

Маленькая фигурка склонила голову,
Лев сделал то же самое, и шепот его был
полон скорби:

--- Да, хотя бы это стоило мне
легиона.

Роб Сангерс
притаившийся
змеѣ

Действующие лица

XX ЛЕГИОН, АЛЬФА-ЛЕГИОН

АльфариЙ/Омегаон --- припархи-

близнецы

Шиг Ранко --- капитан, Лернейское
отделение терминаторов

Урсин Эхион --- библиарий

Арвас Яник --- командующий объектом
«Мрак 9-50»

Горан Сетебос --- сержант, третья
роты, отделение «Сигма»

Усигор --- легионер

Аркан --- легионер

Крайт --- легионер

Волион --- легионер

Браке --- легионер

Зантин --- легионер

Чармиан --- легионер

Вермес --- легионер

Тарквисс --- легионер

ИМПЕРСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

Волькерн Абгурал, элпир-мастер
Механикул

Грессельда Вит --- герольд
ведьмоискатель из личного состава
«Медной Сабли»

Мандроклигас --- стратегарх, Генерал
Семь-шестьдесят Спартоциг

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПЕРСОНАЖИ

Ксалмагунди --- Погибель, духовное
топливо, ведьмовское отродье

ОПЕРАТУР ГИДРОАНАЛЫЗ
УСТЕКШЕЕ ВРЕМЯ Ω1/-806.44//XXII
УДАРНЫЙ КРЕЙСЕР XX ЛЕГИОНА
«УНСИЛОН»

--- Все идет так, как пожелал
примарх, мой повелитель.

--- И все-таки мне тревожно, ---
отозвался Омегаон.

Могучий воин прохаживался по темному ораториуму, его внимательный взгляд скользил то по схемам на стенах, то по инфопланишетам на круглом столе в центре комнаты. Урсин Эхион стоял перед ним, но лишь как гололитический призрак.

--- «Мрак девять-пятьдесят» имеет тактический приоритет, брат. Многое зависит от непрерывного слежения за технологией.

Он сел на один из установленных в палате тронов. Положил локти на подлокотники и в задумчивости сцепил пальцы.

--- Тебе понятны мои заботы?

--- Конечно, лорд Омегаон, --- ответил прозрачный Эхион.

Омегаон хранил задумчивость. Эхион больше не носил накидку библиария, вместо нее он избрал простое одеяние простого легионера. Когда понадобилось проследить за новой, касавшейся эмпирей технологией, один из старших псайкеро-легиона явился очевидной кандидатурой, даже если его статус библиария при этом оставался тайной.

--- Тебе понятны мои заботы, --- повторил Омегаон. --- Но вот разделяешь ли ты их?

Он проследил, как проблески сомнения появились на гололитической копии лица библиария. Искушение солгать. Решение не делать этого.

--- Пилонная матрица построена в точном соответствии с требованиями, --- подтвердил Эхион. --- Она работает удовлетворительно.

--- Говори, что у тебя на уме, --- велел Омегаон. --- Раз уж твой род занятий способствует этому.

--- Утеется технология, древняя и чуждая нам, --- обстоятельно начал Эхион. --- Если бы проект конструкции вместе с приказом о реализации не поступили от самого Альфария, я бы подумал, что это... попытка дезинформации.

--- Твоя бдительность и недоверчивость позволяют достойно служить легиону, --- заверил Омегон. --- Мне, как и тебе, брат, противны ксеносы с их презренными методами. Но зигра бьет многими головами, и мы, вопреки предубеждениям, должны потворствовать разнообразию, хотя, конечно, можем испытывать природное отвращение. Ты это понимаешь, Эхион?

--- Конечно, лорд Омегон.

--- И, как ты сам сказал --- это желание притарха.

--- Да.

--- И все-таки будь острорителен. Есть какие-нибудь затруднения?

Эхион снова соизмерил в душе честность с благоразумием, а потом благоразумие --- с честностью.

--- Время от времени у нас возникают сложности с поставками рабов-псайкеров. Был случай, когда из-за этого возник конфликт с Сестрами Безмолвия и их Черными Кораблями. Конечно, ничего такого, с чем не справились бы мои легионеры.

--- Стало быть, именно это беспокоит тебя, брат? Использование тебе подобных?

Эхион взвесил свой ответ.

--- Технология... требует. У каждого из нас своя роль. Эти, как вы их называете, менее подобные, должны ее исполнить, в то время как легион исполняет свою.

--- Воистину, --- согласился Омега. --- Еще есть проблемы? Касаются кого-нибудь из наших союзников?

--- Гено Семь-шестьдесят Спартоцид производит беспокойных стражей, но свои обязанности они выполняют отменно. А Механикум... --- Библиарий сделал паузу. --- Эмпир-мастер Абзурат --- тяжелый человек. Я контролирую работу пилонной матрицы, но он отвечает за обслуживание. Излишне резок с рабами и перетолковывает распоряжения... как бы

это сказать?.. Творчески. Подозреваю, что о технологии эмпир-мастеру известно больше, чем он или его люди хотят выказать.

--- Говоришь так, словно это составляет проблему.

--- Он знает, насколько важен для операции на объекте «Мрак», потому позволяет себе вольности. Возможно, дело во мне. Он мне просто не нравится.

--- Этот человек опрометчив, если позволяет себе вольности с Альфа-Легионом, --- холодно произнес Омега. Он встал с трона и прошелся по ораториуму.

--- Магистр Эхион, твоя работа на объекте «Мрак» была просто выдающейся, я хочу, чтобы ты и дальше действовал в том же духе. Полагаю, не будет лишним, если еще одна пара глаз присмотрит за соблюдением твоих интересов. Свежий взгляд бывает полезен.

--- Если вы чувствуете в этом необходимость, мой повелитель, --- отозвался Эхион. --- Есть разведданные о том, что операции грозит некая опасность?

--- Не прямая, но наши враги и союзники многое от нас переняли. Мы должны не просто защитить наши ряды от шпионов Императора. У магистров войны есть собственные жесткие методы. Нам не следует недооценивать угрозу со стороны ксеносов, а затем, конечно, нужно обеспечить верность наших друзей. Оперативников можно подкупить, однако разделившие с нами путь могут с него сойти.

--- Конечно.

--- Именно поэтому приходится просить, чтобы ты прислал мне в зашифрованном виде подробные описания систем безопасности и защиты базы «Мрак», -- продолжил Омегаон.

Эхион заломил бровь.

--- За безопасность отвечает командующий Яник...

--- Тогда мне нужно от него то же самое. Схема базы, полный список имеющихся в распоряжении отрядов и детали, касающиеся ротаций внутри гарнизона. Начнем с этого.

Эхион кивнул.

--- Можно спросить, что вы собираетесь делать с этой информацией, мой повелитель?

--- Она позволит мне наилучшим образом помочь тебе, магистр Эхион. Позволим определить слабые места и выбрать ресурсы. Эти ресурсы я смогу передать в твое распоряжение, чтобы гарантировать гладкий ход операции, касающейся самого важного из проектов легиона.

--- Благодарю вас за беспокойство и внимание, лорд Омегаон.

Примарх стоял перед толстым бронированным стеклом стрельчатого окна. Он пристально рассматривал пространство снаружи --- холодное, пустое и вечное.

--- И все же я чувствую --- есть что-то еще... --- сказал он рассеянно. --- Можешь поверить мне, брат. И оно не относится к этим скучным проблемам.

Он повернулся, отметив про себя неуверенность Эхиона.

--- Возможно, твой талант наделяет тебя некой особой проницательностью,

чем-то таким, что умножает горести.

Библиарий слегка склонил голову.

--- Разрешаете мне говорить свободно, сэр?

Омегаон продолжил всматриваться в глубину открытого космоса.

--- Разрешаю, всегда.

--- Это касается пилонной матрицы. Эфир в состоянии невиданного прежде покоя. Я прохожу сквозь него, тянусь своим сознанием, и мысли проникают так далеко, словно они --- катешек, пущенный по гладкой поверхности тихой заводи.

--- Продолжай, брат.

--- Я всегда ощущал, как меня касается предвидение. Старший библиарий называл это «знанием». Оно полезно в хаосе сражения --- мгновенный блеск клинков, опережающие удары, вспышки лазеров, которые сначала видны и лишь потом нацелены на меня.

--- У тебя есть способности предсказателя, --- сдержанно подтвердил Омегаон.

--- Да, мой повелитель, --- ответил Эхион.

--- Они усиливаются близ той
терзости ксеносов?

Эхион выбрал слова осторожно:

--- Текут свободнее, как спокойный
источник.

--- И что ты видишь?

--- Будущее, мой повелитель.
Истинное и ужасное.

--- Твое собственное? --- осведомился
Омегаон.

--- Легиона.

--- И?..

--- Боюсь, ты сделали неверный ход,
мой повелитель, --- с болью произнес
Библиарий. --- Или вот-вот его сделают.
Наш нынешний путь ведет нас во тьму.

Омегаон кивнул. Он слишком хорошо
понял, что сказал Эхион.

--- Ты говорил про это кому-нибудь
еще? --- спросил притарх.

--- Конечно нет, --- ответил Эхион. ---
Библиариум формально распущен,
осталось лишь то, что необходимо для
специальных заданий и миссий. Легионеры
пока моим началом не знают о моем гаре.

--- А как насчет твоего бывшего

начальника, старшего библиария?

--- Нет. Я доверяю только вам, лорд Омега.

--- У я слушаю тебя, брат. Не сомневаюсь в твоих способностях, которые в особых обстоятельствах только возросли. Боюсь, однако, что ты тельком видишь путь, но не различаешь цели. Верь --- для Альфа-Легиона существует много вариантов будущего, много возможностей, много путей. Слабость наших врагов в том, что они воспринимают лишь описанное примитивными словами. Залог их уничтожения --- слепота, неспособность видеть многообразие наших методов. Давай, не будем совершать ту же самую ошибку. Можешь быть уверен --- Альфариий знает про увиденную тобою тьму, и сам он увидел за нею свет. Если мы будем верны друг другу и цели, ради которой созданы, верны принципам, на которых стоит легион --- мы отыщем этот свет вместе. Мы достигнем просветления. Мы обеспечим себе окончательную победу.

Эхион склонил голову.

--- Благодарю вас за доверие, мой

повелитель.

--- У я тебя, магистр Эхион. Буду ждать в скором времени твоекратно зашифрованную передачу от командующего Яника. Теперь прошу извинить, у меня есть не менее серьезные вопросы, которым нужно уделить внимание.

--- Конечно. Гигра Доминатус, лорд Омегагон.

--- Гигра Доминатус.

Гололитический дисплей затрепал от статических помех, затем изображение на экранной пластинке торгнуло и исчезло. Омегагон застыл, обратленный глубокой тьмой стрельчатого окна. Голос пришел из теней.

--- Он становится проблемой.

Шиг Ранко появился из глубины комнаты и обошел широкую поверхность стола. Он был массивным воином, почти таким же большим, как сам Омегагон, и к тому же капитаном Лернейского отделения терминаторов и командиром ударного крейсера «Упсилон». Уважаемый

ветеран и одаренный тактик, он состоял при примархах-близнецах еще со времен первых, нерегулярных завоеваний легиона в Великом крестовом походе.

--- Я подразумеваю, --- повторил он. --- Эхион становится проблемой.

--- Или ее решением, --- загадочно произнес Омегон.

--- В той же мере, в какой я люблю сидеть над вашими докладами о положении дел, --- заявил капитан. --- Полагаю, вы украшаете «Унсилон» своим присутствием, потому что вам что-то нужно.

Омегон слегка улыбнулся.

--- Нужна любезность. Совет старого друга. Ничего особенного, все это ты делал для меня уже тысячу раз.

--- Я служу вашим интересам, --- ответил Ранко, усаживаясь за обсидиановый стол и приглашая примарха сделать то же самое.

--- А я --- интересам легиона, капитан.

--- Где Альфарий?

--- Возвратился после встречи с магистром войны, --- честно ответил

Омегаон. — Он собирает флот. Я ожидаю, что в скором времени «Унсилон» получит его приказы.

— Вы здесь от его имени? — поинтересовался Ранко.

— Да, в его интересах.

— Тогда что я могу сделать для вас двоих и для легиона?

— Прежде всего, ты мне нужен Шуг, чтобы кое-что понять, — заявил Омегаон, пристально глядя на ветерана. — Операции легиона требуют определенной степени секретности и разграничения.

— Да.

— Все это далеко выходит за рамки, — просто сказал Омегаон.

— Конечно, — согласился заинтригованный Ранко. — Хотите объяснить старому другу почему?

— Я занимаюсь деликатной операцией.

— Все операции Альфа-Легиона деликатны.

— Самая деликатная, — глухо проговорил Омегаон, — это когда внедряешься в свой собственный легион.

Ранко трачно постротрел на него.

--- Никто не знает легион так, как ты, --- продолжал примарх. --- Ни у кого нет такого оперативного опыта работы по различным направлениям сразу. Ты наблюдал, как многие из нас выполняют свой долг под огнем. Все Альфа-легионеры незаурядны, но я нуджаюсь в легионерах не просто исключительно талантливых, но и очень специфического склада. То, что намечается, может... сбить с толку.

--- Вы хотите рекомендаций, --- сухо сказал Ранко. У него словно разом пропало желание острить и удовольствие от встречи со старым другом. --- В них был бы прок, знай я кое-какие детали операции, поэтому наверняка, что вы этого и хотите.

--- Детали вскоре будут, --- заверил его Омегаон.

Ранко перевел взгляд с примарха на гололитическую поверхность, а потом снова на Омегона.

--- Вы собираетесь ударить по объекту «Мрак»? ---

Омегаон кивнул.

--- Мои осведомители и
астротеленатический перехват
обнаружили утечку.

--- Внутри легиона?

--- Да. Деликатные данные, а также
информация относительно размещения
Альфа-легионеров и оперативников по обе
стороны конфликта.

--- Не верю, --- сказал Ранко. --- То есть,
я ител в виду, что верю, но как такое
возможно?

--- Гражданская война, --- напомнил ему
Омегон. --- В легионах, верных
Императору, есть кое-кто... Они тайно
снабжают магистра войны разведданными
и присвоенной военной техникой. Так
почему бы не случиться обратному?

Разочарованный и недоверчивый,
Ранко не скрывал своего удивления.

--- Это Альфа-Легион, мой
повелитель.

--- Известный мне и болезненный
факт, --- примарх вздохнул. --- Я, конечно,
контролировал ситуацию, в надежде
идентифицировать и нейтрализовать
утечку. До тех пор, пока личная

безопасность Альфария не оказалась под угрозой.

--- Альфария?

--- Рангеву, с которого пришлось срочно ретироваться, --- объяснил Омегон. --- Кем бы они ни были, за кого бы ни стояли, за Императора или за магистра войны... Они могли схватить моего брата прямо тогда, в том самом месте.

--- И вы проследили их до базы «Мрак»?

--- Частично расшифрованное астротеленатическое сообщение, отправленное оттуда, --- подтвердил Омегон. --- Время и дислокации. Они в точности знали, где и когда ударить.

--- Тогда это Эхион.

--- Возможно. Система Оксисс. Огин из тех отдаленных регионов, которые не подвержены риску варп-штормов. Ты сам слышал --- пилонная матрица успокаивает империум. Астротеленатическое сообщение могло попасть на Древнюю Терру оттуда.

--- Как Альфариус все это воспринял? --- спросил Ранко.

--- Плюется кипятком, как и следовало ожидать. У нас нет времени заниматься расследованием. Война идет быстро. Такая роскошь, как возможность выследить вражеского организатора, нам недоступна. Во всяком случае, сейчас, ведь даже о нашей попытке сделать это, вероятно, станет известно. «Мрак» потерял доверие. Его следует уничтожить вместе с утечкой и всем прочим, пока знания о матрице или даже о самом объекте не попали в руки другого легиона.

Ранко опустил руку на стол.

--- Вам нужны легионеры, которые сумеют проникнуть на базу Альфа-Легиона и не поставят под сомнение приказ, который потребует убивать братьев. Зная, что многие из этих братьев невиновны.

--- Да.

Капитан на миг замолчал, проникаясь чудовищностью задания.

--- Раз так, вам нужен Горан Сетебос из отделения «Сигма» третьей роты. Его команда отвечала за удар по матричному аванпосту на планете Облонски. Даже по

теркам легиона, Сетебос довольно холоден, раги победы над другими сделает все, что нужно.

--- Где он сейчас?

--- Полагаю, отвлекает Девятьсот пятнадцатый экспедиционный флот.

--- Спасибо, Шуг, -- сказал Омегаон.

--- Вам также понадобится псайкер, -- продолжил капитан. -- Взять кого-нибудь из легиона нельзя, к их подготовке, по всей вероятности, приложил руку Урсин Эхион.

--- Тогда оперативник?

Ранко пожал плечами.

--- Вопрос -- кто? Нужен кто-нибудь поистине особенный, чтобы выступить против Эхиона. Проблема в том, что от особенных больше опасности для всех остальных.

--- Не всегда с огнем борются при помощи огня, -- пробормотал Омегаон, но затем вновь задумался.

--- Никаких чтецов. Никаких теленатов. Хватит нам проблемы с утечкой информации.

--- Согласен.

--- У тебя имеется предложение? --

спросил примарх.

--- Возможно, --- отозвался Ранко. ---
Мы расшифровали передачи с Черных
Кораблей, о которых упоминал Эхион. Там
неожиданно всплывает одно и то же имя.
Штат Сестер Безмолвия раз за разом не
может поймать прирожденную ведьму по
имени Ксалмагунги из мира-улья
Друзилла.

Омегон кивнул.

--- Звучит обнадеживающе. Еще какие-
нибудь рекомендации?

--- Эхион и командующий Яник
собираются подкрутить гайки по части
режима секретности на базе, --- продолжил
капитан. --- Вам понадобится кто-нибудь
внутри нее.

--- Я уже наметил кандидатуру, ---
заверил примарх.

Ранко кивнул.

--- Значит, действительно дошло до
этого? В нашем собственном легионе?

--- Мы не можем церемониться с
предателями, которые завелись в наших
рядах, --- сказал Омегон. --- С предателями,
где бы они ни обнаружались, следует

поступить решительно. Нужно принести
эту жертву.

Омегон пересек ораториум и взял
пару чаш с подноса. Одну он предложил
Ранко.

--- Спасибо за помощь в этом деле,
старый груз. Мало к кому можно
обратиться с чем-то подобным.

--- Всегда к вашим услугам, --- сказал
капитан, поднимая чашу, чтоб выпить
тост. --- За успех миссии и за неизбежные
жертвы.

Двое выпили. Ранко, оторвавшись от
чаши, задумался. Он понял, что изучает
то, что на дне.

--- Знаешь, каково это? --- спросил
Омегон.

--- Да, мой повелитель, --- через миг
ответил капитан.

--- Тогда ты понимаешь, чего я от
тебя хочу.

Ранко залпом выпил остаток.

--- Того же, чего и от грузин, ---
отозвался капитан. --- Всего.

ОПЕРАТУР ГИДРОАНАЛЫЗ
УСТЕКШЕЕ ВРЕМЯ Ωз/-734.29//СНО
ФЕМУС JV --- ТАРСУСКУЕ
ВЫСОТЫ

Подкорковая активность фемуса JV
длилась уже многие тысячелетия, и
планета понемногу выворачивалась
наизнанку. Это был сутрачный шар из
магматической породы, окутанный
штормами из пепла и сажи, покрытый,
словно фүрүнкүлэти, извергающимися
вүлканэти. Узрезанный расселинэти, он
напоминал потрескавшуюся стеклянную
безделушку, которая вот-вот развалится
на осколки.

Единственными существами, способными обитать в кошмаре фелмуса, оказались зеленокожие, племена которых, спасаясь от сезонных извержений, кочевали по переплавленному потоками лавы ландшафту. Сержант Горан Сетебос различал эти племена лишь по флагам и

зрубым символом, намалеванным на
кривых палатках. Отделение «Сигма»
дало племенам имена, основываясь на их
неразборчивой иконографии: Накинъ,
Зеленые Дьяволы, Лухачи, Магмовые
Клыки, клан Огненного Шара.

Весь прошлый месяц Альфа-легионеры
вели с ними «войну чужими руками».
Костогесантники не убили ни одного
зеленокожего и вообще не выпустили ни
единого болта. Среди вулканических гор, в
каньонах, словно вырезанных острой
бриткой, и на мрачных базальтовых
равнинах скрывалась куда более опасная
добыча.

Пятый легион.

Стремительные гикари Хана.
Печально знаменитые Белые Шрамы.

Черный камень раскрошился в руке
Сетебоса. Если бы кератитовые перчатки
не защищали ладонь, ее насквозь пронзил
бы похожий на стекло осколок. Сержант
вцепился в скалу и, пробивая в ней выемки
руками и носками ботинок, стал
подниматься по черному как ночь утесу.
За ним снизу вверх карабкались еще

девать воинов отделения «Сигма», они использовали те же самые импровизированные точки опоры. Рядом неспешно тек язык вязкой лавы, этот медленный поток без передышки, словно огненная печь, обдавал жаром закованных в броню легионеров.

Очүтившись наверху, Сетебос снял болтер с креплений и зашагал по хрустящему гравию вулканического кратера. Окоем был изъеден потоками магмы, и Сетебос тщательно выбирал, куда поставить ногу на этой пүзырящейся поверхности. Один за другим Альфа-легионеры перебрались на противоположную сторону кратера, перепачканные сажей пластины доспехов сверкнули в сполохах огня.

--- Выглядит неплохо, Усигор, --- сказал сержант.

Легионер Усигор сверился с потертым инфопланишетом, крутя его и поворачиваясь всем своим бронированным телом так, чтобы соотнести новую топографическую карту с окружающим рельефом. Он протянул руку в перчатке,

указывая на восток.

--- Если Огненные Шары еще не перекочевали, это должно погнать их безобразные задницы, --- заявил он, вручая планшет Вермесу, который перепроверил картографию.

--- Вон то русло должно соединиться с другими из внутренних протоков, --- пробормотал Сетебос.

--- Подтверждаю.

Отделение слишком хорошо помнило русло, которое несколькими часами ранее пришлось пересечь с некоторыми трудностями. Бракс едва не провалился в ядскую, наполненную расплавленной породой бездну.

Крайт начал закладывать сейстические заряды, делая выемки для них в стенке кратера бронированным кулаком.

--- Зеленокожие в квадрате семь-семнадцать должны сосредоточиться в этом ущелье, у них мало вариантов, кроме как присоединиться к Магматическим Клыкам.

--- Если они не атакуют их, как это

сделала последняя группа, — пробормотал Бракс.

— У орков такое бывает, — согласился Сетебос. — Крайт, мы точно готовы?

— Еще два заряда. Десять секунд.

— Братья, идет через гребень, — приказал Сетебос.

Отделение «Сигма» перескочило через крошку кратера, а потом заскользило вниз по гравию и щебню на склоне вулкана. Альфа-легионеры совершали такие вылазки в течение многих недель, пробираясь через адский ландшафт и устраивая взрывы ради стратегических целей. Такие секретные отряды, как «Сигма», оставаясь невидимыми и ничем не обнаруживая себя, разрушили надежды Белых Шрамов на скорое истребление ксеносов в местных системах. Они добились этого, сводя вместе племена зеленокожих фелуса V в фортификация, приобретающие тактическое преимущество. Усиливая отряды и увеличивая концентрацию сил зеленокожих, Сетебос со своим отделением в итоге преуспел, и воины Хана увязли в

бесчисленных кровопролитных схватках.

Белые Шрамы теперь могли лишь мечтать о том, чтобы привычно тчаться через открытое плато, разделяя племена и разнося орков в пух и прах.

--- Сержант! --- прошипел Усигор по вокс-связи. --- Контакт!

Вниз по ущелью, к подножию склона, неуклюже двигалась неровная вереница орков. Приimitiveвная символика позволила определить их как клан Огненного Шара, с собою орки тащили набор разномастного оружия. Некоторые явно были ранены и, возможно, входили в группу, отколовшуюся от более крупного и понавшего в засаду племени.

--- Спрятаться, --- приказал Сетебос по вокс-связи. --- И в бой не вступать. Повторяю, в бой не вступать.

Пока легионеры протискивались в несколько более тесное, чем хотелось бы, укрытие на каменистом склоне, орки продолжали неуклюже топтать по ущелью. Скалы, валуны и толстый слой перла на броне в какой-то степени замаскировали костодесантников от ксеносов. Сетебос,

который ближе других находился ко дну ущелья, хранил абсолютное молчание. Он наблюдал за монстрами, которые, не замечая его, брели мимо.

Внезапно сквозь непрекращающееся грохотание дальних извержений прорвался пронзительный вой двигателей. Оглянувшись, Сетебос заметил в глубине ущелья три огибающих вулкан имперских реактивных мотоцикла. Он понятия не имел, как Белые Шрамы умудряются сохранять чистоту своей белой брони и машин в тучах сажи, под дождем из непла.

Шрамы выследили группу орков, вероятно, они уже искали ее, рассудил Сетебос. Охотники Хана славились тем, что не позволяли добыче улизнуть. Белые Шрамы, пригнувшись к рулям, под завывание работающих на полную мощность двигателей ворвались в ущелье, поднимая за собой тучи непла.

Огонь болтеров сразил зеленокожих в арьергарде колонны, остальные монстры внезапно оживились, расшвырнули и схватили свое грубое оружие. Белые Шрамы перебили половину этих тварей,

прежде чем настигли группу.

Один оборванный орк с силой размахнулся топором по навизавшейся машине. Наездник Белых Шрамов попросту отклонился вбок, позволив вражескому лезвию без вреда скользнуть мимо шлема.

Сетебос проследил, как наездники взмыли вверх по склону. Это была классическая тактика Пятого легиона. Ощетинившись клинками и извергая огонь, зеленокожие, бросившиеся на атакующих, обнаружили, что противник исчез. Спустя короткое время реактивные мотоциклы вернулись, ударив в тыл группы и осыпая безмозглых тварей градом болтов.

Несколько орков воинственно взревели, обращаясь к сумрачным небесам, а их сородичи тем временем уже лежали грудой разогранных трупов. Первый реактивный мотоцикл пролетел над орками на высокой скорости, побуждая обоих уцелевших размахивать оружием в тщетной надежде зацепить маневренного противника. Как и следовало ожидать, второй и третий всадники спикировали

следом, их изогнутые ценные мечи
взвизгнули, срубая монстров. После того
как голова одного зеленокожего повисла на
плоскоте шкуры, а внутренности другого
вывалились наружу, работа Белых
Шрамов была завершена. Они
развернулись, неспешно приблизились к
месту резни и спешили. Стащив с голов
шлемы, воины Хана позволили своим
роскошным глинным волосам и усам
виспадать свободно, а потом обнажили
короткие изогнутые клинки и пронзили
всех лежащих орков, убеждаясь, что
монстры действительно мертвы.

Лишь один из них, и впрямь по-
орлиному зоркий, заметил нечто на склоне
вулкана. Возможно, очертания
несвойственного местности предмета?
Отступив к мотоциклу, он вытащил из
седельной сумки пару биноклей и
поднес их к проницательным темным
глазам. Белый Шрам мог окликнуть
закованного в броню Альфа-легионера,
засевшего на усыпанном щебнем склоне,
или, что вероятнее, предупредил бы своих
братьев. Однако воин Хана не сумел

сделать этого, поскольку у его горла
оказался клинок Сетебоса, а в волосы
вцепилась рука сержанта Альфа-Легиона.

Внезапно осознав, что попали в
засаду, двое других Белых Шрамов
бросились к реактивным мотоциклам.
Первый успел заметить приближение
Бракса и выхватил свой ценной меч.
Клинок выскользнул из ножен, и Белый
Шрам, испустив пронзительный боевой
крик, описал оружием дугу. Браксу
пришлось изменить свое решение, упасть
на бок и откатиться по гравию. Белый
Шрам быстро пришел в себя, однако Аркан
и Чартуан налетели на него, один ударил
костогесантника своим выпуклым
наплечником, в то время как другой
пустил в ход оружие.

Усигор не успел добраться до
третьего Белого Шрама, и тот был уже
рядом со своим байком. И вместо того
чтобы схватиться за оружие, Шрам с ходу
оседлал машину с изяществом и
уверенностью рожденного в седле и, прежде
чем Альфа-легионеры успели что-либо
предпринять, воин Хана заложил вираж и

на полной скорости развернул машину в сторону скалистой теснины.

Клинок Сетебоса скользнул, рассекая пленнику горло.

--- Усидор, заблокируй ему передачу! ---
равкнул сержант, указывая на цель окровавленным острием ножа.

Усидор обогнул двух легионеров, которые все еще боролись со своими противниками на базальте, и вырубил коммуникаторы в байках.

--- Сделано! --- доложил он.

Сетебос наблюдал отчаянный рывок всадника, пытавшегося вырваться на свободу. Зантин вскинул болтер, но сержант положил свою закованную в кератит ладонь на оружейный ствол. Не следовало поднимать шум, способный выдать присутствие на Фемусе V других костодесантников. Альфа-Легион, как всегда, обязан был оставаться неслышимым, невидимым и неопознанным.

--- Крайт!

--- Да, сержант!

--- Давай.

Демонатор сработал. Сейстические

заряды, установленные в стенке кратера, превратили лагматическую породу в нечто похожее на стекло крошево. Щебенка лавиной пополз вниз по склону вулкана в ущелье, крупные валуны подпрыгивали и раскалывались. Удиравший мотоциклист осознал всю серьезность своего положения. Он попытался развернуться, но места для маневра не хватило. Костюмодесантник свесился набок и соскользнул с седла, скатываясь и гремя пластинами брони по вулканическому сланцу. Его мотоцикл врезался в скалу, став короткой вспышкой света, и разлетелся, будто шрапнель.

Сетебос видел, как Белый Шрам карабкается по черному крошеву, пытаясь встать на ноги. Он побежал мощными, решительными шагами, дробя ботинками гравий.

Разлившаяся лагма прибывала.

Направленный взрыв, организованный так, чтобы сойти за сильное извержение, открыл дорогу лавовому потоку. Сияющая смерть текла вниз по склону навстречу Белому Шраму. Альфа-легионеры наблюдали, как лава, поднимаясь,

пожирает склон, затем затанавливает
ущелье, как и планировали Крайт с
Усигором.

Лава настигла костогесантника,
сбила его с ног, опрокинула, захлестнула по
плечи, а затем с головой. Белый Шрам
былся лишь мгновение, его безупречный
кератит расплавился, последним
сдетонировал ранец, и полыхнул взрыв.

Чартиан бросил на сержанта взгляд.

--- Сэр?

Теперь они вдвоем прижимали
ущелевшего Белого Шрама лицом к щебню
на дне ущелья.

--- Сделай это быстро, --- прошипел
Сетебос, прежде чем отправить
оставшуюся часть отделения на
противоположный склон.

Белый Шрам в ярости выкрикивал
оскорбления, но это продолжалось недолго.
Чартиан обхватил голову
костогесантника, а затем резко крутанул
ее. Раздался хруст, Белый Шрам
прекратил сопротивление и обмяк.

Пока звено «Сигма» перебиралось на
скалистый склон, ущелье за их спинами

ХОРОН.

Мать назвала ее Ксалмагунди. Люди
нижней касты прозвали Погибелью за
приносимые ею несчастья. Уютная
сучка именовала духовным топливом и
ведьмовским отродьем.
Сверхъестественный дар Ксалмагунди
убил их всех.

Смерть привела ее наверх.
Ксалмагунди покинула нижний улей. В
юности девушка имела лишь смутное
представление, как управлять
аномальными способностями. Тогда
предметы двигались вокруг нее словно
сама собой. Двигались неистово, если
такое было ее настроение.

То, что начиналось как выходка,
должная удивить уличных мальчишек ее
касты, вскоре стало вызывать у
обитателей нижнего улья неприкрытый
ужас. Даже среди обитателей Делве,
людей с мертвенно-бледной, нетронутой
солнцем кожей и огромными черными
глазами, влачащих жалкую жизнь изгоев,
Ксалмагунди была отклонением. Когда ее

подростковые истерики заставили
грогнуть нижний мир, даже собственные
пещерные родичи отвергли девушку. Они
прогнали ее, рассказав историю прошлого.
Они поведали Ксалмагунди историю ее
кошмарного рождения, когда новорожденная
сломила собственную мать изнутри,
сокрушила ее кости и разорвала органы. У
все из-за проклятой силы ее безрассудного
тлагенческого разума.

Бродяжничая от одного пещерного
сообщества к другому, Ксалмагунди
стала уродец среди уродев. Все чаще
подступали слезы одиночества, но вместе
с ними — гнев и ненависть. Отсталый мир
вокруг нее стал корчиться в судорогах, и
тогда показалось, что грогнула сама
тьма. Сотрясение прошло по хрупким
конструкциям улья, и верхний мир рухнул
на нижний.

Той ночью Делве, обиталище низшей
касты с незапамятных времен, стал еще
одним слоем праха в долгой истории улья.

На Ксалмагунди шла охота, а она
тем временем перебралась в шпиль.
Сотрясения ощущались в городе повсюду.

нашлись те, кого заинтересовало их
неестественное происхождение.
Ксалмагунди училась контролировать
чувства и обусловленный ими
телекинетический кошмар. Ее внешность,
которую многие обитатели улья находили
отталкивающей и тревожной, привлекла
внимание властей. Когда задержать
Ксалмагунди не удалось, и многие
засвидетельствовали разрушительную
силу ее дара, явились иномирники.

Это были иномирники, наделенные
иными дарами: Сестринство Безмолвия, в
присутствии которых сила Ксалмагунди
превращалась в ничто. Но их
пристальными взглядами жизнь
превращалась в тьму. По слухам, Сестер
послал сам Император, их прекрасная
броня и оружие подтверждали это.
Ксалмагунди не могла понять, чего от нее
хочет Император Человечества.
Непонятно, какая веская причина
заставила его отправить к ней этих
вооруженных до зубов молчаливцев.

Убийства продолжались. Все новые
отряды Сестер охотились за Ксалмагунди

и в жилых кварталах, и среди
индустриальных ландшафтов, но
захватить добычу не смогли.

Ксалтагунди смотрела на огонь. Она
следила за пляской мерцающих языков.
Место ее ночевки прежде служило
имперскому офицеру или придворному чело-
веку вроде виллы. Ветер свистел меж
обветшалых каменных стен и среди
переломанной мебели. Псайкер плотнее
запахнула свой плащ — она привыкла к
подземному теплу нижнего улья и к
разогретым печам фабрик. Чем ближе
Ксалтагунди подбиралась к шпилью, тем
острее ее тонкая, бледная кожа ощущала
колющий холод.

Она пришла в шпиль Пентаполис
именно потому, что он был давно
заброшен. Улей Хорона получил свое
название из-за пяти шпилей, которые
торчали вокруг основного купола, будто
корона. Опасная зараза опустошила их
сотни лет назад. Каждая попытка заново
колонизировать шпиль приводила к
вспышке эпидемии и к новым мерам.

необходимым для карантина и зачистки
Пентаполиса от чумы и ее носителей.
Таким образом, шпиль-призрак маячил на
горизонте исторической вехой — слишком
большой, чтобы его уничтожить, слишком
памятный, чтобы попытаться заселить
заново и пустить в дело драгоценное
пространство.

Ксалмагунди потеряла такую-то,
страдающую от головной боли. Возможно, она
слишком долго разглядывала огонь...

Нет. Понимание пришло вместе с
судорогой. Головная боль была поначалу
легкой, но теперь она неуклонно
усиливалась: это походило на нож,
который медленно проходит сквозь мозг.
Ксалмагунди и прежде ощущала такое.

Нельзя терять время.

Она перепрыгнула через костер и
бросилась бежать по заброшенной вилле.
Девушка была легкой и гибкой, а жизнь
преследуемой сделала ее быстрой и
сильной. Без сомнения, она в этом здании
уже не одна. Спустя мгновение пришло
подтверждение — болтерные снаряды
разнесли на куски одну из рокритовых

стен, и дневной свет хлынул сквозь пробоину. Ксалмагунди заставила себя собраться.

Охотники окружили здание, продвигаясь снаружи вдоль стен. Ощущение было такое, будто шесть ножей вонзилось в ее мозг. Боль была мучительной, охваченная парализующей тьмой, Ксалмагунди не могла отыскать ту часть своего существа, на которую полагалась в таких обстоятельствах. Тьма поглотила разум, в которой страх и безысходность легко превращались в разрушительную телекинетическую силу. Она могла думать лишь о том, как сделать очередной шаг. Следовало уйти. Не просто скрыться от болтерного огня, но освободиться от влияния Сестер.

Стены взорвались сразу с двух сторон. Прошитая перекрестным огнем вилла сделалась гиблым местом — на бегу Ксалмагунди ощущала, как шальной снаряд задел, разрывая, край ее плаща.

Когда рассыпавшаяся каменная кладка обрушилась на пол, охотники оказались на виду: золотистые фигуры в шлемах с

белыми и алыми плюмажами. Преследователи вели непрекращающийся огонь и гнали добычу через виллу.

Вырвавшись из полутрака внутренних помещений на высокую террасу, Ксалтагунди ослепла из-за обрушившегося на нее дневного света -- ее большие черные глаза, как и у всех подземников, были крайне чувствительны даже к скудному свету Дружиллы.

Девушка остановилась, положив тонкую руку на прикрытое капюшоном лицо. Забрезжила мысль, что все, похоже, идет по плану Сестер. Ксалтагунди была проворной и быстрой, но ей не дано обогнать болт на открытом месте. В центре сражения, когда вокруг валилась каменная кладка, и снаряды пронизывали воздух, инстинкт подталкивал ее к бегству. Теперь же, на террасе, болтерный огонь прекратился. Ксалтагунди не могла избавиться от ощущения, что ее загнали в стойло, подобно тому, как жители нижнего улья гнали по туннелям вертинипедов, заставляя их идти в расставленные сети.

Небо над нею ревело. Встатриваться в залитые сиянием небеса было трудно, но над крышей виллы кружили то ли транспортные самолеты, то ли какие-то челноки. Как только зрение немного приспособилось к дневному свету, Ксалмагүнди из-под приставленной ко лбу ладони разглядела, как поглатает очередной вооруженный транспортник. Сестра Безмолвия сидела в проеме открытой боковой двери челнока — на голове у нее был шлем с целеуказателем, а в цепких руках — глиняный ствол диковинной винтовки.

Псайкер в ярости скривила рот. Сестры Безмолвия могли при желании убить ее, но предпочитали усыпить, будто опасное животное, и отправить своему драгоценному Императору. Ксалмагүнди не попадет в мешок и не отправится на стену, словно трофей в гостиной рожденных в шпиле.

Она снова бросилась бежать, босые ноги попадали в трещины изъеденного непогодой камня террасы. Чувствовалось, что позади — другие Сестры, обремененные

броней и алчущие успеха там, где их
предшественницы потерпели неудачу.
Транспортный челнок завершил разворот
и устремился к цели — Ксалмагунди.
Видела силуэт снайперши, свесившейся из
челнока. Убегая, она внезапно вильнула
вправо, там, где она только что
находилась, всплеснулись вверх
фонтанчики из осколков камня. Снайпер не
смогла продолжить огонь — она оказалась с
другой стороны машины.

Ксалмагунди побежала через полосу
препятствий, образовавшуюся в
обстреливаемом полуразрушенном здании.
Она преодолела декоративную подпорную
стенку, прежде чем нырнуть в зазор,
возникший на месте балюстрады.
Рассыпавшаяся постройка давала
прикрытие, но, что более важно, она
замедляла продвижение закованных в
броню Сестер Безмолвия. И, с их
тяжелым боевым снаряжением, было
труднее карабкаться через препятствия.
Перекатившись, снайпер вскочила на ноги
и бросилась к краю террасы.

Транспорт накренился, встав вровень

с высокой платформой, и Ксалмагүнди ощутила, как в нее целится снайпер. Она чувствовала кое-что еще — освобождение от ножей, которые постепенно, один за другим выходили из пылающего мозга. Она оторвалась от Сестер и не хотела рисковать, оглядываясь назад.

Сейчас важен каждый шаг. Каждый шаг. Последний шаг — более грубых.

Ксалмагүнди бросилась с края высокой террасы в небытие. Капюшон свалился с головы, плащ затрепыхался вокруг тела. Судя по ощущениям, поспешно выпущенная пуля снайпера пролетела возле уха. Ксалмагүнди начала размахивать руками, ноги колотили в воздухе, тонкое тело девушки несло вниз мимо беспорядочных архитектурных нагромождений шпилей Пентаполиса. На пути падения находился огромный отросток улья Хорона — окутанная смогом промышленная электростанция, увенчанная короной меньших шпилей. Ксалмагүнди быстро неслась ему навстречу.

Оглянувшись, она заметила, как следом за нею нырнул транспортный

челнок. Сестры стояли на террасе, на краю пропасти, и молча смотрели, как падает псайкер в объятия смерти. Отлетеv от Сестер подальше, Ксалмагунди ощутила, как что-то внутри нее встало на место, словно вернулась чувствительность в парализованную конечность и ею снова можно действовать.

Девушка закрыла глаза и пожелала, чтобы случилось несчастье.

Южная сторона шпиля покачнулась. Нагромождения построек грозили снизу доверху, выпустив в воздух фонтан из обломков рокрита, разорванных балок и кусков каменной кладки, напoминающих горгулий. Шпиль словно сжался под давлением, рябь разрушения перекинулась на развалины, и колоссальная масса строений взлетела в небо силой чудовищного взрыва. Терраса, которая теперь очутилась далеко в вышине, выгнулась и рухнула.

Ксалмагунди, словно кошка, извернулась на лету и встала на первый же крутящийся обломок, чтобы спустя миг соскользнуть с его гладкой поверхности и

спрыгнуть на грудой. Попасть на
следующий обломок ей помешала
гигантская подпорка, которая врезалась во
временное пристанище и разбила его на
части. Ксалмагунди пришлось силой
разума рассечь эту подпорку надвое.

Совершая прыжок к искореженной
падающей колонне, псайкер позволила себе
на миг сосредоточиться на отступающем
транспорте и Сестрах, чьи тела,
клубясь, падали вместе с обломками
зданий. В течение нескольких мгновений
Ксалмагунди летела рядом с крупным
обломком, а потом вцепилась в
украшенный завитками кусок стены. Ей
повезло — ее дар обеспечил ей необычайную
телекинетическую силу. Но он не наделил
ее экстраординарными рефлексами.
Стоило отвлечься хоть на мгновение, и
любой из летящих кусков камня или
металла мог переломать ей хребет или
пробить хрупкий череп.

Внизу Ксалмагунди видела вызванное
ее опустошение. Подножие шпиля-призрака
оказалось похороненным под руинами
рухнувшего южного фасада, навстречу

вздымалось облако пыли. Пролетев сквозь эту завесу, псайкер мысленно сосредоточилась, стараясь замедлить безудержное падение массивного обломка. Лицо ее скривилось, превратившись в уродливую гримасу, когда она велела глыбе спускаться поаккуратнее. Другие колоссальные каменные блоки с грохотом проносились мимо, чтобы разбиться вдребезги о горю щебня у подножия шпиля.

Голова псайкера вновь заболела, на этот раз от напряжения.

Несмотря на все усилия Ксалмагунди, гигантский фрагмент ударился о поверхность с невообразимой силой, катапультировав девушку на таячившую среди бездействующих дымовых труб площадку из рокрита. Невероятно, но она приземлилась на ступни, хотя правую ногу пронзила жгучая, как раскаленное железо, боль.

Ксалмагунди упала, скатилась с платформы, мир превратился в тошнотворный калейдоскоп.

Кроме того, все звуки заглушил грохот падающих камней.

Мир постепенно перестал
крутиться. Проржавевший металлический
настил резко оборвал ее движение.
Ксалмагунди сильно ушиблась головой, и
одна рука безжизненно повисла. Все, чего
сейчас хотелось девушке -- лечь и умереть.

Оглянувшись, она увидела, как
огромный кусок искореженного рокрита
пробил металлический настил, словно
лист бумаги, за ним хвостом тянулись
спутанные кабели. Ксалмагунди вскочила,
но тут же снова свалилась со
страдальческим воплем -- нога оказалась
раздроблена, кость торчала из раны.
Девушка из всех сил старалась
сосредоточиться лишь на ноге, игнорируя
другие повреждения. Стиснув зубы, она
вправила кости, создав вокруг
раздробленной конечности
телекинетический лубок. Острые осколки
втянулись в порванные мышцы, дав
возможность, по крайней мере, держаться
на ногах. Хромая и спотыкаясь, она
пробивалась сквозь густую удушливую
пыль, когда до земли долетела последняя
часть южного фасада шпиля. Скорое

Ксалмагунди добралась до темного
прохода в мануфакториум, хотя видеть
могла не далее, чем на метр перед собой.

Псайкер закашлялась. От пыли и
каменной крошки воздух сделался густым,
и Ксалмагунди несколько раз приходилось
останавливаться, чтобы отхаркнуть
вязкую, смешанную с песком слюну. По лицу
текла кровь.

Тишину, наступившую после
катастрофы, внезапно нарушил
ритмичный грохот роторных пшук,
темнота ожила, что-то невидимое
прошло над головой. Пшук были по улице,
коррежа рокрит и выгалбливая в нем две
параллельные рытвины.

Ксалмагунди упала в набитую
түсором впадину, оставляя орудийный
огонь месить дорогу, ведущую к дымовой
трубе. Уцелевшие Сестры явно не
собирались брать ее живьем. Псайкер
окинула взглядом клубы пыли, отыскивая
челнок. Если его удастся найти, можно
использовать силу и швырнуть эту
крылатую гадость прямо в изуродованный
фасад шпиля Хорона. Однако небо было

укрыто темной пеленой, и Ксалмагүнди
ничего не увидела.

Когда пушки умолкли, она подумала,
что лучше сменить позицию, и захромала
вдоль перепавшей улицы, однако затерла,
заметив перекрывшие дорогу темные
силуэты.

Ксалмагүнди напряглась, готовая
обрушиться на эти темные фигуры соседний
мануфактурный. Силуэты, массивные,
очевидно закованные в броню, излучали
жестокость. Подобно Сестрам, воины были
вооружены болтерами. Они встретили на
псайкера бесстрастные линзы шлемов.
Один гигант — безоружный, как ни странно
— выступил вперед.

— Ксалмагүнди?

Собственное имя, произнесенное этим
гигантом, ошеломило девушку. Пыль
стала оседать, и Ксалмагүнди осознала,
что перед нею отряд Ангелов Императора.
Как и все прочие обитатели Дружиллы,
она видела лишь их изображения в камне,
но броня и оружие не позволяли ошибиться.

Предводитель остановился. Его
кератит заскрипел. Ксалмагүнди

понимала, что он уже ощутил ее воздействие, телекинетические объятия, в которых она удерживала его бронированную фигуру. Пусть Император посылает, кого хочет! Они ее не возьмут! Она могла бы сокрушить легендарных воинов в их боевой броне так, как невидимый кулак давит пустые жестянки.

--- Откуда ты обо мне знаешь? --- резко бросила она.

--- Ксалмагунди, мое имя --- Шуг Ранко, --- снова раздался голос, он был низким и прозвучал сдержанно. --- Уверяю, ты не собираешься причинять тебе вред.

--- Срань крысиная, --- откликнулась она, наблюдая за малейшими признаками движения.

Она окинула взглядом неподвижную шеренгу Ангелов. Все они держали свое оружие непринужденно, словно ждали чего-то. Ни один ствол не был нацелен на псайкера. Ксалмагунди прищуривала слезящиеся от песка глаза, такое поведение воинов имело целью лишь одно --- усыпить ее подозрительность.

--- Позволь мне продемонстрировать

это, — заявил гигант. — Сержант, что там с ее преследователями?

Позади предводителя другой Ангел нацелил оптику оружия и уставился в темное небо.

— Сестры Безмолвия, — прошипел он. — Личный состав «Медной сабли» с Черного Корабля «Сомнус», герольд Грессельда Вим. На подходе.

— Сбей их, — приказал Ранко.

Другой Ангел выступил вперед и вскинул на бронированное плечо громоздкую ракетную установку. Он направил оружие в небо и посмотрел в целеуказатель.

— Есть захват? — спросил Ранко. — Можешь стрелять?

— Могу.

— Тогда сделай это, брат.

Ксалмагунди вздрогнула, когда ракета, сверкнув, ушла в небо и исчезла, после чего взрыв разорвал сумрак. Через короткое время транспортный корабль рухнул с неба, оставляя за собой хвост черного дыма и обломки. Пилот отчаянно пытался восстановить хоть какое-то

управление, но судно не подчинилось и
скосило высокие металлические трубы,
перед тем как пролететь над головами
Ангелов и Ксалмагунди и врезаться в
фасады тануфакториума. Его
стремительное исчезновение в облаке
пыли сопровождалось еще одним взрывом и
звуктами, которые издавали обломки
корпуса, барабана, словно шрапнель, по
стенам из рокрита.

Ксалмагунди едва держалась на ногах.
Она снова сосредоточилась на Ангеле,
который звал себя Шигот Ранко.

--- Сержант, --- произнес тот, не сводя
оптики с псайкера. --- Возьми двух
легионеров и прикончи всех выживших
Сестер.

Ангел выбрался из-под прикрытия
стены вместе с парой своих массивных
сотоварищей, а Ранко тем временем снова
обратился к Ксалмагунди.

--- Разве ты не устала быть целью
охоты?

--- Я могу позаботиться о себе, ---
жестко отозвалась псайкер.

--- Докажи, --- с вызовом предложил

Ранко.

Ксалтагүнди скривила губы. Она обернулась и поглядела на вершину шпиля Хорона, который только-только начал проглядывать сквозь столб пыли.

Глаза ее сұзились. Зрачки превратились в черные булабочные точки.

Словно пораженный изнутри агонией, заброшенный шпиль испустил громовой треск. Вершина начала вибрировать, одновременно раздался низкий рокот, рожденный в ослабленном фундаменте шпиля-призрака. Затем раздробленный камень у подножия просел.

Ксалтагүнди, охваченная жаждой разрушения, напрягла челюсти.

Вершина внезапно исчезла. Шпиль опустился ниже уровня дымки — так загадочный обитатель подземелий проваливается в карстовую воронку.

Каждая живая душа в радиусе пятидесяти километров могла слышать сокрушительный грохот, вызванный падением друг на друга многоэтажных конструкций. Шпиль рухнул строго вертикально — некая неотразимая сила,

лицами бросали на него косые взгляды, задевали плечами на ходу. Незнакомцы, грубо толкаясь, пробирались по переполненной эспланаге, но никто не догадывался, что находится рядом с галактическим принцем, сыном Императора и повелителем Ангелов.

На оживленной улице его фигура могла выглядеть внушительно. Однако граждане города Де Сота видели лишь аналог собственного непримечательного облика: уличного торговца или члена картели. Скрытый на теле атлет генерировал поле, которое маскировало совершенство истинной внешности примарха, заменяя его ступенчатой имитацией смертной посредственности.

Беглым взглядом окинув переполненную эспланadu, Омегаон заметил другие образчики человеческой заурядности: вон надсмотрщик, а вон там — казначей с торгового судна или торгош-нившего пошиба. Все они, а так же и другие, расположившиеся в обе стороны вдоль улицы, были Альфа-легионеры, членами стэлс-отделения «Уфрит» и

носили такую же, как у притарха, маскировку.

Нетрудно было стесаться с толпой. Город Де Сота походил на рынок и роился как улей, здесь продавалось все, и все что-то продавали. Некоторые пришли сюда, чтобы продать свои души, из-за одного такого Омегон и появился на Сан-Сабрине.

Эспланада представляла собой открытую галерею, одну из многих. Грязные gobelены свисали со зданий, будто декоративные ленты. Грязная листовая кровля делала улицу похожей на палатку, грязная грапировка мягко колыхалась на ветру. Здесь размещались обшарпанные офисы разнообразных иномыслных посредников, включая занятых незаконными делишками или бизнесом без лицензии, что не мешало орде уличных торговцев загрозждать оживленную улицу своими товарами и непрерывно зазывать покупателей. Последние несколько минут Омегон занимался тем, что имитировал интерес к одному такому паразиту. Чтобы не породить никаких подозрений у тараторящего

продавца, он предложил ему немного местной валюты, хотя понятия не имел, что этот лоточник продает — человек был весь увешан маленькими клетками, имел при себе палку и что-то вроде барабана.

Примарх заметил цель, глянув поверх подвижных плеч торговца, между его руками, которыми тот в возбуждении размахивал, сунув нос Омегону крошечные клетки. Объект был одет в свободное темнокрасное облачение марсианского жреца, а на широких плечах нес работающий блок когитатора. Светящийся капюшон скрывал пухлое лицо, утыканное иглами и грязными проводами. Рот был давно зашит, но вокс-устройство висело на шее, которой почти не было видно. Из этого устройства мастер то и дело вытаскивал микровокс и подносил его к своим многочисленным подбородкам.

Это был печально известный Волькерн Абгурал, эмпир-мастер и секретный агент Альфа-Легиона.

Омегон держал мастера в поле зрения, отслеживая, как тот идет по

эспланате. Немногие торговцы решались
беспокоить Абгұрата, окруженного
козтистыми боевыми сервиторами.
Схватив продавца клеток за лицо и
столкнув его с дороги, примарх нырнул в
толпу. Он видел, как двое его легионеров
идут сквозь толпу с противоположной
стороны.

Абгұрат остановился возле офиса
иномирского посредника. Омегаон прошагал
мимо, пока его добыча украдкой огляделась
перед тем, как войти внутрь вместе со
своим мертвозлазым дроном.

Двигаясь по кругу и занятая на
эспланате позиции поближе, Альфа-
легионеры дожидались его возвращения.
Когда мастер, в конце концов, появился, он
явно спешил, а кибернетические головорезы
раздвигали толпу, расчищая ему дорогу.

--- Уфрит-семь --- посредник, ---
спокойно проговорил Омегаон в бусину вокса.

Предоставив одному из подчиненных
выяснить, какого рода отношения были у
мастера с иномирцем, Омегаон с
остальными двинулся вдоль низкой галереи
вслед за Абгұратом.

--- Похоже, он направляется в
костюпорт, --- раздался голос Уфрита-гва. ---
Скоро придется его брать. Дальше идут
сплошные галереи. Очень многолюдно.

--- Уфрит-сень, --- произнес Омегон
низким голосом. --- Что удалось узнать?

--- Груз в двадцать тысяч декатонн
каменя из карьера в мертвом мире в
системе Бета Гастри. Его перевозит на
Парабеллус талонный бриз. Субсектор
Квалл.

--- Какой камень? --- украдкой спросил
Омегон.

--- Серебит. Умертвный шпатовый
кварц. Редкий и драгоценный. Куча денег,
должно быть, поменяла владельца.

Омегон узнал название и, вдобавок,
назначение.

--- Нужно брать, --- передал он по
открытому каналу.

Авгурат продолжал решительно
существовать вперед, когтистые сервиторы
держались рядом все в той же манере ---
вчетвером по кругу. Легионеры Омегона
принялись чаще прохаживаться туда-сюда,
а примарх сознательно держался как не

очень ловкий «хвост». Через некоторое время мастер начал замечать в толпе одни и те же лица. Его взгляд заметался в попытках выяснить, нет ли в толпе чего-то подозрительного. Абгұрат ко всему прочему был еще и агентом Альфа-Легиона, то есть понимал тактику и принципы слежки. Не понимал он только одного — почему Альфа-Легион обнаружил свое присутствие.

Пока мастер поспешно перебирался на другую сторону галереи, Омегаон приступил ко второй фазе операции: Альфа-легионеры в камуфляже, созданном генерирующим полем, начали подбираться к цели. Абгұрат понял, сколько их, и узнал многие лица, однако он шел сквозь плотный поток людей, и сервиторам стало трудно прокладывать хозяину дорогу.

Члены Цфрита сошлись в толпе, соприкоснулись плечами и обменялись гололитическим обличем. Атүлет переходил от владельца к владельцу по отработанной схеме, и преследователю стало труднее увидеть преследователей.

Авгурат уставился в толпу, очевидно, выискивая убийц или группу захвата. Его взгляд время от времени возвращался к Омегону, который держал темп и явно двигался на перехват.

--- Приближается к рыночному бульвару, --- шепнул Уфрит-четыре по открытому каналу.

--- Сближайтесь, --- сказал Омегаон.

На этот раз он не осторожничал, и Авгурат заметил, как губы незнакомца шевельнулись, отдавая приказ.

Мастер в панике двинулся вместе со своими сервиторами-охранниками в сторону галереи. Омегаон наблюдал, как Авгурат подбегает к рыночному бульвару, ведущему к главной эспланаде, и ощущал, как желание добычи пуститься в бегство перерастает в непреодолимую паранойю.

Четыре члена Уфрита совершенно открыто приблизились с разных сторон, однако на лице мастера появилось хорошо заметное Омегону удивление, когда один за другим преследователи исчезли. Каждый необъяснимым образом

растворился в толпе.

Авгурат крутанулся на месте, и его удивление сменилось ужасом — он обнаружил, что остался один. Служащих защитников больше не было рядом.

Их место заняли четверо незнакомцев, которые молча глядели на него. Авгурат искал хоть какую-то возможность спасения. Однако в толпе становилось все больше уже знакомых лиц, и последним он увидел Омегона, который поспешно приближался. Это оказалось слишком для несчастного человека.

— Отстаньте от меня! — выпалил он прежде, чем броситься в узкую галерею, забитую прилавками и киосками.

Омегон видел, как мастер проскочил сквозь рваный пол, мимо кучки изумленных зевак.

Сервиторы затерли, повинувшись последнему приказу господина. Омегон лишь позаботился, чтобы шедшие последними легионеры, прежде чем скрыться в толпе, прицепили свои генераторы поля к охранникам. Авгурат думал, что сервиторы оставили его,

бүдүчи заменены группой захвата, в то время как он сам нечаянно отпустил их и заблокировал мысленным приказом.

Сорвав полог, Омегаон обнаружил двоиx замаскированных членов Цфрита, которые задержали мастера в крытой галерее. Оба стояли по бокам от грузного человека, прижав короткие клинки к мясистым складкам на его шее, еще один держал возле горла Абгүрата микровокс.

Омегаон приблизился с грацией хищника. Абгүрат мгновенно признал в нем того, кто тенью следовал за ним через неструю толпу.

--- Ты делаешь большую ошибку! --- завопил он, обращаясь к Омегаону. --- У меня есть влияние, я знаю страшных и могущественных людей! Ты даже представить себе не можешь...

Омегаон снял с пояса генератор и уменьшил гололитические частоты. Изображение безвестного обитателя Де Сота замерцало, поплыло и в конце концов растаяло, открыв реальную картину --- вооруженного Альфа-легионера с эмблемой ордена на груди. Еще двое воинов сделали

то же самое.

Авгурат широко раскрытыми глазами уставился на своих покровителей. События повернулись так, что он попросту потерял дар речи.

— Очень даже могу представить, эмпир-мастер, — произнес Омегаон. — Я тоже знаю страшных и могущественных. А они хотят знать, почему тайнами, которые они тебе доверили, ты торгуешь по всему Империи.

Авгурат понял, что не может отдышаться. Разоблаченный Омегаоном, он испытал потрясение и все же силился ответить, хотя два клинка лежали на его горле, словно ножницы.

— Я ничего... не продавал... — кое-как справился Авгурат.

— Знаю, эмпир-мастер, — ответил Омегаон. — Ты не продаешь, ты, главным образом, покупаешь. А еще ты строишь, прилагая к этому все усилия. И ты строишь не для нас. Ты делаешь это для себя.

— Вас послал магистр Эхион?

— У магистра Эхиона были

подозрения, однако нет, не он.

--- Чего вы хотите? --- задыхаясь, спросил Абзұрат.

--- Хочу, чтобы ты придержал свои таланты и использовал их только так, как желают твои покровители.

--- Но технология... она замечательна. Потенциально она превосходит устройство на Пердигүсе.

--- Знаю, --- отозвался Омегаон. --- Именно я снабдил тебя спецификациями и оригинальными материалами.

--- Она явно имеет ксенопроисхождение. Древняя. Где вы...

--- Где я беру свою информацию --- это мое дело. Если ты продолжишь испытывать мое терпение и задашь еще один опрометчивый вопрос, я снесу твою голову с плеч, а жирное тело брошу в переулке.

Абзұрат ограничился боязливым поклоном.

--- Ты одарен даже по меркам твоего племени, --- признал примарх. --- Именно поэтому мы пришли к тебе. Именно поэтому мы оказали тебе доверие. Не

заблуждайся, воображая, будто ты был единственным вариантом. Умеют и другие, они могут сделать то, что нужно.

Бледный от ужаса, Авгурал снова поклонился.

--- Эмпир-мастер, --- продолжил Омегон, --- почему ты строишь точную копию «Мрака» на сельскохозяйственной планете Парабеллус?

--- Технология... --- осторожно ответил Авгурал. --- Пусть даже технология чужаков... она может изменить Империум. Она могла бы обезопасить астромеленатическую сеть и импетеорологию наших торговых маршрутов.

--- Открой глаза. Галактика не нуждается в революции, --- ответил ему Омегон. --- Она и так достаточно от нее страдает. Ты пытаешься обезопасить Империум ради магистра войны, но магистр войны еще даже не получил его. Меня не заботит, насколько благородными были твои намерения --- агент Альфа-Легиона не может предать своих повелителей и после этого прожить долго.

--- Н-н-не убивайте меня,
пожалуйста... --- взмолился Абгұрат. --- Я
еще могу пригодиться.

Омегаон склонился над ним, такая
близость выглядела зловеще.

--- Мы Альфа-Легион, Волькерн. С
ведома или без ведома, мы всякому
находим применение.

ОПЕРАТУР ГИДРАНТАБ
УСТЕКШЕЕ ВРЕМЯ Ω₂/002.68//ОС
«МПАК 9-50» --- АСТЕРΟΥ ΤΡΟΛΗ

Абордажная торпеда «Арголид» дрейфовала в вакууме системы Октисс. Она словно пуля в темноте рассекала мерзлую пустоту, сохраняя скорость и неизменный курс.

Октисс походил на заброшенный угол Галактики. Поле из обломков скал и льда тихо кружилось, опоясывая яркий, но размытый 66-Зета Октисс. Это был разрушенный мир, море костячатого мусора, в котором скользили рабы от выбоин астероиды и гиганты с массой легче воздуха.

Внутри «Арголида» стояла морозная
тьма. Отделение «Сигма» замерло по-
стойке «спирно» в своих десантных
капсулах. Легионер Аркан сидел,
пристегнутый к трону пилота, перед
примитивным пультом управления.

Омегаон стоял возле узкой полосы бронестекла, которую лишь с натяжкой можно было назвать иллюминатором. Вытерев с ее поверхности иней, он пустил во трак торпедного отсека яркий луч света поярче. Утак, 66-Зета Октисс был уже близок. Рунические панели и палубный настил блестели и искрились ледяным сиянием.

Несколькими часами ранее Омегаон приказал Аркану отключить в торпедном отсеке все, что могло выдать их присутствие, --- обогрев, гравитацию, систему жизнеобеспечения. Все легионеры облачились в полную броню и шлемы, включили магнитные фиксаторы на ботинках. «Арголид» в последний раз испустил огненную вспышку перед тем, как кануть во тьму и протчатся между гвута безмолвными и яростными гигантами. Безмятежная океанская зелень их гладкой поверхности противоречила истинному характеру планет. За нею скрывались невообразимые сила и давление, ветры, которые дули со скоростью в тысячи километров, вечные

шторта и циклонные ямы, зоны
интенсивной радиации и притяжение,
способное поймать комету.

Аркан приставил простую
астролябию к оптике шлеса и сделал
измерения сквозь очищенную секцию.
Солнечный луч внезапно исчез,
сигнализируя, что некий предмет прошел
между «Арголидом» и пугающе близкой
звездой Октисс.

— Утак? — спросил Омегон,
посмотрев на легионера.

— Угел к цели, мой повелитель, —
ответил Аркан. — До тех пор, пока обо
что-нибудь не ударится.

— Мы не можем привлекать
внимание корректирующей вспышкой, —
сказал Омегон. Однако они ничего не могли
пожелать с кусками металла и камня,
которые, вращаясь, летели в их сторону
через открытый космос.

Перед укрепленным носовым
обтекателем абордажной торпеды
вращалась величественная громада —
«Мрак 9-50». Похожая на горную гряду, она
стала сквозь вакуум на колоссальной

скорости. Неправильной формы астероид был изрыт кратерами, следами столкновений и трещинами. Аркан указал на глубокий раскол в скалистой поверхности, природный объект на $61^{\circ} 39'$ эклиптики, или, как его фатильярно называл персонал объекта, «у пустоты за пазухой». Глубокую трещину выбрали в качестве точки проникновения для Альфа-Легиона.

Омегаон наблюдал, как колоссальный астероид, формой схожий с луковицей, валится навстречу, крутясь вокруг своего центра тяжести. Примарх молчал, но его впечатлили вычисления Аркана. Абордажная торпеда не только исключительно по инерции приближалась к цели, но и очень точно попала в дыру с рваными краями, зияющую в брюхе астероида, в то время как гигантская скала медленно вращалась в вакууме.

Абордажная торпеда проникала в пропасть в бархатистую тьму внутри астероида. Здесь не было света вообще, даже привычных огней далеких звезд, таленьких, как булабочные уколы. Омегаон

посмотрел на Аркана — тот проверял
ручной хронометр.

Абордажную торпеду создавали,
чтобы разрушать броню вражеских
кораблей и спекшиеся секции корпусов
отвратительных костических
скитальцев, однако Омегон полагал, что
задача, касающаяся «Мрака 9-50»,
посложнее. Именно поэтому он и
запланировал такой способ высадки. Еще
раз стерев изморось с иллюминатора,
притарх прижался к нему лицевым
щитком шлема. Даже своим
сверхчеловеческим зрением он ничего не
увидел.

— Легионер... — предостерег он, но
хронометр Аркана, еще раз щелкнув, уже
закончил обратный отсчет.

— Запускаю противозахват, — объявил
Аркан, дергая за пару пневматических
рычагов, которые располагались вверху, на
рунической панели. Перепад давления
отозвался резким гулом, который прошел
по корпусу, гарпун вылетел из хвостовой
части торпеды, разматывая за собой трос
из адамантиевого сплава.

Убедившись, что гарпун прочно засел в скальной породе, Аркан доложил:

--- Запускаю якоря, начинаю торможение.

Чтобы в момент полной остановки избежать отрыва хвостовой части торпеды, легионер принялся аккуратно останавливать судно при помощи мощного редуктора. Омегаон ощущал дрожь корпуса, редуктор начал издавать мучительный скрежет. Омегаон вскинул руки, чтобы удержаться на ногах. Абordaжная торпеда явно замедляла ход, но в абсолютной темноте расщелины трудно судить, насколько быстро это происходит.

Арголид внезапно покачнулся. Противозахват справил канат на всю длину. Легионеры находились в безопасности в своих посадочных клетях, Аркан был пристегнут к трону пилота. Омегона бросило вперед, но его силовые перчатки вцепились в поручни, и припарковался не слишком далеко. Торпеда на привязи слегка дернулась в обратном направлении и продолжила полет через темноту, шаркая по неровной стене

шахты, а потом остановилась, наткнувшись на холодную скалу. Омегаон кивнул, давая знак и легионерам, и самому себе.

--- Отделение, на выход. Не пользоваться воксами, пока не доберется до воздушного шлюза.

Отстрелив переборку правого борта, сержант Сетебос отправился в неосвещенную брешь. Астероид не имел природной гравитации, и легионер плыл в темноте, сжимая болтер закованной в перчатку рукой. Он, как и другие, активировал подсветку на броне.

Ореол света вокруг сержанта осветил всю шахту до самого дна, Альфа-легионеры поняли, как мало им оставалось до столкновения. Воины звена «Сигма», паря во тьме, один за другим присоединились к сержанту возле узкого входа в пещеру.

--- Вперед, сержант.

Омегаон подал сигнал, побуждая Сетебоса в свою очередь передать то же самое Зантину. Язык жестов легиона представлял собой плавную череду ловких

движений руками. Они с легкостью расшифровывались посвященными и не имели никакого смысла для посторонних.

Дисциплинированно, вереницей, включив собственные фонари, воины прыгнули в пустоту. Цепляясь кератитовыми пальцами за выступы горной породы и трещины в камне, легионеры отталкивались ногами и перемещались между точками опоры. Зантин держал перед собой болтер, нацеленный в темноту ветвящихся туннелей и углублений. Это был всемирный лабиринт — темный, с беспорядочными ходами, которые разбегались во все стороны. Некоторые шахты, которые вели как вверх, так и вниз, в глубины. Все проходы были сплошь неровными, скалистыми и ничем не отличались друг от друга.

Зантин быстро определил главное направление и, невзирая на извилистую дорогу, тесные и узкие лазы, вел отделение «Сигма» через внутренние разломы астероида прямо к цели. Легионер Вермес,

шедший в арьергарде, держал в прицеле болтера остававшуюся позади чернильную темноту.

Двигаясь сквозь глубокий тратасселины, Альфа-легионеры вскоре поняли, что находятся перед отвесной скалой. Выбравшись из пропасти и подтянувшись закованные в броню ноги, они собрались вокруг Зантина. Космогесантник висел рядом с узким проемом туннеля. Омега наблюдал, как сержант Сетебос молча помог легионеру отсоединить силовые кабели, стабилизаторы и отключил энергоранец на спине Зантина.

Сетебос протолкнул Зантина в гробовых, ставших теперь мертвым грузом, в узкую дыру, и каждый легионер отделения «Сигма» прошел ту же процедуру, пока все они не оказались в туннеле. Там они восстановили энергоснабжение гробов, систему жизнеобеспечения и сенсорик боевой брони.

Дальше легионерам пришлось долго ползти, фигуры в броне двигались, подтягиваясь на руках. Все чаще попадались осколки камней и зависший в

пространстве реголит. Но шлемом и наплечникам легионеров постукивал гравий. Омегаон обнаружил, что вынужден толкать перед собой целую кучу мелких камней, чтобы не застрять в узком проходе.

Наконец туннель привел их к большой пещере, и Омегаон сумел убрать с дороги летящий щебень, Зантин же собрал целую коллекцию валунов. Большие куски скалы болтались в невесомости, плавно, но с сокрушительной силой ударялись друг о друга.

Зантин внезапно просигналил рукой, призывая легионеров остановиться. Словно громыхание близкой бури, мрачный рокот прокатился по пещере. Ее стены заходили ходуном, грозили, гравий и реголит, сдвинутые землетрясением, заплескали перед костогесанниками, темнота сгустилась. Большие камни ударялись о стены и друг о друга, раскалываясь и дробясь.

Авгурат предупреждал Омэгона и отделение насчет периодических землетрясений. Комплекс обладал

собственной гравитацией и структурными
амортизаторами, но грохот
периодических тектонических толчков
предупреждал об опасности, в особенности
там, где располагался массив пилонов.
Противоборствующие гравитационные
силы газовых гигантов Окмисса
воздействовали на астероид, создав тот
самый разлом в его структуре, через
который отделение Омегона совершило
проникновение. Однако это место
представляло серьезную опасность для
вторгшихся.

Схватившись за содрогающийся
выступ, Исидор залез в отверстие
туннеля. Легионеры все еще выбирались из
тесной пещеры. Судя по столкновению
обломков, движение скал вызвала вовсе не
гравитация, поэтому перемещение их
было непредсказуемо. Лаз сплющился в
направлении снизу вверх, навалившись на
нагрудники легионеров, словно собираясь
растереть их о неровный потолок.

Плава в пульсирующем туннеле,
Омегон присоединился к Исидору и вместе
с ним принялся хватать братьев за

наплечники и втаскивать их в пещеру. Тарквисс и Крайт с их помощью выкарабкались довольно уверенно, но Вермес очутился в бедственном положении — куски щебня уже завалили легионера, грозя его похоронить. Последний кусок скалы, с острым, как золото, выступом, прижал костюгасантника, оставляя царапины на броне цвета индиго.

Омегон нырнул обратно в туннель. Он подал знак легионеру, собираясь взять его за руку, но единственным откликом оказались переданные по воксу напряженные хрипы.

Внезапно рядом оказался Сетебос, он просунул свой болтер между стенками прохода, которые сходились все ближе. Оружие немедленно согнулось, но сержант протянул Вермесу свою цепкую руку.

Все услышали разочарованное ворчание легионера, а потом его рука в перчатке вцепилась в примарха. Омегон потянул воина на себя, держась за скалу. Усигор и Сетебос проникли дальше, пытаясь найти точку опоры и ухватиться за Вермеса за доспехи или энергоранец.

Однако каменные челюсти астероида крепко удерживали бойца. Легионеры пытались вытащить обреченного собрата, пока обвал не начал угрожать им самим.

Перед самым концом в воксе Вертеса зашипела статика, затем наступила тишина.

Отделение «Сигма» на миг задержалось в холодной тьме. Легионеры пристально смотрели на тяжелую скалу — камень равнодушно напомунал им, что Галактика полна неожиданностей, и даже принятое в легионе тщательное планирование не позволяет предвидеть и избежать их все.

— Продолжайте движение, — просигналил Сетебос, хлопнув по наплечнику легионера, который парил рядом. Вытащив болт-пистолет взамен искалеченного болтера и прикрутив к короткому стволу глушитель, сержант направил свое отделение в наполненный парящими катнями зал.

Легионеры пробрались через пещеру, огибая осколки и фрагменты, которые обступали их со всех сторон. У некоторых

на броне появились царапины и вмятины. Когда один из валунов подплыл к Омегону, угрожая размазать примарха по стене пещеры, тот напрягся и, вытянув вперед руки в перчатках, попытался замедлить движение осколка, а потом оттолкнул его в сторону беспорядочного скопления меньших обломков.

Когда отделение «Сигма» уже карабкалось по искривленной шахте в потолке пещеры, скалистые стены еще раз дрогнули. Легионеры на миг замерли рядом с сержантом Сетебосом, который, перелетая от одного члена команды к другому, проверял их на повреждения.

— Цена, которую мы платим, чтобы войти без доклада, — сказал ему Омегон. Сетебос кивнул, соглашаясь, и приказал Зантину продолжать движение.

Через пару минут тот вернулся.

— Свет впереди, — сообщил он.

Альфа-легионеры взяли оружие наизготовку, Омегон и Сетебос тем временем присоединились к воину, который шел первым. Во время передвижения по шахте, примарх отметил, что Зантин

уты, которые вместе вырабатывали решения. Мудрость легиона.

Омегаон облокотился о трон и подпер кулаком подбородок. Сидя среди тех, кто был кость от кости его и плоть от его плоти, Омегаон словно бы рассматривал сам себя через призму. Вокруг стола расположилось полное отделение, созданное по образу и подобию самого примарха, каждый воин получил в дар геном Альфария/Омегона, каждый был наделен подбородком благородной формы и пронзительно-ледяными глазами — эти синие глаза светились силой, умом и пониманием. Обсидиановая столешница, в свою очередь, отражала и удваивала число этих темных, молчаливых силуэтов.

Рядом с похожими друг на друга братьями из Альфа-Легиона прочие участники собрания казались карликами, но псайкера Ксалмагунди это едва ли заботило. Бледная кожа и темные губы выдавали в ней обительницу подземного мира, однако девушка, по крайней мере, избавилась от тех лохмотьев, в которых ее обнаружило отделение «Сигма».

Большие черные глаза скрывались за
стеклами тонированных очков, в уголке
рта торчала сигарета-лхо, и сладкий дым
всплывал в воздухе. Рука, отмеченная
следами недавней операции, покоилась в
лунке. На шее висел толстый
металлический ошейник, ингибитор,
контролирующий телекинетические
таланты ведьмы. Ксалмагунди поначалу
возражала, но на борту «Унсилона» Шуг
Ранко настоял на этой
предосторожности. Это сильно
отличалось от боли, которую причиняло
присутствие Сестер Безмолвия ---
глушитель успокаивал, вызывал состояние
приятного умиротворения и послушания.
Так велел сам Омегон. Он не считал
нужным тучить псайкера без особой
необходимости, и Волькерт Авгурат лично
выполнил регулировку.

Эмпир-мастер занимался тем, что
переставлял иглы и трубки в отверстиях
на лице: Омегон решил, что это нервный
тик. Авгурат при любой возможности
старался доказать свою полезность и вновь
приобретенную лояльность, начиная от

изготовления ошейника для Ксалмагунди и заканчивая деталями, которые улучшали систему безопасности объекта «Мрак». Мастер склонил голову в подсвеченном капюшоне набок, когда внутренний логический движок произвел самообновление.

--- Знакомиться нет смысла, --- начал Омегагон. --- Все мы знаем, кто мы такие.

Авгурат слегка, но не без удовольствия удивился.

--- Я полагал, вы все называетесь Альфариями, --- произнес он через микровокс у горла.

--- Времена меняются, --- отозвался Омегагон холодно.

Сказанное никто не прокомментировал.

--- «Мрак девять-пятьдесят», --- продолжил он, нажимая кнопку на троне и вызывая гололитическое изображение астероида. --- Вот планетезималь класса С, там и находится этот «Мрак». Он --- база легиона, уровень доступа «вертильон», и эта база --- наша цель. Кому-то нужно время на осмысление?

Сетебос и другие воины отделения «Сигма» оторвали пристальные ледяные взгляды от гололитического изображения астероида. Если характер цели вызывал у них вопросы, самое время было сказать об этом. Сетебос слегка покачал бритой головой.

--- Данные разведки дают основания полагать, что «Мрак» и проекты с уровнем доступа «вертильон» поставлены под угрозу, --- продолжил примарх. --- Утечка подтверждена.

--- Агент? --- уточнил Исидор, бросив взгляд на эмпир-мастера.

--- Член легиона, --- отрезал Омегаон.

Он с интересом отметил удивление собравшихся и усилия, приложенные, чтобы это удивление замаскировать.

--- Кто получатель? --- спросил Сетебос.

--- Да кто угодно, --- серьезно ответил Омегаон. --- Шпионы Императора, наемники магистра войны, лазутчики ксеносов. Теперь уже неважно. Объект «Мрак» не должен попасть в руки врага. Мы должны пробиться на базу, зачистить все

матюшные технологии и персонал.

Омегаон позволил смыслу сказанного дойти до легионеров. На этот раз они не дрогнули.

--- Почему бы не использовать для разрешения непосредственно «Бету»? --- рискнул спросить Крайт.

--- «Бета» дислоцирована в другом месте, --- объяснил Омегаон. --- Кроме того, меня заботит моральный дух легиона. Лучше сделать все это тайно.

--- Какой у базы личный состав? --- спросил Сетебос.

--- На «Мраке» расквартирован гарнизон из пятидесяти легионеров, --- ответил ему Омегаон.

--- Пятьдесят?

--- Уровень доступа «вермильон», --- напотнил ему Усигор.

--- Еще охранные силы Имперской Армии и четверть батальона Гено Семь-шестьдесят Спартоцид, --- добавил притарх.

--- Семь-шестьдесят --- хорошо натренированный полк, --- заметил легионер Бракс. --- У меня была

возможность наблюдать за ними, когда
приводили к Согласию тире Феринуса.
Таких легко не запугать.

--- Им еще не приходилось
сталкиваться с Альфа-Легионом, ---
устехнулся Сетебос.

--- Спартоциг будет держаться, ---
заверил присутствующих Омегон. ---
Первая проблема --- проникнуть на объект
нашего же легиона.

--- Если их опыт и уровень подготовки
таковы, разумно полагать, что они
предвидят наши намерения здесь и сейчас, ---
пробормотал Волион.

--- Почему бы не устроить проверку? ---
подсказал Чартиан, заняв свое место.

--- Это оставит астронавтический
след, --- напотнил ему Омегон. --- О нашем
прибытии пришлось бы сообщить и
получить подтверждение.

--- К тому же инспекция с уровнем
допуска «картин» нуждается в подготовке
и оставит собственный след, --- добавил
Усидор.

--- Нужно, чтобы эта станция просто
исчезла, погасла как огонь свечи, словно ее

и не было, — сказал примарх. — Если наши враги явятся и увидят это место, я хочу, чтобы они не нашли даже пылинки. Хочу, чтобы они усомнились в правдивости всей ранее полученной информации.

— А как насчет поставок груза на объект? — спросил Тарквисс. — Например, ящики с грузом, боеприпасы. Перед Усствааном я попал на борт флагмана Третьего легиона в оболочке бомбы.

— За безопасность отвечает командующий Яник, — ответил Омегаон. — Подозреваю, что он придерживается более строгих протоколов и процедур, чем фулгримовы... мечтатели.

Авгурат снова поднес микровокс к горлу.

— Тройные проверки. Разные офицеры. Невозможно ни войти, ни выйти без рунического удостоверения от самого Яника. Все и вся обыскано, задокументировано, проверено авгурати. Верьте мне, я пробовал.

— Давайте не будем тратить время понапрасну, испытывая Яника, — предложил Сетебос. — Он Альфа-легионер

и может обезопасить объект не хуже
любого из нас. Нам нужно нечто за
пределами его юрисдикции и ему
неподконтрольное.

--- А как насчет самого астероида? ---
подсказал Аркан.

Омегаон кивнул. Он снова повернулся к
эмпир-мастеру.

--- Почему из множества других
объектов выбрали «Мрак девять-
пятьдесят»?

--- Фактически Альфариус доверил
выбор магистру Эхиону, --- сказал
Авгурат. --- Мои вычисления лишь
установили, что система Октисс и
окружающие ее области с точки зрения
динамической метеорологии связаны
противоположным образом с Хондаксом.

--- Выражайся яснее, Волькерн, ---
сказал Омегаон. --- Расскажи нам о скале.

--- Это воистину гениально, ---
невозмутимо продолжил Авгурат.
Восхищение сквозило в его голосе: --- «Мрак
девять-пятьдесят» является местом
тайных операций, о которых остальная
часть Империи ничего не знает.

--- Тут замешаны ксеносы? --- спросил
Усигор.

--- Точно. Делиурги, раса костических
скитальцев, которая редко появляется на
территории Империи.

--- По крайней мере, теперь понятно,
почему я никогда не слышал о них, ---
пробормотал Сетебос. --- Враждебны?

--- Технологически продвинуты, но,
кажется, миролюбивы по отношению к
другим ксенокультурам, многие из
которых были уничтожены во время
Великого крестового похода, --- объяснил
этпир-мастер. --- Делиурги, в основном,
шахтеры и торговцы.

--- Они копаются в астероиде, ---
сказал Омега.

--- Да. Внутренняя система пещер и
каверн стали местами для
автоматических рудных машин, которые
добывают редкие и драгоценные металлы.

--- А что с самими делиургами? ---
спросил Усигор.

--- Первоначальное наблюдение
показало, что у «Мрака девять-пятьдесят»
нет стабильной орбиты, --- ответил

Авгүрам. -- Делюүрги на расстоянии оперируют скрытой «параллельной сетью» добычи. Они используют беспилотные электромагнитные конвейерные станции, чтобы доставлять богатые ресурсами астероиды из разведанных областей к родным мирам их клиентов-ксеносов. На это уходят сотни лет, но к тому времени, как астероид прибывает в систему, горнорудные автоматы успевают выкопать и обработать груз.

-- И никто еще этого не обнаружил? -- с нажимом спросил Волион. -- За те последние лет, в течение которых мы штурмовали Галактику?

-- Возможно, мы первые, -- подтвердил Августрам. -- Имперские силы не в состоянии исследовать каждый кусок скалы, который плавает в вакууме между звездными системами.

-- Возможно, это сработает в нашу пользу, -- сказал Омегаон, вызывая гололитическое изображение уже известной сети шахт, пустот и раскопов внутри астероида. -- Ксеносы вплотную подобралась к основанию объекта в

секторах от семнадцатого до двадцать
второго.

Зантин указал на поверхность.

— А что с аусниками дальнего
действия и узлами прослушивания?

— У базы значительный охват
территории, — сообщил с некоторым
сожалением Абзурат. — Появление боевого
корабля или «Грозовой птицы» сразу же
засекут.

— Капитан Ранко проследит за
нашей эвакуацией на «Громовом ястребе» и
за возвращением на «Унсилон», который
будет ждать, — сообщил Омегон. — Наше
проникновение, впрочем, будет менее
открытым, чем наш уход.

Аркан встал и сверху вниз ткнул
рукой, пронзив гололитическое
изображение.

— А что, если выстрелить торпедой?
Выключить питание и запустить ее за
пределами действия аусников?

Омегон улыбнулся. Они стараются
произвести на него впечатление.

— Никаких импульсов, никакого
управления полетом, никакой

корректировки курса, --- заметил
примарх. --- Дьявольская катанульта
получится, легионер.

--- Да, мой повелитель, --- с устешкой
заверил его Аркан. --- Так и получится.

План складывался, и Омегаон его
оценил.

--- Скажи мне, Волькери, эта
автоматическая грань станет
сопротивляться?

--- Я не могу знать, как поведут себя
технологии чужаков, --- предупредил
эмпир-мастер, --- однако, мне кажется, что
их вооружение служит лишь для защиты
рудников. Не сомневаюсь, в случае
нападения они сочтут, что груз в
опасности и оплатят той же монетой.
Мне кажется, их логика нацелена на
защиту территории. Они не опасны для
объекта «Мрак», потому что там нет
ничего такого, в чем автоматы
нуждались бы и что захотели бы
защищать.

--- Надеюсь, ты прав, --- сказал
примарх.

Омегаон прокладывал путь по потолку пещеры. Сетебос и Зантин первыми выбрались из шахты. Отделение «Сигма» двигалось вереницей, цепляясь за каменные выступы, их закованные в броню ноги плыли в невесомости. Когда сержант провел всех легионеров через «потолок», Омегаон, подтянувшись, получил возможность рассмотреть причину, вынудившую их всех идти окольным путем.

Внизу, в вакууме и тишине, гигантские машины въгрызались во внутренности астероида. Вздутые, медного цвета, они напоминали Омега-черепахи беременных пауков, которые долбят дно пещеры многочисленными острыми лапами. Металлические зубы на брюхах вращались, измывая скалу подобно бурям, из конусообразных животов тянулись нити расплава, они уходили прочь, управляемые электромагнитами. Именно эта

плещущаяся монстрами пылающая паутина освещала пещеру, однако раз в несколько секунд ее бронзовый блеск терпелось заглушённый яркими вспышками, когда автоматы долбили пещеру короткими лазерными импульсами.

Такие лучи могли начисто разрезать пополам беспечного костогесантника.

Но мере того, как отделение «Сигма» двигалось сквозь сеть пещер, становилось очевидным, насколько масштабны автоматические горнорудные разработки. Основной силой являлись гигантские механические клещи, которые без усталости работали в утробе астероида, кропясь реголитом, и источники ионизированного излучения. Но это были не единственные автоматы, занятые добычей в пещерах самая более толстых граней, покрытых вулканическим шлаком, методично перемещалась от одного рудного монстра к другому, контролируя поточные линии и занятаясь непрерывным техническим обслуживанием.

Спустя некоторое время Альфа-легионером пришлось возвратиться на дно

пещеры, поскольку стены и потолок зала оказались во власти автоматов. Нацелив болтеры на их толстую медную броню, звено «Сигма» ожидало, пока Крайт по команде Сетебоса устанавливал сейсмические заряды. Крайт продолжал минировать пещеру за пещерой, зал за залом, пока остальные молча уклонялись от дронов и обходили стороной более крупные творения ксеносов.

Следуя за многочисленными ручейками расплавленного металла, Сетебос довел отделение до помещения, оказавшегося своеобразным хранилищем. Вскинув болт-пистолет над головой, стараясь не повредить русла жидкого металла, сержант вцепился в неровную стену и затер на месте. Омегаон присоединился к нему возле входа в каверну.

Перед ними плескалось озеро. Поток расплава стекали в резервуар. Невесомый, наполненный жидким металлом, он парил в огромной пещере. Этот резервуар удерживали потрескивающие медные шары, которые лениво вращались около

него. Что примечательно — сенсоры при этом даже вблизи не замечали ни теплового, ни магнитного поля. Неудивительно, что «параллельная сеть» дегитургов так долго оставалась тайной для Империи.

Омегаон отлично представлял себе похожие залы по всему астероиду, извлеченные руды редких и благородных металлов дожигались там своих покупателей, пока астероид шел к далекому месту назначения. Отдав приказ не прикасаться к резервуару с металлом, примарх велел Сетебосу и Зантину отвести отделение в другой зал. Авгурат уже проинформировал Альфа-Легион, что любое вмешательство в разработки бюджета понято ксеносами как враждебное действие. Пока легионеры проползали под парящим озером, примарх велел Крайтуну установить два скрытых заряда в самом сердце пещеры.

Включив подсветку доспехов и держа оружие наизготовку, Альфа-легионеры двинулись сквозь тьму в запутанный лабиринт меньших туннелей.

фундамент базы нам же на головы.

--- Этим не решить других проблем, ---
вмешался Сетебос, поворачиваясь к
Омегону. --- Мой повелитель, едва мы
пробьем периметр базы, атмосферное
давление там упадет, воздух вылетит в
вакуум. Система жизнеобеспечения
перекроет испорченную секцию, заткнет
ее переборками, а мы так и останемся
снаружи.

--- Сержант прав, --- подтвердил
Цисдор. --- Даже если бы не существовало
аварийной сигнализации --- а она там есть
--- все на базе поймут, что периметр ил
попортили, едва начнет выходить воздух.

Омегон оперся о подлокотники трона,
соединив ладони дотиком.

--- Эмпир-мастер, --- произнес примарх
спустя мгновение, --- насколько глубоко
уходит основание пилонной матрицы, а
значит, и фундамент всей базы в скалу?

Авгурат пристроил на место свой
микровокс и прищурился.

--- Сколь угодно глубоко, --- отозвался
эмпир-мастер с веселыми нотками в
голосе. --- Чем глубже --- тем лучше, если

вы меня понимаете. Особенно с учетом частых землетрясений, вызванных близостью газовых гигантов. Вернувшись туда, я пошлю инженерные бригады выдолбить новые залы для сейсмических амортизаторов. Яник не станет возражать.

--- А бригады, конечно, нуждаются в воздушном шлюзе, --- добавил Усигор, тихо рассмеявшись. --- Чтобы облегчить перемещение работников между базой и раскопками.

--- Без сомнения, --- кивнул Абзурат.

Омегон позволил себе улыбку. Он отвлекся от гололитического изображения астероида и самой базы, переключив внимание на фундамент высокой, квадратной конструкции, вокруг которой по большей части были возведены этажные сооружения.

Словно заноза в сердце базы, пилонная матрица занимала основную часть схемы.

--- Что вот здесь? --- спросил притарх, указав на секцию, расположенную прямо над фундаментом.

--- Генераторум, --- ответил Абзурат.

— Там энергия для основных процессов: освещения, отопления, поддержания жизни, искусственной гравитации.

— А что с пилонной матрицей? — поинтересовался Вермес.

— Она использует альтернативный источник питания, — объяснил эмпиризм-мастер легионеру. — В генераторе будут в основном мои люди: технопроводцы, сервиторы и прочие и подобные. Делайте с ними, что хотите. Там будут, конечно же, и часовые Имперской Армии, и пикт-наблюдение.

— Охрану и технопроводцев оставь на месте, — сказал Омега. — Однако тебе придется отключить слежение и огневые точки. Это не проблема для Механикума, полагаю.

— Конечно, нет, мой повелитель, — согласился Авгурат. — Но разве отключение пикт-наблюдения не потревожит охрану узла безопасности?

— Их там не будет, — ответил ему Омега.

Авгурат явно испытал облегчение.

— А почему не будет?

--- Потому, мастер, --- ответил ему притарх, --- что на узле безопасности будешь ты сам. Займешься слежением за нашим продвижением по базе и станешь предупреждать об угрозах.

--- Но часовые...

--- Время затарать руки, --- заявил Сетебос, похлопав эмпир-мастера по спине.

--- Не волнуйся, я и не жду, что ты лично ввяжешься в драку с офицерами из Гено Семь-шестьдесят Спартоцид, --- заметил Омегаон.

--- Яг, --- предложил Бракс. --- Или удар электротоком.

--- Дай волю своей креативности, --- подытожил Омегаон.

Авгурат медленно кивнул, загрохав подбородками.

--- Сэр, --- сказал Исигор, оборачиваясь к Омегаону, --- рано или поздно, кроме потрясов Гено нам придется вступить в перестрелку с братьями из Альфа-Легиона. Соотношение сил пять к одному в их пользу.

--- Не следует отбрасывать принципы Тигры лишь потому, что мы дерется со

своими, -- ответил ему Омегаон. -- Эти принципы сослужили легиону хорошую службу и еще пригодятся в будущем.

-- Итак, нам следует ударить по Янику и его гарнизону со всех сторон, -- согласился Сетебос.

-- Они не развалятся, как это сделали Повелители Ночи в Цети-Кворуме, -- предупредил Чартиан.

-- Или как Ангелы на Грозовом фронте, -- добавил Бракс.

-- Само по себе это предсказуемо, -- сказал Омегаон. -- Когда в бою мы имеем дело со своими же, мы действуем в условиях предсказуемой неизвестности. Нужно внести беспорядок в ряды братьев-легионеров. Уравнять возможности.

-- Ваши планы, мой повелитель? -- спросил Сетебос.

Примарх склонился над гололитическим дисплеем. Он обдумывал детали.

-- Можно ввести в игру скитариев-этпир-мастера, -- сказал, наконец, Омегаон и кивнул Авгурату.

Затем он ткнул в сторону

охраняемого блока на схеме.

--- Некоторые возможности дает психопенинаторий. К тому же, наш маршрут проникновения можно затинировать, чтобы в подходящее время возле наших соседей-ксеносов грохнуло, и они вступили в изгнание.

Крайт понимающе кивнул.

--- А как быть с магистром Эхионом? ---
--- настойчиво спросил у примарха Авгурат. --- Он прежде был в вашем библиариате...

--- Что ты знаешь о таких делах? ---
отрезал Омегон.

Этпир-мастер вскинул руку, словно защищаясь.

--- Мой повелитель, он обладает сокровенным пониманием империума. Очевидный выбор для такого объекта. Это он был причиной утечки?

--- Возможно, --- кивнул Омегон.

--- Он... силен?

--- В чем дело? Собрался выпустить эту всю кровь во имя своих нечестивых целей?

--- С моей точки зрения, он гораздо

устрестились из освещенной лампами пещеры наружу. Воины отделения, которых вел сержант Сетебос, прошли сквозь быстро остывающую брешь.

Теперь они очутились в области искусственной гравитации объекта — госпехи больше не плавали в невесомости, вес кератита прижимал их к полу и позволял твердо ставить ноги. Омега наслаждался таким надежным хрустом гравия под бронированными ботинками.

Движения ускорились и стали увереннее. Внутренние пещеры больше не могли дезориентировать отделение «Сигма», и оно использовало давнюю практикүемое и хорошо известное попарное построение. Одним из преимуществ «зверя с десятью головами» были его двадцать глаз, эти глаза выискивали потенциальные засады и места, опасные с точки зрения обнаружения. Костодесантники шли мимо затихших бурильных установок и неизрасходованной взрывчатки, пробирались между свисающими кабелями и строительными лампами. Они

использовали в качестве укрытия каждый камень и каждый выступ, помогая продвижению товарищей. Таким образом, вереница легионеров в конце концов проникла в свеженроложенный туннель.

Примарх занял место рядом с тяжелошагающим Браксом — примарх не нуждался в особом обращении. Он не был сановником, которому требуется эскорт, не был офицером, который ведет отряд. Он был одним из многих, а те, в свою очередь, составляли легион.

Как только Сетебос добрался до недавно установленного в конце туннеля воздушного шлюза, отделение рассредоточилось по закоулкам и трещинам, образовавшимся в стенах раскопа. Сержант поднял три пальца и показал их Волиону, предлагая легионеру вернуться назад к перемычке.

Сержант повернул запор и отворил толстую дверь. Болтер Волиона незамедлительно высунулся в проем, а следом за ним и плечо самого легионера. Целясь через оптику, Волион забрался внутрь и проверил, нет ли опасности в

герметичной комнате.

Чисто.

Отделение «Сигма» быстро последовало за ним. Тарквисс потянул тяжелую дверь и закрыл ее, а Усигор принялся манипулировать механизмом запора, добиваясь пригодного для дыхания давления.

Внутренний портал открылся, и болтер Волиона снова высунулся в проход. Легионер нацеливал свое оружие то на огнестрельную скатню, то на дугую, то на вакуумную систему, то на обшарпанный шкафчик с инструментами. После длившегося часами вынужденного молчания раздавшийся в эфире голос Сетебоса показался ослышительно громким:

--- Двигается.

Спрыгнув на решетчатый настил, легионеры отправились дальше, Сетебос шел последним. Парно проникая в узкий проход, они держали оружие наизготовку, синхронно перемещая прицелы. Двигаясь таким образом, отделение «Сигма» пробиралось через склад.

Близ угла Волион присел на

корточки и вскинул сжатый кулак.

Отделение замерло. Легионеры услышали голоса.

Прислонившись изгибом наплечника к стене, Волион выглянул за угол, его болтер нацелился на двоих транстехаников, которые меняли свою обычную одежду на вакуум-костюмы. Первый, обнаружив перед собой оружие Волиона, от удивления уронил похожий на луковицу выпуклый шлем.

Сержант Сетебос и Чартиан обошли Волиона и двинулись прямо к людям.

— Милорды? — вопросительно произнес второй из них, решив, что видит легионеров с базы.

Впрочем, эти легионеры предстали перед транстехаником вооруженными, и это явно его нервировало.

Перехватив болтер за казенник, Чартиан взял в бронированную лагерь лица помощника Механикум. Руки маленького человека царапали кератин, Чартиан тем временем раздавил ему череп; на губах второго спутника замер протестующий крик.

Внезапно сверкнув, взметнулась закованная в перчатку рука Сетебоса. Боевой нож сержанта рассек трансмеханику горло, тот рухнул на пол.

Волион прошагал между телами, прокладывая путь с болтером наперевес. Сетебос с Чартианом двинулись следом за ним.

Поменяв частоту вокса и сняв с пояса хронометр, Омегон прошипел по связи:

--- Авгурат, ничтожный мешок с болтами, ты где?

Спустя короткое время в ответ раздался скрипучий голос эмпир-мастера:

--- Тысяча извинений, мой повелитель. У меня были некоторые проблемы с офицерами Гено на узле безопасности. Тут такая кровяца... на... ох...

--- Волькерн, я хочу, чтобы ты собрался, --- невозмутимо сказал Омегон. --- Мы собираемся войти в генераторум. Проверь вокс-каналы и пункт-передачи патрулей безопасности.

--- Да, мой повелитель.

Отделение «Сигма» покинуло помещение в основании базы и двинулось

дальше, минуя череду служебных лестничных клеток. Чуть позже они очутились перед закрытой пневматическим способом переборкой.

— Авгурат, — передал по связи Омегаон. — Мы в эл-сепьдесят два-цэ.

Раздался тяжелый стук запорного механизма, и переборка отъехала в сторону под шум выходящего воздуха.

Генераторы были полны мутных испарений. Кабели покрывали пол, словно ковер из свившихся змей, кабели же свисали из отверстий в потолке. Термокристаллические магнореакторы жужжали, подавая энергию в режиме сверхнагрузки; между ними, накаляясь, воздух, время от времени сверкали дуги разрядов. Фигуры перепачканных и покорных сервиторов затерли на своих местах, технопроводцы тем временем проверяли машины, контролируя подачу священных масел.

Один из жрецов, с покрытой капюшоном головой, прервал чтение катехизиса, ошарашенный появлением легионеров. Воион, держа болтер

наперевес, бесстрастно шагнул вперед.

Прежде чем технопровидец успел спросить легионеров о цели их присутствия в генератороме, Сетебос вышел из-за теплообменника, приставил болт-пистолет с глушителем к голове жреца и прижал его капюшон к раскаленному металлу отдушны реактора. Отделение тем временем в молчании проходило мимо. Жрец заборотал было извинения, но Сетебос разнес ему голову приглушенным выстрелом из болтера. Оттолкнув упавшее тело носком ботинка, сержант присоединился к арьергарду.

Легионеры отделения «Сигма», словно призраки, двигались среди клубов маслянистого пара и струй охладителей, уничтожая всех, замеченных по пути. Сервиторы вяло наблюдали, как еще семь технопровидцев и три лекс-теханика за руническими пультами отправились на тот свет. Альфа-легионеры двигались среди вентилей реактора, набирая смертоносную скорость, и не понадобилось много времени, чтобы

добраться до караульного поста возле взрывозащищенной двери инженерного отсека.

Пятеро солдат из Гено Семь-шестьдесят Спартоциг находились на посту, над ними с потолочного рельса в безмолвии свисал ствол сторожевой мультилазерной пушки с прикрепленной пикт-камерой.

Воины Спартоцига были мускулисты и не обладали чувством юмора. Их лица скрывались под шлемами, глаза трачно глядели сквозь прорези, каждый щеголял гребнем, длина которого соответствовала званию. Поношенные плащи свешивались с прикрытых броней плеч, эта броня представляла собой разномастные пластины и заплаты из металла. Каждый воин держал короткий лазерный карабин с толстым стволом и соответствующей батареей.

Семь-шестьдесят Спартоциг имели замечательную историю, но Великий крестовый поход в конце концов вернул полк Гено с неба на землю. Давно забытая и бесславная война с недолгостью на Дицене

бвергла гордых воинов в безвестность. Отрезанные, плохо снабжаемые и без подкреплений, они легко пошли на переговоры с Альфа-Легионом, обещавшим им великую славу на полях сражений.

— Авгурат, — прошипел Омегаон по воксу.

— Я слежу за вашим продвижением через генераторум, повелитель, — ответил ему этпир-мастер.

— Заглуши вокс-связь на инженерном этаже, — приказал ему Омегаон. — Возьми на себя управление сторожевой пушкой генераторума и направь ее на реакторы.

Орудие на посту внезапно пробудилось, и воины Спартоцида устремились в потолок. Они услышали шум движения мультитлазера, но, что гораздо важнее — воющий звук, сопровождавший зарядку от массивного блока питания. Как только пушка, отсоединившись, двинулась по рельсу к горячим, испускавшим пар теплообменникам, солдаты разделились на две группы. Двое остались возле двери, а трое с карабинами на плече направились вслеп за пушкой.

В облаках маслянистого пара среди потрескивающих реакторов их поджигало отделение «Сигма». В тот момент, когда один из воинов Спартоцида проходил мимо свисающего пучка кабелей, его шлем оказался под прицелом пистолета сержанта Сетебоса. Приглушенный выстрел бросил воина под ноги товарищам и забрызгал их его кровью. Люди схватили карабины наизготовку и стали водить стволами по переплетениям труб и кабелей. Аркан и Бракс выступили из укрытия за спинами солдат, а потом попросту свернули им шеи и оторвали головы.

Сторожевая пушка вернулась к взрывозащищенной двери уже без сопровождения, оставшиеся воины Спартоцида наблюдали за нею, заметно нервничая. Офицер поста подошел к вмонтированному в стену воксу, надеясь связаться с пропавшими часовыми. Ни он, ни его товарищи не обратили внимания на возникшую среди клубов пара тень.

Тень превратилась в силуэт, а силуэт — в трансчеловеческий кошмар.

Размашисто шагая, Омегон приближался к взрывозащищенной двери. Он уже прошел половину пути, когда воины Спартоцида осознали, что происходит.

--- Назовите себя, --- с сильным акцентом окликнул его офицер.

Омегон не ответил.

--- Легионер! --- настаивал офицер Тено. --- Соблюдайте протоколы безопасности.

Как только толстый ствол солдатского карабина уперся в нагрудник примарха, Омегон моментально выхватил оружие, другой рукой стиснув горло противника. Пока офицер Спартоцида без толку колотил по керамитовому предплечью примарха, Омегон медленно сгребал ему кости шеи.

Солдат вытащил церемониальный клинок, но Омегон отбил эту слабую попытку защититься, вздернул человека вверх и ударил его шлемом о массивную раму сторожевой пушки. Мертвый человек обмяк и повис словно марионетка.

Перешагнув через офицера, Омегон активировал взрывозащищенную дверь.

Пока толстая перегородка отъезжала в сторону, отделение «Сигма» вышло из своих укрытий в генераторуме. Легионеры двинулись дальше, вслеп за автоматической пушкой, которая послушно, с трачным жужжанием покатилась по рельсу.

— За вестибюлем найдете запасную лестничную площадку, — подсказал по воксу Авгурат. — Оттуда можно попасть на верхние этажи объекта.

— Запасную? — переспросил Омегаон.

— Техноагенты и часовые в основном пользуются лифтами, — объяснил мастер. — Лестницей реже. Она идет вокруг фундамента пилонной матрицы. Гарнизону Имперской Армии некомфортно близ артефакта.

Подняв грузовой лифт, Волион провел отделение к лестничной площадке. Внезапно двери подъездника начали раздвигаться, Зантин и Тарквисс расступились и прижались спинами к стене по обе стороны от грузового лифта. Остальные воины отделения придвинулись к стене и скрылись из поля зрения.

Легионеры слышали доносящиеся изнутри голоса техно-провидцев, передвигавших тяжелое оборудование. Решетчатые ворота поднялись, и перед агентами внезапно возникли Зантин и Тарквисс, болтеры которых нацелились в лица жрецов под капюшонами. Зантин немедленно взялся за дело, раздался ужасный треск костей, и кровь разлетелась брызгами. Второй технопровидец был толст и носил металлическую маску, атака Тарквисса ошеломила его, но не свалила. Агент успел понять, столкнулся с сервитором лифта, в тот же миг ему в грудь вонзился боевой нож костодесантника.

Похватив тела за ноги, легионеры затаскивали их в проем лифтовой двери, чтобы подъемник не закрылся и не привез с верхних этажей кого-нибудь еще.

--- Авгурат, --- позвал Омегаон. --- Блокируй все подступы к этой лестничной площадке.

--- Будет сделано, мой повелитель. Пси-пенинаторий на расстоянии двух этажей от вас, --- сказал этнир-мастер. --- Я уже

использовал свой код и разрешил конвоирование пленника, все как вы хотели. Мой скитарий будет ждать вас, хотя, на случай чрезвычайных ситуаций, имейте в виду -- на этаже их более двадцати.

-- На случай, аналогичный тому, что мы собираемся устроить?

-- Да, мой повелитель.

-- Пошли вокс-сообщение магистру Эхиону, скажи, что ситуация в пенитории требует его личного вмешательства, -- велел Омега.

-- Но...

-- Сделай это немедленно, потом выключи вокс-каналы на этаже.

Легионеры начали подъем по лестнице, прижимаясь к стенам по углам и целясь из болтеров в следующий лестничный пролет.

Перед ними находилась обширная пилонная матрица.

Сквозь решетчатую внутреннюю стену Альфа-легионеры видели глянцевый черный камень ксеноартефакта, они ощущали низкий гул эфирных энергий.

Каменный пилон проходил сквозь
настройку базы, пронизывал все этажи
объекта и выстроенные вокруг него отсеки.

Осторожно ступая близ этого
отгороженного решеткой катня, Волион
поддал сигнал. Шаги.

--- Авгурат? --- зарычал Омегаон.

--- Это лишь техножрец, лорд, ---
отозвался эмпир-мастер. --- Ах... это моя
помощница и ее телохранитель.

Отделение «Сигма» заняло позиции,
каждый легионер приготовился и хранил
молчание. Волион скользнул вдоль стены,
задев ее наплечником, и устроился на
небольшом пятачке. Старая женщина
появилась из-за угла. Металлический
обруч придерживал ее растрепанные,
редкие и глинные седые волосы. Третий
кибернетический глаз, вмонтированный в
этот обруч, позволял техножрице читать
данные с инфопланишета. Еще несколько
планишетов она держала в свободной руке.

Ухватив женщину-жреца своей
железной хваткой, Волион потащил ее и
швырнул вниз, в лестничный пролет.
Сервитор-телохранитель отреагировал

мгновенно — ценной клинок, служивший
ему рукой, ожил, зарокотал и метнулся к
Волиону, но легионер отшвырнул дрона, а
потом резко придвинулся к нему и
движением бронированного наплечника
размозжил сервитора о стену.

Ценной клинок взвыл и заглох,
легионер подался назад, позволяя
изломанному телу стража рухнуть на пол.

Омегон наблюдал, как Аркан
проверяет тело женщины-жреца. Она
падала долго и была мертва. Шея
сломана.

— Авгурат, открой проход ДС367Б.

В ответ раздался тяжелый удар
открывшегося запорного механизма, и
Сетебос заглянул в зазор между запасным
выходом и стеной. Омегон, очутившись на
наземном этаже пенитория, тоже
заглянул в трещину.

Проход вел на широкую палубу с
блокированным лифтом. Коридоры
разбегались во все стороны и вели к
лестницам, по которым можно было
добраться до других отсеков объекта.
Напротив располагались огромные черные

ворота пенитория. Два стража-скитария в своих одеждах цвета ржавчины стояли по сторонам от переборки, правую руку каждого заменяло бионическое оружие. Вместо лиц у них были дыхательные маски, дополненные телескопическими оптиглазницами.

Ворота отворились, и Омегаон услышал, как крики безумия и стоны отчаяния эхом отражаются от стен широкого коридора. Два скитария-надзирателя выкатили по рельсам высокую клетку и направили ее вдоль коридору, а затем в ворота. Черный металл прутьев клетки шипел. Внутри находилась изможденная женщина, голая и бледная. Она лежала на полу в позе эмбриона, покачиваясь и издавая болезненные стоны. Один из скитариев просунул в клетку электрохлыст, и заставил пленницу-псайкера завизжать от боли.

--- Сержант, --- сказал Омегаон. --- Ведите своих людей к лифтовой шахте. Магистр Эхион собирается вызвать подкрепление из казарм легиона. Позаботься, чтобы они

Сюда не попали.

Сетебос кивнул, Бракс убрал крышку люка священного обслуживающего прохода. Один за другим Альфа-легионеры исчезли в стене.

--- Волион, Чартиан, вы со мной, --- приказал Омега.

Он взял болтер Чартиана и двинулся в ногу с Волионом позади него, с лестничной площадки через просторную палубу. Едва примарх приблизился к воротам пси-пенитория, оба охранника-скитария невозмутимо шагнули вперед, презирая легионеров путь.

Чартиан отлично играл свою роль. Не останавливаясь, в сопровождении Омеги и Волиона, он шел прямо на стражей.

--- Проверка заключенных, --- произнес Чартиан. --- Вам уже отправили разрешение эмпир-мастера. Не тратьте впустую мое время.

После секундного колебания воины-Механики расступились и ворота с грохотом отворились. Чартиан сбился с шага. Вместе с Омегой и Волионом он двинулся по широкому и мрачному,

уходящему вниз коридору, стараясь не наступать на рельсы. По дорожке еще дважды попадались охраняемые парой стражей ворота, а потом Альфа-легионеры вошли в главный пениторий.

В центре, среди множества рунических панелей, эта троюза толкнулась с командой лекс-техников. Тут были стражники-скитарии и снабженный мощной аугментикой скитарий-трибун, соединенный непосредственно с оптической наблюдательного трона --- следящая матрица росла прямо из жуткой головы трибуна. Коридоры с рельсами расходились во все стороны от периметра зала и вели в темноту. Из каждого эхо доносило стоны заключенных рабов-псайкеров.

--- Где мой пленник? --- требовательно спросил Чартиан, едва войдя.

Трибун уставился на вошедших в крайнем ступении.

--- Не готов? Не в клетке? --- проворчал Чартиан. --- Элпир-мастер заверил меня, что окажет всяческую поддержку.

Из смежного коридора выступил стражник-скитарий с огнеметом вместо руки. Оптика его маски застрекотала, и стражник молча поманил костодесантников, приглашая их следовать за собой.

Огонек на оружии скитария освещал путь, словно мерцающая свеча. Омега шагал вперед под надрывные крики тучиных ведьмовских отродий, которых содержали в камерах, снабженных пси-ограждением. Черное экранирование, вытягивая из пленников их силу, сокращало их ментально и погружало истрадавшиеся души в агонию.

В конце коридора скитарий остановился. Двое сопровождавших его стражей стояли снаружи открытой камеры. Они по рельсам подогнали огнестрельное оружие к самой двери и сейчас возились с контрольной панелью в стене. Энергия пси-ограждения возросла, и пленница, болезненно взвизгнув, бросилась из камеры в клетку.

«Как животное», — подумал Омега.

Выбравшись из невыносимого поля,

псайкер явно испытала облегчение. Она, тяжело дыша, свернулась клубком. Тюремщики раздели ее дониза, Омегаон видела ребра и позвонки, вытирающие сквозь бледную кожу. Клетка потрескивала, она была изготовлена из того же самого высасывающего силы материала, что и камера, но все же ослабляла заключенного не так сильно. Это давало каждому пленнику миз-грудой облегчения и заставляло добровольно перейти куда надо. — манипуляция проходила гладко; Омегаон, хоть и испытывал загнупость, все же оценил достоинства системы.

Скитарии закрыли клетку и начали толкать ее по рельсам в сторону центрального зала. Альфа-легионеры держались поближе к стражам и их кибернетическому предводителю, пока не миновали третий перекресток.

Подобравшись к предводителю сзади, Волион осторожно кольнул боевым ножом топливный шланг на предплечье скитария. Поддача прометия прекратилась, легионер, поймав стража в захват, по самую рукоять воткнул нож в его ржаво-красный капюшон.

лезвие вошло в основание черепа. Чартиан оказался далеко не таким аккуратным и точным, как его брат-легионер. Он схватил одного из надзирателей сзади, поднял эту корчащуюся гряду техники и тяжелой плоти, а потом швырнул ее на пол коридора, полагая, что шея кибер-воина сломается о рельс.

Этого, однако, не произошло. Ошарашенный, но совершенно целый, стражник поднял свой волькитовый короткоствол и разрядил оружие в нависшего над ним массивного легионера. Шлем Чартиана раскололся, в потолок полетели фрагменты черепа и разбитого кератита.

Волион выругался и яростно опустил свой ботинок на маску скитария. На этот раз шея переломилась о рельс, и оружие вывало из рук стража.

Омегаон, не теряя времени, прикончил третьего воина. Пальцами закованной в бронированную перчатку руки он пробил чужую плоть и аугментические органы, а потом позволил умирающему врагу рухнуть на пол.

Как только тюремщики свалились замертво рядом с клеткой, пленница, схватившись за потрескивающую решетку, приподняла свое ослабевшее тело. Она прижалась к темному металлу лбом и поглядела на Омегона огромными глазами подземника.

--- Ты выглядишь нездоровой, Ксалмагунди.

--- Выпусти меня... из этой проклятой клетки... --- прошипела она.

Разбив замок окровавленными кератитовым кулаком, Омегон освободил псайкера и помог ей избавиться от иссушающего влияния узилица.

Из коридора донесся грохот открывшихся ворот ула безопасности. Взглядевшись во трак, примарх, без сомнения, заметил там фигуры Альфа-легионеров, стоящих перед трибуном скитариев и его руническими панелями.

Это был Урсин Эхион с двутя воинами эскорта. Библиарий, казалось, устраивал трибуну разнос, Омегон решил, что это из-за ложного вызова в пениторий. Затем на середине фразы Эхион умолк. Он

немедленно обернулся и взгляделся в глубины
темного коридора. Библиарий явно
ощутил нечто: по всей вероятности,
присутствие Ксалмагунди --- грубое,
мощное и неуправляемое. Эхион сделал
несколько осторожных шагов в сторону
прохода. На медно-красном лице появилась
grimаса ярости.

Омегон и псайкер укрылись в тени,
вслед за ними туда стремительно
бросился Волион.

--- Вызывайте остальных скитариев, ---
снова обратился Эхион к трибуну. --- У вас
удрал заключенный. Включить сигнал
тревоги!

Низко загудели сирены, и Эхион
приказал Альфа-легионерат из своего
эскорта.

--- Вызывайте сюда отделение.
Немедленно.

ОПЕРАТУР ГИДРОАНТАБ
УСТЕКШЕЕ ВРЕМЯ Ω2/004.66//ТРА
ОБЪЕКТ «МРАК»

Эхион шагнул в проход, на ходу вытаскивая из кобуры пистолет. Трибун включил сигнал общей тревоги, помещение центра наполнилось кроваво-красным светом и оглушительным шумом. Рабы-псайкеры завопили и завизжали в своих катерах, барабаны по толстому черному металлу дверей, их вой напоминал вой возбужденных зверей.

Когда магистр со своим эскортом добрался до слотанной клетки, вокруг которой остались лежать тела легионера Чартиана и скитариев, он встоптрелся в сутрак, держа наготове пистолет. Дверь из камеры в коридор оказалась широко распахнутой.

Шли секунды. Библиарий выглядел растерянным.

--- Где это отделение...

Прежде чем он успел договорить, ближний костодесантник выронил болтер и вцепился в свой боевой шлем. Эхион схватил легионера за руку, пытаясь поддержать его, но кератит вдруг начал крошиться прямо под пальцами. Некая ужасная сила, словно невидимые тиски, сокрушила костодесантника вместе с броней, его нагрудник и наплечники с металлическим скрипом прогнулись.

Оглянувшись, Эхион обнаружил, что второй воин эскорта, бульткает и задыхается, прижатый к стене.

Оба сраженных воина испустили крики, а потом бессильно рухнули на пол изломанной, кровавой грудой. Магистр повернулся на месте с пистолетом наизготовку.

--- Покажись!

Эхион поразился внезапно обрушившейся на него, невероятно свирепой силе, которая стяла нагрудник брони. Его отшвырнуло на клетку, и библиарий застрял в ее прутьях, которые потрескивали и деформировались. Еще один незримый удар отправил его

күвыркот в темноту.

Лежа на полу, он вслепую сделал несколько выстрелов, но ужасная невидимая сила была снова и снова, швыряя и библиария, и переломанную клетку на стены и потолок коридора.

Последняя автоматическая очередь опустошила болт-пистолет, но прежде чем библиарий успел перезарядить оружие, сила отделила его от разрушенной клетки, доламывая уже треснувший нагрудник. Незримый удар отправил его в темноту, прямо в открытую дверь катеры.

--- Я здесь, Альфа.

В проеме показался стройный силуэт, а потом металлическая дверь глго захлопнулась.

Урсин Эхион с тучительным усилием встал на ноги.

--- Яник, ответь, --- прокашлял библиарий в вокс, прежде чем плюнуть кровью на грязный пол.

--- Картиновый ког, повторяю. Картиновый ког.

Он стенил каналы.

--- Стратегарх Мандроклидас,
отзовитесь.

Ответов не было.

--- Эмпир-мастер? Кто-нибудь меня слышит?

Эхион всмотрелся в абсолютную черноту камеры, потом начал каплями покрывать лоб. Потом магистр зашаркал к двери, стиснул бронированный кулак и принялся тяжело бить им по темному металлу. Пси-ограждение мешало библиарию. Никто не отвечал на его призывы по воксу. Он был одинок во тьме.

Или, по крайней мере, сам Эхион думал так.

Омегаон насмотрелся достаточно. Он был уверен --- со временем псайкер отыщет выход даже из этой тюрьмы...

--- Похоже, мои опасения были оправданы, магистр Эхион.

Примарх наблюдал, как меняется выражение лица библиария: сначала шок от осознания, что он, Эхион, в камере не один, потом тревога --- магистр узнал обратившийся к нему голос. Сквозь аудиентикку шлема Омегаон видел, как

изменилось поведение псайкера.

Эхион прислонился спиной к иссушающей стене камеры. Без оптики шлема он не мог разглядеть примарха в абсолютной темноте.

-- Мой повелитель, -- начал Эхион, пытаясь хранить спокойствие и не выгавать свой гнев и огорчение интонациями голоса. -- Я не понимаю. Опасный псайкер на свободе. Пилонная матрица под угрозой -- все в точности, как вы предсказывали.

-- Не лучший час настал, правда, Эхион? -- сказал ему Омегаон вполне искренне. -- Единственное утешение -- на объект проникли свои же.

-- Проникли... -- повторил библиарий. -- Воины Альфа-Легиона?

-- Да, Эхион. Легиона.

-- Значит, объект скомпрометирован? -- спросил Эхион, пронзая взглядом черноту.

-- Всеми мыслимыми способами.

Плечи Эхиона поникли.

-- Глубоко сожалею, что подвел вас, мой повелитель, -- начал он. -- Наши

враги...

--- Пусть наши враги больше не волнуют тебя, --- прервал Омегон. --- Никто никогда не найдет ни единого доказательства, что объект существовал.

--- Вы собираетесь уничтожить базу?

--- Базу, ксенотехнологию и все признаки их существования. Многие заплатят за этот провал наивысшую цену.

Библиарий кивнул.

--- Понятно. Можу я спросить...

В этот миг рывнул болтер, темному озарила вспышка.

Болты разорвали Урсина Эхиона, разбрызгали его кровь по стенам и разметали осколки керамики. Стрельба стихла, лишь когда тело библиария рухнуло на пол. Омегон и Волион остались во тьме камеры, отзвуки автоматического огня все еще звенели в замкнутом пространстве.

--- Ксалтагунди, --- позвал Омегон. --- Выпусти нас из этой проклятой клетки.

Дверь мучительно заскрипела, а потом сорвалась с петель и, крутясь, полетела прямо в хаос тюремного центра.

текст, состоящий из сияющих глифов и символов. Буква за буквой, цифра за цифрой, документ проходил дешифровку.

--- Нельзя недооценивать Яника. Специализация Эхиона позволила ему заниматься в основном матрицей, но заботу о безопасности он переложил на Арваса Яника.

Собравшиеся легионеры изучали плывущие строки послужного списка.

--- Узнай, что за миссия, и узнаешь человека, --- объяснил Омегаон. --- Многие операции он возглавлял лично. Как видите, перед нами история легионера, судьба которого --- стать капитаном: награды от прежних командиров, включая Тиаса Герцога и Вунга Неритона. Благодарности за смекалку и стойкость под огнем.

Крест ветерана. Уроборос. Победы при Изнаториуме и Пять-Двадцать девять. С К'Ниб на Селаторе Секундус потерпел неудачу, но такое со всяким бывает. Потерял троих легионеров, уничтожая Торий Абонитиплекс --- в этом ничего странного нет, если учесть, сколько

отрядов потерял лорд Мортарион. В
общем, послужной список безжалостного,
действенного и изобретательного
командира. Воистину гордость легиона.
Это почти позор, что нам придется этот
список испортить.

--- Тем не менее только в трех
случаях его обязанности были связаны с
гарнизонной службой, --- заметил Усигор,
проведя пальцем по гладкой поверхности
стола. --- Подводная «стоянка», чем бы она
ни была, на океанической планете Бифос...

--- Тактический форпост
Унсилон/Локо, замаскированный под
зигзаг контейнер, обычно такими
обмениваются грузоподъемники над
Усствааном-пять, --- прервал его Сетебос.

--- И Класс-три, пост прослушивания в
разрушенных Сагах Птолемея на
Прандиуме, --- продолжил Усигор.

--- Ни один из тех объектов не был
скомпрометирован, --- напомнил Омегаон. ---
Журнал безопасности объекта «Мрак»
подтверждает --- он там устроил
комбинацию сторожевых постов и
периодического патрулирования силами

отрядов Гено, которые были в распоряжении. Только ил Яник, впрочем, не доверится и, если периметр окажется прорван, использует тактику внезапности, принятую у его легионеров. Он не станет полагаться на союзников или оперативников, если ситуация выйдет из-под контроля. Со своими собственными подразделениями он предпочитает использовать организованные отступления, тактические подрывы, зачистку пролетаем, окружение, минирование подходов и маскировку.

— Яник сделает это, как только поймет, что база атакована, — продолжил Сетебос. — Его легионеры, вероятно, натасканы, чтобы блокировать силы проникновения и запретить их в наименее важных отсеках.

— Да, — согласился примарх. — Он заманит нас в ловушку и запросит у легиона подкреплений. По отлаженному протоколу.

— Вероятно, наш центр перехвата на телепатической линии Белис-Аквариум, — предположил Усигор.

--- «Фи», возможно даже «Гамма», ---
добавил Аркан. --- Оба судна довольно
близко.

--- В любом случае нам придется
нанести удар по астронавическому хору в
часовне и по всему, что окажется на
поверхности, в ангаре, --- сказал Омегаон. ---
Нужно сделать это до того, как Яники
попытаются нас блокировать. Тем не
менее, это хорошие новости. По журналу
заметно, что он крепко надеется на
стратегическое имитационное
моделирование и стратегические расчеты
посредством когитаторов базы. Нам
доступно и то и другое.

--- Что там с числами? --- спросил
Исидор.

--- Судя по ним, атака на базу «Мрак»
в целом бесполезна. Однако при этом не
учтена возможность подробного
предварительного изучения базы,
знакомства с тактикой Альфа-Легиона
или данными имитационного
моделирования.

--- Полагаю, это неудивительно. Яники
не задумывался о проникновении.

ОБЪЕКТ «МРАК»

--- Сержант Сетебос сообщает о сильном сопротивлении на жилом уровне, --- передал Волион по вокс-связи. --- Тарквисс спускается.

Омегон собирался ответить, но слова приказа застряли в горле.

Что-то пошло не так. Вышло за рамки запланированного.

Шагая по коридору пенитория в сторону центра вместе с Ксалмагунди и Волионом, примарх сосредоточился на силах скитариев, которые перекрыли выход. Мдиновав боковой проход, он заметил короткое движение, тусклый блеск керамики и понял, что в коридоре еще кто-то есть.

Время, казалось, затеблилось. Оружейные стволы полыхнули и осветили трак телницы. Сокрушающие болтерные выстрелы словно раскаты грома рокотали в проходе.

--- Огонь на подавление! --- приказал Омегон, а потом схватил Ксалмагунди и вытащил ее из-под перекрестных

выстрелов.

Волион ответил испепеляющим градом выстрелов болтера, целясь в боковой проход --- Альфа-легионеры сдвигались по нему, используя для прикрития дверные проемы камер.

Высунувшись и пригнувшись, примарх, прежде чем снова скрыться за углом, расстрелял трех ближних легионеров. Почти сразу же Волион возобновил огонь на подавление, даря Омегону драгоценные секунды на размышления. Примарх отрегулировал канал вокс-связи.

--- Сержант! --- позвал он. --- Докладывай!

Ответ прозвучал на фоне непрерывной пальбы.

--- Сэр! Нас обошли на жилом уровне, --- признался Сетебос. --- Несем потери. Выходы перекрыты.

На миг голос сержанта заглушили выстрелы его же пистолета.

--- На этом уровне нет жилых комнат. Схема ввела нас в заблуждение. Мы пришли прямо под огонь.

Омегон ощутил, как его губы

кривятся в непроизвольном рычании.

На схемах к тому же не оказалось секретного входа в псипениторий, который располагался в бутафорской камере в конце бокового коридора. Скорее всего, легионеры гарнизона воспользовались этим потайным лазом, чтобы отбить захваченный во время прорыва этаж. Это случилось, когда Урсин Эхион запросил подкрепление в центральный зал псипенитория.

Теперь засада, которую планировал Омегагон, обернулась контрзасадой; примарх испытал парадоксальную смесь чувств --- гнев, разочарование и пронзительную гордость тактическим мастерством Яника.

Разрывные болты кромсали стены и пол возле Омегона и Ксалмагунди. Силы скиитариев заполнили центральный зал и принялись, стреляя наугад, прокладывать себе путь вдоль главного коридора. Примарху еще раз пришлось оттащить хрупкую Ксалмагунди в безопасное место, прикрывая ее своим бронированным телом.

--- Перезаряжаюсь! --- крикнул Волион.

Не пытаясь прикрыть его стрельбой из болт-пистолета, Омегаон отцепил с пояса пару гранат и швырнул их вдоль бокового прохода.

От спаренного взрыва согрознулся коридор, двоих легионеров из гарнизона убило на месте, другие вылетели из укрытия и попали под прицел Волиона.

Так дальше продолжаться не могло. Космогесантники приближались к перекрестку с одной стороны, стражники-скитарии — с другой, отойти можно было только в открытую камеру Ксалмагунди, но Омегаон не собирался возвращаться в тюрьму, вытывающую душу. Он сражался с собственным легионом — это предполагало сюрпризы. И все же наступил подходящий момент, чтобы вернуть себе преимущество.

— Ксалмагунди! — крикнул он, ведя шквальный болтерный огонь. — Время побренчать камерами!

Псайкер поняла.

Опустив голову и закрыв большие черные глаза, Ксалмагунди сосредоточилась на ближнем окружении.

Еще один звук добавился к грохоту оружейного огня — это был стон согнутого металла. Затки срывало, петли скручивало.

Массивная дверь ближней к перекрестку камеры вырвалась из укрепленной дверной коробки и не удержимо, с сокрушительной силой протаранила стену напротив. За ней последовали и другие двери. Это выглядело так, будто во всех камерах по порядку нарастало давление, а потом достигало взрывного пика и отрывало ограждающие пси-пластины от стен. Пока это нарастающее давление, срывая двери по обе стороны коридора, расчищало путь вдоль всего пенитория, силы атакующих остановились. Те самые дверные проемы, которые давали им столь необходимое прикрытие, теперь превратились в смертельные ловушки.

Гарнизонных легионеров давило о стены или сбивало с ног. Те, кому повезло очутиться между проемами, оказались застигнуты на открытом месте — такие попадали под огонь Волиона и Омега.

Как только последняя дверь катеры
врезалась в стену, примарх, воин и псайкер
принялись прокладывать путь сквозь эту
бойню, перешагивая через бронированные
тела павших легионеров. Обнаружив
переживших телекинетическую атаку
собратьев, Волион и примарх
обезоруживали их и смертоносно-точными
ударамы загоняли клинки в расколотые
шлемы.

В катерах зашевелились узники.

Наведенное на этих страдальцев
безумие эхом отозвалось во тьме
изломанных проемов. Ведымовские отродья
шипели, кудактали, рыдали и
разговаривали с собой на темных наречиях.
Они понимали, что свободны, но явно не
доверяли внезапной свободе. Омегаон видел
чахлых мужчин, женщин и мутантов,
которые появлялись из безопасного
полутрака.

Нырнув в единственную катеру, дверь
которой оказалась открыта, а не сорвана,
он едва не растоптал девочку с гротескно
большим черепом и мутными глазами.

— Пошли! — поторопила Ксалмагүндү

примарха.

Сначала Омегон решил, что под воздействием материнского инстинкта или чувства солидарности с мутантами она собирается обнять ребенка, но вместо этого Ксалмагунди отшвырнула девочку, захлопнула дверь камеры и прижалась спиной к иссушающему черному металлу.

Волион активировал подсветку брони и двинулся к огороженной решеткой лестнице, которая тянулась вдоль потолка и пола подвальной камеры. Примарх раздраженно покачал головой — шахта, казалось, пронизывала все этажи базы «Мрак», но не была частью оригинального плана. «Знай мы это, проникновение оказалось бы куда более простым», — подумал он.

Как только Волион направил свой болтер в сторону лестницы и начал подъем, за дверью камеры тут же раздались выстрелы. Очевидно, скитарии добрались до покинутого перекрестка и открыли огонь по повывлезишм ведьмовским отродьям. Однако звуки, издаваемые оружием техностражей,

вскоре стенились душераздирающим визгом извращенных псайкеров, которые обрушили на атакующих всю свою ярость и разнообразные способности.

Омегон и представить не мог, что тут творили ведьмовские отродья, их ужасная месть могла принять самые причудливые формы. Что-то особо мерзкое происходило прямо за дверью. Кажется, тут ломали кости... или вытягивали их.

--- Сержант, ты еще на связи? --- спросил Омегон по воксу, когда он и Ксалмагунди начали карабкаться вслед за Волионом.

Сетебос ответил, его трескучий голос пробился сквозь шум боя.

--- Вас слышу.

--- Состояние, сержант?

--- Еще один легионер потерян, мой повелитель, --- сообщил в ответ Сетебос. --- Яник исказил схему. Не было никаких жилых помещений, только засада легиона.

Голос сержанта снова заглох.

--- Крайт использовал последнюю телтабомбу, чтобы прорваться сквозь стены в ассимюлариум и трапезную. На

этот этаж стекаются войска гарнизона. Яник бросает против нас все, что у него есть.

Омегаон мрачно выслушал ответ сержанта. Арвас Яник более чем подходил на роль защитника базы. Командующий скрыл информацию даже от ближайших союзников. Чтобы предотвратить любые попытки захвата объекта «Мрак», он создал фиктивные тактические объекты, организовал противодействующие окружения и засады.

Тем не менее игра еще не закончилась. Приларх не бросил на стол свою козырную карту.

— Сержант, — произнес Омегаон по воксу. — Я понимаю твои затруднения. Не сомневайся — у нас своих хватает. Твоя задача — любым способом вывести отделение и вернуться к лифтовой шахте. Пробивайся на поверхность. Мы встретимся там. Командующий Яник может бросать против вас все наличные силы, но мы ведь только начали.

— Да, мой повелитель, — холодно и уверенно ответил Сетебос.

--- У еще, сержант... Скажи Крайтү,
что пора активировать детонаторы.

--- Вас понял. По крайней мере, Крайт
останется доволен.

Пока они поднимались, Омега
ощущал череду пробежавших по ступеням
лестницы глубоких вибраций. За
пределами шахты раздавались звуки
разрушений, охвативших всю базу.
Костодесантники вели отчаянный огонь,
превратив «Мрак» в гигантский
тактический полигон --- Альфа-легионеры
против Альфа-легионеров.

В коридорах и на лестницах эхом
отдавались шаги Гено Семь-шестьдесят,
солдаты занимались усилением караулов и
созданием опорных точек. Вегтовские
отродья выбрались из катер и прорывались
через пениторий, используя всю мощь своих
разрушительных способностей против
надзирателей Механикүт.

Дрожала даже надстройка объекта.

Притарх переключил частоту вокса.

--- Эмпир-мастер...

--- Это вы, мой повелитель, слава

Отниссии! --- отозвался по связи Авгүрат. ---

Вы должны помочь. Меня обнаружили.

--- Не только тебя, Волькерн, ---
холодно ответил Омега.

--- Семь-шестьдесят пытаются
проникнуть в узел безопасности, ---
лепетал Авгур.

--- Ты сам-то в безопасности?

--- Пока что. Судя по пиктам, они
несут сюда оборудование для резки
переборки.

--- Слушай меня внимательно,
Авгур, --- произнес Омега.

--- Я в ловушке...

--- Мастер! --- взревел примарх. --- Мы
идем к тебе. Соберись же...

--- Да, мой повелитель, --- скорбно
ответил Авгур.

--- Перенацель все сторожевые пушки
на спальный уровень, чтобы поддержать
отделение «Сигма», --- приказал Омега.

--- Не знаю, получится ли сделать это
отсюда, --- в голосе Авгура снова
завучала паника. --- Боюсь, что они
частично заблокировали...

--- Ты отыщешь способ, эмпир-
мастер, --- заверил Омега, продолжая

карабкаться.

--- Сообщения из тюремного блока вызвали перегрузку.

--- У я хочу, чтобы хаос распространялся. Свяжись со стратегархом Мандроклидасом и старшим трибуном скитариев. Скажи им, что ведьмовские отрогья вырвались на волю и использовали свои возможности, чтобы поработить Альфа-Легион.

--- Они в такое не поверят.

--- Авгурат, --- резко произнес Омегон, словно отрезал возражения адамантиевым лезвием. --- Ты заставишь их поверить. Мало кто из непосвященных не поверит в рассказ о противоестественном. Сыграй на их страхе и предубеждениях. Кроме того, база в опасности, и легионеры Астартес скомпрометированы. Ты --- высокопоставленный оперативник. Командиры, конечно, свяжутся друг с другом, чтобы проверить информацию, скитарии независимо друг от друга подтвердят, что оборона прорвана. Стратегарх Мандроклидас сообщит, что Альфа-легионеры участвуют в этих

боевых действиях.

--- Да, мой повелитель.

Омегон почти слышал, как, прорабатывая варианты, ворочаются мозги мастера.

--- Сделай это, Авгурат. Мы скоро будем у тебя. Омегон. Конец связи.

Волион, который поднимался чуть выше, внезапно остановился.

--- Что такое? --- спросил примарх.

--- Это уровень стратегиума, --- отозвался легионер. --- Узел безопасности, база командования, часовня астронавов.

--- Если верить схемат, --- предостерег

Омегон.

Примарх повернул штурвал на стене, открыл люк воздухопровода и заглянул внутрь. Открывшийся проход был пуст.

--- Легионер, двигайся по этой лестнице прямо до ангара на поверхности. Миссия продолжается в соответствии с планом. Нельзя допустить, чтобы кто-нибудь покинул «Мрак девять-пятьдесят» и сообщил о нашем вторжении. Убери охрану ангара и прикрой огнем Ксалмагунди --- она может приложить

свои способности к «Грозным птицам»,
челнокам и лихтерам Механикум.

Он обернулся к псайкеру.

--- Все так и есть, Ксалмагунди. Не
дай им ни единого шанса. Хочу, чтобы
там ничего, кроме обломков не осталось.

--- Положитесь на меня, --- заверила
девушка.

Омегаон проверил хронометр.

--- Как скоро ты начнешь работать со
скоростью и траекторией?

--- Как только я увижу, чем
манипулировать, и куда оно попадет, ---
напомнила ему псайкер.

--- Как только ты там окажешься, и
то и другое уж точно не пропустишь, ---
сказал примарх.

--- Я уже объяснила, что раньше не
работала со штуками такого размера.

--- Верю в тебя, Ксалмагунди! ---
произнес Омегаон. --- А теперь вы оба идите.
Время работает против нас.

--- А как же вы, мой повелитель? ---
спросил Волион.

--- Мое дело --- разобраться с часовней.

--- За это отвечал Вермес.

--- Объект «Мрак» должен исчезнуть, погаснуть как свечка. Мы никому не позволим выжить, это рискованно. Мы не позволим кораблям сбежать с базы. Мы не можем также рискнуть и позволить астронавтам сообщить о наших действиях.

--- Если повезет, гарнизон не сообразит, о чем вообще сообщать, --- предположил Аркан. --- Они, конечно, дважды подумают, прежде чем признаться, что базу атаковал их же легион.

--- Будем надеяться, --- сказал припарх.

--- Допустим, мы проберемся на базу и собьем с толку гарнизон, --- произнес Исидор, обращаясь к собеседнику сквозь радужное сияние гололитического дисплея. --- Как мы на деле уничтожим базу?

--- Разрушим, --- немедленно вмешался Крайт. --- Начисто. Простым способом.

--- Мы можем перегрузить магнореакторы генератором, --- предложил Тарквисс. --- Это неплохо сработало на борту «Карнассала».

--- Или, вместо того, чтобы морочить гарнизон, --- произнес Волион, --- мы все-таки выпустили кишки, а затем на досуге разрушили объект.

--- Думаю, вы недооцениваете то, с чем собрались иметь дело, --- внезапно заговорил Абгұрат, его голос в воксе прозвенел металлом.

--- Объясни, --- поинтересовался Сетебос.

Эмпир-мастер посмотрел на Омезона, тот медленно кивнул.

--- Вы говорите о взрывах и перегрузках, --- продолжал Абгұрат. --- Это не бункер из рокрита, не склад боеприпасов. Нилонная матрица --- колоссальный артефакт, в древности разработанный ксеносами, он построен по точным спецификациям, с использованием материалов, свойства которых мы только-только начинаем понимать...

--- Ради чего была построена эта терзость? --- прервал его Усигор.

Омезон отрегулировал фокусировку гололитического дисплея. Перед отделением «Сигма» появилось призрачное изображение вращавшегося вокруг своей оси

астероида. Скала была рябой от выбоин, лучше всего был виден глубокий кратер --- результат давнего столкновения, из которого «Мрак 9-50» вышел победителем. Приблизив его, Омегаон указал на генераторы поля, сооруженные по периметру впадины, и на блестящий энергетический барьер, который отделял сам кратер от вакуума. В склон выбоины был встроены ангар, а его скалистое резолитовое дно занимали конструкции системы безопасности.

Все это группировалось вокруг широко раскинувшейся колоссальной пилонной матрицы.

Она походила на огромную иглу или обелиск, устремившийся к звездам, но более черный, чем сам космос.

Расширявшееся основание терзкой конструкции опутывали строительные леса, однако высокая коническая вершина пронзала защитное поле и торчала из кратера, словно тарелка параболической антенны.

--- Вообразите на миг, что вы разбываетесь в метеорологии эмпирей, ---

продолжил эмпир-мастер. -- Мы считаем варн альтернативой нашей реальности, эта альтернатива состоит из грубой энергии. Неизмеримый океан. Мощный. Непредсказуемый. Смертельно опасный.

Авгурат окинул взглядом ряд одинаковых лиц.

-- Однако он безусловно полезен. Человечество стремилось преодолеть опасности варна, чтоб построить Империи и ради завоевания Галактики предпринять Крестовый поход.

-- Ты вспоминаешь историю, частью которой является мы сами, -- предупредил Бракс.

-- Крестовый поход состоялся, а Империи был скреплен посредством связей и сотрудничества. Наши мысли и наши корабли пересекают это беспокойное пространство. Когда штормы нарушают спокойствие варна, тогда империология становится нестабильной, разрушает и препятствует.

-- Ближе к делу.

-- В рамках обычной метеорологической системы, -- продолжил

Авгурат, --- атмосферной погодной системы, есть области высокого и низкого давления. Штормы формируются как реакция на экстремальный перепад давления между этими областями.

--- У? --- поторопил Чартиан, не разделяя растущее волнение мастера.

--- Ультерология Варна не особо от этого отличается. Пилонная матрица непостижимым образом создает в Варне зону беспрецедентного спокойствия. Диапазон астронавтической связи расширяется.

--- Но это создает штормовые фронты и ультерологические волнения в других регионах, --- заметил Усигор.

--- Точно! --- почти завопил Авгурат. --- Непредумышленный побочный эффект ксенотехнологии. Оно куда более полезно, чем достояние других легионов!

--- Эффект, который Альфариус использовал для достижения целей магистра войны, --- сообщил Омегаон собранию. --- После обнаружения этой технологии в системе Октисс, ее зарядили нематериальной энергией псайкеро-работ.

взятых из запасов Механикум, в результате нам удалось подавить связь в пограничных областях: Драконы, Туамат, Чондакс и в проливе Скеллис-Тревелия. Мы не только заперли легион Белых Шрамов в системе Чондакс, как Альфарий и обещал Хорусу, мы также оставили Джагатай-Хана в неведении. Он слеп и не видит жестокостей гражданской войны, он глух к приказам Дорна вернуться. Если Великого Хана с его Шрамами не покажется на стороне Императора, победа магистра войны будет обеспечена.

Ропот пробежал по собравшейся группе. Омегаон выжидал мгновение, прежде чем продолжить.

— Поялисты также не получили подкреплений от Шипов Реньо, Девицитоносиц, Парфенарий Седьмого Вскармливания и Узуранских табелинов. Седьдесят две тысячи бойцов застряли в Драконы. «Тема-Цота» Легио Кибернетика и легион титанов Легио Гигантес также утрачены, они считаются уничтоженными на пути через Скеллис-Тревелия.

--- Воистину мощное оружие, мой повелитель, --- подтвердил Исидор.

--- Теперь вы видите --- нельзя допустить, чтобы эта технология попала в руки врага, --- твердо сказал Омега. --- Именно поэтому такой мощный объект должен быть уничтожен. Полностью.

--- Сейсмические заряды и суперкритические магнореакторы не гарантируют достижения необходимой цели, --- добавил Абдулат. --- Сам материал, из которого сделана пилонная матрица, сохраняя определенную форму, вероятно, сохранит некоторые нематериальные свойства. Мои расчеты показали, что ковровая орбитальная бомбардировка могла бы дать необходимые гарантии, но, даже имея в распоряжении «Бету» и одно из судов Механикум, «Мрак девять-пятьдесят» лишь распылится, доказательства существования пилонной матрицы разлетятся по всей системе и впоследствии могут быть собраны.

--- Должен быть способ, --- сказал Сетебос, и несколько легионеров отделения «Сигма» согласно кивнули.

--- Есть, --- ответил им примарх. ---
Мы должны разрушить весь астероид.
Усигор нахмурился.

--- Я думал, мы сошлись на том, что
это неблагоприятно.

--- Демидурги перемещают астероиды
между конвейерными станциями за счет
их инерционного движения, --- объяснил
Омегон. --- Но если к скале во время
путешествия приложить силу, маленькое
отклонение скоро сделается большим,
особенно если увеличить скорость.

Примарх и Альфа-легионеры разом
повернули головы и взглядели на
дремлющую девушку-псайкера.

--- Этой силы хватит, чтобы
изменить траекторию скалы и
отправить ее саму, пилонную матрицу и
все остальное прямо в сердце звезды.

Оцепеневшая из-за пси-подавляющего
ощейника и потому неспособная возразить,
Ксалмагунди ответила им ленивым,
циничным взглядом сквозь призрачное
изображение астероида.

--- Я... раньше... никогда... не
управляла... чем-то... такого размера... ---

проборботала она.

--- Истинные пределы твоих возможностей еще никогда не проверялись, но и то, что я знаю, впечатляет. Твой дар сработал и против гравитации, и против атмосферного трения.

--- Какова стратегия отступления? --- настойчиво поинтересовался Сетебос, обращаясь к Омегону.

--- Да, --- согласился Вермес. --- Отправка астероида в Шестьдесят шесть Зета Октисса выглядит изящным решением проблемы, но это значит, что нам понадобится тщательное планирование эвакуации.

--- «Унсилон» будет дислоцирован за пределами диапазона сенсоров, --- сказал примарх. --- Я поручил вашу эвакуацию лично капитану Ранко. Как только наша миссия вступит в стадию реализации, он вместе с лучшими воинами своего Пернейского отделения выступит и заберет вас с поверхности «Мрака» на «Грозовом ястребе» «Хитерика».

Усидор кивнул и бросил взгляд на своего сержанта. Оба выглядели

говольными.

Омегаон проверил свой хронометр и встал. Пока собравшиеся Альфа-легионеры и агенты делали то же самое, гололит затерцал и растаял.

— У нас есть, чем заняться, и мало времени на подготовку, — заявил примарх. — Прежде чем мы разойдется, позвольте мне сказать. Я понимаю конфликт в ваших сердцах, одному сердцу долг приказывает сражаться, другое обливается кровью, потому что братья ваши по легиону будут принесены в жертву. Однако такова гражданская война. Это время смятицы, время, когда меняется понятие лояльности. У нас много голов, но общее дело — один легион, единая воля. Мы — союз похожих и мыслящих одинаково. Мы не потерпим предательства. Мы не позволим сломаться единству. Мы не окажемся такими близорукими, как наши братские легионы, не отвратим взгляд от огромного Имперума. Мы — Альфа-Легион, и мы смотрим вдаль.

Собравшиеся

легионеры

отсалютовали ударами кулаков по столу.

— Однако, как от воинов Альфа-Легиона, от вас ожидают самостоятельного мышления. Если кто-нибудь здесь и сейчас захочет снять с себя эту обязанность, если он полагает, что в этих уникальных обстоятельствах он не сможет идти путем Тигры, если он не собирается стать точильным камнем для силы легиона, он не будет судим и осужден. Он сможет уйти, зная, что найдутся другие. Он может переждать эту миссию на заупитвахте «Унсилона», а потом вернуться к своим обязанностям, — Омегаон оглядел ряд одинаковых лиц, отыскивая любые следы сомнения или колебания. Но увидел лишь холодную решимость в легяных глазах. — Братья. Тигра Доминатус.

— Тигра Доминатус, — отозвался Сетебос, ему вторили другие воины отделения.

— Тогда пускай наши враги видят сорвавшийся с ветки плод, теплый и танящий в лучах полуденного солнца, — произнес примарх. — Мы же будем змеет,

прижимали к груди свои лазерные карабины и тчались так, что плащи развевались за плечами. Сүбалтрикс Генотрикладывал вокс-устройство к украшенному плюмажем шлему, пытаясь прояснить обстановку, но оружейный огонь забивал все каналы. Заметив Омегона в его легионерской броне, группа приостановилась, воины навели на примарха стволы. Они уже получили невероятные доклады о лазутчиках Альфа-Легиона, которые скомпromетировали базу, и о безумных, поработанных варполгарнизонных легионерах на тюремном этаже.

Примарх не медлил. Он прицелился в сторону пүстного коридора, несколько раз нажал на спүсковой крючок, опүстошая магазин и поражая некую невидимую цель. Затем Омегон в притворной тревоге принялся лихорадочно перезаряжать оружие.

--- Все сюда! --- взревел он, обращаясь к стүщенным воинам Спартоцида.

Скорее повинүясь условному рефлексу, чем стратегически оценив ситуацию,

субалтрикс и его люди бросились вперед с карабинами наизготовку. Выскакивая из-за угла, они открывали огонь, рассекали и мчавшуюся тьму, выскивали невидимого врага, ослепленные вспышками собственного оружия.

Омегаон позволил им сделать еще несколько шагов по коридору, а потом двинулся сам. Вскинув перезаряженный пистолет, он пробил зияющие отверстия в их затылках. Пока отделение валилось замертво, обманутый субалтрикс продолжал побуждать солдат вести огонь, полагая, что бой идет в коридоре.

Покинув место боины, Омегаон добрался до массивных дверей лифта — сквозь металл он различал звуки стрельбы. Вознав боевой нож между створками и используя его как рычаг, примарх открыл двери и поднял решетку. Потом Омегаон глянул на самое дно шахты и перевел взгляд на ее суровые высоты.

Кроме какофонии битвы, развернувшейся на многочисленных уровнях, из глубины объекта доносился характерный звук — освобожденные

обезумевшие псайкеры вопили и были во тьме. Они устроили на базе сущий ад и при помощи противоестественных способностей без разбора поражали охранников-скитариев, гено-солдат Спартоцида и воинов легиона. Внезапный всполох псайкерского огня несколькими этажами ниже разорвал двери лифта, осветил темноту и впечатал в гарнизонного легионера в противоположную стену шахты. Омега наблюдал, как тот падает, корчась в радужном пламени, прежде чем рухнуть на крышу подъездной клетки.

Примарх ощутил вибрацию сквозь перчатки. Пригвинувшись к стене коридора, он прислонил свою закрытую шлемом голову к камню. Череда грохочущих раскатов доносилась со стороны надстройки базы.

Время было на исходе.

Вставив в болт-пистолет последнюю обойму, примарх снова двинулся сквозь оглушительную тьму лабиринта.

Часовня оказалась маленьким помещением, отделенным от остальной

части оперативного этажа переборками и
чередой темных арочных проходов. Каждый
из них был помечен символом Agentys
Астра Теленатика — одинокое око взирало
на скользящего мимо Омегона.

Раздвинув дулом пистолета зеленые
бархатные драпировки, припарх
обнаружил, что астронавты находятся в
святилище. Раскиданные карты Таро
лежали на гладком полу комнаты.

Люди стояли перед Омегоном на
коленях. Все тужчины, все в капюшонах.
Все испуганные. Они утробно смотрели
на него жуткими, пустыми глазницами.
Сначала это смутило Омегона, но потом,
бросив взгляд вниз, на разбросанные карты,
он понял — астронавты предвидели
происходящее. Они склонили головы и
откинули капюшоны.

Омегон был не из тех, кто без нужды
продляет чужие страдания. Он принялся за
неизбежное: приставляя пистолет к
затылку каждого астронавта, казнил их по
очереди, быстро и эффективно.

Уже повернувшись, чтобы раздвинуть
забрызганный кровью бархат портьер,

примарх внезапно остановился. Астронатов было трое, а нефов в часовне — четыре. Одну из ниш прикрывали грапировки.

Рванувшись вперед, он откинул их прочь и натолкнулся на главного астроната хора — тощую, пожилую женщину, стоящую перед кафедрой. Пол под ней был сделан из полированного металла с выгравированными на нем гексаграммами-оберегами и охранительными печатями. Женщина сжимала толстый, украшенный изображением всевидящего ока посох и бормотала слова обряда шифрования астронатической связи.

— Прекрати! — зарычал Омега, поднимая пистолет.

Внезапно словно отовсюду появились мощные, закованные в тяжелую броню руки.

Два гарнизонных легионера выскочили из укрытия, устроенного возле входа в предел. Они потянулись к пистолету примарха и отклонили ствол, который выпустил очередь из трех снарядов.

Выстрелы миновали астронаута и вдребезги разнесли кафедру. Еще два легионера навалились сзади, и клубок дерущихся врезался в стену. Следующий выстрел угодил в панель, а потом у примарха отобрали пистолет.

— Полните, — свистящий голос офицера прорвался сквозь шум, — я хочу получить его живым.

Услышанного Омегону хватило.

Он дотянулся до боевых ножей на поясах легионеров, выхватил их и вонзил первый клинок в шею его же владельца. Он знал это слабое место между горжетом воротника и затком шлема — знал потому, что его собственная броня Альфа-легионера имела такую же уязвимость. Примарх ударил еще двоих противников вторым ножом и проткнул линзу на шлеме последнего.

Моментально сбросив со счета раненых, он метнул нож. Тяжелый клинок угодил в капюшон астронаута, и женщина навалилась на кафедру, а затем сползла на покрытый письменами пол.

Прервав ее сообщение, Омегон вместе

со своими противниками врезался в другую стену, сталкивая бронированных легионеров друг с другом. Ударив локтем по одному лицевому щитку, а кулаком в перчатке — по другому, притарх получил ответный удар наплечником в живот. Отброшенный к дальней стене, панель которой тут же треснула, он согнул колено и несколько раз жестко ударил им в стальную керамику противника. Разделавшись с этим врагом, Омегон приготовился встретить второго воина, который набросился на него с кулаками. Дерущиеся, ловко блокируя удары и проводя мощные встречные атаки, со стороны выглядели как стазанное пятно.

Легионер сделал выпад, и Омегон уклонился. Позволив противнику двигаться по инерции, притарх обхватил его ранец. Он растегнул зажимы и оторвал аппарат от доспеха, а потом швырнул врага на пол как мертвый груз.

Он повернулся как раз вовремя, чтобы отбить удар боевого ножа — орудующий им легионер был тем самым, которого Омегон уже ранил, — горжет и нагрудник

костюг сантника лоснились от крови. Омегон разбил ранцем шлем легионера, а потом отправил этот ранец в живот другому воину, заставив того согнуться пополам.

Эта неязанная града оглашала часовню звоном кератита и завыванием сервоприводов. Потрескивали, сокращаясь, волокна искусственных мускулов. Кератит поддавался под сверхчеловеческие удары. Примарх двигался от противника к противнику, оценивая смертоносность их атак и отвечая каждому с выверенной эффективностью, а потом принимался за следующего.

Снова мелькнул окровавленный нож. Омегон вцепился в запястье владельца, пытаясь нейтрализовать оружие. Он вывернул руку легионера, а потом дернул ее вниз, услышав треск затков и щелчки скрученных проводов. Одним плавным движением примарх заломил руку легионера за спину, а потом протаранил его головой облицовку стены. Это сопровождалось хрустом позвоночника. Боевой нож, извлеченный из сломанной

руки костодесантника, Омегаон оставил себе.

Сжимая оружие как кинжал, он опisał клинком сверкающую ду́гу и вонзил его полуслепшему воину в оптику, уцелевшей глазицы, и дальше — в мозг. Раздался мучительный скрип керами́та, примарх высвободил оружие и позволил легионеру упасть на пол.

Только один из четверых противников все еще оставался на ногах — легионер сделал вы́пад бронированным кулаком и выбил скользкий от крови клинок из руки примарха. Омегаон толкнул противника к стене и принялся колотить его керамитовыми костяшками перчатки, один стремительный удар следовал за другим.

Лицевой щиток захрустел. Оптика треснула. Закованные в перчатки руки легионера вцепились в Омегона, но тот оттолкнул их и схватил ошеломленного воина за виски сломанного шлема. Потом нажал на затки и сорвал этот шлем с головы костодесантника.

Примарх смотрел на медно-красную

кожу чужого лица, на суровые голубые глаза, так похожие на его собственные. Однако это сходство не остановило его. Удерживая шлем за кабели, он бил гребнем и крепежными болтами прямо в незащищенное лицо легионера, пока тот не рхнул на металлический пол.

С усилием выпрямившись, примарх встал спиной к занавешенному дверному проему.

— Командующий Яник, я полагаю, — пробормотал он, пытаясь отдышаться.

Потом обернулся, все еще держа в руках окровавленный шлем.

— Я должен похвалить тебя за...

Болтер Яника рывнул. Омега почувтил удар массреактивных снарядов о собственную броню, и то, как они взорвались внутри его тела. Страдание опалило его горячим белым огнем, хотя сверхчеловеческое тело боролось и сопротивлялось этой туже.

У Омегона подкосились ноги.

Уронив сломанный шлем легионера, он опустился и с грохотом рхнул, ударившись спиной о стену. Ранец

скользнул по панели, примарх сполз на
металлический пол, и его кровь стала
заливать выгравированные гексаграммы.

Примарх смотрел на стоящего
напротив, в обрамлении зеленых
бархатных портьер, Арваса Яника. Лицо
командующего напрялось, сделалось
маской суровой решимости, его шлем
оставался пристегнутым к поясу при
помощи магнитного замка.

— Ты что-то сказал? — произнес
командующий, рискуя податься вперед.

Омегон дотянулся до брони и нащупал
три широких рваных дыры в нижней части
кирасы. Он обследовал каждое отверстие
кончиком пальца и проверил
местоположение каждой раны. Сбоку от
пупка. Выше бедра. Примарх кивнул
просто так, для себя. Все выстрелы
тиновали позвоночник. Он знал, что его
организм сейчас задействует разные
органы, железы и запускает нужные
процессы, стремясь залечить раны.

Уперевшись руками и ботинками в
пол, Омегон вдавил свой ранец чуть
сильнее в стену. Сквозь стену надстройки

он ощущал характерный грохот, нечто большее, чем далекое землетрясение.

--- Ты что-то сказал? --- повторил Яник.

--- Предупредительные выстрелы? --- спросил Омега.

Командующий кивнул.

Омега закашлялся, кровь попала на лицевой щиток.

--- Я похвалил твои первоклассные меры безопасности и противодействия на этой базе.

--- Не надо снисходительности, --- предупредил, огрызаясь, Яник. --- Были бы они первоклассными, ты бы сюда не залез.

--- Понимаю твою точку зрения, --- ответил ему Омега. --- И все же засады здесь и на якобы жилом уровне были самыми замечательными. Ты знал, что мы попытаемся заставить часовню замолчать, это была приоритетная цель, и ты нарисовал спальни на схемах. Очень уютно.

--- Хватит уже, --- оборвал Арвард Яник. --- Снимай свой шлем. Ты назовешься сам и расскажешь о своих планах на

объекте. Расскажешь, откуда узнал, где он находится. Признаешься, из какого ты на самом деле легиона, скажешь, кто твой командир, тот глупец, что отправил тебя на верную смерть.

— Похоже, ты так уверен в этом, командующий... — пробормотал Омегон без трачного ютора.

— Теперь. Или позже. Разница во времени ничего не значит, — заверил его Яник. — Мы славимся терпением и методами убеждения. Пока мои легионеры будут прочесывать базу и собирать улики, начальство начнет охоту за твоими покровителями, поскольку ты наверняка тут наследил. Я тем временем позабочусь, чтобы мой апотекарий разделал тебя на куски. Начнет он с ног, потом оттяпает один орган за другим, пока ты не выдашь добровольно те сведения, которые я хочу получить.

— Едва ли ты согласишься, что я офицер Альфа-Легиона, а база попала под инспекцию? — спросил Омегон командующего.

— Нет, — с устешкой отозвался Яник.

— А что это инсценировка, чтобы проверить, годен ли ты к повышению?

— Нет, сэр, не думаю. Потому что уверен, ты знаешь, что у базы вертильоновый уровень доступа. Приказы командиром приходят непосредственно от высшего командования — от самого примарха. Точно такой же уровень был бы у инсценировки или инспекции, на которые ты сослался. И что это за инспекция, в которой легионеры проливают кровь своих братьев?

— Очень серьезная, командующий, — отозвался Омега, втискивая свой ранец между кафедрой и стеной. — А теперь позволь, я скажу тебе кое-что мне известное. Объясню, почему я согласен с тобой, и все это ничего не значит.

Настройка базы под нити грозила снова, на этот раз сильнее. Омега поманил командующего жестом. Яник склонился к противнику, держа перед собою болтер.

— Гидра Доминатус, брат, — прошептал примарх.

Яник нахмурился. Выпрямился.

Сморщил лоб. Затем лицо его скривилось от горечи и ярости.

— Что?..

Он отступил, взгляд его упал на зажатый в руке Омегона шлем.

Его собственный, Яника, шлем, снятый с пояса.

Пределы часовни внезапно наполнились завываниями, сквозняк закружил мусор. Воздух со свистом уходил сквозь вентиляционные отверстия над головой Омегона, каждый незакрепленный предмет в комнате устремился к внешним открытым переборкам. Дранировки, брошенное оружие, мертвые тела — все это, в мгновение ока сметенное вытекающим воздухом, с завыванием промчалось мимо примарха. На миг Арвас Яник задержался рядом, потом, пролетев сквозь дверной проем и коридор отсека, очутился в ревущем потоке воздуха, который по пути наименьшего сопротивления устремился прямо в раскрытую шахту лифта.

Омегон остался в пустом святилище. Оudin, его удержал на месте зажатый

между стеной и кафедрой ранец. Добавок
припарх закрепился при помощи
магнитных фиксаторов на ботинках,
которые он активировал, услышав грохот
врезающихся в основание базы машин
геттиүргов.

Сделав это, чүговища, воспринявшие
организованные Крайтом взрывы как угрозу
их территории, пробились сквозь ту же,
использованную во время проникновения
отделения «Сигма», систему герметичных
запоров.

Проникновение добывающих машин
оказалось не таким аккуратным, как
проникновение костодесантников. Когда
автоматы пробили себе путь, произошла
разгерметизация, давление упало,
искусственная атмосфера ушла в пустоту.

Внезапно наступила тишина.

Как и было предсказано, когитаторы,
управлявшие средой, заблокировали
поврежденные нижние уровни базы. Все
закончилось мгновенно.

Деактивировав магнитные
фиксаторы, Омегон встал и направился к
выходу Придерживая рукой раненый живот,

притарх двинулся по коридорам
оперативного уровня.

Проковыляв через командный отсек,
он увидел, что в помещениях не было ни
офицеров Альфа-Легиона, ни стратегарха
Тено Семь-шестьдесят. Лишь сервиторы,
связанные с тронами проводаты, остались
на месте — они так и сидели,
желтоглазые, лишенные век, со
сморщенными, полустлевшими губами.
Большой рунический экран вспыхнул,
отобразив ряд уровней, но большей частью
мигающих кроваво-красными значками.
Еще немного времени, и горнорудные
машины демультипликаторов пробьются сквозь
аварийные переборки и проложат себе путь
на верхние этажи.

Шагая мимо пунктов связи и ауспик-
станций дальнего действия, Омегаон
наткнулся на защитную переборку, в
толстом металле которой кто-то прожег
дыру. Он мгновенно понял: узел
безопасности.

Зажитая раны, притарх рискнул на
миг заглянуть в проделанное плазмой
отверстие. Темное помещение внутри

освещали только пикт-экраны. Между рядами этих экранов, на вращающемся карданном подвесе Омегаон обнаружил трон наблюдателя с пристегнутым к нему жирным трупом Волькерна Авгурата. Эмпир-мастера и впрямь обнаружили солдаты Спартоцига и изрешили лазерным огнем. Если верить экранам, состояние базы было критическим.

Омегаон видел, как Альфа-легионеры ведут перестрелку со стражамискуитариями и с объединенным контингентом Спартоцига. Палили лазерные карабины, огнеметы и болтеры, отбрасывали смертоносным светом вспыхивали экраны. Ведымовские отродья во всем своем презренном разнообразии атаковали жертв, рвали их на части при помощи сверхъестественной силы или извергали варн-пламя вместе с росчерками зеленых молний. Одна из ведьм, долговязое, искривленное существо, распахнула рот как змея и завизжала так, что у оказавшихся поблизости солдат и стражей полопались кровеносные сосуды в мозгу.

Дела гарнизонных легионеров на

нижних уровнях за счет отработанной тактики шли лучше, но появление прорвавшихся снизу огромных бронзовых машин ксеносов создавало большие проблемы. Выпуклые, похожие на паучьи членики кромсали доспехи Альфа-легионеров при помощи мощных лазеров.

В этой резне, тем не менее, присутствовала жуткая красота. Восхитительный хаос воистину олицетворял Доктрину Гидры --- многочисленные головы били хоть и не разом, но согласованно, и сеяли опустошение.

Оставив за спиной труп эмпири-мастера, Омегаон скользнул к узлу безопасности и наткнулся на смежный коридор. Световые полосы над головой внезапно зашипели и потухли, однако темному прорезали вспышки мощного лучевого резака, который прожигал металлический пол. Примарх потеглил, чтобы разминуться с парой шипящих лучей, а потом поднырнул под искореженную переборку.

Обогнув разгромленный скрипторий и

тиновав тучительную череду поворотов, Омегаон обнаружил проход к шахте лифта. Двери лифта оказались открытыми, хотя клеть канула в глубины вакуума. Кое-как добравшись до служебной лестницы, притарх начал карабкаться на поверхность. Каждая ступенька отзывалась в теле новой и уникальной в своем роде тучой. В живот словно бы забивали молотом обжигающе горячий кол. Рука лоснилась от крови, которая сочилась из раны и капала в раскрытый зев шахты.

Притарх был уже почти наверху, когда понял, что он тут не единственный — во траке грохотали эхом шаги многоногого колосса. Глянув вниз, Омегаон заметил медный блеск ксеномашины, которая беспрпятственно продвигалась вверх по отвесной поверхности. Острые лань вонзались в металл стен и давали монстру возможность непринужденно двигаться по вертикальной поверхности.

Лестница сдвинулась в опорах, а затем принялась раскачиваться туда-сюда, мерзкая машина тем временем

жевала --- ее вращающаяся шипастая
зломка растирала металл и рокрыт в
порошок. Когда лестница выгнулась и
полностью отошла от стены, Омегон
совершил отчаянный прыжок через шахту
к проему ангарного этажа.

Одной рукой ему удалось дотянуться
до выступа, припах вцепился в него бугро-
мощными, игнорируя боль в животе. Потом
он, ухватившись второй рукой, подтянулся,
но обнаружил, что двери все еще закрыты.

Пожираемая воронковидной пастью
ксеномашины лестница рассекала
металл и билась о стены. Припарх
разжал одну руку, ударил в двери, а потом
снова опустил ее. Омегон внимательно
смотрел, как к его болтающимся в
пустоте ногам подбегает паук ксеносов.
Наполненная металлическими зубами
крутящаяся часть механизма редела,
собираясь пожрать добычу живьем.

Искры внезапно озарили трак ---
болтерные снаряды попали в толстую
медную броню машины. Горнорудный
автомат продолжал невозмутимо
работать, зияющая пасть перемалывала

обычу, и тогда две связи гранат
Легионес Астартес упали вниз и исчезли в
утробе твари.

Несколько пар бронированных рук
вцепились в наплечник примарха и с
усилием вытащили его на свет. Ударную
волну взорвавшихся в медном брюхе
монстра гранат отсекли надежные двери
лифтовой шахты.

Когда Омегона вытаскивали наверх,
он видел лишь яркие пятна -- автосенсоры
брони на тиз оказались перегружены. Тьма
шахты стенилась относительно светлым
пространством на поверхности астероида,
и, пока сенсоры выполняли калибровку,
Омегон мог слышать рядом с собой голоса
легионеров, которые звали сержанта
Сетебоса.

Оружейный огонь все еще грохотал
неподалеку.

-- Он ранен, -- донесся безошибочно
узнаваемый голос Усигора.

-- Все хорошо, -- проворчал Омегон. --
Доложи ситуацию.

Появился Горан Сетебос и помог ему
встать на ноги.

--- Мой повелитель, однако...

--- Нет времени, --- предупредил примарх.

Ангарная палуба являла собой зрелище телекинетического разрушения. Омега сумел разглядеть сломанный «Громовай ястреб» и груды мусора, которая, возможно, была когда-то звеном лихтеров Механикум, челноками и транспортными Имперской Армии. Ксалмагунди поработала основательно, как и было приказано. На палубе валялись тела, главным образом часовых Спартоцида, отвечавших за охрану ангара.

--- Ложитесь, сэр, --- сказал Усигор, когда сгусток лазерного огня опалил воздух над их головами.

Унав и болезненно скорчившись за остатками станины двигателя, примарх рассматривал сцену. Ангар выходил на кратер, который бойцы «Сигмы» видели на гололитическом изображении. В самом центре, словно обвиняющий перст, торчал черный шпиль пилонной матрицы.

--- Мы потеряли Зантина, --- сообщил Сетебос, указывая на недвижимое, закованное

в броню тело.

С одной стороны шлема у легионера находилось аккуратное отверстие от болта.

— У Яника по крайней мере два отделения легионеров-снайперов, они прячутся на склоне кратера. Снайперских позиций тоже не оказалось на плане.

— Что с Ксалмагунди? — спросил Омегагон.

— Она с Волионом и Браксом в кратере, — ответил ему Крайт.

— Еще кое-что, мой повелитель, — начал Усигор.

— Говори, — отозвался Омегагон.

— Капитан Ранко и «Хитерика» опаздывают. Сильно опаздывают. Вокс-связи с ними нет.

— Проводи меня к Ксалмагунди, — приказал примарх.

Шагая впереди с обнаженным клинком, Сетебос пробирался между крупными скалами и обломками реголита. Омегагон шел следом, все еще придерживая рукой искромсанный болтами живот. Крайт и Усигор, ведя огонь на подавление,

двигались рядом.

Наверху Омегаон заметил то, из-за чего его автосенсоры с трудом настраивались за пределами шахты лифта. Здесь был отнюдь не вакуум. Вверху, заполняя неодолимый золотым сиянием небесный свод, яростно пылала корона звезды Октисс. Генераторы фазового поля были единственным щитом между отделением «Сигма» и интенсивной радиацией звезды.

Еще два сгустка лазерного огня пролетели мимо Омегона, и он тихо поблагодарил слепящий блеск Октисса --- не будь его, снайперы Яника без особых сложностей сняли бы их всех.

Спустившись во впадину, Омегаон и легионеры нашли Ксалтагунди. Воион сидел рядом с псайкером, целясь из болтера поверх ее плеча. Бракс тем временем недовольно ворчал под нос --- он сидел за валуном, который слишком часто привлекал к себе внимание легионеров-снайперов.

Ксалтагунди стояла на коленях на реголите, погрузив пальцы глубоко в песок

и пыль. Она получила обратно свои тонированные очки и теперь могла смотреть сквозь них на ослепительные небеса. Бледная кожа блестела от пота, выступившего от усилий изменить траекторию астероида и отправить «Мрак 9-50» прямо в объятия 66-Зета Октисса.

Выглядела псайкер плохо. Черные слезы стекали по щекам.

--- Волион, каков прогноз? --- спросил Омегон, скользнув на дно осажденной снайперами впадины.

--- И траектория, и скорость вполне подходящи, мой повелитель, --- ответил ему легионер. --- «Мрак девять-пятьдесят» вместе с пилонной матрицей идет прямо в звезду.

--- Омегон? --- прохрипела Ксалмагунди. --- Это ты?

Примарх пересек впадину и опустился на колени рядом с псайкером.

--- Да, это я.

--- Вот проклятье, не вижу, --- сказала подземница, поток черных слез продолжал струиться по ее бледным, будто

фарфоровым, щекам. -- Я ослепла.

-- Ты справилась, Ксалмагунди, --
отозвался примарх.

-- Очень хорошо. Твои люди меня
восстановят? -- спросила псайкер. -- Они
могут вернуть мне глаза?

Омегон протянул Сетебосу руку.
Сержант на миг впился в примарха
взглядом, а потом протянул ему болт-
пистолет.

-- Они сумеют восстановить тебя,
Ксалмагунди, -- пообещал Омегон.

Эхо выстрела прокатилось по
кратеру. Хрупкое тело девушки упало на
песок и щебень. Уцелевшие воины
отделения «Сигма» уставились на
Омегона.

-- Мой повелитель, разрешите
высказаться свободно, -- попросил Сетебос.

Омегон устроился во впадине, его
бронированные колени глубоко погрузились
в пыль.

-- Разрешаю, сержант.

-- Мне кажется, это
расточительство, -- сказал ему Сетебос. --
Возможно, она бы еще пригодилась

легиону.

--- Мне кажется, это сентиментальность, которая и впрямь расточительна, --- возразил ему Омегон. --- Прежде у меня сложилось мнение, что ради своего легиона ты сделаешь почти все. Почти всем пожертвуешь ради победы.

--- Мое поведение во время этой миссии нельзя истолковать иначе, --- согласился сержант. --- Однако не было никакой нужды казнить девочку.

--- Она была расходным материалом, сержант, --- возразил Омегон. --- Как и все мы. Проходные пешки в большой игре.

--- Где «Хилерика»? --- осторожно спросил Исидор. --- Где капитан Ранко?

После паузы Омегон расстегнул зажимы шлема и бросил его в пыль.

Перед глазами Сетебоса и всех легионеров отделения «Сигма» предстал Шиг Ранко собственной персоной. Легионеры недоверчиво уставились на капитана.

--- Большая игра, --- повторил Ранко.

Капитан все еще чувствовал кровь своего притарха. Омегон стесал талое

количество этой животительной влаги с вином, которое они вдобавок выпили на «Унсилоне» — дар примарха, его благодарность и вместе с тем — много большее. Он ощутил воспоминания и познал тайны своего генетического прародителя: первые годы, проведенные близнецами на далекой родной планете, замыслы и путь к верховной власти, парадоксальный восторг и ужас чужого видения, постепенное, в течение грядущих лет осуществление необходимого...

Ранко принял этот дар и сделал то, о чем прежде примарх просил его тысячу раз. Он занял его место. Он действовал, говорил и думал, как примарх.

Он был Омегаоном.

Бракс покинул свою позицию и сполз по песку вниз, во впадину.

— Что происходит? — зарычал легионер.

— От нас утаили некоторые детали миссии, — объяснил Сетебос, не отрывая пристального взгляда от Ранко. — Капитан нам сейчас объяснит.

Ранко ответил Сетебосу таким же

пристальным взглядом. Потом поглядел на собравшихся легионеров.

--- Что хочет от вас примарх? ---
обратился он к воинам.

--- «Хилерика» не появится, так ведь, сэр? --- спросил Усигор.

Когда Ранко не ответил, легионер добавил:

--- Не будет никакой эвакуации на «Грозовом ястребе». Лорд Омегаон не приедет за нами.

--- Нет, --- подтвердил капитан.

--- Варианты? --- спросил Сетебос, поворачиваясь к отделению.

--- Гарнизонная «Грозовая птица» и другие корабли уничтожены, --- напомним Крайт.

--- Есть только одно средство обратиться с этой скалы, --- сказал Волион. --- Абордажная торпеда. Мы должны вернуться на «Арголид».

Сетебос заворчал. На обсуждение альтернатив времени оставалось мало.

--- Самый быстрый маршрут? --- спросил он.

--- На поверхности, не закрытой

цитом, слишком горячо, --- отозвался легионер. --- Даже в нашей броне. Нужно возвращаться через базу и рудники.

--- Шансов немного, --- заявил Бракс, проверив оставшиеся в магазине боеприпасы.

--- Другие варианты еще хуже, --- возразил Усигор, ткнув керамитовым пальцем в яростные небеса.

--- Тогда решено, --- сказал Сетебос, вставая.

--- У вас не получится, --- возразил Ранко. --- Нет даже десятой доли необходимого на возвращение времени. Это если не учитывать боевые действия.

--- Хочешь, чтобы мы просто сидели вот тут на скале и сдохли? --- фыркнул в ответ Сетебос.

--- Я ничего от вас не хочу, --- честно ответил Ранко и снова повторил: --- Так что от вас хочет ваш примарх?

Сетебос и легионеры переглянулись. Сержант кивнул.

--- Всё.

ОПЕРАТУР ГИДРАНТЫ
УСТЕКШЕЕ ВРЕМЯ Ω_{1/138.11//XXB}
БОЕВАЯ БАРЖА XX ЛЕГИОНА
«БЕТА»

На мостике «Беты» царила тишина. Офицеры и слуги делали свое дело спокойно и профессионально. По внешним признакам трудно было догадаться, что боевая баржа Альфа-Легиона уже начала массированную орбитальную бомбардировку, и покрытый кратерами горный хребет на планете скоро превратится в ровное место.

Альфари́й в церемониальной броне стоял на краю мостика, пристально глядя сквозь иллюминатор на развернувшийся апокалипсис. Сельскохозяйственная луна Парабеллус представляла собой обычный планетойд — красный пыльный шар, покрытый темными кругами плодородных гор-зиккуратов. Даже с орбиты были заметны угловатые террасы, они придавали луне вид абстрактной карты.

состоящей из линий и контуров.

Примарх проследил, как самое большое из черных пятен исчезает во вспышке первого разрушительного взрыва. Внизу, на поверхности, рушились горы, и фертерские общины гибли в небесном огне Армагеддона.

На другой стороне командной палубы, облаченный в точно такую же броню, примарх-близнец Омегон оценивал, как растет, нагвигаясь, армада кораблей легиона, ведомых массивной «Ветой».

--- Тебя что-то беспокоит, брат, --- окликнул Альфарий через палубу.

--- Нет, --- ответил Омегон.

--- Это был не вопрос.

Омегон повернулся и пересек мостик, заметив, что его близнец наслаждается зрелищем разрушения луны.

--- Если хочешь знать, я думал о доверии.

--- Ценный товар, --- отозвался Альфарий. --- Его можно купить и утратить.

--- Разумеется, в случае с Волькерном Абгуратом вышла утрата, --- заметил

Омегаон. -- В результате миллионы людей должны теперь умереть.

-- Доверие драгоценно, если оно настоящее. Как между братьями, -- сказал Альфарий.

-- Скажи это Хорусу, -- пробормотал Омегаон.

Альфарий отвернулся от картины разрушения и, прищурившись, уставился на близнеца.

-- Справедливое замечание, -- признал он. -- Доверия иногда трудно добиться, даже в кругу семьи, среди близких.

Альфарий позволил молчанию повиснуть в воздухе, а потом продолжил:

-- Волькерн Абгүрат был одаренным мастером. Агентом, которому мы доверяли. Он взял предоставленный нам Кабалом и предназначенный в помощь магистру войны дар, а потом использовал его для собственной выгоды. Именно поэтому незавершенная пилонная матрица на Парабеллусе должна быть разрушена, а все эти фермеры должны вместе со своими посевами умереть в ядерной зиме. А еще именно поэтому, как я полагаю, ты

бросил одного из лучших эмпири-мастеров Галактики в глухом переулке Сан-Сабрина, вынотрошив его, бугмо вора.

Со стороны задней части командной палубы к ним приблизился легионер.

--- Мои повелители, --- обратился он. ---

Капитан докладывает, что ударные крейсера «Лямбда» и «Зета» на подходе, равно как и «Альфа».

--- Очень хорошо, --- кивнул Альфарий.

--- По крайней мере, с этим делом покончено, --- произнес Омегон.

--- Возможно, --- ответил Альфарий. ---

Думаешь, объект «Мрак» под угрозой?

--- Я все еще пытаюсь найти подтверждения.

--- Этого маловато, --- настаивал Альфарий.

--- Я лично допросил Авгурата.

--- Никакой утечки? --- вскинул бровь Альфарий. --- Никаких покровителей? Нет сообщников? Он даже не продал проект пилонной матрицы?

--- Кажется, Парабеллус был его личным проектом, --- продолжал Омегон. --- Это бесполезный след. Он нас нигуда не

приведет. Говорю же, я сам занимался этим.

Альфарий повернулся к ожидающему легионеру.

--- Скажи капитану, как только к нам присоединится «Альфа», пусть проложит дополнительный курс на систему Чондакс.

--- Чондакс? --- спросил Омегон, слегка удивившись. --- Хан? А что с первоначальным планом?

--- Я уверен, кто-то заинтересовался «Мраком», --- пробормотал Альфарий. --- Наши навигаторы говорят, что метеорология в том районе успокаивается. Астронавты полагают, что сообщения на этот раз могут дойти. Оперативники сообщают, что экспедиционный флот Белых Шрамов почти закончил приведение к Согласию, и Хан скоро будет готов к переходу через Варн.

--- Мы не знаем...

--- Знаем, --- возразил Альфарий. --- Может быть, Малькадор или Ангелы Калибана... Кто-то добрался до установки «Мрак». Мы должны принять это и идти

дальше. Нам следует загодя просчитать
шаги и разместить флот там, где он
предоставит нам наибольшее
преимущество. Дорн отзовет Белых
Шратов, лояльность Хана не
пошатнулась. Если магистр войны должен
преуспеть, нельзя позволить Пятому
легиону добраться до Терры. Ты согласен,
брат?

--- Конечно, --- ответил Омегаон,
кивая. --- Разве ты не всегда заодно?

ОПЕРАТУР ГИДРАНТЫ
УСТЕКШЕЕ ВРЕМЯ Ω₁/138.28//XXB
БОЕВАЯ БАРЖА XX ЛЕГИОНА
«БЕТА»

Омегаон вошел в свою каюту. Как и
брат, он не держал для себя
величественных апартаментов, не
пользовался жильем, которое подчеркивало
бы его особый ранг. Спальный отсек был
маленьким, по-спартански обставленным и
ничем, кроме своего временного
предназначения, не отличался от каюты
любого другого Альфа-легионера.

Омега стоял там во тьме, прижавшись церемониальным доспехом к двери и переводя дух.

Всякий раз, закрывая глаза, он видел ужас грядущей неизбежности --- обжигающую истину, которая открылась ему и Альфарию. Третий Парадокс...

Омега потер глаза пальцами. Мозг
болел от ответственности. Примарх

гуман о запутанной системе контактов и отношений, секретов и лжи, предательства и купленной верности. Она, будто сеть, раскинулась по всей Галактике. Омегон видел себя в самом сердце этого хитросплетения. Он мог оказывать влияние, дергать за ниточки, но ощущал, что разрывается между нерешенными проблемами.

Примарх активировал плавающие в помещении лютиносферы. Оружейная была открыта, боевая броня, неотличимая от доспехов других Альфа-легионеров, покоилась на надежных кронштейнах.

Тут же хранились болтер примарха, его меч и пистолет, а также шлем, который слепо таращился на Омегона пустыми линзами.

Поблизости, под покрывалом, находился другой доспех Омегона.

На первый взгляд он казался простым и незамысловатым.

--- Пускай он видит сорвавшийся с ветки плод, теплый и манящий в лучах полуденного солнца, --- прошептал примарх, обращаясь к пустой боевой броне. --- И пусть

я бѣду змеет. Притаившись внизу,
готовымъ ужалить.

ОБ АВТОРАХ

Шотландец Грэм Макнилл в течение шести лет проработал в качестве разработчика игр в издательстве «Games Workshop», прежде чем сделать решающий шаг и стать профессиональным писателем. Его «Тысяча Сынов», роман из цикла «Ересь Хоруса», вошел в список бестселлеров «Нью-Йорк Таймс», а роман «Империя» из цикла «Время легенд» выиграл в 2010 году премию «David Gemmell Legend Award». Грэм живет и работает в Ноттингеме.

Ник Кайл — писатель и редактор, живет в Ноттингеме, где начал карьеру в «Games Workshop», работая для журнала «White Dwarf». Работы Ника для Warhammer 40,000 включают трилогию «Книга Пламени», посвященную ордену Саламандр, и роман «Нагение Дамноса» из цикла «Битвы Космогосанта».

Гэв Торн давно носит с тирати

«Warhammer» и «Warhammer 40,000» и как автор, и как разработчик игр. Он родом из Логова преступников, именуемого Ноттингемом, откуда совершает регулярные набеги, чтобы развязать кровопролитие и учинить хаос. Свое убежище он делит с Деннисом, аугментированным хотяком, поклявшимся поработить человечество. На данный момент Деннис находится под домашним арестом за попытку использовать Skype для взлома мировых ядерных арсеналов. Романы Гэва для «Black Library» включают любимых поклонниками «Ангелов Тьмы», эпическую трилогию Раскола и многие другие.

Роб Сандерс является независимым журналистом, который проводит свои ночи, творя темные видения, чтобы постоянные посетители 41-го тысячелетия легче переживали кошмары собственной частной жизни. Среди таких видений — романы «Атлас Инфернал» и «Легион проклятых». Помимо этого он преподает английский язык в местной

средней школе, посвящая свои дни
выбиванию (не в буквальном смысле)
такого же рода творчества из следующего
поколения, чтобы свести на нет шансы
будущих конкурентов. Он живет в
небольшом городе Линкольн,
Великобритания.

ОТРЫВОК ИЗ АНТОЛОГИИ «ТЕНИ ПРЕДАТЕЛЬСТВА»

Под редакцией К. З. Данна

СТО СОРОК ОДИН ДЕНЬ ДО
БУТВЫ В СИСТЕМЕ ФОЛЛА
СИСТЕМА ФОЛЛ

Меня разбудил собственный крик.
Глаза резко открылись. На мгновение я
думаю, что ослеп, что по-прежнему на
Унвите и что холод лишил меня зрения.
Затем холодное прикосновение доспеха
отсекает далекое прошлое от настоящего.
Я не слеп, а мой брат погиб от моей же
руки гавным-гавно. Я замерз, словно сон
проник в реальность, чтобы погрузить
меня в воспоминание о холоде Унвита. Лег
покрыл линзы шлема, сведя видимость до
полупрозрачной дымки медленно

меняющегося освещения. Лед розовый, это
цвет снега, расплавленного в жижу кровью.
В уголках зрения медленно пульсируют
тускло-красные предупредительные руны.

Предупреждение: глубокий вакуум...

Предупреждение: герметичность
госнеха под угрозой...

Условия невесомости...

Определение повреждений...

Низкое питание госнеха...

Я не мог вспомнить, где нахожусь или
как оказался в таком замерзшем
состоянии, а тем временем госнех
отключался. Я моргнул, попытался
сосредоточиться. В теле начали
пробуждаться ощущения: онемевшее эхо
боли в правой ноге, полное отсутствие
чувствительности в левой руке,
металлический привкус во рту. «Я жив, --
подумал я, -- и на данный момент этого
достаточно». Попытался пошевелить
правой рукой, но госнех не позволил, как бы
сильно я не старался.

Не попробовал приблизить левую руку.
Ничего. Я не чувствовал даже пальцы.

Я посмотрел на затухающую

пульсацию предупреждающих рун. Доспех переключился на минимальное потребление энергии, превратившись в почти безжизненную металлическую оболочку. Он поддерживает во мне жизнь, но, должно быть, серьезно поврежден.

Я закрыл глаза, стабилизировал пульс. Я знал, где находился. Свободно парил в вакууме космоса. Доспех поддерживал температуру тела, но разряжался. Энергия закончится, и я начну терять больше тепла. Моя улучшенная кожа будет держаться дольше, чем у обычного человека, но, в конце концов, холод доберется до моих сердец и остановит их двойное биение. Это только вопрос времени.

На секунду я почти утратил самообладание. Я хотел кричать, биться в металлических объятиях доспеха. Инстинкт существа, оказавшегося под водой, последний вздох горит в легких, темнота неминучести стыкается вокруг жизни. Я медленно выдохнул, уготонив инстинкт. Я жив, а пока я жив, у меня есть выбор.

— Перегружить все системы, — сказал
я. Электрический импульс пробежался по
моему телу, когда госпех подчинился.

Почти сразу же, как госпех
активизировался, включилась сирена.
Симпатическая боль пронзила
позвоночник. Уши наполнили
накладывающиеся груз на груз
предупредительные сигналы. На дисплее
шлема пульсировали красные руны. Я
«сторгнул» предупреждения и звуки
стихли. Осталось в лучшем случае
несколько минут до того, как госпех
превратится в могилу. Я поднял правую
руку и соскоблил тающий лед с линзы
шлема.

Белый слепящий свет хлынул в мои
глаза. Я парю в огромном зале, освещенном
солнечным светом, который исходил из
источника за моей спиной. Все покрыто
слоем розового инея, сверкающим в резком
свете, как сахарная глазурь на торте.
Вокруг плавали таленькие кристаллы,
медленно кружась своим последним
затухающим импульсом. В помещении
висели неправильные фигуры.

Я движением век кликнул по
тусклоту таркеру на дисплее шлема.
Вокс-система активировалась со стоном
помех. Я настроил ее на максимальный
диапазон передачи.

— Это Алексис Полукс из Седьмого
легиона. — Голос звучал глухо внутри
шлема, и мне ответили только новые
помехи. Я настроил передатчик на повтор,
который будет продолжаться, пока не
закончится энергия. «Возможно, кто-то
услышит. Возможно, есть кто-то, кто
услышит».

Что-то ударило в плечо и медленно
выплыло передо мной: замерзший предмет
чуть шире моей головы. Он медленно
вращался. Я протянул руку, чтобы
оттолкнуть его, он перевернулся и
посмотрел на меня безжизненными
глазами.

В голове вспыхнуло воспоминание:
раскалывающийся с металлическим
грохотом корпус корабля, когда тот
вырвался из хватки шторма, обломки
пронзают воздух и кровь хлещет по палубе;
кричит офицер, его глаза расширились от

ужаса. Я на корабле. Я вспомнил грозные
палубы под ногами и завывания штормов
снаружи.

Я отдернул руку от оторванной
головы, и резкое движение закрутило меня
через затерзанные кровавые брызги. Вокруг
меня вращалось помещение. Я видел
забитые льдом ниши сервиторов и
искореженные модули приборов. С пола на
меня была обращена многоярусная
платформа ауспиков, ее экраны и
голопроекторы выглядели, как ветки
дерева зимой под снегом. Я попытался
остановить свое движение, но просто
продолжал вращаться. В ушах начали
пронзительно визжать предупреждения.

Недостаточно энергии...

Недостаточно энергии...

Недостаточно энергии...

Мимо промелькнули силуэты,
окрашенные красным светом
предупредительных рун. Тела, прижатые к
стенам пластинами кровавого льда. Детали
расколотого желтого доспеха проплыли
среди конечностей и раздробленных
костей. Со стен, подобно нитям кишок,

свисали оторванные связки кабелей. Возле замерзших в эмбриональных позах сервиторов парили ленты инфонергамента. Я развернулся и увидел источник света: ослепительно-белое солнце, сияющее сквозь широкую пробоину в корпусе. Я видел сверкающую синюю сферу планеты на фоне усыпанной звездами тьмы. Зрелище между мной и звездным светом приковало взгляд, пока поле зрения не изменилось.

По костосу были разбросаны погибшие боевые корабли. Сотни, их золотые корпуса перекручены и разбиты на части, как разорванные тела. Отогнутые огромные полосы брони открывали вид на паутину помещений и переходов. Корпуса размером с горы были разделены на куски. Я словно смотрел на перемешанные останки бойни.

«Все мои братья погибли», — подумал я, и мне стало холоднее, чем за многие десятилетия. Я вспомнил Элиаса, моего настоящего брата, брата-близнеца, сорвавшегося во тьму с кончиков моих пальцев.

Недостаточно энергии... — звучали

предупредительные руны.

Последние воспоминания дополнили общую картину. Я знал, куда мы направлялись: мы все к этому шли. Я смотрел на кладбище и определенно осознал кое-что еще.

Недостаточно энергии...

--- Мы не справились, --- сказал я тишине.

--- ...ответьте... --- В шлеме прозвучал механический голос, прерываемый помехами. Мне понадобилась секунда, чтобы ответить.

--- Это капитан Седьмого легиона Полукс, --- сказал я, когда дисплей шлема потускнел.

Слух наполнили взрывы помех. Я чувствовал, как застывает вокруг меня доспех, его энергия окончательно истощилась. По телу начало распространяться мягкое онемение. Дисплей шлема почернел. Я почувствовал, как что-то ударило в грудь, а затем сошлось вокруг меня с металлическим лязгом. В темнице умирающего доспеха я чувствую, что падаю во тьму, падаю

слепым и без боли, падаю, как мои братья.
Я одинок в темноте и холоде, и всегда
буду.

--- Ты с нами, брат, --- произнес
механический шепот. Казалось, он
раздавался из ночи, наполненной ледяными
снами о тертвых кораблях, мерцающих в
свете звезд.

(Отрывок из повести «Багровый
Кулак» Джона Френча)